ИСТОРІЯ РОССІИ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

СОЧИНЕНІЕ
СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1876.

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II^й.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1876.

ГЛАВА I.

Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II-й Алексѣевны.

1764 годъ.

Заботы сената о памятникѣ императрицѣ. — Заговоръ Мировича. — Поѣздка Екатерины въ прибалтійскія области. — Шлюссельбургское происшествіе. — Судъ надъ Мировичемъ и казнь его. — Князь Вяземскій назначенъ исправлять должность генералъ-прокурора. — Наставленіе ему, написанное императрицею. — Споръ въ сенатѣ по поводу генералъ-рекетмейстерской должности. — Рѣшеніе вопроса о конфискованныхъ имѣніяхъ. — Финансовыя распоряженія. — Первый русскій корабль на Средиземномъ морѣ. — Заботы о торговлѣ. — Крѣпостные люди у купцовъ. — Бѣглые. — Половники. — Неудачный ходъ ревизіи. — Наставленіе губернаторамъ. — Пенсіи. — Окончаніе коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ. — Раскольники. — Записка Теплова о безпорядкахъ въ Малороссіи. — Окончательное уничтоженіе гетманства. — Румянцевъ—предсѣдатель малороссійской коллегіи. — Наставленіе ему императрицы. — Преобразованіе Новой Сербіи. — Слободско-украинская губернія. — Состояніе восточной украйны. — Дѣло о камчатской экспедиціи. — Дѣла польскія. — Насилія на сеймикахъ. — Чарторыйскіе требуютъ вступленія русскаго войска въ Польшу. — Конвокаціонный сеймъ. — Начало преобразованій. — Бѣгство Радзивила и Браницкаго отъ русскихъ войскъ. — Избраніе въ короли Станислава Понятовскаго. — Новый король проситъ императрицу позволить преобразованія въ польской конституціи. — Екатерина не соглашается. — Неудача диссидентскаго дѣла. — Союзъ Россіи съ Пруссіею. — Фридрихъ II внушаетъ, что нельзя позволять въ Польшѣ преобразованій. — Неудовольствія у Россіи съ Австріею по поводу польскихъ дѣлъ. — Натянутыя отношенія между Россіею и Франціею. — Старанія русскаго двора удержать Порту отъ вмѣшательства въ польскія дѣла. — Вражда крымскаго хана къ Россіи. — Консулъ Никифоровъ въ Крыму. — Перемѣна французской политики относительно Швеціи. — Усиленіе борьбы ея здѣсь съ Россіею. — Продолженіе дружбы у Россіи съ Даніею. — Проектъ барона Корфа о „Сѣверномъ союзѣ". — Неудачные переговоры съ Англіею о союзѣ.

Прошло почти два года съ тѣхъ поръ, какъ сенатъ опредѣлилъ воздвигнуть памятникъ императрицѣ: такъ какъ дѣло было передано въ Академію Наукъ, то сенатъ велѣлъ справиться у

Академіи, какое дѣлается распоряженіе о сооруженіи монумента въ безсмертную славу ея императорскаго величества. Академія отвѣчала, что еще ничего не сдѣлано, потому что изъ коммиссіи о каменномъ строеніи въ Петербургѣ не получено извѣстія, на какомъ мѣстѣ будетъ удобно поставить памятникъ. Тогда сенатъ приказалъ послать въ Академію указъ сдѣлать два проекта, одинъ для памятника, который бы могъ быть поставленъ на Васильевскомъ острову, противъ Академіи и коллегій, а другой для памятника на площади, находящейся противъ новаго каменнаго Зимняго дворца. Академія доносила, что профессоръ Штелинъ имѣетъ семь инвенцій (проектовъ) памятника, и профессоръ Ломоносовъ обѣщалъ сдѣлать инвенцію [1].

Но въ то время, какъ въ Академіи занимались проектами памятника Екатеринѣ, двое офицеровъ обдумывали планъ, какъ бы свергнуть ее съ престола во имя шлюссельбургскаго заточника, Ивана Антоновича. Мы видѣли, что императрица приказала уговаривать Ивана, чтобъ онъ постригся въ монахи, и дѣло уже ладилось. Безъ означенія числа до насъ дошла записка Екатерины: «Мое мнѣніе есть, чтобъ... изъ рукъ не выпускать, дабы всегда въ охраненіи отъ зла остался; только постричь нынѣ и перемѣнить жилище въ не весьма близкой и въ не весьма отдаленной монастырь, особливо въ такой, гдѣ богомолья нѣтъ, и тутъ содержать подъ такимъ присмотромъ, какъ и нынѣ; еще справиться можно, нѣтъ ли посреди муромскихъ лѣсовъ, въ Колѣ, или въ новгородской епархіи такихъ мѣстъ.» Но съ этимъ намѣреніемъ «охранить навсегда отъ зла» опоздали.

Въ то время когда Карлъ XII приближался къ Малороссіи, переяславскимъ полковникомъ здѣсь былъ Ѳедоръ Мировичъ; вмѣстѣ съ Мазепою, Мировичъ передался на сторону Карла XII, и послѣ пораженія шведскаго короля успѣлъ скрыться въ Польшѣ, бросивъ въ Малороссіи жену и двоихъ малолѣтныхъ сыновей, Якова и Петра. Дѣти переѣхали въ Черниговъ къ двоюродному дядѣ своему, тамошнему полковнику, извѣстному Павлу Полуботку, и жили у него до 1723 года. Въ этомъ году Полуботокъ взялъ ихъ съ собою въ Петербургъ; но его скоро посадили въ крѣпость, и Мировичи лишились всякой подпоры. По указу императрицы Екатерины I-й, ихъ опредѣлили въ Академію для науки; но по причинѣ или подъ предлогомъ неполуче-

нія жалованья они перестали заниматься въ Академіи и жили въ Петербургѣ, неизвѣстно чѣмъ и какъ. Въ 1728 году Петръ Мировичъ подалъ просьбу цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, чтобъ быть ему при ея домѣ, и цесаревна опредѣлила его къ себѣ въ секретари. Въ слѣдующемъ году Петръ Мировичъ поѣхалъ съ цесаревною въ Москву, куда взялъ съ собою и брата, который въ Москвѣ опредѣлился въ секретари къ польскому посланнику, графу Потоцкому, и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Польшу, а въ 1731 году переѣхалъ опять въ Москву, гдѣ женился на купчихѣ Акишевой. Но въ 1732 году оба Мировича попали въ Тайную Канцелярію, послѣ чего сосланы въ Сибирь и записаны тамъ въ дѣти боярскіе за то, что Петръ Мировичъ списалъ копію съ указа о Полуботкѣ и противъ той копіи написалъ письмо къ посылкѣ въ Польшу къ измѣннику отцу своему, и за то, что Петръ, вопреки запрещенію, ѣздилъ въ Малороссію, а Яковъ въ Польшу [2].

Сына этого Якова, Василія Мировича мы встрѣчаемъ въ описываемое время подпоручикомъ Смоленскаго пѣхотнаго полка. Прошедшее и настоящее тяжело лежало на немъ, а въ природѣ своей онъ не находилъ средствъ противодѣйствовать этому гнету. Онъ считалъ себя человѣкомъ знатнаго происхожденія и не могъ выставлять этого происхожденія, потому что оно обличало въ немъ измѣнничьяго внука; онъ тяготился своимъ небольшимъ чиномъ, который не давалъ ему никакихъ правъ на отличія; оскорблялся обращеніемъ старшихъ офицеровъ, которые одинаково обходились съ оберъ-офицерами изъ дворянъ, какъ и съ оберъ-офицерами изъ разночинцевъ. Наконецъ попытка поправить свое состояніе и состояніе трехъ сестеръ не удалась: Мировичъ просилъ возвратить имъ хотя часть отобраннаго у дѣда его имѣнія, и получилъ отказъ; просилъ назначить пенсію сестрамъ, и въ этомъ отказано. Ища выхода изъ своего положенія, Мировичъ, какъ видно, попалъ въ масонскую ложу; но мистицизмъ произвелъ на духовную его природу дѣйствіе опіума. Для людей, подобныхъ Мировичу, страшное искушеніе представляло воспоминаніе 28 іюня: «тогда удалось имъ, отъ чего же теперь не удастся намъ?» вотъ вопросъ, который неотвязно долженъ былъ преслѣдовать недовольнаго, раздраженнаго Мировича. 1 апрѣля 1764 года Мировичъ рѣшился искать случая

освободить Ивана Антоновича изъ Шлюссельбурга и провозгласить императоромъ. Онъ открылся пріятелю своему, поручику Великолуцкаго пѣхотнаго полка Аполлону Ушакову; тотъ согласился помогать ему въ предпріятіи, и оба рѣшили, для безопасности, не открывать замысла никому болѣе. 13 мая, въ Казанскомъ соборѣ, Мировичъ и Ушаковъ отслужили по себѣ панихиду, какъ по умершихъ. Уже было извѣстно, что Екатерина лѣтомъ намѣрена отправиться для обозрѣнія прибалтійскихъ областей, и заговорщики рѣшили произвести возстаніе черезъ недѣлю по отбытіи двора изъ Петербурга: когда Мировичъ будетъ караульнымъ офицеромъ въ Шлюссельбургѣ, то Ушаковъ пріѣдетъ туда на шлюпкѣ подъ видомъ курьера и отдастъ Мировичу манифестъ отъ имени императора Іоанна Антоновича; когда солдаты, по прочтеніи манифеста, станутъ на сторону Іоанна, то освободить его и привезти на шлюпкѣ въ Петербургъ, гдѣ пристать на Выборгской сторонѣ и везти Ивана въ артиллерійскій лагерь, который долженъ былъ сыграть ту же самую роль, какую Измайловскій полкъ сыгралъ 28 іюня 1762 года. 25 мая Ушаковъ отправленъ былъ военною коллегіею съ казною къ генералу князю М. Н. Волконскому и во время этой поѣздки утонулъ въ рѣкѣ. Но это происшествіе не отвратило Мировича отъ замысла: онъ рѣшился привести его въ исполненіе одинъ, въ назначенное время.

Послѣ Петра Великаго Екатерина была первая государыня, которая предпринимала путешествіе по Россіи съ правительственными цѣлями. Мы видѣли, что въ 1763 году она ѣздила изъ Москвы въ Ростовъ, и хотя поѣздка въ этотъ городъ имѣла религіозную цѣль, однако императрица воспользовалась случаемъ, чтобъ изъ Ростова проѣхать далѣе на сѣверъ, въ Ярославль. Теперь она предприняла путешествіе на западъ для обозрѣнія прибалтійскихъ областей, причемъ особенно хотѣла посмотрѣть Балтійскій Портъ, или Рогервикъ, о которомъ такъ долго толковали, на который было потрачено такъ много трудовъ и денегъ.

Императрица отправлялась съ правительственными цѣлями; но гренадеры говорили, что она ѣдетъ въ Ригу за тѣмъ, что хочетъ выйти тамъ замужъ за Орлова и сдѣлать его принцемъ.

Екатерина выѣхала изъ Петербурга 20 іюня и чрезъ Ямбургъ отправилась въ Нарву, гдѣ происходила торжественная встрѣча;

на нѣмецкія рѣчи эстляндскаго рыцарства и нарвскаго бургомистра именемъ императрицы отвѣчалъ по-русски графъ Григ. Григ. Орловъ. Изъ Нарвы императрица отправилась въ Ревель, гдѣ была также торжественная встрѣча, на тріумфальныхъ воротахъ виднѣлась надпись: Екатеринѣ II, матери отечества несравненной (Matri Patriae incomparabili). 26 іюня Екатерина писала изъ Ревеля Ив. Ив. Неплюеву, оставленному главноначальствующимъ въ Петербургѣ: «Здѣсь весьма мнѣ ради и не знаютъ, что затѣять, чтобъ показать свое удовольствіе. Я звана обѣдать къ рыцарству, а на другой день къ мѣщанству, и все воистину съ великимъ усердіемъ». 30-го іюля Екатерина выѣхала изъ Ревеля въ Балтійскій Портъ, откуда писала Панину: «Славный Балтійскій Портъ потерялъ славу моимъ сюда прибытіемъ; желаю васъ увидѣть въ добромъ здоровьѣ; уже скучно становится такъ долго таскаться въ дорогѣ». Запоздавши въ дорогѣ по причинѣ песковъ и сильныхъ жаровъ, которые заставили 40 верстъ ѣхать шагомъ, Екатерина 9-го іюля утромъ въѣхала въ Ригу. Здѣсь, среди торжествъ и народныхъ ликованій, Екатерина съ веселымъ лицомъ отвѣчала на поздравленія, а между тѣмъ забота лежала на сердцѣ: она получила отъ Панина письмо съ извѣстіемъ о *дивахъ*, происшедшихъ въ Шлюссельбургѣ.

Панинъ, жившій съ великимъ княземъ наслѣдникомъ въ Царскомъ Селѣ, получилъ изъ Шлюссельбурга отъ коменданта Бередникова такое донесеніе отъ 5-го іюля: «Сего числа пополуночи во второмъ часу стоящій въ крѣпости въ недѣльномъ караулѣ Смоленскаго пѣхотнаго полку подпоручикъ Василій Яковлевъ сынъ Мировичъ весь караулъ въ фрунтъ учредилъ и приказалъ заряжать ружья съ пулями, а какъ я, услыша стукъ и заряжаніе ружей, вышелъ изъ квартиры своей и спросилъ, для чего такъ безъ приказу во фрунтъ становятся и ружья заряжаютъ, то Мировичъ прибѣгъ ко мнѣ и ударилъ меня прикладомъ ружья въ голову и пробилъ до кости черепа, крича солдатамъ: «Это злодѣй, государя Іоанна Антоновича содержалъ въ крѣпости здѣшней подъ карауломъ, возьмите его! Мы должны умереть за государя»! Подхватили меня и въ арестѣ находился я до пятаго часа утра, держанъ былъ приставленными солдатами за все мое платье. Пока я содержался, Мировичъ двукратно покушался идти съ заряженными ружьями противъ караула гарнизонной

команды, которая находилась въ вѣдомствѣ капитана Власьева и поручика Чекина, гдѣ многими патронами съ пули стрѣлялъ, напротивъ того и ему отвѣтствовано. Мировичъ привезъ шести фунтовую пушку къ казармѣ, гдѣ содержатся колодники. Что притомъ происходило, не знаю, ибо видѣть не могъ; напослѣдокъ Мировичъ привелъ съ собою въ арестъ предъ фрунтъ капитана Власьева и Чекина и мертвое тѣло безымяннаго колодника принесено командою его, гдѣ, по установленіи фрунта, со всѣми солдатами цѣловался, сказывая имъ, что это онъ одинъ погрѣшилъ и барабанщику велѣлъ бить зорю утреннюю, а потомъ полный походъ; тутъ я закричалъ, чтобъ его арестовали, что и было исполнено; при арестѣ найдены мною у него манифесты, присяга и повелѣнія, писанные его рукою».

Панинъ, получивши это донесеніе, немедленно отправилъ въ Шлюссельбургъ подполковика Кашкина съ приказаніемъ узнать всѣ обстоятельства дѣла и произвести допросъ Мировичу, и въ то же время послалъ донесеніе въ Ригу къ императрицѣ. 9-го іюля Екатерина получила это донесеніе и отвѣчала Панину: «Я съ великимъ удивленіемъ читала ваши рапорты и всѣ дивы, происшедшія въ Шлюссельбургѣ: руководство Божіе чудное и неиспытанное есть! Я къ вашимъ весьма хорошимъ распоряженіямъ иного прибавить не могу, какъ только, что теперь надлежитъ слѣдствіе надъ винными производить безъ огласки и безъ всякой скрытности (понеже само собою оное дѣло не можетъ остаться секретно, болѣе двухъ сотъ человѣкъ имѣя въ немъ участіе). Безымяннаго колодника велите хоронить по христіанской должности въ Шлюссельбургѣ безъ огласки же. Мнѣ разсудилось, что есть ли неравно искра кроется въ пеплѣ, то не въ Шлюссельбургѣ, но въ Петербугѣ, и весьма желала бы, чтобъ это не скоро до резиденціи дошло; и кой часъ дойдетъ до Петербурга, то уже надобно дѣло повести публично; и того ради велѣла заготовить указъ къ генералу-поручику той дивизіи Веймарну, дабы онъ слѣдствіе произвелъ, который вы ему отдадите; онъ же человѣкъ умный и далѣе не пойдетъ какъ ему повелѣно будетъ. Вы ему сообщите тѣ бумаги, которыя для его извѣстія надобны, а прочія у себя храните до моего прибытія; я весьма любопытна знать, арестованъ ли поручикъ Ушаковъ и нѣтъ ли болѣе участниковъ? Кажется у нихъ планъ былъ. Сіе

письмо или нужное изъ онаго покажите Веймарну, дабы оно служило ему въ наставленіе. Шлюссельбургскаго коменданта и вѣрныхъ офицеровъ и команду господинъ Веймарнъ имѣетъ обнадежить нашею милостію за ихъ вѣрность. Весьма, кажется, нужно осмотрѣть, въ какой дисциплинѣ находится Смоленскій полкъ».

Между тѣмъ 8-го іюля Ив. Ив. Неплюевъ, остававшійся главноначальствующимъ въ Петербургѣ, увѣдомилъ Панина, что въ столицѣ хотя и знаютъ о происшедшемъ въ Шлюссельбургѣ, но никакихъ предосудительныхъ толкованій не слышно. Послѣ этого, въ три часа пополуночи является въ Царское Село Тепловъ съ письмомъ отъ Неплюева: въ письмѣ говорилось, что въ Петербугѣ тихо, тѣмъ болѣе, что молва увѣряетъ и о смерти «того фантома, для котораго злодѣйство начато было». Но кромѣ письма Тепловъ объявилъ, что Неплюевъ поручилъ ему сказать Панину изустно слѣдущее: «Еслибъ я былъ на вашемъ мѣстѣ, то бы, ни мало не мѣшкавъ, возмутителя Мировича взялъ въ Царское Село и въ сокровенномъ мѣстѣ пыткою изъ него вывѣдалъ о его сообщникахъ; или ежелибъ сей арестантъ былъ въ моихъ рукахъ, тобъ я у него въ ребрахъ пощупалъ, съ кѣмъ онъ о своемъ возмущеніи соглашался, ибо нельзя надивиться, чтобъ такой малый человѣкъ столь важное дѣло собою однимъ предпріялъ, а сіе мученіе нужно для того, чтобъ тѣ сообщники не скрылися». «Почему же Иванъ Ивановичъ мнѣ объ этомъ не написалъ»? спросилъ Панинъ у Теплова.—«Я его и просилъ, отвѣчалъ Тепловъ, чтобъ онъ или письмомъ о томъ къ вамъ отписалъ, или бы записку мнѣ далъ, въ чемъ состоитъ его требованіе отъ васъ: но Иванъ Ивановичъ мнѣ сказалъ, что онъ отъ своихъ словъ не отречется, въ чемъ ссылался на князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, который притомъ былъ». Панинъ описалъ императрицѣ свой разговоръ съ Тепловымъ; но Неплюевъ и самъ 10-го числа написалъ Екатеринѣ, что надобно Мировича истязать.

Того же самаго 10-го іюля пріѣхалъ въ Ригу Кашкинъ и подалъ императрицѣ первый допросъ Мировича, который сказалъ: «Намѣреніе мною учиненнаго злодѣйства предпріято сего году апрѣля съ 1 числа, а къ сему меня побудили слѣдующія причины: 1) Когда мнѣ случалось бывать во дворцѣ, тогда видя, что до

штабъ-офицера, также и прочихъ статскихъ чиновъ людей свободно предъ ея императорское величество допускаютъ, а ниже оныхъ, какъ то и оберъ-офицеровъ, не пускаютъ. 2) Когда случалось быть такимъ операмъ, въ которыхъ ея императорское величество присутствовать соизволила, что я также допущемъ не былъ. 3) Что штабъ-офицеры не такое почтеніе, какое офицеръ по своей чести имѣть къ себѣ долженствуетъ, отдаютъ, яко же и то что тѣхъ, кои изъ дворянъ, съ тѣми, кои изъ разночинцевъ, сравниваютъ. 4) Когда я просилъ о выдачѣ мнѣ изъ отписаннаго предковъ моихъ имѣнія, сколько изъ милости ея императорскаго величества пожаловано будетъ, то въ резолюціи написано было слѣдующее: по прописанному здѣсь просители никакого права не имѣютъ и для того надлежитъ Сенату отказать имъ; на вторичную просьбу о пожалованіи пенсіи тремъ сестрамъ моимъ также отказано. Хотѣлъ я государя Іоанна Антоновича высвободить и привесть предъ артиллерійскіе полки». Изъ показаній Мировича и другихъ причастныхъ дѣлу лицъ вскрылись слѣдующія подробности. Сначала Мировичъ хотѣлъ открыть Власьеву свое намѣреніе, и 4 іюля, въ воскресенье, встрѣтясь съ этимъ офицеромъ, началъ было ему говорить: «не погубите ли вы меня прежде предпріятія моего?» Но Власьевъ прервалъ его рѣчь и сказалъ: «Если предпріятіе ваше такое, что можетъ васъ погубить, то я и слышать объ немъ не хочу.» Послѣ этого Мировичъ сталъ уговаривать солдата Писклова, который отвѣчалъ, что если солдатство будетъ согласно, то и онъ согласенъ и подговорилъ еще двоихъ солдатъ. Затѣмъ самъ Мировичъ подговорилъ солдата Босова, троихъ капраловъ; нѣкоторые сначала отказывались, но оканчивали словами: «Если всѣ, то и я.» Мировичъ рѣшился начать дѣло немедленно, боясь, что Власьевъ догадался, о какомъ предпріятіи начиналъ онъ говорить съ нимъ, и донесъ объ этомъ куда слѣдуетъ. Во второмъ часу пополуночи Мировичъ изъ офицерской кордегардіи сбѣжалъ внизъ въ солдатскую караульную, закричалъ: «къ ружью!» и, ставъ передъ фрунтомъ, велѣлъ заряжать ружья. Когда вышелъ Бередниковъ, то онъ взялъ его за воротъ халата и отдалъ подъ стражу, послѣ чего двинулся съ своимъ отрядомъ къ казармѣ, гдѣ стояла гарнизонная команда. На окликъ: «кто идетъ?» Мировичъ отвѣчалъ: «иду къ государю!» Изъ гар-

низона раздался ружейный залпъ, Мировичъ велѣлъ своимъ отвѣчать, но потомъ, опасаясь, чтобъ не застрѣлить Ивана Антоновича, велѣлъ отступить. Тутъ команда пристала къ нему: «Покажи видъ, почему поступать?» Мировичъ прочелъ изъ манифеста, отъ имени Ивана, тѣ мѣста, которыя, по его мнѣнію, могли особенно тронуть солдатъ, по прочтеніи сказалъ: «Поздравляю васъ съ государемъ!» и сталъ кричать гарнизонной командѣ, чтобъ не стрѣляли, иначе противъ нихъ будутъ изъ пушки стрѣлять. Видя, что угрозы не помогаютъ, Мировичъ дѣйствительно велѣлъ тащить пушку и опять послалъ сказать гарнизону, что будетъ палить; но посланный возвратился съ отвѣтомъ, что гарнизонъ уже положилъ оружіе. Мировичъ съ своею командою бросился въ казарму, вошелъ — темно, послалъ за огнемъ, но когда принесли свѣчи, то онъ увидалъ лежащее среди казармы на полу тѣло заколотаго человѣка; Власьевъ и Чекинъ стояли тутъ; Мировичъ, взглянувъ на нихъ, сказалъ: «Ахъ вы безсовѣстные! боитесь ли Бога? за что вы невинную кровь пролили?» — «Мы сдѣлали это по указу, отвѣчали офицеры, а вы отъ кого пришли?» — «Я пришелъ самъ собою, сказалъ Мировичъ.»—«Мы, продолжали офицеры, все это сдѣлали по своему долгу, и имѣемъ указъ, вотъ онъ!» Они подали Мировичу бумагу, но онъ не сталъ ее читать. Тутъ подступили къ нему солдаты съ вопросомъ, не прикажетъ ли заколоть офицеровъ. «Не трогайте, отвѣчалъ онъ: теперь помощи намъ никакой нѣтъ, они правы, а мы виноваты?» Сказавши это, Мировичъ подошелъ къ тѣлу, поцѣловалъ его въ руку и ногу, велѣлъ солдатамъ положить его на кровать и вынести изъ казармы на фрунтовое мѣсто, гдѣ и происходило то, о чемъ доносилъ Бередниковъ Панину.

Власьевъ показалъ, что онъ дѣйствительно заподозрилъ въ Мировичѣ злое намѣреніе изъ словъ, сказанныхъ имъ 4 іюля, и, переговоривъ съ Чекинымъ, отправилъ Панину рапортъ объ этомъ; но курьеръ былъ задержанъ переполохомъ 5 числа. Они убили Ивана Антоновича, когда услыхали, что пушку заряжаютъ. Власьевъ счелъ нужнымъ при допросѣ утаить, что у нихъ былъ указъ не отдавать Ивана Антоновича никому живаго; онъ показалъ, что они отвѣчали Мировичу: «Кто надъ нимъ (Иваномъ) что сдѣлалъ, тотъ поступалъ по указу.» — «Только, прибавилъ

Власьевъ, онаго (указа) я никогда и ни откуда не имѣлъ, слѣдственно у меня какъ въ рукахъ не было, такъ и показывать было нечего, а сказали мы объ указѣ отъ смертнаго страха.» О покойномъ они показали то же, что̀ было извѣстно изъ прежнихъ донесеній: при очень крѣпкомъ здоровьѣ не имѣлъ онъ никакого тѣлеснаго недостатка, кромѣ сильнаго косноязычія; посторонніе почти вовсе не могли его понимать, и постоянно находившіеся при немъ понимали съ трудомъ; онъ не могъ произнести слова, не поднявъ рукою подбородка. Вкуса не имѣлъ, ѣлъ все безъ разбора и съ жадностію. Въ продолженіе 8 лѣтъ не примѣчено ни одной минуты, когда бы онъ пользовался настоящимъ употребленіемъ разума; самъ себѣ задавалъ вопросы и отвѣчалъ на нихъ; говорилъ, что тѣло его есть тѣло принца Іоанна, назначеннаго императоромъ россійскимъ, который уже давно отъ міра отошелъ, а на самомъ дѣлѣ онъ есть небесный духъ, и именно св. Григорій, потому всѣхъ другихъ людей почиталъ мерзѣйшими тварями; говорилъ, что такъ какъ люди другъ передъ другомъ и св. иконамъ кланяются, то этимъ и оказывается ихъ мерзость и непотребство, а небесные духи, въ числѣ которыхъ и онъ, никому поклоняться не могутъ; желалъ быть митрополитомъ, для чего выпросилъ себѣ у Бога позволеніе временемъ и поклоны класть, какъ слѣдуетъ митрополиту. Нрава былъ свирѣпаго и никакого противорѣчія не сносилъ; грамотѣ не зналъ, памяти не имѣлъ, молитва состояла въ одномъ крестномъ знаменіи. Все время или ходилъ, или лежалъ; ходя иногда хохоталъ.

Того же 10 іюля, какъ видно еще до пріѣзда Кашкина, Екатерина написала Панину полурусское, полуфранцузское письмо, обличавшее сильное волненіе: «Никита Ивановичъ! Не могу я довольно васъ благодарить за разумныя и усердныя ко мнѣ и отечеству мѣры, которыя вы приняли по шлюссельбургской исторіи. У меня сердце щемитъ когда я думаю объ этомъ дѣлѣ, и много-много благодарю васъ за мѣры, которыя вы приняли и къ которымъ конечно нечего больше прибавить. Провидѣніе дало мнѣ ясный знакъ своей милости, давши такой оборотъ этому предпріятію. Хотя зло пресѣчено въ корню, однако я боюсь, чтобъ въ такомъ большомъ городѣ, какъ Петербургъ, глухіе слухи не надѣлали бы много несчастныхъ, ибо двое негодяевъ,

которыхъ Богъ наказалъ за гнусную ложь, написанную ими въ своемъ самозванномъ манифестѣ на мой счетъ, не преминули (по крайней мѣрѣ такъ можно предполагать) посѣять свой ядъ, и доказательствомъ служитъ для меня то, что въ день моего отъѣзда изъ Петербурга одна бѣдная женщина нашла на улицѣ письмо, написанное поддѣльною рукою, гдѣ говорилось то же самое; письмо передано князю Вяземскому (исправлявшему должность генералъ-прокурора по смѣнѣ Глѣбова) и теперь у него; надобно допросить этихъ офицеровъ, они ли написали и распространили письмо; я боюсь, чтобы зло не имѣло еще другихъ послѣдствій, ибо говорятъ, что этотъ Ушаковъ въ связи съ большимъ числомъ мелкихъ придворныхъ служителей. Наконецъ надобно положиться на Господа Бога, который благоволитъ открыть, я не смѣю въ этомъ сомнѣваться, все это ужасное покушеніе. Я не останусь здѣсь ни одного часа болѣе, чѣмъ сколько нужно, не показывая однако, что я спѣшу, и возвращусь въ Петербургъ, и здѣсь надѣюсь, мое возвращеніе не мало будетъ содѣйствовать уничтоженію всѣхъ клеветъ на мой счетъ. Вспомните также вранье того офицера, что Соловьевъ привелъ; да съ великаго поста болѣе двѣнадцати подобныхъ было и всѣ о той же матеріи. Велите пожалуйста разсмотрѣть, не они ли (Мировичъ и Ушаковъ) тому виновниками были. Хотя въ семъ письмѣ я къ вамъ съ крайнею откровенностію все то пишу, что въ голову пришло; но не думайте, чтобъ я страху предалась; я сіе дѣло не болѣе уважаю, какъ оно въ самомъ существѣ есть, сирѣчь дешперальный и безразсудный *coup*, однакожь надобно до фундамента знать, сколь далеко дурачества распространялись, дабы, если возможно, разомъ пресѣчь и тѣмъ избавить отъ несчастія невинныхъ простяковъ.»

Допросъ, привезенный Кашкинымъ, не вполнѣ удовлетворилъ Екатерину, какъ видно изъ письма ея къ Панину отъ 11 іюля: «Хотя по вашимъ примѣчаніямъ съ основаніемъ видится, будто у Мировича сообщниковъ нѣтъ, однако полагаться не можно на злодѣя, такого твердаго въ своемъ предпріятіи, но должно съ разумною строгостью изслѣдовать сіе дѣло. Брата утопшаго Ушакова также допросить надобно, не вѣдалъ ли онъ братниныхъ мыслей? Еще же знать желаю, въ артиллеріи (куда они вести (Ивана) намѣрены были) нѣтъ ли сообщниковъ, тѣмъ бо-

лѣе, что командиръ у нихъ весьма не любимъ, о чемъ неоднократно уже до меня доходило эхо. Я нынѣ болѣе спѣшу какъ прежде возвратиться въ Питербурхъ, дабы сіе дѣло скорѣе окончить и тѣмъ дальныхъ дурацкихъ разглашеній пресѣчь».

Но какъ ни торопилась Екатерина въ Петербургъ, она должна была еще ѣхать въ Митаву. Биронъ пріѣхалъ въ Ригу и умолялъ императрицу посѣтить его въ его резиденціи, которую онъ получилъ отъ щедрой и благодѣтельной руки ея величества, всемилостивѣйшей своей избавительницы и покровительницы. Екатерина должна была согласиться ѣхать въ Митаву уже и потому, чтобъ не показаться испуганною и торопящеюся въ Петербургъ; 13 іюля она отправилась въ Курляндію, на границахъ которой была встрѣчена герцогомъ и его обоими сыновьями. Въ митавскомъ дворцѣ, Биронъ, ставши на колѣна, цѣловалъ руку своей щедрой благодѣтельницы и благодарилъ за посѣщеніе. «Герцогъ, писала Екатерина Панину, по возвращеніи въ Ригу, принялъ меня съ великолѣпіемъ, и медаль нарочно сдѣлалъ для пріему, и деньги кидалъ въ народъ. Народъ здѣшній ждалъ моего пріѣзда изъ Митавы до перваго часа за полночь, и какъ увидѣли мою карету, то съ виватомъ проводили меня до моего дома. Пишу къ вамъ это, чтобъ показать, что Ливонцы начинаютъ поддаваться вліянію своихъ завоевателей».

Но среди торжествъ въ Митавѣ и Ригѣ мысль все была занята Шлюссельбургомъ. На дорогѣ изъ Риги въ Петербургъ, 16 іюля она писала Панину: «Сколь я желаю, чтобъ Богъ вывелъ, если есть, сообщниковъ, столь я Всевышняго молю, дабы невинныхъ людей въ семъ дѣлѣ не пропадало. Я прочла календарь и записки онаго злодѣя, изъ которыхъ единомышленныхъ не видится, но только изъ одного листа видно, что онъ меня убить хотѣлъ; а чтобъ они по Петербургу не разглашали свои намѣренія, тому кажется вѣрить не можно, понеже со святой недѣли много о семъ происшествіи почти точные доносы были, которые моимъ неуваженіемъ презрѣны». 18 іюля письмо къ Неплюеву: «Осторожность вашу не инако какъ похвалить могу, что вы за Мировичами приказали безъ огласки подсматривать; однако если дѣло не дойдетъ до нихъ, то арестовать ихъ не для чего, понеже пословица есть: братъ мой, а умъ свой. Все же я никакъ не желаю, чтобъ невинные пострадали».

25 іюля императрица возвратилась въ Петербургъ. Послѣ слѣдствія надъ Мировичемъ, произведеннаго Веймарномъ и не открывшаго ничего новаго, учрежденъ былъ чрезвычайный судъ изъ сената и синода, къ которымъ были присоединены сановники первыхъ трехъ классовъ и предсѣдатели коллегій. 25 августа судъ отправилъ къ императрицѣ депутатовъ съ просьбою позволить ему поступать по большинству голосовъ, не сносясь съ нею. Екатерина написала собственноручно на докладѣ: «Что принадлежитъ до нашего собственнаго оскорбленія, въ томъ мы сего судимаго всемилостивѣйше прощаемъ; въ касающихся же дѣлахъ до цѣлости государственной, общаго благополучія и тишины, въ силу поднесеннаго намъ доклада, на сего дѣла случай отдаемъ въ полную власть сему нашему вѣрноподданному собранію». При отбираніи голосовъ, должно ли приступить къ сентенціи, оберъ-прокуроръ Соймоновъ сталъ говорить президенту медицинской коллегіи барону Черкасову, что нѣкоторые изъ духовенства приговариваютъ Мировича пытать. Тутъ исправлявшій должность генералъ-прокурора князь Вяземскій подошелъ и повелительнымъ тономъ запретилъ Соймонову продолжать разговоръ о мнѣніи духовенства, а у Черкасова потребовалъ немедленнаго отвѣта, должно ли приступить къ сентенціи? Черкасовъ второпяхъ отвѣчалъ, что должно; но потомъ, 2 сентября, представилъ письменное мнѣніе, что Мировича надобно пытать съ цѣлію открыть сообщниковъ или наустителей. «Намъ необходимо нужно, писалъ онъ, жестокимъ розыскомъ злодѣю оправдать себя не токмо передъ всѣми теперь живущими, но и слѣдующими по насъ родами; а то опасаюсь, чтобъ не имѣли причины почесть насъ машинами, отъ посторонняго вдохновенія движущимися или и комедіантами». Собраніе осердилось и просило императрицу защитить его отъ оскорбленій Черкасова. Послѣдній долженъ былъ извиниться, объявилъ, что въ добромъ намѣреніи употребилъ слова, которыми собраніе почло себя оскорбленнымъ. Написаніе сентенціи возложено было на Адама Вас. Олсуфьева, генералъ-поручика Веймарна и президента юстицъ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ Эмме. Члены синода объявили, что, какъ духовные, подписывать смертный приговоръ не могутъ, хотя и признаютъ, что Мировичъ достоинъ жесточайшей казни. Смертная казнь совершилась 15 сентября, передъ полуднемъ, на пе-

тербургскомъ островѣ, на обжорномъ рынкѣ. Сохранилось извѣстіе, что Мировичъ всходилъ на эшафотъ съ твердостію и благоговѣніемъ. Державинъ оставилъ намъ извѣстіе о томъ, какое впечатлѣніе произвела смертная казнь на народъ, отвыкшій отъ нея въ царствованіе Елисаветы. «Народъ, стоявшій на высотахъ домовъ и на мосту, не обыкшій видѣть смертной казни и ждавшій почему-то милосердія Государыни, когда увидѣлъ голову въ рукахъ палача, единогласно ахнулъ и такъ содрогся, что отъ сильнаго движенія мостъ поколебался и перила обвалились. Солдаты, дѣйствовавшіе вмѣстѣ съ Мировичемъ въ Шлюссельбургѣ, прогнаны сквозь строй и потомъ разосланы по отдаленнымъ гарнизонамъ. Власьевъ и Чекинъ получили по 7000 рублей награжденія, отставлены отъ службы съ сохраненіемъ жалованья и дали подписку—подъ лишеніемъ чести и живота не утруждать императрицу относительно содержанія, жить всегда въ отдаленіи отъ великихъ и многолюдныхъ компаній, обоимъ вмѣстѣ нигдѣ въ компаніяхъ не быть и на дѣлахъ, особенно приказныхъ, не подписываться, въ столичные города безъ крайней нужды не ѣздить и если придется ѣхать, то не вмѣстѣ, объ извѣстномъ событіи никогда не говорить [3].

До отъѣзда своего въ прибалтійскія области императрица присутствовала четыре раза въ сенатѣ, и по возвращеніи изъ путешествія—три. Сенатъ, раздѣленный на департаменты, сталъ жить новою жизнію. Мы видѣли, что генералъ-прокуроръ Глѣбовъ, въ слѣдствіе разысканія Крыловскаго дѣла, не могъ оставаться при своей важной должности. 3 февраля сенатъ получилъ указъ: «въ разсужденіи нѣкоторыхъ обстоятельствъ, касающихся до генералъ-прокурора Глѣбова, ея императорское величество повелѣваетъ впредь отправлять генералъ-прокурорскую должность генералъ-квартирмейстеру князю Александру Вяземскому» [4]. Екатерина написала ему собственноручно секретнѣйшее наставленіе, которое начинается очень нелестнымъ отзывомъ о Глѣбовѣ, при чемъ задѣтъ и благодѣтель его, графъ Петръ Ив. Шуваловъ. Выходка противъ Шувалова показываетъ такое сильное раздраженіе, вынесенное изъ прошедшаго, которое заставило забыть, что подобная выходка въ инструкціи генералъ-прокурору вовсе не у мѣста. «Прежнее худое поведеніе, корыстолюбіе, лихоимство и худая въ слѣдствіе сихъ свойствъ

репутація, недовольно чистосердечія и искренности противъ меня нынѣшняго генералъ-прокурора, все сіе принуждаетъ меня его смѣнить и совершенно помрачаетъ и уничтожаетъ его способность и прилежаніе къ дѣламъ; но и то прибавить должно, что не мало къ тому его несчастію послужили знаемость и короткое обхожденіе въ его еще молодости съ покойнымъ графомъ Петромъ Шуваловымъ, въ котораго онъ рукахъ совершенно находился и напоился принципіями, хотя и не весьма для общества полезными, но достаточно прибыльными для самихъ ихъ. Все сіе производитъ, что онъ болѣе къ темнымъ, нежели къ яснымъ дѣламъ имѣетъ склонность, и часто отъ меня въ его поведеніяхъ много было сокровеннаго, чрезъ что по мѣрѣ и моя довѣренность къ нему умалялась; а вреднѣе для общества ничего быть не можетъ, какъ генералъ-прокуроръ такой, который къ своему государю совершеннаго чистосердечія и откровенности не имѣетъ; такъ какъ и для него хуже всего не имѣть отъ государя совершенной довѣренности, понеже онъ, по должности своей, обязывается сопротивляться насильнѣйшимъ людямъ, и слѣдовательно власть государская одна его подпора. Вамъ должно знать, съ кѣмъ вы дѣло имѣть будете. Ежедневные случаи васъ будутъ ко мнѣ предводительствовать (т.-е. приводить); вы во мнѣ найдете, что я иныхъ видовъ не имѣю, какъ наивящшее благополучіе и славу отечества и иного не желаю, какъ благоденствія моихъ подданныхъ, какого бъ они званія ни были; мои мысли всѣ къ тому лишь только стремятся, чтобъ какъ извнутрь, такъ и внѣ государства сохранить тишину, удовольствіе и покой. Увидя и отъ васъ вѣрность, прилежаніе и откровенное чистосердечіе, тогда вы ласкать себя можете получить отъ меня повѣренность безпредѣльную. Я весьма люблю правду, и вы можете ее говорить, не боясь ничего, и спорить противъ меня безъ всякаго опасенія, лишь бы только то благо произвело въ дѣлѣ. Я слышу, что васъ всѣ почитаютъ за честнаго человѣка; я же надѣюсь вамъ опытами показать, что у двора люди съ сими качествами живутъ благополучно. Еще къ тому прибавлю, что я ласкательства отъ васъ не требую, но единственно чистосердечнаго обхожденія и твердости въ дѣлахъ. Въ сенатѣ найдете вы двѣ партіи; но здравая политика съ моей стороны требуетъ оныя отнюдь не уважать, дабы имъ чрезъ то не подать твердо-

2*

сти и они бы скорѣе тѣмъ исчезли, а только смотрѣла я за ними не дремлемымъ окомъ, людей же употребляла по ихъ способности къ тому или другому дѣлу. Обѣ партіи стараться будутъ нынѣ васъ уловить въ свою сторону. Вы въ одной найдете людей честныхъ нравовъ, хотя и недальновидныхъ разумомъ; въ другой, думаю, что виды далѣе простираются, но не ясно, всегда ли оные полезны. Иной думаетъ, для того что онъ долго былъ въ той или другой землѣ, то вездѣ по политикѣ той его любимой земли все учреждать должно, а все другое безъ изъятія заслуживаетъ его критики, несмотря на то, что вездѣ внутреннія распоряженія на нравахъ націи основываются. Вамъ не должно уважать ни ту, ни другую сторону, обходиться должно учтиво и безпристрастно, выслушать всякаго, имѣя только единственно пользу отечества и справедливость въ виду, и твердыми шагами идти кратчайшимъ путемъ къ истинѣ. Въ чемъ вы будете сумнительны, спроситесь со мною и совершенно надѣйтеся на Бога и на меня, а я, видя такое ваше угодное мнѣ поведеніе, васъ не выдамъ. Всѣ мѣста и самый сенатъ вышли изъ своихъ основаній разными случаями, какъ неприлежаніемъ къ дѣламъ моихъ нѣкоторыхъ предковъ, а болѣе случайныхъ при нихъ людей пристрастіями. Сенатъ установленъ для исполненія законовъ, ему предписанныхъ; а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни, однимъ словомъ—почти все, и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ, такъ что и мнѣ случилось слышать въ сенатѣ, что одной коллегіи хотѣли сдѣлать выговоръ за то только, что она свое мнѣніе осмѣлилась въ сенатъ представить, до чего однакожь я тогда не допустила, но говорила господамъ присутствующимъ, что сему радоваться надлежитъ, что законъ исполняютъ. Чрезъ такія гоненія нижнихъ мѣстъ они пришли въ толь великій упадокъ, что и регламентъ вовсе позабыли, которымъ повелѣвается противъ сенатскихъ указовъ, если оные не въ силѣ законовъ, представлять въ сенатъ, а напослѣдокъ и ко мнѣ. Раболѣпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся, неописанное, и добра ожидать не можно, пока сей вредъ не пресѣчется. Одна форма лишь канцелярская исполняется, а думать еще иные и нынѣ прямо не смѣютъ, хотя въ томъ и интересъ государственный страждетъ. Сенатъ же, вышедъ единожды изъ своихъ

границъ, и нынѣ съ трудомъ привыкаетъ къ порядку, въ которомъ ему быть надлежитъ. Можетъ быть, что и для любочестія инымъ членамъ прежніе примѣры прелестны, однакожь покамѣстъ я жива, то останемся какъ долгъ велитъ. Россійская имперія есть столь обширна, что кромѣ самодержавнаго государя всякая другая форма правленія вредна ей, ибо все прочее медлительнѣе въ исполненіяхъ и многое множество страстей разныхъ въ себѣ имѣетъ, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы влекутъ, нежели одного государя, имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда и почитая общее добро своимъ собственнымъ, а другіе всѣ, по слову евангельскому, наемники есть» [5].

Первый шагъ князя Вяземскаго на новомъ поприщѣ былъ не удаченъ. 30 января произошло разногласіе между сенаторами: девять сенаторовъ полагали, чтобъ генералъ-рекетмейстеру принимать только такія прошенія, которыя означены въ его инструкціи, а прочія по разнымъ въ сенатѣ дѣламъ принимать, въ силу указовъ, по департаментамъ оберъ-секретарямъ; но другіе пять сенаторовъ подали мнѣніе, что всѣ челобитныя принимать одному генералъ-рекетмейстеру. Эти мнѣнія 13 февраля читаны были въ сенатѣ въ присутствіи императрицы, и, несмотря на старанія согласить сенаторовъ, каждый изъ нихъ остался при своемъ мнѣніи. Послѣ этого князь Вяземскій поднесъ дѣло на высочайшее разсмотрѣніе и притомъ представилъ свое мнѣніе, что и онъ согласенъ съ пятью сенаторами, чтобъ всѣ челобитныя принимать одному генералъ-рекетмейстеру. Екатерина написала на доношеніи: «генералу-рекетмейстеру поступать по своей инструкціи, а челобитныя принимать по департаментамъ» [6].

30-го іюля императрица, присутствуя въ сенатѣ, произнесла рѣшеніе, прекращавшее домогательства потомковъ на возвращеніе имѣній, конфискованныхъ у предковъ ихъ, рѣшеніе, согласное съ рѣшеніемъ на просьбу Мировича. Въ 1727 году отобраны были имѣнія у вдовы гетмана Скоропадскаго; дочь Скоропадскихъ, какъ извѣстно, была за графомъ Толстымъ: теперь секундъ-майоръ гвардіи графъ Толстой отъ своего имени и отъ имени всѣхъ племянниковъ билъ челомъ о возвращеніи имъ имѣній Скоропадскаго, какъ наслѣдникамъ. Императрица указала: «Какъ тѣ маетности отписаны и другимъ розданы по именнымъ

указамъ, то если сверхъ того нынѣ возобновлять наслѣдство гетмана Скоропадскаго, то уже ничего твердаго быть не можетъ и для того имѣніе остается за тѣми, за кѣмъ оное донынѣ состоитъ» [7].

Въ инструкціи кн. Вяземскому императрица, между прочимъ, говорила: «Весьма, по обширности имперіи, великая нужда состоитъ въ умноженіи циркуляціи денегъ, а у насъ нынѣ по счетамъ монетнаго департамента не болѣе 80 милліоновъ серебра въ народѣ, которую сумму расположа по числу людей, придетъ по 4 рубля на человѣка, если еще не меньше. Разные были проекты, изъ которыхъ наконецъ вышла мѣдная монета, на которую много очень жалобы, однакожъ пока не будетъ знатнаго умноженія серебра въ государствѣ, сей вредъ сносить должно, а нынѣ объ ономъ стараться надлежитъ, какъ ужь и начато, чтобъ не было разнаго вѣсу монеты, содержащей одинакую цѣну, такъ какъ и разныхъ цѣнъ одного вѣсу и металла; да чтобъ серебро возможнымъ способомъ вовлечь въ государство, такъ какъ напримѣръ хлѣбнымъ торгомъ, какъ о томъ и коммиссіи и коммерціи уже приказано. О выписываніи серебра много сказать не могу, какъ только, что сія матерія весьма деликатна и многимъ о семъ непріятно слышать, однакожъ вамъ надлежитъ и въ сіе дѣло вникнуть». Въ самомъ началѣ года велѣно было дѣлать золотую монету такъ, чтобъ внутренняя доброта была точно въ 15 разъ больше противъ серебряной; золотую монету дѣлать 88 пробою, каждый имперіалъ (10 рублей) вѣсомъ по 3 золотника и по $^{3}/_{44}$ доль, а полуимперіалъ по одному золотнику и по $^{47}/_{88}$ доль; серебряную монету дѣлать 72 пробою».

Доходы прошлаго 1763 года простирались до 16,507,381 рубля; доходы 1764 года увеличились до 21,593,136 рублей. Несмотря на то по прежнему были въ затрудненіи относительно удовлетворенія государственнымъ нуждамъ. Коммерцъ-коллегія донесла сенату, что академія художествъ требуетъ изъ опредѣленной для нея годовой суммы въ 20,000 рублей изъ таможенныхъ сборовъ за минувшій январь и февраль мѣсяцы 3,333 рубля 33 коп.; но таможенные сборы отданы были на откупъ на шесть лѣтъ по нынѣшній 1764 годъ изъ сложности сбора трехъ лѣтъ съ наддачею 170,000 рублей въ годъ, а изъ этой суммы велѣно вносить въ комнату ея императорскаго величества 150,000

рублей, да въ Московскій университетъ 20,000; а по вступленіи таможенныхъ сборовъ въ казну, гдѣ и надданной суммы никакой уже нѣтъ, велѣно помянутые 150,000 по прежнему вносить въ кабинетъ, и коммерцъ-коллегія еще 20,000 на академію художествъ отпустить не смѣетъ. Сенатъ также не посмѣлъ разрѣшить, и подалъ докладъ императрицѣ, которая велѣла отпустить деньги [9]. Именнымъ указомъ велѣно было изъ процентныхъ денегъ коммерческаго банка отпустить 10,400 рублей на каналъ между рѣками Волховомъ и Сясью, но фельдмаршалъ Минихъ донесъ о крайнемъ недостаткѣ денегъ для работъ при Балтійскомъ портѣ: каторжные невольники находились въ самомъ бѣдственномъ состояніи въ слѣдствіе невыдачи имъ на нынѣшній годъ никакой одежды и обуви; Минихъ требовалъ на содержаніе невольниковъ годовой суммы 30,751 рубль, да на уплату за подряженные и принятые матеріалы 16131 рубль; а хотя изъ адмиралтейской коллегіи и отпущено 30,000 рублей, но эти деньги велѣно употреблять на одно только мольное сооруженіе и самонужнѣйшія работы, и потому онъ, Минихъ, на другіе расходы употреблять ихъ смѣлости не имѣетъ. Сенатъ отвѣчалъ, что изъ отпущенныхъ по именному указу 30,000 рублей теперь употреблять только на самые необходимые расходы, именно на содержаніе каторжныхъ невольниковъ и приготовленіе для нихъ одежды и обуви; ему, графу Миниху, уже запрещено было впредь до указа дѣлать подряды, и это запрещеніе теперь подтверждается, и долженъ онъ подать въ сенатъ вѣдомость, на какіе матеріалы подряды сдѣланы и на какую сумму. Но чрезъ нѣсколько дней тотъ же Минихъ представилъ сенату донесеніе изъ канцеляріи Ладожскаго канала, о совершенномъ обветшаніи канала. Сенатъ приказалъ: такъ какъ графъ Минихъ представляетъ единственно на основаніи донесенія канцеляріи канала, безъ собственнаго осмотра, и такъ какъ возобновленіе Ладожскаго канала есть дѣло государственное очень нужное: то послать графу Миниху указъ, что сенатъ рекомендуетъ ему, если здоровье дозволитъ, Ладожскій каналъ осмотрѣть самому и подать въ сенатъ смѣту съ мнѣніемъ. Новгородскій губернаторъ Сиверсъ требовалъ увеличенія штата своей канцеляріи: сенатъ отказалъ. Эта экономія была необходима, ибо въ августѣ штатсъ-контора потребовала указа объ отпускѣ заимообразно изъ при-

сутственныхъ мѣстъ 250,000 рублей до полученія изъ губерній подлежащихъ штатсъ-конторѣ сборовъ; сенатъ приказалъ выдать требуемую сумму изъ экспедиціи передѣла мѣдныхъ денегъ; а въ октябрѣ сенатъ рѣшилъ доложить императрицѣ, что за крайнимъ недостаткомъ денегъ въ штатсъ-конторѣ слѣдуетъ выдавать пенсіи изъ суммъ коллегіи-экономіи, а на пенсію нужно 72,000.

О безпорядкѣ, какой былъ въ камеръ-конторѣ, узнаемъ изъ ея донесенія сенату: оставшіеся въ коллегіи послѣ умершихъ повытчиковъ безъ принятія другими повытчиками и безъ рѣшенія съ 732 по 753 годъ счеты съ документами во время пожаровъ съ прочими дѣлами снашиваны безъ разбору и перекладываны изъ одного мѣста въ другое. Съ 1753 года коллегія сколько ни старалась разобрать ихъ и сдѣлать пересмотръ, не могла однако привесть въ надлежащій порядокъ, тѣмъ болѣе, что въ книгахъ листы погнили, а иные изодраны, документовъ и выписей большею частію нѣтъ, и впередъ, сколько въ этомъ ни упражняться, трудъ будетъ безполезный.—Рѣшивши подать докладъ, чтобъ дѣла эти оставить безъ разбора и, запечатавъ хранить въ архивѣ для справокъ, сенатъ прибавилъ: въ представленіи камеръ-коллегіи показано, что счеты остались послѣ умершихъ повытчиковъ безъ принятія ихъ преемниками, которые должны были принять ихъ и немедленно описать ихъ порядочно; но этого не было сдѣлано, что причитается за крайній непорядокъ бывшимъ тогда присутствующимъ, и хотя нельзя думать, чтобъ впредь могли произойти такія неисправности и упущенія, однако сенатъ почитаетъ долгомъ своимъ напомнить камеръ-коллегіи, чтобъ въ храненіи дѣлъ и произведеніи счетовъ въ свое время поступаемо было съ крайнею внимательностію [10]. О безпорядкахъ по шталмейстерскому управленію говоритъ императрица въ письмѣ своемъ къ Елагину: «Иванъ Перфильевичъ! Подалъ мнѣ Репнинъ чрезъ шталмейстера Нарышкина докладъ о ихъ недостаткахъ, прося денегъ. Пожалуй, вникни въ ихъ домостройство или домонестройство, да притомъ знай, что я вѣдаю отъ штатсъ-конторскаго прокурора, что они уже всѣ 1765 года получили или, лучше сказать, забрали, а я запретила тамо (чего они не знаютъ) имъ болѣе впередъ дать; да сверхъ того Репнинъ вся-

кой день принимаетъ снова всякихъ распудренныхъ дворянчиковъ, которые ничего не смыслятъ окромѣ петиметрства».

Въ инструкціи кн. Вяземскому императрица говорила: «Великое отягощеніе для народа есть соль и вино на такомъ основаніи, какъ оныя нынѣ находятся. Въ корчемствѣ столько винныхъ, что и наказывать ихъ почти невозможно, понеже цѣлыя провинціи себя оному подвергли, а что пресѣчь нельзя, нехудо къ тому изыскивать способы къ отправленію и облегченію народному». 23 марта учреждена была коммиссія для разсмотрѣнія государственныхъ соляныхъ и винныхъ сборовъ. Въ инструкціи коммиссіи говорилось: «Полагая за главное всему дѣлу правило, что виннымъ и солянымъ сборамъ неотмѣнно быть должно, изыскивать вообще такія средства, чтобъ оные сборы казнѣ соблюдены и умножены, а притомъ бы и народу не въ тягость были» [12].

Относительно банковъ сенатъ получилъ два указа императрицы: 1) При учрежденіи государственныхъ банковъ опредѣлено, что и партикулярные люди могутъ свои деньги приносить въ нихъ для отдачи въ ростъ, и потому отъ многихъ, въ томъ числѣ и отъ Воспитательнаго дома, нѣсколько и получено. Ея императорское величество, желая у партикулярныхъ людей отнять всякое сомнѣніе и утвердить банковый кредитъ, повелѣваетъ такія приносимыя деньги раздавать особо, не мѣшая съ казеннымъ капиталомъ, и получаемые съ нихъ проценты, равно какъ и самые капиталы, не только никуда по присылаемымъ указамъ въ расходъ не употреблять, но и въ казнѣ отнюдь не держать, а раздавать также въ ростъ, присовокупляя проценты къ капиталу, или возвращать вкладчикамъ по ихъ желанію, и Воспитательному дому, и прежде истеченія сроковъ возвращать безъ всякой остановки по востребованію, все же сіе такъ твердо содержать, что хотя иногда нечаянно и за подписаніемъ ея императорскаго величества присланъ былъ бы указъ въ противность онаго, не исполнять, а представлять ея императорскому величеству. 2) Такъ какъ многіе купцы явились неисправны въ платежѣ своихъ долговъ по коммерческому банку, а нѣкоторые и ненадежны, то ея императорское величество 4 марта 1764 года повелѣла оному банку быть въ вѣдомствѣ всей коммерцъ-коллегіи, и хотя къ первоположенному капиталу 500,000 и числится нынѣ всей суммы и съ капиталомъ 802,720 рублей, изъ кото-

рыхъ не прошли еще нѣкоторые сроки, но просроченныхъ уже явилось болѣе 382 рублей. Изъ такихъ обстоятельствъ банка сего ея императорское величество предусматриваетъ потерю не малаго капитала. Для сихъ причинъ и надзираніе всей коллегіи ея императорское величество почитаетъ не за довольное еще средство къ поправленію сего дѣла, потому что при многихъ голосахъ наблюденіе канцелярскаго порядка въ употребляемыхъ ко взысканію казенныхъ долговъ средствахъ можетъ произвести излишнюю потерю времени, а паче всего дѣйствіе по точности указовъ не дозволяетъ имѣть никакого снисхожденія въ таковыхъ случаяхъ, гдѣ иногда можно, по разсмотрѣнію, чиня надежныя отсрочки, и казну удовольствовать, и купца не разорить. Чего ради ея императорское величество повелѣваетъ купеческому банку быть въ вѣдомствѣ камергера графа Николая Головина, чтобы оный просроченныя деньги и съ интересами ихъ собралъ вмѣстѣ съ президентомъ коммерцъ-коллегіи Евреиновымъ, и принимали такія мѣры, чтобъ купцамъ надежнымъ разоренія не учинить, ни казна бъ не потерпѣла» [13].

Сенатъ долженъ былъ напоминать мануфактуръ-коллегіи указъ Петра Великаго 1724 года о донесеніи въ Сенатъ по два раза въ годъ, приходятъ ли фабрики и мануфактуры въ совершенство и какое производство гдѣ и когда размножено [14]. Бергъ-коллегіи было подтверждено указомъ, чтобъ она употребила всевозможное стараніе о заведеніи и размноженіи въ Россіи стальныхъ и желѣзныхъ фабрикъ и сравнять ихъ произведенія съ произведеніями штейерскихъ фабрикъ, ибо екатеринбургская сталь, изъ которой дѣлаются ружья, уступаетъ штейерской, а дѣлаемыя на Демидовскихъ заводахъ косы хуже нѣмецкихъ и расходу на нихъ мало. Вице-президентъ мануфактуръ-коллегіи Сукинъ донесъ, что въ этой коллегіи не только по многимъ сенатскимъ указамъ исполненія не сдѣлано, но и по именному указу о мануфактурахъ и купечествѣ по собраннымъ извѣстіямъ еще сочиняется выписка; а президентъ мануфактуръ-коллегіи, извѣстный Волковъ, объявилъ, что коллегія, безъ его совѣтовъ, продолжаетъ раздавать привилегіи на заведеніе новыхъ фабрикъ, и требовалъ чтобъ не для его персоны, но изъ уваженія къ указу и для службы ея императорскаго величества, коллегія поступала не такъ рѣшительно, а спрашивала его согласія. Сенатъ при-

казалъ потребовать отвѣта у коллегіи. Дѣло шло о позволеніи кн. Долгорукову завести хрустальную фабрику, и коллегія отвѣчала, что хотя разсужденіе объ этомъ въ ней и происходило, однако рѣшительнаго опредѣленія подписано не было и позволенія кн. Долгорукову не дано.

Новый вице-президентъ конторы главнаго магистрата кн. Мещерскій донесъ, что по вступленіи его въ присутствіе онъ нашелъ, что контора: 1) не имѣетъ у себя настольнаго реестра нерѣшеннымъ дѣламъ; 2) реестра законамъ, которыми долженъ руководствоваться главный магистратъ; 3) списка колодникамъ; 4) по должности регистратора и архиваріуса ничего нѣтъ къ исполненію; 5) настольнаго реестра денежной казнѣ нѣтъ; 6) протоколы не переплетены; 7) нѣтъ вѣдомости, сколько купечества находится въ вѣдѣніи конторы и на какую сумму простираются положенные на него оклады; 8) архивъ представляетъ комнату, гдѣ по полу валяются дѣла въ кулькахъ и связкахъ; 9) денежная казна охраняется только тѣмъ однимъ, что сундуки стоятъ въ судейской палатѣ; 10) команда солдатская какъ для охраненія денежной казны, такъ и колодниковъ такая, что до 20 человѣкъ колодниковъ распустила, а теперь подаютъ донесенія о побѣгѣ колодниковъ, которые бѣжали еще въ прошломъ году; 11) секретарь Таушевъ отъ старости исполнять должность не можетъ, а секретарь Петровъ по нерасторопности у такихъ дѣлъ, которыя требуютъ скораго рѣшенія по вексельному праву, быть не способенъ. 25 человѣкъ купцовъ подали въ сенатъ жалобу на коммерцъ-коллегію, что она не опредѣляетъ купца Сушенкова браковщикомъ пеньки и льна; коммерцъ-коллегія въ отвѣтъ просила дать ей сатисфакцію за ложное на нее челобитье, потому что Сушенковъ не опредѣленъ по неимѣнію мѣста, и такъ уже трое браковщиковъ лишнихъ. Приказали: Сушенкову объявить, что нѣтъ мѣста и потому его опредѣлить нельзя, а когда будетъ мѣсто, то просить ему въ коммерцъ-коллегіи [15].

1764 годъ былъ замѣчателенъ въ исторіи русской внѣшней торговли появленіемъ перваго русскаго корабля на Средиземномъ морѣ, ибо до сихъ поръ далѣе Кадикса ни одинъ русскій корабль, ни военный, ни торговый, не бывалъ. Образовалась компанія тульскаго купца Владимірова съ другими тульскими же купцами для непосредственнаго торга съ Италіею чрезъ Среди-

земное море. Императрица на свое иждивеніе построила для компаніи фрегатъ о 36 пушкахъ. Фрегатъ этотъ, названный «Надежда Благополучія», отправился нагруженный русскими товарами (желѣзомъ, юфтью, парусными полотнами, табакомъ, икрою, воскомъ и канатами) изъ Кронштадта 11 августа въ Ливорно, подъ командою капитана Плещеева. Факторомъ компаніи въ Ливорно былъ казанскій купецъ Пономаревъ, который прислалъ въ Петербургъ извѣстіе, что 20 ноября фрегатъ прибылъ въ Ливорно благополучно, и 24 ноября, въ Екатерининъ день, происходила въ греческой ливорнской церкви торжественная служба на русскомъ языкѣ: служилъ іеромонахъ съ фрегата, служилъ въ богатомъ облаченіи, присланномъ императрицею въ греческую церковь.

Коммерцъ-коллегіи данъ былъ именной указъ: *для пользы купечества* ввесть здѣсь въ употребленіе печатные листочки о цѣнахъ товаровъ, называемые прейсъ-куранты, на потребные же къ сему расходы принять оной коллегіи отъ кабинета нашего 200 рублей [16]. Постановленіе издано какъ новое, не знали, что повторяютъ предписаніе Петра Великаго. Императрица *для пользы купечества* велѣла разослать безденежно во всѣ гильдіи купеческія напечатанную на русскомъ языкѣ книгу: «Описаніе торгу амстердамскаго» [17]. Новая коммиссія о коммерціи вспомнила указъ Петра Великаго и приняла тоже за самонужнѣйшее и полезнѣйшее дѣло, чтобъ русскимъ молодымъ купеческимъ дѣтямъ путешествовать по славнымъ своею торговлею государствамъ и городамъ, и еслибъ кто пожелалъ сына своего посадить въ чужихъ краяхъ въ контору купеческую на нѣсколько лѣтъ для обученія теоріи и практикѣ, то не только этого не запрещать, но почитать за похвальное и полезное отечеству дѣло [18].

Но прежде чѣмъ посылать дѣтей своихъ учиться въ заграничныя конторы, астраханскіе купцы чрезъ магистратъ свой подали въ сенатъ просьбу позволить имъ держать у себя покупныхъ людей съ платежомъ подушныхъ, ибо, по неимѣнію по близости уѣздовъ, безъ своихъ покупныхъ людей всѣхъ своихъ промысловъ лишиться могутъ. Сенатъ приказалъ: старыхъ держать, а новыхъ не покупать (кромѣ крещеныхъ Калмыковъ), а астраханскому губернатору велѣть разсмотрѣть, надобно ли на будущее время дать имъ позволеніе покупать у помѣщиковъ

людей для употребленія ихъ въ матросы и при своемъ мнѣніи въ сенатъ приложить вѣдомость, сколько до сихъ поръ тамошнимъ купечествомъ заведено мореходныхъ судовъ и сколько требуется на нихъ матросовъ. Тогда же позволено было купцу Ѳедорову удержать троихъ людей, купленныхъ имъ для обученія матросскому ремеслу, но подтверждено, чтобъ онъ мореходное судно непремѣнно построилъ, а иначе велѣно будетъ ему продать этихъ людей тѣмъ, кому можно ихъ держать [19].

Такъ продолжалъ тяготѣть надъ русскою землею исконный ея недостатокъ, недостатокъ въ людяхъ, въ рабочихъ рукахъ, невозможность добыть вольнонаемнаго работника. Надобно было содержать землю военнаго человѣка и надобно было прикрѣпить къ этой землѣ работника; надобно было завести фабрику — надобно было приписать къ ней крестьянъ; надобно было поощрить мореплаваніе, постройку мореходныхъ судовъ — надобно было дать крѣпостного матроса, вольнаго рабочаго не было и не было ему нужды идти въ трудную и непривычную работу.

Но гдѣ историкъ видитъ рабство, тамъ и безъ свидѣтельствъ долженъ предполагать бѣгство и возмущеніе. Пришла вѣдомость, что въ 1763 году изъ уѣздовъ Ржевы Пустой и Заволочья бѣжитъ за рубежъ 84 человѣка помѣщичьихъ крестьянъ и людей; за то добровольно явилось изъ Польши бѣглыхъ 500 человѣкъ. Этихъ выходцевъ нужно было двигать дальше на востокъ, потому что въ прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства мѣста не было: въ псковскихъ дворцовыхъ волостяхъ не только не нашлось пустыхъ земель, но сами крестьяне нанимали пахотную землю и сѣнокосы у *псковскихъ козаковъ*, у помѣщиковъ и монастырей дорогою цѣною. Несмотря на сильныя мѣры, принятыя русскимъ правительствомъ для возвращенія бѣглыхъ изъ польскихъ владѣній, въ концѣ года воеводская канцелярія Ржевы Пустой и Заволочья донесла, что чрезъ форпосты лѣсами выходятъ изъ Польши воры, разбойники и бѣглые солдаты, разбиваютъ помѣщиковъ и крестьянъ, крадутъ пожитки, скотъ, и, подговаривая, проводятъ въ Польшу бѣглыхъ; въ нынѣшнемъ году, писала канцелярія, особенно много людей оказалось въ бѣгахъ и воровствѣ; въ Польшѣ бѣглымъ и разбойникамъ главное пристанище въ полоцкомъ и невельскомъ повѣтахъ, въ имѣніяхъ князя Радзивила. Города Невля, принадлежащаго Радзивилу, губернаторъ

Бобятинскій, подъ видомъ услуги русскому правительству, заберетъ въ Польшѣ русскихъ бѣглецовъ, семей по одной и по двѣ, привезетъ на границу и требуетъ за нихъ по 30 и 20 рублей, а безъ того не отдаетъ; отдастъ одну семью, а вмѣсто того приметъ 10 или 20 бѣглыхъ русскихъ семей. Тотъ же Бобятинскій присылаетъ въ русскія угодья крестьянъ своихъ, насильственно рубитъ и увозитъ строевой лѣсъ.

Мы видѣли, что еще при Петрѣ Великомъ была попытка закрѣпостить половниковъ на сѣверѣ, но не удалась, теперь эта попытка опять повторяется и также неудачно. Первый департаментъ сената опредѣлилъ, что свободный переходъ половниковъ изъ черносошныхъ крестьянъ отъ владѣльца къ владѣльцу не полезенъ, надобно его запретить, оставить ихъ жить на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кто до сихъ поръ поселился и уравнять ихъ съ государственными черносошными крестьянами, а у купцовъ, если они купили земли вопреки указамъ, кромѣ жалованныхъ и написанныхъ по писцовымъ книгамъ, отобрать въ казну. Но въ общемъ собраніи всѣ сенаторы объявили, что изъ черносошныхъ крестьянъ выходятъ въ половничество совершенно бѣдные, неудовольствія отъ этого до сихъ поръ никакого не было, надобно только наблюдать, чтобъ крестьяне жили въ половникахъ по доброй ихъ волѣ; однако сенаторы перваго департамента, кн. Яковъ Шаховской и Адамъ Олсуфьевъ, остались при своемъ мнѣніи.

Императрица узнала, что крестьяне терпятъ притѣсненія отъ проходящихъ войскъ, принуждаются къ безполезнымъ работамъ. Слѣдствіемъ была слѣдующая записка къ вице-президенту военной коллегіи графу Чернышеву: «Прикажите накрѣпчайшимъ образомъ изслѣдовать по приложенному при семъ письму, и если найдется, что оно такъ, какъ здѣсь написано, то не забудьте образецъ сдѣлать для дисциплины, и чтобъ наши перестали нашихъ грабить; и какая нужда теперь можетъ быть, чтобъ чрезъ болота дѣлать мосты: нынѣ и петербургскія болота засохли» [20].

Несмотря на извѣстный разсказъ Екатерины о ея распоряженіи въ сенатѣ на счетъ ревизіи, ревизія шла не очень удачно: въ началѣ марта сенатъ доложилъ, что 16 января, по высочайшему повелѣнію, отправлены нарочные курьеры и велѣно съ ними прислать въ сенатъ краткія вѣдомости по формѣ, сколько до сихъ поръ по поданнымъ сказкамъ оказалось душъ, но, кро-

мѣ Астраханской губерніи, ни одинъ курьеръ ни откуда еще не возвращался, и изъ присланныхъ разными губерніями доношеній видно, что во многихъ мѣстахъ еще очень мало сказокъ собрано, а сибирская губернская канцелярія доноситъ, что по обширности губерніи не скоро ихъ и собрать можетъ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ императрица велѣла публиковать во всемъ государствѣ съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ, чтобъ всѣ неподанныя до сихъ поръ ревизскія сказки непремѣнно поданы были къ 1-му сентябрю. По поводу ревизіи изъ нѣкоторыхъ мѣстъ приходили извѣстія, вскрывавшія въ народонаселеніи остатки допетровской старины: такъ великолуцкая канцелярія объявила, что являются ревизскія сказки отъ козачьихъ и рейтарскихъ недорослей и прочихъ чиновъ, которые не верстаны помѣстнымъ окладомъ, а иные хотя и верстаны, да положены въ подушный окладъ. Сенатъ приказалъ: всѣхъ, имѣющихся за козачьими и рейтарскими недорослями крестьянъ опредѣлить въ подушный окладъ; а для чего означеннымъ людямъ, въ противность указамъ, до сихъ поръ дозволено имѣть крестьянъ, о томъ губернатору представить въ сенатъ [21].

Печальныя извѣстія о безпорядкахъ въ областяхъ, особенно отдаленныхъ, привели императрицу къ мысли сосредоточить власть въ рукахъ губернаторовъ, ибо по немногочисленности тогдашнихъ губерній она могла надѣяться на достаточное число людей достойныхъ ея довѣренности. До насъ дошла любопытная записка Екатерины къ Елагину: «Слушай Перфильевичъ, если въ концѣ сей недѣли не принесешь ко мнѣ наставленій или установленій губернаторской должности, манифестъ противъ кожедрателей да дѣло Бекетьева совсѣмъ отдѣланныя, то скажу, что тебѣ подобнаго лѣнивца на свѣтѣ нѣтъ, да никто столько ему порученныхъ дѣлъ не волочитъ, какъ ты» [22]. Наконецъ Перфильичъ принесъ «наставленіе губернаторамъ», которое было обнародовано 21 апрѣля. Наставленіе начинается указаніемъ неоспоримой истины, что «все цѣлое не можетъ быть отнюдь совершенно, если части его въ непорядкѣ и неустройствѣ пребудутъ; главныя же части, составляющія цѣлое отечество наше, суть губерніи, и онѣ самыя тѣ, которыя болѣе всего поправленія требуютъ». Императрица обѣщаетъ современемъ произвести это поправленіе, а теперь пока самымъ нужнымъ дѣломъ счи-

таетъ дать новыя правила для губернаторовъ. Губернаторъ называется повѣренною отъ государя особою, главою и хозяиномъ всей губерніи. Относительно взяточниковъ въ наставленіи говорится: «Хотя о душевредномъ лихоимствѣ и гнусныхъ взяткахъ многими строжайшими указами обнародовано, и мы особливо нынѣ надѣемся, что всѣ наши вѣрноподданные, чувствуя матернское наше определеніемъ достаточнаго имъ жалованья милосердіе, не прикоснутся къ толь мерзкому лакомству, прелестному только для однихъ подлыхъ и ненасытнымъ сребролюбіемъ помраченныхъ душъ: однако, еслибъ въ которой губерніи, противъ чаянія нашего, таковой врагъ отечества и явился, то, по прямомъ изобличеніи въ маломъ ли или великомъ лихоимствѣ, можетъ его губернаторъ не только немедленно лишить мѣста, но и при своемъ доношеніи отослать къ должному осужденію въ юстицію». Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ-то: при пожарѣ, голодѣ, наводненіи, моровой язвѣ, сильныхъ разбойничьихъ движеніяхъ, при народномъ возмущеніи, губернаторъ принимаетъ главное начальство надъ всѣми служащими и неслужащими въ его губерніи находящимися людьми до тѣхъ поръ, пока такое приключеніе прекратится. Относительно сосредоточенія власти въ рукахъ губернатора говорится: «Какъ въ разсужденіи великаго имперіи нашей пространства, не бывавъ во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ, лежащихъ въ разныхъ климатахъ и разными выгодами довольствующихся, заочно невозможно ни всѣхъ пользъ провидѣть, ни всѣхъ неустройствъ отвратить, ниже достаточною снабдить предосторожностію: то для того всѣ земскія правительства, находящіяся въ губерніяхъ, кромѣ Москвы и Петербурга, которыя губернскимъ канцеляріямъ не подчинены, какъ напримѣръ таможни, магистраты, пограничныя коммиссіи, полиціи и ямскія правленія, словомъ, всѣ, какого бъ званія ни были, гражданскія мѣста, отнынѣ должны состоять въ вѣдомствѣ губернатора, какъ истиннаго опекуна врученной отъ насъ ему губерніи, дабы онъ, получая отъ нихъ рапорты и подробныя о должностяхъ и порядкахъ ихъ извѣстія, точныя обо всемъ свѣдѣнія имѣть и утѣсненныхъ людей, не могущихъ за отдаленностію идти съ жалобами своими къ вышнимъ тѣхъ мѣстъ правительствамъ, защищать и оборонять могъ. Сверхъ того губернаторъ, имѣя о всѣхъ до губерніи его касающихся дѣлахъ и

обстоятельствахъ прямыя отъ всѣхъ извѣстія, а изъ того собирая понятія и познанія, и чрезъ нихъ предусматривая согласно съ выгодами, торгами и промыслами ея обитателей, разныя пользы, какъ къ приращенію нашего интереса, такъ и къ общему добру служащія, сенату нашему и намъ самимъ о томъ представлять, а вкрадшіеся непорядки или и самое упущеніе и недостатокъ въ узаконеніяхъ подобными же представленіями исправлять и отвращать можетъ: ибо онъ во всемъ томъ предъ нами, яко хозяинъ своей губерніи, отчетъ и отвѣтъ дать долженствуетъ и незнаніемъ или непроницательствомъ отговариваться не можетъ». Губернаторъ долженъ объѣзжать свою губернію каждые три года, наблюдая всѣ ли какъ должно исполняютъ свои обязанности. Губернаторъ долженъ заботиться о земледѣліи «какъ источникѣ всѣхъ сокровищъ и богатствъ государственныхъ, и о размноженіи свойственныхъ каждой губерніи и провинціи продуктовъ, отпускаемыхъ за моря». Губернаторъ заботится объ исправности дорогъ, объ истребленіи воровъ и разбойниковъ. О количествѣ послѣднихъ можно заключить изъ словъ самаго наставленія: «Матерински соболѣзнуя духомъ, мы повелѣваемъ каждому губернатору прилагать паче всего всевозможнѣйшія мѣры и попеченія къ истребленію таковыхъ отечеству и всему роду человѣческому злодѣевъ, вывѣдывая и искореняя ихъ пристани» [23]. Относительно воеводъ отмѣненъ былъ указъ 1672 года, по которому нельзя было назначать воеводъ въ тѣ мѣстности, гдѣ у нихъ были деревни [24]. Въ концѣ года валуйскій воевода Клементьевъ за взятки былъ лишенъ всѣхъ чиновъ. Подполковникъ Свѣчинъ, посланный въ Казанскую губернію для осмотра дубовыхъ лѣсовъ, доносилъ: опредѣленные къ новокрещенымъ защитники и ихъ подчиненные, вмѣсто защиты разоряютъ новокрещенъ взятками и поборами, именно надворные совѣтники: Зеленый, Сокольниковъ; майоры: Ларіоновъ, Воропоновъ, Лазаревъ; титулярный совѣтникъ Мякишевъ, поручикъ Алексѣевъ; прапорщики: Яшковъ, Шипиловъ; регистраторы Гавриловъ, Чеадаевъ. Сенатъ приказалъ: изслѣдовать казанскому губернатору, а защита отрѣшена и новокрещенская контора уже уничтожена [25].

Правительство постоянно указывало на новые штаты, какъ на средство противъ взяточничества; но послѣдовательность требовала отнять у чиновника побужденіе копить денежку на чер-

ный день, на старость и болѣзнь, копить на счетъ просителей и подчиненныхъ, послѣдовательность требовала назначенія пенсій, и пенсія была назначена статскимъ чинамъ за 35 лѣтъ службы или менѣе, въ случаѣ болѣзни [26].

Въ 1764 году окончила свое дѣло коммиссія о церковныхъ имѣніяхъ или духовная коммиссія. Указомъ сенату 26 февраля императрица объявляла объ утвержденіи доклада коммиссіи. Монастырскихъ крестьянъ было исчислено до 911,000, исключая Малороссіи и губерній: Харьковской, Екатеринославской, Курской и Воронежской, гдѣ исчисленіе было произведено позднѣе; каждый крестьянинъ обложенъ былъ оброкомъ по рублю 50 копѣекъ въ годъ, что доставляло сумму въ 1,366,299 рублей. Такъ какъ архіерейскіе домы имѣли крестьянъ и должны были получать за нихъ вознагражденіе въ постоянномъ окладѣ, то всѣ епархіи раздѣлены были на три класса: въ первый зачислены были только три епархіи — Новгородская, Московская и Петербургская; во второй 8 и въ третій 15; на всѣ архіерейскіе домы отчислено было въ годъ по 149,586 рублей. Всѣхъ монастырей было 947, изъ нихъ мужскихъ 728, женскихъ 219; но изъ нихъ большая часть не имѣла населенныхъ земель, а изъ имѣвшихъ нѣкоторые имѣли очень много крестьянъ, а другіе очень мало. Имѣвшіе крестьянъ монастыри и слѣд. имѣвшіе право получить за нихъ вознагражденіе въ постоянномъ денежномъ окладѣ вошли въ число штатныхъ и раздѣлены были на три класса: въ первомъ мужскихъ считалось 15 монастырей, во второмъ 41, въ третьемъ 100; на всѣ эти штатные монастыри положено было выдавать въ годъ 174,750 рублей; женскіе монастыри были также раздѣлены на три класса, и на нихъ назначено было въ годъ 33,000 рублей. Монастыри, не имѣвшіе крестьянъ, оставлены были на прежнихъ своихъ средствахъ существованія, и изъ нихъ остался только 161 монастырь, а прочіе были упразднены или обращены въ приходскія церкви. Каждый архіерейскій домъ долженъ былъ имѣть богадѣльню съ опредѣленнымъ по классамъ епархій количествомъ призрѣваемыхъ; всѣхъ богадѣленныхъ обоего пола полагалось 765 человѣкъ, каждому шло по 5 рублей въ годъ, слѣдовательно вся назначенная для нихъ изъ коллегіи экономіи сумма простиралась до 3825 рублей. Содержаніе отставныхъ военныхъ при архіерейскихъ домахъ и въ монастыряхъ

признано неудобнымъ, «ибо духовнымъ властямъ таковыхъ отставныхъ, яко воинскихъ людей, въ надлежащемъ порядкѣ содержать, а тѣмъ военнымъ людямъ въ спокойствіи подъ правленіемъ и смотрѣніемъ духовныхъ быть весьма не сходственно. Къ тому же отставные, имѣющіе у себя женъ и дѣтей, съ трудомъ могутъ себя положеннымъ окладомъ продовольствовать, и для того дѣти ихъ принуждены скитаться поміру или кормиться работою у постороннихъ людей, а другіе къ вотчинникамъ въ подушный окладъ записывались». Поэтому рѣшено было отставныхъ военныхъ отправлять не въ монастыри, а въ назначенные города, числомъ 31 городъ, гдѣ имъ на первый разъ отводились квартиры у обывателей, и давать жалованья: гвардіи оберъ-офицерамъ по 100 рублей, унтеръ-офицерамъ по 20, капраламъ и рядовымъ по 15; армейскихъ полковъ: подполковникамъ по 120 рублей, майорамъ по 100, капитанамъ по 65, поручикамъ по 40, подпоручикамъ и прапорщикамъ по 33, унтеръ-офицерамъ по 15, рядовымъ по 10 рублей. Число такихъ отставныхъ военныхъ было опредѣлено, именно 4353 человѣка, а сумма, на нихъ отпускаемая, должна была простираться до 80,600 рублей. Право на такое *«вѣчное пропитаніе»* изъ субалтернъ-офицеровъ имѣли тѣ, у которыхъ было меньше 25 душъ крестьянъ, изъ капитановъ—меньше 30, а изъ штабъ-офицеровъ—меньше 40 душъ, включая въ то число недвижимыя имѣнія, принадлежащія женамъ ихъ. Вдова, оставшаяся послѣ военнаго, если имѣетъ не болѣе сорока лѣтъ, а недвижимое имѣніе ея не больше вышеозначеннаго, получаетъ одинъ разъ годовое жалованье мужа; если же старше 40 лѣтъ и замужъ идти не захочетъ, то получаетъ по смерть осьмую долю мужняго жалованья; дѣти—мужскаго пола до 12, а женскаго до 20 лѣтъ,—получаютъ двѣнадцатую долю отцовскаго жалованья; съ 12 лѣтъ мальчики поступаютъ въ школы, дѣвицы выдаются замужъ съ приданымъ, равняющимся цѣлому годовому жалованью отца ихъ; если же, по болѣзни или какому-нибудь увѣчью, замужъ идти не могутъ, то получаютъ по смерть двѣнадцатую долю отцовскаго жалованья. Сумма, опредѣленная на содержаніе вдовъ и сиротъ, простиралась до 34,400 рублей. [27] Устройствомъ семинарій коммиссія не имѣла еще возможности заняться, и потому это дѣло отложено было на будущее время.

Отобраніе монастырскихъ населенныхъ имѣній оправдывалось и тѣмъ, что излишекъ доходовъ съ нихъ пойдетъ, между прочимъ, на содержаніе заслуженныхъ воиновъ; поэтому легко представить себѣ безпокойство императрицы, на которую падала отвѣтственность за эту мѣру, когда ей донесли, что мѣра лишается своего оправданія, что инвалиды ходятъ поміру; она не могла успокоиться и тогда, когда справедливость донесенія была оффиціально отвергнута. Въ концѣ ноября Екатерина дала секретную инструкцію капитану и поручику Семеновскаго полка Дурново: «Ѣхать вамъ надлежитъ отселѣ въ Москву. Пріѣхавъ туда, навѣдываться вамъ подъ рукою, есть ли на Москвѣ остаточные сверхъ опредѣленія въ инвалиды отставныхъ солдатъ, прежде при монастыряхъ живущихъ. Здѣсь слухъ носится, будто коммиссія духовная менѣе положила инвалидовъ, нежели при монастыряхъ солдатъ было, и многія сотни остались безъ хлѣба и поміру по Москвѣ будто шатаются, почему отъ меня къ графу Солтыкову писано, и отъ него ко мнѣ присланъ рапортъ, изъ котораго противное значитъ; однакожъ какъ Михаилъ Баскаковъ самъ таковыхъ милостыни просящихъ видѣлъ, то нынѣ васъ посылаю, чтобъ вы истину узнали, о таковыхъ провѣдывали и, сколько возможно, именно ихъ переписывали и обнадеживали ихъ, что они мною не оставлены будутъ, а вы мнѣ пришлите роспись и подавайте такую же графу Солтыкову, которому уже отъ меня приказано, на первый случай, выдать по два рубля на человѣка. Изъ Москвы поѣдете въ Александрову слободу подъ видомъ богомольства, гдѣ вамъ провѣдывать, много ли старицъ сверхъ штатныхъ, сколько имъ дается и въ чемъ ихъ нужды состоятъ и, обнадеживая ихъ немедленнымъ моимъ о томъ разсмотрѣніемъ, пріѣзжайте обратно сюда» [28].

Расколъ постоянно давалъ о себѣ знать. Крестьяне деревни Любача, Медвѣцкой волости, въ Новгородской губерніи, собравшись въ количествѣ 35 душъ въ избу къ крестьянину Ермолину, объявили, что сожгутся. Посланъ былъ поручикъ Копыловъ съ командою; ему велѣно уговаривать ихъ, обѣщать, что если они запишутся въ расколъ и подадутъ о томъ сказки, то будутъ отпущены по домамъ безъ всякаго наказанія за сборище; для увѣщанія отправлены были также архимандритъ и протопопъ; но раскольники объявили: «Ваша вѣра неправая, а наша

истинная христіанская, крестъ четвероконечный прелестный, почитаемъ осьмиконечный, да и въ божественномъ писаніи у васъ много неправостей, и если насъ станутъ разорять, то мы не дадимся и сдѣлаемъ то, что Господь прикажетъ; а если насъ разорять не станутъ, то мы горѣть не хотимъ; пусть дадутъ намъ грамоту за рукою Государыни, чтобъ быть намъ по прежнему, а въ двойномъ окладѣ не быть и въ церкви ходить насъ принуждать не будутъ». На дворѣ вырыли себѣ колодезь, а въ избѣ и на дворѣ днемъ и ночью горѣла свѣча; потомъ пришли къ нимъ еще 26 душъ мужчинъ и женщинъ и заперлись вмѣстѣ. 20 августа раскольники просили Копылова позволить имъ сходить въ огородъ взять себѣ капусты и другихъ овощей, что и было имъ позволено. Вышло изъ избы человѣкъ 20 мужчинъ и женщинъ съ ружьями, рогатинами, топорами и дубинами и, набравши себѣ капусты и другихъ овощей, возвратились въ избу и опять заперлись, а на другой день выходили въ поле для сбора бобовъ. Скотъ, платье и прочіе пожитки продали за безцѣнокъ или отдали на милостыню, хлѣбъ несжатый пропалъ. Копыловъ говорилъ имъ не разъ, чтобы сжали хлѣбъ, но они отвѣчали: «пусть жнетъ кто хочетъ, а насъ Господь и безъ того прокормитъ.» Сенатъ приказалъ доложить императрицѣ, не прикажетъ ли забрать ихъ непримѣтно командою подъ караулъ и сослать въ Нерчинскъ; Екатерина написала на докладѣ: «Выбрать изъ тамо живущихъ раскольниковъ поумнѣе которые и поблагонравнѣе, и послать оныхъ уговаривать; а буде сего не послушаютъ, то учинить по сему докладу». Новгородскій губернаторъ Сиверсъ донесъ, что въ исполненіе этого указа сысканы имъ въ Новгородѣ нѣкоторые къ тому способные люди, которые два раза отправлялись къ запертымъ раскольникамъ и наконецъ успѣли уговорить ихъ разойтись по домамъ и записаться въ окладъ. Мы видѣли, что синодъ смотрѣлъ на Ржевъ Володимеровъ какъ на гнѣздо потаеннаго раскольничества. И теперь онъ потребовалъ отрѣшенія отъ магистратскаго присутствія бургомистра Немилова, ратмановъ Видонова и Волоскова за содержаніе ими потаеннаго раскола и другія противности и продерзости, и отсылки ихъ вмѣстѣ съ другими купцами и раскольниками для слѣдствія, по требованію тверского архіерея. Сенатъ передалъ дѣло новгородскому губернатору. Оказывалось, что раскол-

ники отбивали своихъ, за которыми архіерей присылалъ команду, причемъ Видоновъ бранилъ монаховъ блудниками и прелюбодѣями. Когда на пасхѣ священники пришли къ Видонову съ образами, то онъ запрестольный образъ Богородицы положилъ себѣ на плеча; запѣлъ бездѣльную мерзкую пѣсню, велѣлъ посадской женкѣ Волосковой эту пѣсню подтягивать и оба плясали съ образомъ. Тверской епископъ Аѳанасій опредѣлилъ Ржевскаго соборнаго протопопа Ивана Алексѣева наблюдать за потаенными раскольниками. Протопопъ началъ прилагать объ этомъ ревностное стараніе. Раскольники разсердились на него за это; трое изъ нихъ—Иванъ Меньшой, Климентій Чупятовъ и Михайло Орловъ подкупили находившихся у Ржевскихъ кабацкихъ откупщиковъ подпоручика Коробьина и отставного матроса Шеварина, съ ними, съ ихъ солдатами и съ кабацкими чумаками пришли къ дому протопопа ночью подъ предлогомъ выемки запретнаго вина, разломали ворота и двери, заперли протопопа въ избѣ, сломали у чулана замки, ограбили 84 рубля денегъ, да на 42 рубля пожитковъ, взяли также поставленный у него на сбереженіе помѣщикомъ Рукинымъ боченокъ вина, самого протопопа били смертно, также двѣнадцатилѣтнюю дочь его и малолѣтную служанку; потомъ связали протопопу руки и надѣвъ на него женскую раскольничью шубу, привезли на квартиру кабацкихъ откупщиковъ, а послѣ отвезли въ воеводскую канцелярію и отдали подъ караулъ [29].

Астраханскій епископъ Меѳодій донесъ, что раскольникъ Гавриловъ, пойманный въ Дубовкѣ, объявилъ, что до послѣдняго издыханія желаетъ пребывать въ расколѣ, и когда дубовскій протопопъ съ войсковымъ дьякомъ стали силою принуждать его поклониться образу св. Димитрія Ростовскаго, то онъ вышибъ образъ изъ рукъ дьяка и ударилъ по немъ рукою, отъ чего образъ упалъ на землю. Губернская канцелярія, куда отосланъ былъ Гавриловъ, рѣшила, что преступника должно сжечь, но такъ какъ смертныя казни болѣе не производятся, то наказать кнутомъ и сослать на нерчинскіе заводы. Но синодъ опредѣлилъ: такъ какъ продерзость раскольника Гаврилова произошла не отъ собственнаго его умысла, но потому, что протопопъ и дьякъ силою заставляли его кланяться образу, то они, и особенно протопопъ, какъ человѣкъ духовный, больше виновны, а

потому протопопа и дьяка, оказавшихся въ немаломъ невѣжествѣ и винѣ, епархіальному архіерею оштрафовать духовною епитиміею, а съ Гавриловымъ губернская канцелярія должна поступить такъ, какъ повелѣваютъ поступать указы съ незаписными раскольниками [30].

Въ извѣстной инструкціи, данной кн. Вяземскому императрица, между прочимъ, говорила: «Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями; нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бъ было, однакожь и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностію глупостію. Сіи провинціи, также Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ они обрусѣли и перестали бы глядѣть какъ волки къ лѣсу. Къ тому приступъ весьма легкій, если разумные люди избраны будутъ начальниками въ тѣхъ провинціяхъ; когда же въ Малороссіи гетмана не будетъ, то должно стараться, чтобъ вѣкъ и имя гетмановъ исчезло, не токмобъ персона какая была произведена въ оное достоинство».

Эта инструкція вѣроятно была написана уже послѣ того, какъ получено было извѣстіе о происходившихъ въ Малороссіи движеніяхъ въ пользу наслѣдственнаго гетманства [31]. Это извѣстіе должно было, если не породить, то утвердить въ умѣ Екатерины мысль о необходимости уничтоженія гетманства, «чтобъ вѣкъ и имя гетмановъ исчезло.» Для точнѣйшаго уясненія дѣла естественно было ей обратиться къ человѣку, который хорошо зналъ Малороссію и вѣроятно не разъ, въ разговорахъ, упоминалъ о тамошнемъ безнарядьѣ—то былъ Тепловъ. Теперь Тепловъ долженъ былъ составить записку объ этомъ безнарядьѣ, которая дошла до насъ. Въ Малороссіи, по словамъ Теплова, все управлялось не правомъ и законами, а силою и кредитомъ старшинъ и обманомъ грамотныхъ людей. Въ слѣдствіе такого управленія число свободныхъ землевладѣльцевъ чрезвычайно уменьшилось, а число крѣпостныхъ земледѣльцевъ, напротивъ того, увеличилось. При поступленіи Малороссіи подъ державу всероссійскую было населено менѣе чѣмъ въ половину противъ настоящаго, а между тѣмъ свободныхъ крестьянскихъ дворовъ было гораздо больше, чѣмъ теперь; свободные козаки обращены въ крѣпост-

ное состояніе старшинами и другими чиновными и богатыми людьми. По смерти гетмана Скоропадскаго, по ревизіи, произведенной великорусскими офицерами, свободныхъ дворовъ было 44,961. Изъ этого числа по 1750 годъ роздано не больше 3000 дворовъ, что составляетъ самую малую разность, особенно если принять во вниманіе увеличеніе народонаселенія; и несмотря на то, нынѣшній гетманъ графъ Разумовскій и четырехъ тысячъ дворовъ свободныхъ не нашелъ, о прочихъ же ему донесено, что всѣ крестьяне въ Польшу побѣжали, гдѣ однако, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, крестьянамъ въ подданствѣ у польскихъ пановъ гораздо труднѣе жить, чѣмъ въ Малороссіи, потому что польскіе паны все имѣніе крестьянское почитаютъ своимъ собственнымъ и берутъ подати когда сколько имъ вздумается [32]. Въ самомъ же дѣлѣ нашлось, что всѣ государевы дворы и съ землями раскупили старшина и другіе богатые люди у самихъ мужиковъ, которые, будучи свободны, по этому самому будто бы могли сами себя и съ землями продавать. А такъ какъ необходимо, чтобъ всякая купчая утверждена была въ присутственномъ мѣстѣ и подписана сотникомъ той мѣстности, гдѣ находится продаваемая земля, то многія фальшивыя купчія обличаются и тѣмъ, что сотникъ произведенъ въ этотъ чинъ, напримѣръ, въ 1745 году, а купчая скрѣплена имъ, какъ сотникомъ, въ 1737 году. Старшины все это знали, но такъ какъ они всячески стараются, чтобъ всѣ государевы земли переходили въ частныя руки, то никакого препятствія этому не дѣлали. Искорененіе козаковъ, т. е. переходъ ихъ въ помѣщичьи крестьяне происходилъ такъ быстро отъ того, что достаточный козакъ всегда откупался отъ службы, а недостаточный, избѣгая ея, предпочиталъ жить подъ именемъ крестьянина, чѣмъ идти въ походъ; кромѣ того, оставаясь козакомъ, онъ долженъ былъ платить съ имѣнія своего большую подать, которая доходила до рубля и больше, а назвавшись мужикомъ, не имѣющимъ земель, ни собственности, платилъ въ годъ алтынъ, или двѣ копѣйки по раскладкѣ, наравнѣ съ другими *подсусѣдками*; а во всякое время сами козаки плачивали помѣщикамъ, чтобъ тѣ приняли отъ нихъ на ихъ земли купчія и такимъ образомъ избавили ихъ отъ обязанности идти въ походъ.

Малороссійскіе города, мѣстечки, села, деревни, слободы и

хутора съ пахатными и сѣнокосными землями не имѣютъ никакого обмежеванія, все основывается на старинномъ будто занятіи и на крѣпостяхъ, большею частію фальшивыхъ, но иныя владѣютъ землями просто вслѣдствіе наѣзда сильнаго на слабаго. Наѣзды сопровождаются смертоубійствами, что ведетъ къ безконечнымъ, разорительнымъ процессамъ. Козаки, оставшіеся незакрѣпощенными, живутъ разбросанные по разнымъ мѣстамъ, вдали отъ своего сотника и находятся въ рукахъ разныхъ помѣщиковъ. Хотя гетманскіе универсалы и гласятъ, что помѣщикамъ до козаковъ и земель ихъ въ той деревнѣ, или и мѣстечкѣ, которыя помѣщику принадлежатъ, дѣла никакого нѣтъ: однако, есть ли возможность бѣдному и безпомощному козаку противиться и сотнику въ сотнѣ, и сильному помѣщику въ томъ селѣ или деревнѣ, гдѣ козакъ живетъ? Козаки строютъ сотнику домъ, косятъ на него сѣно, выставляютъ подводы, не упоминая о другихъ разореніяхъ. Избраніе въ сотники происходитъ такимъ образомъ: какъ скоро придетъ вѣсть, что сотникъ умеръ, то прежде чѣмъ объ этомъ узнаетъ гетманъ, полковые старшины посылаютъ надобнаго имъ человѣка въ сотню для управленія ею до опредѣленія новаго сотника. Этотъ человѣкъ не сомнѣвается, что сотня его, и, пріѣхавъ на мѣсто, выкатываетъ нѣсколько бочекъ вина безграмотнымъ козакамъ, подкупаетъ священника и дьячка, тѣ соберутъ рукоприкладства отъ пьяныхъ и выборъ готовъ. Избранный истратитъ нѣсколько червонныхъ въ высшемъ мѣстѣ и утверждается сотникомъ. Эти сотники воспитываются такимъ образомъ: люди изъ лучшихъ фамилій, выучивъ сына читать и писать по-русски, посылаютъ его въ Кіевъ, Переяславль или Черниговъ для обученія латинскому языку; не успѣетъ молодой человѣкъ здѣсь немного поучиться, какъ отецъ беретъ его назадъ и записываетъ въ канцеляристы, изъ которыхъ онъ и поступаетъ въ сотники, хотя козаки, которые его выберутъ, и имени его прежде не слыхивали.

Сильно вредитъ малороссійскому народу вольный переходъ съ мѣста на мѣсто; благодаря ему бѣдные помѣщики часъ отъ часу приходятъ въ большую бѣдность, богатые усиливаются, а мужики становятся пьяницами, лѣнивцами и нищими, которые въ благословенной плодородіемъ странѣ умираютъ съ голоду. Богатые землею помѣщики населяютъ ее такимъ образомъ: опре-

дѣленный для того служитель идетъ переманивать крестьянъ у бѣдныхъ помѣщиковъ, прельщая ихъ большими льготами, что удается очень легко, потому что бѣдный помѣщикъ заставляетъ крестьянина своего больше работать, чѣмъ богатые; или богатый помѣщикъ выставитъ на пустой землѣ своей большой деревянный крестъ, на которомъ для грамотныхъ напишетъ, а для неграмотныхъ проверченными скважинами означитъ, на сколько лѣтъ онъ обѣщаетъ новопоселившимся льготы отъ всѣхъ оброковъ и господскихъ работъ. Лѣнивые мужики не перестаютъ навѣдываться, гдѣ выставленъ крестъ, на поселеніе слободы, и, провѣдавъ, выбираютъ мѣсто, которое имъ покажется льготнѣе. Такимъ образомъ вылеживаетъ мужикъ урочные годы въ крайней лѣности, а къ концу срока провѣдываетъ о новой кличкѣ на слободку, ищетъ новаго креста, и такимъ образомъ весь свой вѣкъ нигдѣ не заводитъ никакого хозяйства, а таскается отъ одного креста къ другому, перевозя свою семью. Они не заводятъ у себя никакого домоводства и потому, чтобъ удобнѣе было съ мѣста на мѣсто подняться, ибо переходъ надобно сдѣлать тайкомъ отъ помѣщика, который подъ предлогомъ, что крестьянинъ все свое имѣніе нажилъ на его землѣ, какъ скоро узнаетъ о намѣреніи его перейти, грабитъ все его имѣніе. Такъ поступаютъ помѣщики не сильные; а сильные, заманивши однажды на свою землю мужика, много и другихъ способовъ имѣютъ не выпустить его отъ себя. Такимъ образомъ въ плодородной Малороссіи земледѣлецъ терпитъ голодъ, убогій помѣщикъ въ большую бѣдность впадаетъ, а богатый усиливается числомъ подданныхъ, государственная же выгода не только не возрастаетъ, но часъ отъ часу уменьшается.

Тепловъ оканчиваетъ свою записку такъ: «Сіи суть только генерально показанные непорядки въ малороссійскомъ народѣ; но ежели бы нужда востребовала все сіе яснѣе показать, то надлежитъ только заглянуть въ теченіе ихъ судовыхъ дѣлъ, въ произведеніе государевыхъ повелѣній и во внутреннюю ихъ собственную экономію: тогда множайшіе еще показаться могутъ. Много о томъ, какъ видно, помышлялъ императоръ Петръ Великій, но понеже край малороссійскій до познанія его въ самое жесточайшее время пришелъ, а поправленіе его требовало не малаго времени, то хотя изъ многихъ учрежденій и видны были

по всему сему начатки премудраго государя, да времени не доставало то привести въ порядокъ, что исподоволь дѣлать надлежало; а между тѣмъ смерть сего великаго монарха застигла, и больше никто о томъ не мыслилъ»[33].

Эта любопытная записка, подтверждаемая извѣстіями, которыя мы вносили въ свою исторію, начиная съ XVII вѣка, представляетъ намъ наглядное объясненіе тѣхъ явленій, которыя происходили въ западной Европѣ на рубежѣ древней и средней исторіи, когда въ слѣдствіе неразвитости экономическаго быта и слабости государственной, исчезали мелкіе землевладѣльцы, становясь подданными землевладѣльцевъ сильнѣйшихъ. Эта же записка объясняетъ намъ и уничтоженіе перехода крестьянъ на сѣверѣ, когда увидали необходимость обезпечить бѣднаго служилаго человѣка, помѣщика, отъ переманивателей и крестовъ богатаго землевладѣльца.

Записка Теплова могла только окончательно утвердить императрицу въ намѣреніи покончить съ безпорядочнымъ бытомъ Малороссіи и начать съ уничтоженія гетманства. Движенія для установленія наслѣдственнаго гетманства служили предлогомъ, ибо безъ того трудно было бы отнять гетманство у Разумовскаго, показавшаго столько преданности въ трудныхъ обстоятельствахъ. Дѣло впрочемъ и тутъ кончилось нескоро. До насъ дошла записка Екатерины къ Н. И. Панину, къ сожалѣнію безъ числа: «Никита Ивановичъ, гетманъ былъ у меня, и я имѣла съ нимъ экспликацію, въ которой онъ все то же сказалъ, что и вамъ, а наконецъ просилъ меня, чтобъ я съ него столь трудный и его персонѣ опасный чинъ сняла. Я на то отвѣтствовала, что я теперь о его вѣрности уже сумнѣваться не могу, а впредь съ нимъ далѣе изъяснюсь. Теперь извольте ему моимъ именемъ сказать, сегодня или завтра, чтобъ онъ письменно подалъ то, что онъ мнѣ говорилъ». Въ другой запискѣ къ тому же лицу императрица пишетъ: «приведите, пожалуй, скорѣе къ окончанію дѣло гетманское»[34]. Гетманъ подалъ наконецъ просьбу объ увольненіи: «Посвящая во всѣ времена преданности моей и вѣрности къ священной особѣ вашего императорскаго величества все мое благосостояніе, теперь нахожу, что дальнѣйшее въ гетманскомъ званіи мое пребываніе можетъ коснуться сего моего главнаго въ жизни обязательства, и потому дерзаю всеподданнѣйше про-

сить ваше императорское величество о снятіи съ меня столь, тяжелой и опасной мнѣ должности. Всемилостивѣйшая государыня! Вы всевысочайше знать изволите состояніе и обстоятельства моей многолюдной фамиліи. Я себя и съ нею подвергаю монаршимъ стопамъ съ достовѣрною надеждою, что сей моего чистосердечія и вѣрности поступокъ обратитъ ко мнѣ и къ дѣтямъ моимъ вашего императорскаго величества монаршее призрѣніе и щедроту и не будетъ мнѣ къ чувствительному ущербу ихъ воспитанія, содержанія и пристроенія» [35].

Императрица передала просьбу гетмана на обсужденіе коллегіи иностранныхъ дѣлъ, которая доложила, что «всемѣрно воспользоваться надлежитъ просьбой Разумовскаго: для того что по многимъ и важнымъ политическимъ уваженіямъ гетманское въ Малой Россіи правленіе въ разсужденіи существа своего и искусствъ (опытовъ) прошедшихъ временъ съ интересомъ государственнымъ весьма несходно. По увольненіи гетманскомъ поручить правленіе Малой Россіи одной изъ здѣшнихъ знатныхъ повѣренной особѣ, при ней 4 великороссіянамъ и 4 малороссіянамъ. Прежде великороссіяне сидѣли по правую, а малороссіяне по лѣвую сторону, что утверждало въ малороссіянахъ развратное мнѣніе, по коему поставляютъ себя народомъ отъ здѣшняго совсѣмъ отличнымъ; для уничтоженія сего мнѣнія всю малороссійскую старшину уравнять въ классахъ съ здѣшними и сидѣть членамъ коллегіи смѣшанно по старшинству. Способнѣйшими для занятія членскихъ мѣстъ признаются изъ малороссіянъ: обозный генеральный Кочубей, писарь генеральный Туманскій, есаулъ генеральный Журавка, да хорунжій генеральный Апостолъ. Быть въ коллегіи прокурору изъ великороссіянъ» [36].

10 Ноября данъ былъ сенату именной указъ объ учрежденіи малороссійской коллегіи вмѣсто гетманскаго правленія. Предсѣдателемъ назначенъ генералъ графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ; малороссійскими членами назначены были лица указанныя иностранною коллегіею; великороссійскими императрица назначила генералъ-майора Бранта и полковника князя Платона Мещерскаго, избраніе же двоихъ другихъ членовъ предоставлялось сенату; прокуроромъ императрица назначила подполковника Алексѣя Семенова; двоихъ секретарей, одного изъ великороссіянъ, а другого изъ малороссіянъ, и канцелярскихъ служителей

долженъ былъ выбрать графъ Румянцевъ. Утверждено было представленное иностранною коллегiею уравненiе въ классахъ. О значенiи Румянцева въ указѣ говорилось: «Сему опредѣленному отъ насъ главному малороссiйскому командиру быть въ такой силѣ, какъ генералъ-губернатору и президенту малороссiйской коллегiи, гдѣ онъ, по дѣламъ суда и расправы, имѣетъ и голосъ предсѣдателя; а въ прочихъ дѣлахъ, яко-то: содержанiя въ народѣ добраго порядка, общей безопасности и исполненiя законовъ, долженъ онъ поступать съ властiю губернаторскою, т. е. какъ особливо повѣренный отъ насъ въ отсутственномъ мѣстѣ. Запорожской Сѣчѣ быть нынѣ вѣдомой въ семъ малороссiйскомъ правительствѣ [37]».

Новый малороссiйскiй командиръ получилъ отъ императрицы обширное наставленiе относительно своей должности. «Извѣстны каждому, говорилось въ этомъ наставленiи, пространной Малороссiи обширность, многолюдство живущаго въ ней народа, великое ея плодородiе и по добротѣ климата различныя предъ многими имперiи нашей мѣстами преимущества; но напротивъ того не меньше извѣстно всѣмъ и то, что Россiя при всемъ томъ весьма малую, а во время послѣдняго гетманскаго правленiя почти и никакой отъ того народа пользы и доходовъ понынѣ не имѣла. Сверхъ сего вкоренившiеся тамъ многiе непорядки, неустройства, несообразимое смѣшенiе правленiя воинскаго съ гражданскимъ, отъ неясности различныхъ чужихъ законовъ и правъ происхожденiя; въ судѣ и расправѣ безконечныя волокиты и притѣсненiя; самопроизвольное нѣкоторыхъ мнимыхъ привилегiй и вольностей узаконенiе, а настоящихъ частое и великое во зло употребленiе; весьма вредные какъ владѣльцамъ, такъ и самимъ посполитымъ людямъ съ мѣста на мѣсто переходы; закоснѣлая почти во всемъ народѣ къ земледѣлiю и другимъ полезнымъ трудамъ лѣность, и такая же примѣчаемая въ немъ внутренняя противъ великороссiйскаго ненависть, представляютъ вамъ весьма пространную значительнаго наблюденiя и старанiя вашего матерiю». Румянцевъ долженъ былъ имѣть подробную и вѣрную карту своей губернiи, и кромѣ этой генеральной карты еще нѣсколько специальныхъ, а городамъ и знатнымъ строенiямъ планы и чертежи. «Изъ такихъ картъ, плановъ и чертежей составляемая книга, правда, не можетъ скоро сдѣлана быть: одна-

кожъ что не начато, то никогда и сдѣлано не будетъ.» Румянцевъ своею гражданскою властію долженъ былъ помогать архіереямъ при ихъ заботахъ о наблюденіи закона Божія, «довольно вѣдая что истинный страхъ Божій есть первое средство къ истребленію поползновенныхъ къ порокамъ и злодѣйствамъ склонностей, а напротивъ того къ вкорененію въ людяхъ добронравія и честности. Надлежитъ вамъ искуснымъ образомъ присматривать и за архіереями и ихъ подчиненными, дабы различными закоснѣлаго въ нихъ властолюбія ухищреніями не выступали они изъ надлежащихъ сана своего предѣловъ, простирая иногда власть свою духовную надъ мірскою, иногда же разсѣевая въ народѣ простомъ и суевѣрномъ разные ихъ намѣреніямъ полезные, общему же покою предосудительные плевелы, къ томужъ не безъизвѣстно, что обучающіеся богословію и опредѣляющіе себя здѣсь къ чинамъ духовнымъ какъ въ заграничныхъ польскихъ, такъ и въ самыхъ малороссійскихъ училищахъ, по развратнымъ правиламъ римскаго духовенства, заражаются многими ненасытнаго властолюбія началами, котораго вредными слѣдствіями наполнены прошедшихъ временъ исторіи европейскія. Сего ради должны вы стараться узнать совершенно власть тамошняго духовенства по всѣмъ ея околичностямъ, такожъ имѣнія и доходы. И какъ по сему весьма нужно, чтобъ въ архіереи и архимандриты посвящаемы были такіе люди, отъ которыхъ бы, по настоящему смиренію и крѣпости духовной, резонабельныхъ сентиментовъ ожидать было можно, то не худо, чтобъ вы заранѣе таковыхъ знали и въ свое время на убылыя архіерейскія и архимандричьи мѣста прямо отъ себя намъ самимъ кандидатами представляли, описывая притомъ искусство и образъ мыслей и житія ихъ. Необходимая надобность состоитъ въ томъ, чтобъ извѣстно было правительству и вамъ точное число народа малороссійскаго, и не оставите вы представить намъ мнѣніе ваше, на какомъ основаніи и какимъ образомъ новую во всей Малороссіи ревизію учредить. И какъ не можно располагаемымъ поборамъ ни прочнаго въ установленіи своемъ основанія имѣть, ниже въ извѣстной всегда суммѣ обращаться, покуда продолжаться будутъ земледѣльцевъ съ мѣста на мѣсто переходы, то надлежитъ вамъ прилагать крайнее стараніе ваше, тамошній народъ всѣми удобовозможными способами привесть къ тому, чтобъ

оные переходы вовсе пресѣчены были. Впрочемъ, думаемъ мы, что при безпристрастномъ о сихъ переходахъ разсужденіи какъ помѣщики, такъ и земледѣльцы сами ясно понять должны существительную оныхъ на обѣ стороны безполезность. Непостоянство и непрочность перемѣнныхъ въ земледѣліи и въ сельской экономіи распорядковъ, конечно, помѣщикамъ въ пользу служить не могутъ; земледѣльцы же, питаясь въ семъ случаѣ одною только вольности мечтою, не понимаютъ, что полагаемые въ землѣдѣліи труды ихъ не токмо для нихъ и ихъ потомковъ на непремѣнныхъ селеніяхъ несравненно полезнѣе, но, и укоренясь на оныхъ, вольности своей чрезъ то не лишатся, по примѣру крестьянъ многихъ европейскихъ государствъ, гдѣ они хотя некрѣпостные и некабальные, живутъ однакожъ и остаются для собственной своей выгоды всегда на однихъ мѣстахъ».

Румянцеву предписывалось обратить особенное вниманіе на первоначальную промышленность въ слѣдствіе необыкновеннаго плодородія страны, на усиленіе табачнаго производства и на размноженіе тутовыхъ деревьевъ, также на улучшеніе овцеводства; стараться о сбереженіи лѣсовъ, объ исправномъ содержаніи путей сообщенія; накрѣпко смотрѣть и провѣдывать тайно и явно, нѣтъ ли кому утѣсненія въ судѣ. Въ заключеніе говорится: «Осталось еще упомянуть объ одномъ пунктѣ, который особливо при учрежденіи нынѣшняго въ Малороссіи новаго правленія заслуживаетъ нѣкотораго политическаго примѣчанія. Состоитъ оный въ упомянутой сокровенной ненависти тамошняго народа противъ здѣшняго, который опять, съ своей стороны, пріобыкъ оказывать не непримѣтное къ малороссіянамъ презрѣніе. И какъ та ненависть особливо примѣчается въ старшинахъ тамошнихъ, кои, опасаясь видѣть когда-нибудь предѣлы беззаконному и корыстолюбивому ихъ своевольству, болѣе вперяютъ оную въ простой народъ, стращая его сперва нечувствительною, а современемъ и совершенною утратою правъ ихъ и вольности, то нѣтъ сомнѣнія, чтобъ они, при настоящей правленія ихъ перемѣнѣ, тѣмъ паче не усугубили тайно коварство свое, что пресѣченіе прежнихъ безпорядковъ и установленіе лучшихъ учрежденій не будетъ согласоваться съ ихъ прихотями и собственною корыстію. Въ семъ разсужденіи не оставите вы наблюдать прилежно, но безъ явнаго виду и огласки поведенія

тамошнихъ старшинъ, особливо же тѣхъ кои хотя мало подозрительными себя окажутъ, дабы иногда умышляемое зло заблаговременно свѣдано и предупреждено быть могло. И хотя время само собою откроетъ глаза народу и докажетъ, сколь много онъ облегченъ и благоденствовать будетъ, когда устроеніемъ лучшихъ во всемъ порядковъ увидитъ себя избавленнымъ отъ мучившихъ его вдругъ многихъ маленькихъ тирановъ, однакожь и въ нынѣшнее время разные способы поспѣшествовать вамъ могутъ праводушіемъ, безкорыстливостію, снисхожденіемъ и ласкою истребить неосновательныя его опасенія и пріобрѣсть къ себѣ любовь его и довѣренность» [38].

Какъ видно, это наставленіе привезъ къ Румянцеву Тепловъ, потому что отъ 15 ноября сохранилась слѣдующая записка Екатерины къ Румянцеву [39]: «Графъ Петръ Александровичъ, *при семъ* посылаю къ вамъ Теплова, дабы вы имѣли съ нимъ большую конверзацію о Малороссіи.» Наставленіе было написано явно подъ вліяніемъ записки Теплова; очень вѣроятно, что и наставленіе было написано тѣмъ же Тепловымъ. Это участіе Теплова въ уничтоженіи гетманства заставляло нѣкоторыхъ смотрѣть на него какъ на измѣнника въ отношеніи къ Разумовскому; толковали даже что и донесеніе о движеніи въ пользу наслѣдственнаго гетманства подано Тепловымъ; ходилъ разсказъ, что когда Разумовскій, по пріѣздѣ изъ Малороссіи, явился во дворецъ, гдѣ его встрѣтилъ Тепловъ съ распростертыми объятіями, то графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ сказалъ: «И лобза его же предаде.»

Гетманство въ Малороссіи было уничтожено, и на этотъ разъ окончательно. Еще прежде, весною описываемаго года, елисаветинское военное поселеніе на южной украйнѣ, или Новая Сербія преобразована была въ губернію; братья Панины, Никита и Петръ, разсматривавшіе докладъ извѣстнаго генералъ-поручика Мельгунова объ этомъ преобразованіи, представили императрицѣ, что новую губернію надобно назвать Екатерининскою; но императрица написала въ резолюціи: называть — Новороссійская губернія. Екатерина утвердила представленіе Паниныхъ о присоединеніи къ Новороссійской губерніи угла земли отъ верховья рѣки Ингула косою линіею до мѣстечка Орелъ, лежащаго у польской границы по рѣкѣ Синюхѣ; этотъ степной уголъ считался въ запорожскомъ владѣніи. Императрица назначила глав-

главнымъ командиромъ новой губерніи Мельгунова, который долженъ былъ пріѣзжать каждую зиму въ Петербургъ для поднесенія докладовъ объ успѣхѣ дѣла. Успѣхъ этотъ долженъ былъ состоять въ скорѣйшемъ населеніи пустыннаго края. Для этого желающимъ селиться даны были льготы: каждому давался участокъ (изъ 26 десятинъ, если на землѣ лѣсъ есть, и изъ 30 десятинъ безлѣсной земли) земли въ вѣчное потомственное владѣніе, позволена была вольная продажа соли и вина и безпошлинный вывозъ и ввозъ товаровъ; кто записывался въ полки, тому давалось по 30 рублей безвозвратно, записавшимся на поселеніе по 12 рублей безъ различія, будетъ ли то иностранный подданный или русскій, вышедшій изъ-за границы. Всякій можетъ взять земли сколько пожелаетъ съ условіемъ населить ее; но въ вѣчное владѣніе никому не дается болѣе 48 участковъ; никто также больше 48 участковъ купить не можетъ. Поселенцы освобождаются отъ податей на извѣстное число лѣтъ, — отъ 6 и 8 до 16, по разсмотрѣнію главнаго командира, который беретъ въ разсчетъ удобность земли и заселенія ея. Поселенцы должны были строить домы каменные или мазанки для сохраненія лѣса, на заборы и огороды дерева не употреблять, огораживать землянымъ валомъ; винокуренъ никто не могъ имѣть, кромѣ того, кто посѣетъ и выраститъ строевой лѣсъ, хлѣбное вино дозволено было вывозить изъ Польши; кто посѣялъ лѣсъ, тотъ получаетъ право вѣчнаго владѣнія засѣяннымъ урочищемъ. Докладъ оканчивался статьею о школахъ: въ школу брать всѣхъ малолѣтныхъ, учить читать, писать, ариѳметикѣ, закону; а кто способенъ или самъ пожелаетъ, тѣхъ иностраннымъ языкамъ и другимъ наукамъ; неимущихъ и сиротъ содержать на казенномъ коштѣ; достаточнымъ же за содержаніе въ казну платить, а за науку ни съ кого ничего не требовать. Для женскаго пола такой же воспитательный домъ учредить: изъ сего послѣдуетъ немалое поправленіе суровыхъ и жестокосердыхъ обычаевъ способомъ благонравныхъ женщинъ, а особливо и то вкоренить весьма нужно, чтобъ женщины съ младенчества обучались и привыкали бы къ домостройству и всякой приличной работѣ. Для сиротъ и увѣчныхъ больницу, а для приказныхъ дѣтей домы учредить на казенномъ коштѣ, дабы во всемъ селеніи ни-

щаго и странствующаго, также и безвиннаго младенца, безъ призрѣнія не находилось»[40].

Кромѣ упомянутаго угла, отрѣзаннаго отъ такъ называемыхъ запорожскихъ владѣній къ новороссійской губерніи, къ ней же присоединена была провинція Екатерининская, составленная изъ земель, лежащихъ за пограничною линіею въ степи, на которыхъ оказались русскія поселенія, отъ устья рѣки Усть-Самары по устье рѣки Луганчика, включая сюда же Новосербію и Володаги.[41]) Въ концѣ года императрица утвердила докладъ сенаторовъ, кн. Шаховскаго, Панина и Олсуфьева объ учрежденіи изо всѣхъ слободскихъ полковъ особой губерніи, подъ именемъ Слободско-Украинской. Изъ доклада узнаемъ, что до тѣхъ поръ «служба козачья состояла на содержаніи свойственничьемъ и подпомощниковъ, и на сіе общество расписывались, для содержанія и снабженія каждаго козака, ежегодныя складки, которыя непремѣнными и равными никогда быть не могли; а какъ нерѣдко случалось, что или во время или послѣ росписанія такой складки, изъ росписаннаго числа душъ многіе переходами на владѣльческія земли и иными случаями выбывали, и оставалась иногда только половина, то уже одни оставшіеся, будучи принуждены содержать козаковъ и снабдѣвать ихъ всѣми потребностями, несли великую тягость.» Изъ этого любопытнаго извѣстія мы видимъ, какъ на русскихъ украйнахъ сохранялись еще первоначальныя формы быта, формы первоначальныхъ союзовъ—родоваго и закладничества, подлѣ свойственниковъ видимъ и захребетниковъ которые здѣсь называются подпомощниками и подсосѣдками. Собственниковъ, подпомощниковъ и подсосѣдковъ въ новой губерніи было 154,808 душъ, и каждая душа платила по 95 копѣекъ; живущихъ за разными владѣльцами и старшинами подданныхъ Черкасъ (Малороссіянъ) было 328,814 душъ, платившихъ по 60 коп. Свободный переходъ поселянъ съ мѣста на мѣсто существовалъ и здѣсь въ описываемое время. Губернатора, воеводъ и прокурора въ новую губернію велѣно опредѣлить, на первый случай, изъ Великороссіянъ, а въ товарищи губернаторскіе и воеводскіе изъ тамошнихъ заслуженныхъ старшинъ[42].

Восточная украйна требовала также постояннаго вниманія. Бибиковъ доносилъ изъ Казанской губерніи: «Съ того времени

какъ состоялся указъ о штатахъ, присутствующіе здѣсь въ губернской канцеляріи и по разнымъ конторамъ судьи отъ мздоимства и взятокъ, какъ слышно, воздерживаются, а если лихоимство и есть, то конечно съ большею предъ прежнимъ скромностію, секретари и подъячіе не такъ нагло взятокъ по дѣламъ требуютъ: но они не преминули однако разгласить, будто бы опять, пока на жалованье сумма соберется, велѣно кормиться отъ дѣлъ. Мнѣ отъ нѣкоторыхъ секретарей и воеводъ здѣшней губерніи слышать случалось, что нынѣ опредѣленное жалованье и четвертой доли прежнихъ ихъ поживъ не замѣняетъ; по разглашенному же отъ секретарей и подъячихъ слуху привыкшій давать взятки простой народъ безъ затрудненія давать подарки будетъ. Здѣшній губернаторъ князь Тенишевъ, находясь здѣсь около 8 лѣтъ и бывъ прежде вице-губернаторомъ, какъ видно, доволенъ тѣмъ, что до сихъ поръ собралъ и отъ мздоимства воздерживается, но не достаетъ ему нужныхъ для его должности знаній, потому въ дѣлахъ слѣдуетъ совѣтамъ секретарскимъ, и чрезъ то секретарское и подъяческое пронырство къ отягощенію челобитчиковъ находитъ средство помѣщаться. Коллежскій совѣтникъ Кудрявцевъ и прокуроръ Воронцовъ, кромѣ подписанія своего имени, едвали какое ни есть дѣло исправлять въ состояніи съ тою только разницею, что Кудрявцевъ, какъ сказываютъ, къ мздоимству склоненъ, а прокуроръ тому чуждъ. Въ губернской же канцеляріи присутствуетъ губернаторскій товарищъ и Казанской гимназіи директоръ надворный совѣтникъ Кожинъ, который не только отъ мздоимства вовсе свободенъ, но и все свое стараніе и попеченіе прилагаетъ о томъ, чтобъ дѣла по предписаннымъ законамъ и безъ замедленія отправлялись; но такъ какъ ему никто не помогаетъ, то признается и самъ, что вкоренившійся въ дѣлахъ непорядокъ, пронырства секретарей и подъячихъ отвратить почти способовъ не находитъ»[43].

Еще въ началѣ 1763 года императрица, будучи въ Сенатѣ, слушала челобитную новокрещенъ Казанскаго, Чебоксарскаго и Козмодемьянскаго уѣздовъ, чтобъ ихъ всѣхъ уволить отъ рекрутской повинности, а только бы брать дѣтей ихъ въ школы, называться новокрещенными не запрещать и положенныя на нихъ вновь подушныя деньги сложить, для защиты ихъ отъ при-

сутственныхъ мѣстъ опредѣлить по прежнему надворнаго совѣтника Сокольникова или другого кого. Императрица велѣла сенату имѣть конференцію съ синодомъ. Дѣло шло медленно, и только черезъ годъ утвержденъ былъ докладъ, поданный конференціею. Докладъ состоялъ въ слѣдующихъ пяти статьяхъ: 1) иновѣрцамъ не платить податей за новокрещенныхъ и не отправлять за нихъ рекрутской повинности, чтобъ этимъ не принуждать ихъ къ побѣгамъ, тѣмъ болѣе, что иновѣрцевъ осталось уже не много, бо́льшая часть крестились; 2) по истеченіи трехлѣтней льготы, новокрещеннымъ все платить и исполнять наравнѣ съ государственными крестьянами, а вмѣсто рекрутъ брать съ нихъ деньгами; 3) новокрещенской конторѣ и разнымъ защитникамъ не быть, а вѣдать новокрещенъ въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ; 4) хотя сенатъ и синодъ представили, чтобъ въ Казанской губерніи учрежденнымъ для новокрещенъ школамъ не быть, ибо синоду извѣстно, что обучающіеся въ нихъ новокрещенскія дѣти по большей части къ обученію неспособны; но императрица собственноручно написала: «школъ не отрѣшать, а имъ дать на волю дѣтей въ школахъ или при приходскихъ церквахъ обучать и никому принужденія не чинить;» 5) для обращенія иновѣрцевъ быть проповѣдникамъ въ Казанской епархіи троимъ, въ тобольской, иркутской и тамбовской—по два, въ нижегородской, рязанской, вятской и астраханской по—одному [44].

По ту сторону Уральскихъ горъ вскрывала печальныя явленія коммиссія, назначенная для новой раскладки ясака. Якутскій казачій пятидесятникъ Баженовъ сказывалъ, что онъ отправляется въ ясачные тунгузскіе шесть улусовъ для сбора лошадей; но это порученіе онъ купилъ, заплативши за него воеводѣ Лебедеву 150 рублей, которые принужденъ былъ занять. Лебедевъ показалъ, что Баженовъ принесъ ему 150 рублей добровольно, и онъ взялъ въ слѣдствіе крайней бѣдности, за неполученіемъ жалованья; и съ другихъ, отправлявшихся за ясакомъ бралъ безъ вымогательства, и принужденъ былъ это дѣлать по тамошней дороговизнѣ, за неимѣніемъ такихъ дѣлъ, отъ которыхъ можно себя содержать; онъ проѣхалъ до Якутска 9000 верстъ на своемъ иждивеніи, занявши до 1500 рублей. Лебедевъ лишенъ былъ всѣхъ чиновъ съ запрещеніемъ опредѣлять его къ какимъ бы то ни было дѣламъ.

Въ Сибири издавна существовала особаго рода промышленность—разрываніе кургановъ или бугровъ съ цѣлью поживиться вещами, закопанными въ могилы вмѣстѣ съ покойниками въ древнія времена. Теперь правительство узнало, что разрывать бугры или зюнгарскія кладбища въ Сибири запрещено, и сдѣланъ былъ запросъ сибирскому губернатору Чичерину о причинахъ запрещенія. Чичеринъ отвѣчалъ что такое *бугрованіе* въ степи запрещено подъ жестокимъ наказаніемъ по той причинѣ, что съ этого бугрованья непріятель хваталъ въ плѣнъ русскихъ людей или побивалъ [45].

Въ маѣ мѣсяцѣ сенатъ слушалъ любопытное изложеніе дѣла о камчатской экспедиціи и сношеніяхъ съ Китаемъ по поводу амурскихъ береговъ. Камчатская экспедиція началась съ 1724 года; бывшій ея начальникъ капитанъ-коммандоръ Берингъ доходилъ до американскихъ береговъ, а капитанъ Шпанбергъ былъ у японскихъ береговъ, гдѣ народъ оказался склоннымъ къ торговлѣ, но по причинѣ трудности доставлять припасы въ эту экспедицію, она въ 1743 году остановлена впредь до новаго указа. Въ 1753 году, по предложенію Петра Ив. Шувалова, въ сенатѣ опредѣлено относительно возобновленія экспедиціи спросить мнѣнія у сибирскаго губернатора Мятлева. Мятлевъ представилъ, что прежде всего надобно усилить хлѣбопашество въ Нерчинскомъ уѣздѣ и хлѣбъ отпускать во всѣ крѣпости и остроги, лежащіе по сѣверовосточнымъ берегамъ, рѣками — Ингодою, Аргуномъ и Амуромъ. Но коллегія иностранныхъ дѣлъ представила, что рѣка Амуръ уступлена по трактату въ китайскую сторону. По мнѣнію коллегіи надобно было при соединеніи рѣки Ингоды съ Аргуномъ пріискать удобное мѣсто для постройки судовъ и справиться о глубинѣ рѣки Амура, и если глубины довольно, то строить тутъ и морскія суда, отъ китайскаго же двора требовать свободнаго плаванія по Амуру для русскихъ судовъ; если же рѣка Амуръ явится мелководна, то домогаться въ Пекинѣ позволенія на устьѣ Амура построить небольшую крѣпость и завести корабельныя верфи; когда возобновится экспедиція, то склонять въ подданство такіе народы, которые никакой другой державѣ не подвластны. По этому представленію въ сенатѣ было опредѣлено: иностранная коллегія должна домогаться у китайскаго двора свободнаго плаванія по

Амуру, а между тѣмъ на рѣкѣ Ингодѣ, гдѣ она соединялась съ Аргуномъ, пріискать удобное мѣсто къ строенію судовъ, къ чему употреблять морскихъ служителей, оставшихся въ Сибири отъ камчатской экспедиціи и геодезистовъ; построить два судна, которыя бы могли Амуромъ и потомъ моремъ плыть въ русскіе порты, приготовить для этихъ судовъ все нужное и провіантъ на людей, и когда китайскій дворъ позволитъ свободное плаваніе по Амуру, то суда эти отправить немедленно съ приказаніемъ описать подробно рѣку Амуръ и прилежащія къ ней мѣста.

Только въ 1756 году отправленъ былъ въ Пекинъ совѣтникъ Братищевъ; по возвращеніи его, въ сентябрѣ 1758 года коллегія иностранныхъ дѣлъ представила въ сенатъ, что китайскій дворъ отказалъ въ позволеніи русскимъ судамъ плавать по Амуру, и въ грамотѣ китайскаго трибунала отъ 23 сентября 1757 года написано, что богдыханъ указалъ слѣдующее: «у насъ отъ вѣка того не бывало, чтобъ Россіи позволено было въ какое-нибудь мѣсто провозить свой хлѣбъ рѣкою Амуромъ, чего и нынѣ никоимъ образомъ позволить нельзя». Въ журналѣ бытности въ Пекинѣ Братищева показано, по развѣдыванію находящагося при немъ секундъ-майора Якоби, что богдыханъ, разсмотря русскую грамоту, въ которой заключалась просьба о пропускѣ русскихъ судовъ по Амуру, сказалъ: «Хитрая Россія проситъ съ почтеніемъ, да притомъ и объявляетъ, что уже для того плаванія и суда приказано готовить, чѣмъ даютъ знать, что и не получа позволенія могутъ сами идти.» Въ 1764 году сенатъ возобновилъ дѣло и, по его требованію, коллегія иностранныхъ дѣлъ донесла: «какъ ни увѣрена она въ необходимости и пользѣ того, чтобъ русскія суда рѣкою Амуромъ ходили свободно, но, по извѣстному упорству въ томъ китайскаго двора, не находитъ теперь способовъ возобновить свои домогательства» [46].

Отъ далекихъ береговъ Амура вниманіе отвлекалось событіями, происходившими на берегахъ Вислы. Выборы польскаго короля должны были имѣть рѣшительное вліяніе на опредѣленіе отношеній императрицы къ ея главнымъ совѣтникамъ по иностраннымъ дѣламъ: Бестужеву—Рюмину и Панину. Бестужевъ проигрывалъ въ довѣріи Екатерины, твердя, что надобно оставить польскій престолъ въ саксонской династіи; Панинъ выигрывалъ тѣмъ, что вполнѣ согласовался съ желаніями императрицы. До-

несеніе Кейзерлинга о противодѣйствіи Бестужева видамъ Екатерины [47] окончательно убило кредитъ «батюшки Алексѣя Петровича», который съ этихъ поръ не участвуетъ больше въ дѣлахъ до самой смерти своей, послѣдовавшей 10 апрѣля 1766 года. Панинъ одинъ ведетъ иностранныя дѣла, хотя и безъ канцлерскаго титула.

Отъ 24 декабря 1763 года Кейзерлингъ и Репнинъ передали императрицѣ требованія ея кандидата на польскій престолъ, графа Понятовскаго: 1) будущему королю опредѣлить ежегодныя субсидіи и при томъ гарантировать ему прочность престола; 2) полки гвардіи и нѣсколько легкихъ войскъ должны состоять въ непосредственной командѣ короля, а не гетмана, какъ было до сихъ поръ; 3) власть королевская въ раздачѣ чиновъ и награжденій по прежнему должна остаться неотмѣнною. «Эти пункты, писали послы, какъ сами по себѣ ни важны, кажется еще рановременны. Вашему императорскому величеству и королю прусскому непремѣнно нужно, чтобъ въ Польшѣ фундаментальные законы были сохранены, слѣдовательно должно быть сохранено и то, что касается правъ королевскихъ.» Соперникомъ молодому Понятовскому былъ одинъ старикъ Браницкій. «Новыхъ кандидатовъ на тронъ нѣтъ, писалъ Репнинъ, все одинъ и тотъ же гетманъ Браницкій. Внутреннія смуты очень скучны, но не поддерживаемыя ни однимъ государствомъ, онѣ непремѣнно прекратятся сами собою. Отнявши у партій надежду на успѣхъ, можно заставить ихъ уступить своихъ друзей; лишь бы только мы избавились отъ иностранцевъ, лишь бы только конвокаціонный сеймъ исключилъ ихъ изъ числа кандидатовъ, то все кончено. Коронное войско и вооруженія партіи Браницкаго безпокоятъ нашихъ друзей; они боятся даже измѣнническихъ ударовъ, и дѣйствительно, если можно чего бояться, такъ только этого; остальное не страшно, благодаря милостивой поддержкѣ вашего величества. Возможность существованія партіи гетмана короннаго зависитъ отъ союза ея съ виленскимъ воеводою, княземъ Радзивиломъ, который вашему величеству извѣстенъ какъ безумецъ, руководствующійся только капризомъ. Я думаю, что надобно снять маску относительно этихъ господъ и заговорить съ ними громко, если они будутъ упорствовать въ своихъ вооруженіяхъ. Что касается воеводы Кіевскаго (Потоцкаго), то,

кажется, онъ уже начинаетъ немного ощупывать почву, хотя сохраняетъ еще высокомѣрный тонъ и большія претензіи.»

Это было писано 12 января; а въ письмѣ своемъ отъ 27 февраля Репнинъ уже говоритъ о необходимости вступленія русскаго войска въ польскія владѣнія: «Нашъ кандидатъ и его фамилія довольны милостями вашего величества и совершенно покойны на счетъ ложныхъ слуховъ, разсѣваемыхъ противною партіею; но также правда, что вступленіе войскъ необходимо для успокоенія ихъ партіи, да и для того, чтобъ доказать мелкой шляхтѣ, какъ ложны внушенія нашихъ враговъ. Войско нужно тѣмъ болѣе, что коронный гетманъ, озлобленный малымъ успѣхомъ своимъ на сеймикахъ, старался силой поддерживать тамъ свою партію и позволялъ себѣ вопіющія нарушенія законовъ и присяги. Виленскій воевода позволилъ себѣ новыя насилія послѣ того, какъ поклялся вести себя умно; такія явныя злоупотребленія породятъ страшныя смуты и междоусобную войну, такъ чтобъ избѣжать ея, надобно ихъ припугнуть. Вступленіе войска вашего величества сдѣлаетъ ихъ осторожнѣе. У насъ теперь новый кандидатъ на польскій тронъ—князь Любомирскій, подстолій коронный. Онъ открылъ свое намѣреніе примасу; кіевскій воевода, пріѣхавшій вмѣстѣ съ подстоліемъ, объявилъ, что онъ и его друзья охотно подадутъ свои голоса въ пользу вельможи, столь достойнаго короны по своему происхожденію, богатствамъ и личнымъ достоинствамъ; дѣйствительно, это одинъ изъ главныхъ богачей страны; наши партизаны всегда разсчитывали на него и онъ всегда былъ имъ преданъ». На донесеніи о Любомирскомъ Панинъ написалъ: «Ваше величество сего оригинала знать изволите: онъ здѣсь былъ съ поздравленіемъ восшествія вашего на престолъ». Екатерина приписала на это собственноручно: «Къ коровѣ сѣдло не пристало».

На сеймикахъ дѣйствительно шла ожесточенная борьба партій, при чемъ дѣло не обошлось безъ кровопролитія. Изъ Вѣны писали: «Гетманъ и его партія позволили себѣ много насилій на послѣднихъ сеймикахъ. Этими оскорбленіями, равно какъ открытымъ и безпримѣрнымъ употребленіемъ военной силы, гетманъ проигрываетъ свое дѣло въ пользу противниковъ, ибо даетъ имъ предлогъ призвать на помощь русскихъ. Русскіе придутъ и, что важно, явятся въ глазахъ народа защитниками

свободы». Чарторыйскіе видя, что имъ не сладить съ партіею гетмана, который располагалъ короннымъ войскомъ и саксонскимъ отрядомъ, обратились прямо къ императрицѣ съ просьбою прислать имъ на помощь 2000 человѣкъ конницы и два полка пѣхотныхъ. По поводу этой просьбы Панинъ написалъ для императрицы *ремаркъ*: «Тысяча легкихъ войскъ уже готова и ожидаетъ польскихъ коммиссаровъ для препровожденія, что казалось бы уже и довольно въ соотвѣтствіе саксонскимъ войскамъ; но, по видимому, наши друзья ищутъ сколько возможно облегчить свои собственные депансы и себя усиливать нашими ресурсами, почему мое всеподданнѣйшее мнѣніе: другую тысячу по ихъ желанію хотя и заготовить, но однакожъ къ графу Кейзерлингу напередъ написать, чтобъ наши друзья гораздо осмотрѣлися, не могутъ ли они такимъ безвременнымъ введеніемъ къ себѣ чужестранныхъ войскъ воспричинствовать противу себя національную недовѣренность и противъ насъ подозрѣнія, чѣмъ наипаче противные могутъ воспользоваться и отъ чужестранныхъ державъ достать себѣ большими деньгами подкрѣпленіе, а намъ навести отъ нихъ какія-либо безпокойства новыми дѣлами съ ихъ стороны. И такъ не лучше ли остаться при первомъ нашемъ планѣ, чтобъ не притворяясь и не отлагая, устремиться къ изгнанію Саксонцевъ изъ Польши производимыми движеніями нашихъ войскъ на границахъ и перепущеніемъ въ Польшу готовыхъ уже тысячи козаковъ, а потомъ стараться единодушно взять поверхность надъ противными нынѣ раздробленными факціями собственнымъ вооруженіемъ благонамѣренныхъ магнатовъ и подкрѣпленіемъ ихъ нашими деньгами, нашимъ кредитомъ и нашею въ ихъ дѣлахъ инфлюенціею, соединенною съ королемъ прусскимъ, и наконецъ тою опасностію, которую натурально Поляки имѣть должны отъ насъ, когда ихъ дѣла пойдутъ противъ нашей воли, а особливо въ такое время, когда у насъ со всѣхъ сторонъ руки останутся свободны, что мы несомнѣнно имѣть и будемъ, если съ благоразумною умѣренностію пойдемъ въ семъ дѣлѣ, не напрягая излишне свои струны». Екатерина написала на это: «Я весьма съ симъ мнѣніемъ согласна и, прочитавъ промеморію, почти всѣ тѣ же рефлекціи дѣлала».

Отрядъ русскаго войска, бывшій въ польской Пруссіи для

охраны магазиновъ, остававшихся еще отъ Семилѣтней войны, долженъ былъ, подъ начальствомъ генерала Хомутова, вступить въ Польшу и направиться поскорѣе или къ Варшавѣ или къ Бѣлостоку, резиденціи короннаго гетмана, что должно было заставить Браницкаго быть поосторожнѣе. «Правда, писалъ Репнинъ Панину, что этого войска мало; но для Польши довольно; я увѣренъ, что пять или шесть тысячъ Поляковъ не только не могутъ осилить отрядъ Хомутова, но и подумать о томъ не осмѣлятся. Прусской король внушилъ намъ чрезъ своего посланника, что все это дѣло должно быть устроено въ Петербургѣ. Это внушеніе можетъ происходить отъ нежеланія войти по польскимъ дѣламъ въ какое-нибудь серіозное обязательство; я же долженъ донести, что и Полякамъ, нашимъ друзьямъ непріятно будетъ видѣть войско прусскаго короля въ здѣшней землѣ; они всю надежду полагаютъ на нашу государыню, ее желаютъ видѣть первенствующею во всемъ этомъ дѣлѣ, ее чтобъ прусскій король былъ во вторыхъ».

Волненія между Поляками усиливались; австрійскій посолъ Мерси раздувалъ пламя, давалъ обѣщанія безъ конца, уговаривая противниковъ Россіи держаться твердо. Кейзерлингъ и Репнинъ потребовали отъ Хомутова, чтобъ онъ сталъ въ Закрочимѣ, въ 50 миляхъ отъ Варшавы. Извѣщая объ этомъ Панина, Репнинъ писалъ ему, что необходимо поспѣшить заключеніемъ союзнаго договора съ Пруссіею, ибо если Фридрихъ II объявитъ, что не потерпитъ вступленія Австрійцевъ въ Польшу, то они и не подумаютъ объ этомъ, и ядовитыя предложенія Мерси подвергнутся заслуженному ими презрѣнію. Репнинъ требовалъ также вступленія русскихъ войскъ въ Литву: тамъ нужно было подкрѣпить конфедерацію, составленную противъ партіи Радзивила. Требуемое войско вошло въ Литву двумя колоннами: одна, подъ предводительствомъ князя Волконскаго, двигалась чрезъ Минскъ; другая подъ начальствомъ князя Дашкова (мужа знаменитой Екатерины Романовны) шла на Гродно.

20 апрѣля (н. с.) 26 польскихъ магнатовъ подписали письмо императрицѣ, въ которомъ говорили: «Мы, не уступающіе никому изъ нашихъ согражданъ въ пламенномъ патріотизмѣ, съ горестію узнали, что есть люди, которые хотятъ отличиться неудовольствіемъ по поводу вступленія войскъ вашего импера-

торскаго величества въ нашу страну и даже сочли приличнымъ обратиться съ жалобою на это къ вашему величеству. Мы видимъ съ горестію, что законы нашего отечества недостаточны для удержанія этихъ мнимыхъ патріотовъ въ должныхъ предѣлахъ. Съ опасностію для насъ мы испытали съ ихъ стороны притѣсненіе нашей свободы, именно на послѣднихъ сеймикахъ, гдѣ военная сила стѣсняла подачу голосовъ во многихъ мѣстахъ. Намъ грозило такое же злоупотребленіе силы и на будущихъ сеймахъ, конвокаціонномъ и избирательномъ, на которыхъ у насъ не было бы войска, чтобъ противопоставить его войску государственному, вмѣсто защиты угнетающему государство, когда мы узнали о вступленіи русскаго войска, посланнаго вашимъ величествомъ для защиты нашихъ постановленій и нашей свободы. Цѣль вступленія этого войска въ наши границы и его поведеніе возбуждаютъ живѣйшую признательность въ каждомъ благонамѣренномъ Полякѣ, и эту признательность мы сочли своимъ долгомъ выразить вашему императорскому величеству». Въ числѣ подписей находятся имена: Островскаго (епископа Куявскаго), Шептицкаго (епископа Плоцкаго), Замойскаго, пятерыхъ Чарторыйскихъ (Августа, Михаила, Станислава, Адама, Іосифа), Станислава Понятовскаго, Потоцкаго, Любомирскаго, Сулковскаго, Соллогуба, Велепольскаго.

Не пренебрегали никакими средствами для поднятія Понятовскаго въ глазахъ Поляковъ. По внушенію Репнина, прусскій резидентъ писалъ Фридриху II, что надобно прислать стольнику орденъ Чернаго Орла, и орденъ былъ присланъ такъ скоро, что Рѣпнинъ и Понятовскій были въ затрудненіи: они ждали ордена Андрея Первозваннаго для стольника и послѣдній обѣщалъ не надѣвать Чернаго Орла прежде полученія Андрея. Но обстоятельства заставили перемѣнить рѣшеніе: въ Варшаву вдругъ пріѣзжаетъ другой кандидатъ на престолъ, гетманъ Браницкій, и чтобъ произвесть на него впечатлѣніе, Понятовскій надѣлъ Чернаго Орла. «Такой явный знакъ расположенія прусскаго короля сильно подкрѣпитъ наши дѣла, писалъ Репнинъ; но чтобъ дать Понятовскому еще больше значенія, надобно прислать ему Андреевскій орденъ: онъ страстно его желаетъ, не смѣя просить».

Въ концѣ апрѣля начали съѣзжаться въ Варшаву сенаторы, послы (депутаты) и разные паны на конвокаціонный сеймъ;

каждый приводилъ съ собою, по обычаю, сколько-нибудь вооруженныхъ людей; но Радзивилъ привелъ 3000 вооруженныхъ, также и у гетмана короннаго Браницкаго былъ большой отрядъ войска; но для подкрѣпленія *фамиліи* русское войско стояло двумя лагерями—въ Уяздовѣ и на Солцѣ; у Чарторыйскихъ было также и свое войско. Днемъ открытія сейма назначено было 7 мая (н. с.). Въ этотъ день Варшава представляла городъ, занятый двумя враждебными войсками, готовыми къ бою. Партія Чарторыйскихъ явилась на сеймъ; но членовъ противной партіи не было; они съ ранняго утра совѣщались у гетмана, и наконецъ подписали протестъ противъ нарушенія народнаго права появленіемъ русскихъ войскъ. Хотѣли сорвать сеймъ — не удалось; требовали составить немедленно тутъ же въ Варшавѣ конфедерацію, но Браницкій струсилъ, объявилъ, что не видитъ для себя безопасности въ столицѣ, и выступилъ изъ Варшавы съ цѣлью составить конфедерацію въ болѣе удобномъ мѣстѣ; но время тратилось въ безплодныхъ толкахъ, а между тѣмъ слѣдомъ за гетманомъ шелъ русскій отрядъ Дашкова, перешедшій изъ Литвы въ Польшу.

Въ 21 мили отъ Варшавы этотъ отрядъ имѣлъ небольшое дѣло съ гетманскимъ аріергардомъ; при этомъ дѣлѣ случился и Репнинъ, пріѣхавшій повидаться съ Дашковымъ. По поводу стычки Репнинъ писалъ: «Могу справедливо сказать, что храбрости и желанія нельзя больше имѣть, какъ наши войска показали; но и бѣгъ непріятельскій также былъ скоръ, что никакъ не возможно было успѣхъ распространить, потому особливо, что невступно въ три дни наши войска 21 милю перешли и преслѣдовать далѣе уже не въ силахъ были. Еще же долженъ по справедливости сказать, что усерднѣе и расторопнѣе нельзя быть, какъ дѣйствительно князь Дашковъ есть».

Репнинъ осыпалъ также похвалами Понятовскаго: «Благодарнѣе человѣка и намъ преданнѣе мы бы нигдѣ и николи не нашли: и онъ первый въ собраніи сейма говорилъ, чтобъ государыню возблагодарить за милостивое ея республики подкрѣпленіе чрезъ входъ россійскихъ войскъ; онъ же отвратилъ взятое было почти всѣми намѣреніе, чтобъ производить сеймики множествомъ (большинствомъ) голосовъ, а не единогласіемъ, и то тотчасъ сдѣлалъ, какъ скоро мы къ нему объ ономъ отозвались». Но

иначе отозвался Репнинъ Панину о соотечественникахъ Понятовскаго: «Я не отъ лѣни и не отъ нерадѣнія въ подробности здѣшнихъ партикулярностей не вхожу, а изъ страху, чтобъ не изолгаться или бы не показаться лживымъ. Ваше высокопревосходительство не можете себѣ изобразить, сколь мало основанія имѣетъ почти генерально вся здѣшняя нація: что нынѣ за вѣрное сказываютъ, что съ клятвами увѣряютъ и очевидцами чему выдаются, то на завтра откроется совершенною ложью».

Обоимъ посламъ, Кейзерлингу и Репнину, хотѣлось какъ можно скорѣйшаго заключенія союзнаго договора съ Пруссіею. Желанный договоръ наконецъ былъ имъ доставленъ, и Репнинъ писалъ Панину по этому поводу (отъ 25 мая): «Трактатъ, заключенный съ прусскимъ королемъ весьма послу (Кейзерлингу) показался; одного только онъ еще желалъ, чтобъ съ обѣихъ сторонъ безъ согласія общаго въ другія обязательства ни въ какія не вступали; но я, помня разсужденія вашего высокопревосходительства по сему самому пункту, по причинѣ стараго съ Англіею трактата, чтобъ сколь возможно зависимости отъ другой короны убѣгать, старался оныя ему внушать, и не знаю вправду ли, но кажется мнѣ, что наконецъ онъ съ тѣмъ и согласился. Всѣ порученныя намъ дѣла, уповаю, что къ желаемому концу доведены будутъ; одно только возстановленіе во всѣ старыя преимущества диссидентовъ весьма трудно кажется или почти и совсѣмъ невозможно; да если осмѣлюсь свое мнѣніе донести, то не вижу, чтобъ оно для насъ такъ и полезно было: введеніе ихъ по прежнему въ гражданскіе чины увеличитъ ихъ силу, тоже съ ними и короля прусскаго; въ нашемъ же законѣ уже знатныхъ никого не осталось, и такъ съ силой ихъ наша нимало не пріумножится, а кажется, что нашъ интересъ есть, чтобъ никакой чужестранный дворъ здѣсь сильнѣе нашего не былъ». Обоимъ посламъ не хотѣлось диссидентскимъ дѣломъ затруднять положенія Чарторыйскихъ, затруднять дѣло, которое они считали главнымъ своимъ дѣломъ — выборъ Понятовскаго въ короли.

Въ іюнѣ кончился конвокаціонный сеймъ: на немъ установлена генеральная конфедерація, которая соединилась съ литовскою, и маршалкомъ коронной конфедераціи былъ выбранъ князь Чарторыйскій, воевода русскій: постановлено при коро-

левскихъ выборахъ не допускать иностранныхъ кандидатовъ: могъ быть выбранъ только польскій шляхтичъ по отцу и матери, исповѣдующій римско-католическую вѣру. На этомъ же сеймѣ Чарторыйскіе попытались начать дѣло преобразованія: учреждены были двѣ коммиссіи: военная и финансовая (скарбовая); эти коммиссіи уменьшали власть гетмановъ и главныхъ финансовыхъ управителей (подскарбіевъ), которые становились только ихъ предсѣдателями, и потому королю давалась возможность ввести лучшій порядокъ въ управленіи войскомъ и финансами. Войсковой коммиссіи вмѣнено было въ обязанность немедленно же исполнить постановленіе 1717 года относительно полнаго количества людей въ полкахъ, чѣмъ количество войска уже и увеличивалось.

Потихоньку начаты были преобразованія, повидимому только незначительныя. Чарторыйскіе достигали своей цѣли русскими деньгами и русскимъ войскомъ; въ вознагражденіе сеймъ призналъ императорскій титулъ русской государыни. Въ актъ конфедераціи внесена публичная благодарность императрицѣ русской, и съ выраженіемъ этой благодарности долженъ былъ отправиться въ Петербургъ писарь коронный, графъ Ржевускій. А между тѣмъ русское войско должно было окончательно очистить Польшу отъ могущественныхъ враговъ *фамиліи*. Радзивилъ, вышедшій изъ Варшавы вмѣстѣ съ гетманомъ, отдѣлился отъ него на дорогѣ, чтобъ пробраться въ свою Литву; но подъ Слонимомъ потерпѣлъ пораженіе отъ русскихъ. Съ 1200 конницы онъ переправился за Днѣстръ у Могилева и ушелъ въ Молдавію; но пѣхоту его и артиллерію князь Дашковъ догналъ въ деревнѣ Гавриловкѣ и взялъ въ плѣнъ. Изъ Молдавіи Радзивилъ перебрался въ Венгрію, а оттуда въ Дрезденъ. Гетманъ Браницкій, преслѣдуемый Русскими, также не могъ держаться въ Польшѣ, и ушелъ въ Венгрію.

Въ то время какъ дѣла шли такъ успѣшно, Репнинъ увѣдомилъ Панина о своемъ подозрѣніи, что у русскаго кандидата есть соперникъ, именно дядя Понятовскаго, князь Августъ Чарторыйскій, воевода русскій. «Я подозрѣваю, писалъ Репнинъ, что Чарторыйскій самъ желаетъ короны и не выражаетъ этого желанія только потому что не надѣется на успѣхъ. Мои подозрѣнія основываются

на маломъ усердіи къ успѣху самыхъ необходимыхъ вещей, потому что онъ часто не въ духѣ, и именно тогда предлагаются ему самыя существенныя дѣла; онъ не возьмется ни за что безъ понужденія, надобно сказать ему десять разъ прежде, чѣмъ онъ что-нибудь сдѣлаетъ. Мы желали, чтобъ королевское избраніе произошло посредствомъ делегатовъ; но чтобъ не оскорбить мелкой шляхты, дали полную свободу въ этомъ дѣлѣ; многія воеводства воспользуются этою свободою и не явятся массою; но появятся массою тѣ воеводства, въ которыхъ князь Адамъ имѣетъ наибольшее вліяніе, именно русское (галицкое) и сендомирское. Потомъ онъ взялъ у насъ 1000 червонныхъ для галицкаго сеймика, и такъ какъ здѣсь образовалась конфедерація противъ насъ, то мы начали разыскивать, отъ чего это, и оказалось, что Чарторыйскій не послалъ денегъ въ Галичъ; боюсь, не сдѣлалъ ли онъ того же относительно и другихъ мѣстъ. Много разъ сообщалъ я свои опасенія послу (Кейзерлингу), прусскіе министры дѣлали то же самое; но къ несчастію посолъ считаетъ всѣхъ такими же добрыми и честными людьми, какъ самъ, и не можетъ повѣрить, чтобъ были люди, у которыхъ одно въ головѣ, а другое на языкѣ. Такъ какъ время выборовъ приближается, то можно было бы окончательно выяснить намѣренія императрицы въ рескриптѣ, который мы должны будемъ прочесть нашимъ друзьямъ и особенно князьямъ Чарторыйскимъ; въ рескриптѣ можно сказать, что намѣреніе императрицы относительно стольника неизмѣнно, что она обнадеживаетъ своимъ покровительствомъ и расположеніемъ всѣхъ, которые стоятъ за него; что успѣхъ не можетъ быть сомнителенъ, ибо императрица будетъ поддерживать стольника и его приверженцевъ всѣми данными ей отъ Бога средствами, и будетъ защищать его и его партію противъ всякаго, какого состоянія и фамиліи онъ бы ни былъ. Такой рескриптъ наполнитъ радостью истинныхъ друзей дѣла, и страхомъ тѣхъ, которые хотѣли бы уклониться въ другую сторону. Надобно имѣть также войско въ окрестностяхъ, и уже сдѣлано распоряженіе, чтобъ отъ 7 до 8000 человѣкъ было въ трехъ миляхъ отсюда прежде начала избирательнаго сейма.» Рѣпнинъ оканчивалъ письмо словами: «ради Бога, чтобъ это оставалось межъ нами; посолъ не знаетъ объ этомъ моемъ письмѣ къ вамъ, и я ни зачто на свѣтѣ не пожелаю, чтобъ онъ

заподозрилъ, что я предлагаю что-то безъ его вѣдома, ибо въ такомъ случаѣ я непремѣнно потеряю его дружбу и довѣріе. На этомъ письмѣ Панинъ написалъ: «Мое мнѣніе—лучшебъ доводить до того, чтобъ фамилія или ея друзья нашего кандидата прежде назвали, а мы бъ къ тому приступили; однакожъ, яко сіе важной разницы не дѣлаетъ, то можно оставить на избраніе на мѣстѣ, что̀ тамъ выгоднѣйшимъ найдено будетъ» (т. е. предоставить посламъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію). Подъ этою замѣткою Екатерина написала: «Мнѣ кажется, что намъ не годится называть кандидата, дабы до конца сказать можно было, что республика вольно дѣйствовала».

Несмотря на нежеленіе Екатерины объявлять своего кандидата, *на мѣстѣ* признано было необходимымъ не скрываться долѣе. 27 іюля Кейзерлингъ и Репнинъ поѣхали къ примасу, гдѣ уже нашли прусскихъ министровъ и князей Чарторыйскихъ вмѣстѣ со многими другими панами, и Кейзерлингъ прямо объявилъ при всѣхъ примасу, что императрица желаетъ видѣть на польскомъ престолѣ графа Понятовскаго, котораго онъ, посолъ, именемъ ея величества, будетъ рекомендовать всей націи на избирательномъ сеймѣ. Прусскій посолъ сказалъ то же отъ имени своего государя; а князья Чарторыйскіе, также рекомендуя племянника, благодарили оба двора за расположеніе къ ихъ фамиліи. Этотъ поступокъ, по отзыву Репнина, былъ нуженъ, чтобъ вывести изъ сомнѣнія многихъ колеблющихся, незнавшихъ кому изъ своихъ друзей именно Россія прочитъ корону, и шли слухи, что стольникъ только подставка, королемъ же будетъ воевода русскій. Желаніе русскаго двора, чтобъ въ короли былъ избранъ именно Станиславъ Понятовскій, повело къ предположенію, что слѣдствіемъ этого избранія будетъ брачный союзъ между новымъ королемъ и русскою императрицею. Любопытно, что приверженцы Понятовскаго и дядья его Чарторыйскіе принуждали его дать обязательство при избраніи жениться и жениться на католичкѣ; Понятовскій не соглашался дать такое обязательство, жаловался Репнину, просилъ его отписать Панину, чтобъ его не принуждали жениться, говорилъ, что онъ не намѣренъ вступать въ бракъ, да это и не нужно, потому что Польша—государство не наслѣдственное. Но слухъ о предполагаемомъ бракѣ успѣли довести до Константинополя; Порта

испугалась и объявила, что будетъ согласна на избраніе въ польскіе короли какого угодно Пяста, только не Понятовскаго. Тогда рѣшено было внести въ условія избранія (parta conventa), что если король женится, то непремѣнно на католичкѣ.

16 августа тихо начался избирательный сеймъ и тихо кончился 26; стольникъ литовскій, графъ Понятовскій, былъ избранъ безъ малѣйшаго прекословія; Поляки были приведены этимъ въ большое удивленіе и говорили, что такого спокойнаго избранія никогда не бывало. Въ бытность свою въ Парижѣ Понятовскій свелъ тѣсную дружбу съ знаменитою Жоффрэнъ, о которой подробнѣе будетъ говорено послѣ; онъ находился съ нею въ перепискѣ и не иначе называлъ ее какъ: *maman*. Онъ такъ описывалъ ей свое избраніе: «Спокойствіе и тишина въ этомъ громадномъ собраніи были такъ велики, что всѣ знатныя дамы королевства присутствовали на полѣ избранія, не испытывая ни малѣйшаго неудобства, и я имѣлъ удовольствіе быть провозглашеннымъ какъ всѣми мужчинами, такъ и всѣми женщинами моего народа, присутствовавшими при избраніи, потому что примасъ, проходя мимо ихъ экипажей, дѣйствительно былъ такъ любезенъ, что спрашивалъ дамъ, кого онѣ желаютъ въ короли. Зачѣмъ вы не были тамъ? вы бы назвали своего сына».

Легко себѣ представить восторгъ Жоффрэнъ, когда она узнала, что молодой, блестящій Полякъ, которому она покровительствовала въ Парижѣ, избранъ въ короли: «Будущее проходитъ передъ моими глазами, какъ въ эпическихъ поэмахъ, писала она ему: я вижу Польшу возрождающуюся изъ своего праха, я вижу ее въ лучезарномъ блескѣ, какъ новый Іерусалимъ! О мой дорогой сынъ, мой обожаемый король! съ какимъ восторгомъ я буду видѣть въ васъ предметъ удивленія для цѣлой Европы!»

Въ Петербургѣ также сильно радовались; императрица писала Панину: «Поздравляю васъ съ королемъ, котораго мы дѣлали. Сей случай наипаче умножаетъ къ вамъ мою довѣренность, понеже я вижу, сколь безошибочны были всѣ вами взятыя мѣры». Дѣйствительно, авторитетъ Панина съ этихъ поръ является во всей силѣ. Ведя также переписку съ Жоффрэнъ, Екатерина писала ей по поводу избранія Понятовскаго: «Поздравляю васъ съ возвышеніемъ вашего сына; я не знаю, какъ онъ сдѣлался королемъ, но конечно на то была воля Провидѣнія, и больше всего

надобно поздравлять съ этимъ его королевство; у Поляковъ не было человѣка, который бы сдѣлалъ ихъ болѣе счастливыми по-человѣчески; говорятъ, что сынъ вашъ ведетъ себя отлично, и я этому очень рада; направлять его на путь истинный въ случаѣ нужды предоставляю вашей материнской нѣжности». Жоффрэнъ, въ перепискѣ своей съ дорогимъ сынкомъ, разумѣется не могла не касаться отношеній его къ «далекимъ странамъ» и къ ихъ властительницѣ. Мы уже упоминали о сильно распространившихся за границею слухахъ на счетъ брака Понятовскаго съ Екатериною. Жоффрэнъ писала новому польскому королю по этому поводу: «У нея (Екатерины) много дѣла, и надобно много времени, чтобъ передѣлать все это дѣло. Я утверждала, что вы съ нею не видались (во время поѣздки Екатерины въ Лифляндію), я утверждаю, что вы на ней не женитесь, о чемъ многіе говорили съ неудовольствіемъ. Вотъ какъ объясняли дѣло: она вовсе не крѣпко держится на престолѣ; она уступитъ его сыну, а сама выйдетъ замужъ за короля польскаго».

Для Понятовскаго дѣло шло не о бракѣ, а объ опредѣленіи отношеній къ государынѣ, которая возвела его на престолъ. Съ первой же минуты избранія онъ уже разрознивалъ свои интересы съ ея интересами, заискивая дружбы двора, самаго враждебнаго Россіи. Въ томъ же письмѣ, гдѣ онъ описывалъ Жоффрэнъ свое избраніе, онъ говорилъ: «Я сильно нуждаюсь въ вашемъ совѣтѣ относительно дѣла, котораго я желаю всего болѣе и конечно болѣе, чѣмъ вы думаете: это дружба французскаго короля. Если только во Франціи захотятъ быть со мною въ добрыхъ отношеніяхъ, то я обѣщаю вамъ, что съ удовольствіемъ пойду на встрѣчу и сдѣлаю половину дороги». Это относительно внѣшней политики; относительно же внутренней разрозненность интересовъ была еще рѣзче. Когда чадъ, произведенный счастіемъ избранія, прошелъ, и онъ очутился лицомъ къ лицу съ затруднительностію своего положенія, съ препятствіями, которыя стояли на дорогѣ осуществленію плановъ преобразованія Польши, усиленію королевской власти, то Станиславъ писалъ своей маменькѣ Жоффрэнъ: «Ахъ, я знаю хорошо, что я долженъ дѣлать, но это ужасно! Терпѣніе, осторожность, мужество! и еще: терпѣніе и осторожность! вотъ мой девизъ». Объ Екатеринѣ онъ писалъ: «*Тамъ* очень умны, *тамъ*. Но ужь очень гоняются за

умомъ. Это металлъ самый дорогой, но для обработки его нужна искусная рука, руководимая добрымъ сердцемъ. Нѣкогда были въ этомъ согласны; а теперь судьба и, быть можетъ, вкусъ перемѣнили многое!»

Что же заставило Понятовскаго думать, что *тамъ* умъ не руководится болѣе добрымъ сердцемъ?

Кейзерлингъ не долго пережилъ избраніе Понятовскаго: еще въ началѣ августа Репнинъ увѣдомилъ Панина, что посолъ очень боленъ, а 19 сентября Кейзерлингъ умеръ. Въ министерской суммѣ послѣ покойнаго осталось 85,566 червонныхъ: ихъ Репнинъ хотѣлъ употребить на уплату тѣмъ лицамъ, которымъ было обѣщано: 3,000 червонныхъ на мѣсяцъ воеводѣ русскому, 300 червонныхъ на содержаніе солдатъ Огинскаго; 1,200 червонныхъ на мѣсяцъ королю для перваго его обзаведенія и содержанія до конца коронаціоннаго сейма, ибо прежде онъ не могъ получить никакихъ доходовъ. Кромѣ того нужно было доплатить примасу 17,000 червонныхъ въ число обѣщанныхъ ему 80,000 рублей, да канцлеру его 4,000 червонныхъ.

Императрица, кромѣ означенныхъ выше денегъ, по «особливому своему благоволенію и дружбѣ», подарила Понятовскому на первый случай для учрежденія дома 100,000 червонныхъ. Бѣдный король за всѣ благодѣянія и подарки могъ отправить своей благодѣтельницѣ только ящикъ трюфлей; но мы знаемъ, чего отъ него желали въ благодарность за корону. Репнинъ повелъ немедленно дѣло о новомъ договорѣ между Россіею и Польшею; но Поляки, зная, что новый договоръ будетъ для нихъ невыгоденъ, сильно противились его заключенію. Россія хотѣла гарантировать настоящее состояніе республики: Поляки этого боялись, представляя, что по праву гарантіи Россія будетъ вмѣшиваться во всѣ ихъ дѣла.

Но самымъ труднымъ дѣломъ было диссидентское. Екатерина не могла его откладывать. Еще въ 1762 году Георгій Конискій объявилъ синоду, что *миссіонары* сажаютъ въ тюрьму и грабятъ тѣхъ, которые не хотятъ отстать отъ благочестія; что, по словамъ одного плебана, папа писалъ къ королю и канцлеру литовскому, чтобъ впредь православнымъ епископамъ привилегій не давать, а настоящаго епископа плетьми выгонимъ; положили письма его, Конискаго, перехватывать. Поэтому ему возвращаться

въ Могилевъ опасно и для тамошней церкви безполезно; просилъ отрѣшить его отъ епархіи и опредѣлить на безмолвное житіе въ монастырь съ пропитаніемъ, потому что онъ, повредя въ бытность свою въ Бѣлоруссіи слухъ и зрѣніе, страдаетъ частыми головными болями. Въ февралѣ 1763 года синодъ поднесъ императрицѣ докладъ съ прошеніемъ о защитѣ въ Польшѣ благочестія, представляя, что Конискому ѣхать туда крайне опасно, и вообще православному епископу править тамошнею епархіею нельзя, пока не будетъ употреблено особливаго ея императорскаго величества защищенія. Когда рѣшеніе на докладъ, по извѣстнымъ обстоятельствамъ, замедлилось, синодъ вошелъ съ новымъ докладомъ, что Кониской пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ и проситъ о рѣшеніи его дѣла. Жалобы шли не отъ одного Конискаго: кіевскій митрополитъ Арсеній писалъ, что трембовльскій староста Потоцкій отнялъ у православныхъ четыре церкви и передалъ уніатамъ; въ Пинскѣ отнято было у православныхъ 14 церквей. Въ слѣдствіе этого 5 апрѣля 1764 года Кейзерлингъ и Репнинъ получили такой рескриптъ императрицы: «Излишно описывать здѣсь извѣстное вамъ самимъ дѣло утѣсненія въ Польшѣ нашихъ единовѣрныхъ и прочихъ диссидентовъ. Кто не вѣдаетъ, что одни и другіе равно подвержены гоненію римскаго духовенства, которое не только безъ остатка почти похитило всѣ имъ законами и многими привилегіями дозволенныя епархіи, монастыри и церкви, но и до того еще властію и пронырствомъ своимъ довело, что знатная часть согражданъ такъ сказать изъ сообщества отринуты за то одно, что исповѣдуютъ законъ другой. Но пока еще сіе зло вовсе не окоренится, то дабы нынѣшній междуцарствія случай не упустить втунѣ, повелѣваемъ мы вамъ на основаніи даннаго вамъ обоимъ общаго нашего наставленія, какъ нынѣ при сеймѣ конвокаціи, такъ и впредь при сеймѣ коронаціи, употребить всевозможное стараніе ваше, дабы какъ собственные наши единовѣрные, такъ и прочіе диссиденты, обязанные между собою ко взаимной оборонѣ формальнымъ актомъ 1599 года, во всѣ прежнія свои права и преимущества точнымъ и яснымъ закономъ возстановлены, да и для переду какъ въ персонахъ и имѣніяхъ своихъ, такъ и въ принадлежащихъ имъ епархіяхъ, монастыряхъ и церквахъ отъ всякихъ нападковъ римскаго духовенства

охранены, и прежде отнятыя, сколько возможно, имъ возвращены были. Въ произведеніи сего намѣренія въ дѣйство, полагаемся мы на искусство ваше и лучшее на мѣстѣ усмотрѣніе удобныхъ обстоятельствъ, между которыми изъ лучшихъ полагаемъ мы случай благонамѣренной конфедераціи, если такая воспослѣдуетъ, ибо тогда гораздо легче будетъ преодолѣть въ одной части дворянства слѣпое духовенству порабощеніе и ненависть къ людямъ, кои не одинакого съ ними исповѣданія».

17 октября Екатерина писала Репнину: «Мнѣ остается рекомендовать вамъ всего болѣе два дѣла: дѣло о диссидентахъ и дѣло о границахъ; моя слава заинтересована въ обоихъ, помните это, оба дѣла въ вашихъ рукахъ, дѣйствуйте согласно съ указами и инструкціями». Слова: *«помните это»* должны были приводить въ отчаяніе Репнина.

Диссидентское дѣло, по его отзывамъ, было трудно вслѣдствіе народнаго энтузіазма. «Привести ихъ (диссидентовъ) въ полное равенство съ католиками считаю невозможнымъ безъ насилія, доносилъ посолъ; надѣюсь доставить имъ только свободное исповѣданіе вѣры и право получать староства не судебныя». — «Само собою разумѣется, писалъ ему Панинъ, что говоря о диссидентахъ, надобно всегда предпочтительно упоминать о нашихъ единовѣрцахъ. Кромѣ общихъ имъ съ другими диссидентами претензій, имѣютъ они еще собственныя жалобы, которыя не меньше заслуживаютъ справедливаго разсмотрѣнія. Не думаю я, да и думать почти нельзя, чтобъ можно было въ одинъ разъ возвратить диссидентамъ все то, чего они лишились; но довольно, когда они въ нѣкоторое равенство правъ и преимуществъ республики приведены и отъ новаго гоненія совершенно охранены будутъ, дабы въ противномъ случаѣ, продолженіемъ прежняго утѣсненія не могли они, и въ томъ числѣ и наши единовѣрцы, къ невозвратному ущербу государственныхъ нашихъ интересовъ, вовсе искоренены быть. Нѣтъ нужды распространяться здѣсь, сколь много польза и честь отечества нашего, а особливо персональная ея императорскаго величества слава интересованы въ доставленіи диссендентамъ справедливаго удовлетворенія. Для приклоненія къ тому короля и всѣхъ способствовать могущихъ магнатовъ довольно уже и кромѣ формальныхъ трактатами опредѣленныхъ обязательствъ представ-

лять имъ въ убѣжденіе, что когда ея императорское в—ство для пользы республики не жалѣла ни трудовъ, ни денегъ, дабы ее, въ толь смущенное и критическое время, каковы для нея бывали обыкновенно прежнія междуцарствія, сохранить отъ безпокойствъ, гражданскаго нестроенія и другихъ съ онымъ неразлучно соединенныхъ бѣдствій безъ всякой для себя изъ того корысти, то коль справедливо она можетъ требовать и ожидать отъ благодарности королевской и всея республики, чтобъ правосудное и столь къ персональной ея в—ства славѣ, сколько къ собственной чести нынѣшняго польскаго вѣка служащее представительство и заступленіе ея возымѣло дѣйствіе свое въ пользу нѣкоторой части ихъ сограждан, кои вопреки торжественнымъ трактатамъ, собственнымъ польскимъ фундаментальнымъ законамъ, общей вольности вольнаго народа и множеству королевскихъ привилегій, невинно страждутъ подъ игомъ порабощенія за одно исповѣданіе другихъ признанныхъ христіанскихъ религій, въ коихъ они рождены и воспитаны. Къ симъ представленіямъ можетъ ваше с—ство присовокупить всѣ тѣ, кои вы сами за приличныя почесть изволите, отзываясь въ случаѣ крайности, т. е. когда всѣ другія средства втунѣ истощены будутъ, что и то имъ предостерегать должно, дабы ея императорское в—ство, увидя къ заступленію своему въ справедливомъ дѣлѣ столь малое со стороны республики уваженіе, не нашлась напослѣдокъ отъ ихъ дальняго упорства приневоленною одержать нѣкоторыми вынужденными способами то, чего она отъ признанія знатнаго имъ своего благодѣянія и дружбы инако достигнуть не могла, и чтобъ для того ея в—ство не указала далѣе оставить въ земляхъ ея (т. е. республики) тѣ самыя войска, кои по сю пору столь охотно и съ такимъ знатнымъ иждивеніемъ употребляемы были для единой пользы и службы республики, которая долженствовала бы сама собою чувствовать, что утѣсненіемъ одной части согражданъ уничтожается общая ея вольность и равенство. При вынужденномъ иногда употребленіи сей угрозы надобно будетъ вашему с—ству согласовать съ словами и самое дѣло, и сходно съ тѣмъ учреждать и дальнѣйшее войскъ нашихъ въ Польшѣ пребываніе, дабы по крайней мѣрѣ страхомъ вырвать у Поляковъ то, чего отъ нихъ ласкою добиться не можно было».

Для Россіи главнымъ дѣломъ было диссидентское; для короля и *фамиліи*—преобразованія. Хотѣли немедленно же, на коронаціонномъ сеймѣ провести два важныхъ преобразованія: ввести на сеймикахъ большинство голосовъ, а на сеймѣ каждое отдѣльное дѣло должно было пока рѣшаться единогласіемъ, но какъ скоро нѣсколько дѣлъ рѣшено такимъ образомъ, то протестъ одного депутата относительно одного какого-нибудь дѣла, дѣйствительный относительно послѣдняго, не срываетъ сейма, т. е. не уничтожаетъ всѣхъ другихъ его рѣшеній, что начали означать выраженіемъ: liberum rumpo.

Но для проведенія этихъ преобразованій нужно было согласіе сосѣднихъ дворовъ, преимущественно русскаго, и Станиславъ-Августъ вздумалъ увѣрять Екатерину, что преобразованія необходимы для успѣха диссидентскаго дѣла. «Я не распространяюсь въ изъявленіяхъ благодарности, писалъ король императрицѣ (4 ноября): вы не этого желаете. Вы слишкомъ велики для этого, и притомъ было бы трудно уравновѣсить слова съ чувствомъ. Но я обращаюсь къ хорошо извѣстному вамъ характеру моему. Вы знаете, какую власть имѣетъ надо мною благодарность, а благодарность моя къ вамъ чрезмѣрна, она равняется моей преданности. Вы можете смѣло сказать самой себѣ: «Мой лучшій, мой самый вѣрный другъ теперь король, онъ привязанъ ко мнѣ честностію и личною склонностію столько же, сколько интересомъ». Къ счастію ваши добродѣтели и ваше благородное безкорыстіе позволяютъ мнѣ воздать должное вамъ и моему государству. Вы желаете, чтобъ Польша была свободна; я желаю того же и съ этою цѣлію я хочу спасти ее изъ бездны безпорядка, который въ ней царствуетъ. Большому числу ревностныхъ патріотовъ до того наскучила анархія, что они начинаютъ довольно громко говорить, что предпочтутъ абсолютную монархію постыднымъ злоупотребленіямъ своеволія, если невозможно достигнуть болѣе правильной свободы. Я хочу предохранить ихъ отъ этого отчаянія. Но единственное средство для этого сеймовыя преобразованія. Диссиденты составляютъ часть гражданъ, надъ которыми, по вашему желанію, я царствую. Такъ какъ ваше величество сильно занимаетъ ихъ судьба, то это заставляетъ меня дѣйствовать въ ихъ пользу предъ католическою націею, слишкомъ ревнивою быть можетъ относительно извѣст-

ныхъ преимуществъ. Но для успѣха въ этомъ дѣлѣ, какъ вездѣ, нужно болѣе порядка на сеймѣ, а этого нельзя достигнуть безъ исправленія нашихъ сеймиковъ. Здѣсь замѣшанъ собственный интересъ вашего величества.

Но «*тамъ* были очень умны, *тамъ*», хотя еще и руководились добрымъ сердцемъ: королю было внушено, что преобразованія преждевременны. Станиславъ-Августъ повиновался и писалъ (13 декабря): «Смѣю думать, что ваше императорское величество видите самое сильное доказательство моего безпредѣльнаго къ вамъ уваженія въ жертвѣ, какую я принесъ вамъ на сеймѣ: я пожертвовалъ тѣмъ, что всего болѣе лежало у меня на сердцѣ. Большинство голосовъ на сеймикахъ и уничтоженіе *liberum rumpo* суть предметы самыхъ пламенныхъ моихъ желаній. Вы пожелали, чтобъ этого еще не было—и это не было даже предложено. Считаю себя въ правѣ думать, что мое поведеніе расположитъ ваше величество благопріятно отнестись къ дѣлу въ будущемъ. Желаніе сдѣлать вамъ угодное и мое собственное расположеніе заставляли меня сдѣлать для диссидентовъ то, чего вы для нихъ требовали. Вашъ посолъ увѣдомитъ васъ, какой результатъ произведенъ былъ фанатическимъ крикомъ. Ожесточеніе въ сенатѣ дошло до того, что хотѣли принести въ жертву самого примаса, какъ онъ смѣлъ сдѣлать легкое упоминовеніе объ этомъ дѣлѣ. Отъ высокой справедливости вашего величества я ожидаю признанія, что я не могъ и не долженъ былъ рисковать болѣе послѣ этого опыта».

Посолъ увѣдомилъ о печальномъ для него исходѣ сейма, особенно по диссидентскому дѣлу.

6-го декабря Репнинъ писалъ: «Диссиденты одни болѣе меня въ оскорбленіе приводятъ; ласку и угрозы въ пользу ихъ употреблялъ, только по сихъ поръ признаюсь, что мало надежды имѣю, и антузіазмъ такъ великъ, что ни резоны, ни страхъ никакого дѣйствія не дѣлаютъ». Послѣ этого грустнаго предисловія 13 декабря Репнинъ доносилъ: «Хотя не актомъ, но конституціей сего сейма подтвержденіе трактата 1686 года сдѣлано, пограничная коммиссія и негоціація объ новой аліанціи опредѣлены, положа основаніемъ новымъ обязательствамъ взаимную гарантію владѣній обѣихъ державъ и правъ, привилегій и вольности республики. Знаю я, что сія гарантія совершенно теперь

не исполнена (т. е. постановленіе о ней не приведено къ совершенному окончанію), однакожъ при будущемъ новомъ трактатѣ отказать уже и Поляки не могутъ, какъ вещь повелѣнную и требованную отъ нихъ же цѣлымъ сеймомъ. Сія конституція столь же тверда, какъ бы и актъ, который мнѣ былъ предписанъ (императрицею), и касаясь до чужестранной державы, нарушена быть отнюдь не можетъ. Главныя же причины въ несоглашеніи ихъ на актъ я вижу тѣ, чтобы гарантія совсѣмъ уже совершилась, а имъ можетъ быть хочется чрезъ нее выиграть тѣ въ сеймикахъ и въ сеймахъ учрежденія, объ которыхъ они уже просили; а другое, не хотя ту гарантію отъ прусскаго короля принять, ни рѣшительно сказать, что съ нимъ въ аліанціи войдутъ, которое я въ актъ внести хотѣлъ: они же всѣ безъ изъятія къ нему довѣренности никакой не имѣютъ, и я, сколько могу, то испровергаю, но по сихъ поръ вижу, что напрасно. Если я не совсѣмъ въ точности исполнилъ высочайшія повелѣнія, то истинно отъ самой невозможности; и сіе сдѣлано отъ страху, чтобъ войска здѣсь не остались: конституція жъ сія до тѣхъ же желанныхъ предметовъ довести можетъ, какъ и актъ. При семъ долженъ я справедливость отдать королю, что онъ совершенно преданъ всемилостивѣйшей государынѣ и дѣла ея нелицемѣрно за свои считаетъ. Я принужденъ былъ для успѣху во всѣхъ дѣлахъ сказать партикулярно королю и нѣкоторымъ магнатамъ также въ конфиденцію, что мнѣ не велѣно войскъ выводить, пока дѣло нашего двора не кончутъ, не выключая и диссидентовъ: какъ же я видѣлъ, что сіе послѣднее ни страхомъ ни увѣщаніемъ не дѣлалось, то хотѣлъ въ націи возбудить благодарность, дабы хоть тѣмъ къ желаемому концу дойтить, и въ слѣдствіе чего согласился на королевское желаніе, чтобы онъ объявилъ въ публику, что войска наши назадъ идутъ, но и тѣмъ для диссидентовъ ничего сдѣлать не могъ; головой ихъ дѣло, представленное въ тотъ же день, и выслушать не хотѣли, и сдѣлался такой шумъ, что, позабывъ почтеніе къ королю, съ мѣстъ своихъ всѣ повскакали, и хотѣли, чтобъ имъ выставили того, кто осмѣлился въ пользу диссидентовъ прожектъ сдѣлать и отдать маршалу сейма. Король, примасъ и малая часть разсудительныхъ людей, которые тутъ были, не смѣли, видя ту неумѣренность, ни одинъ слова промолвить; и хотя

прожектъ былъ отданъ маршалу отъ короля и примаса, но боясь въ томъ признаться, для прекращенія того приступу, сказали, что отъ чужестранныхъ министровъ тотъ прожектъ присланъ, чѣмъ подлинно то шумное взысканіе прекратили, никто не смѣя болѣе противъ сего говорить: но однакоже прочесть не дозволили, крича всѣ какъ бѣшаные, что уже диссидентовъ состояніе рѣшено прошедшими сеймами и перемѣны никакой не сдѣлаютъ; и тотъ безобразный крикъ прежде не кончился, поколь совсѣмъ матеріи не принудили перемѣнить. Въ тотъ же день поутру прежде сего представленія, видя нерѣшимость и почти робость королевскую, подалъ я еще меморіалъ объ диссидентахъ, что также сдѣлали прусской, дацкой и английской резиденты, дабы тѣмъ побудить оное дѣло трактовать; но король въ полдень мнѣ далъ знать, чтобъ лучше сократить оный въ генеральныхъ терминахъ; яжъ, не видя въ томъ пользы, къ нему бильетомъ въ той силѣ и отозвался, настоя, чтобъ конечно вышепомянутый прожектъ предъявленъ былъ, и для выиграния еще времени, чтобъ сеймъ хотя на два дни продолжили; на что онъ мнѣ отвѣчалъ также бильетомъ, прося однакоже, чтобъ никому то извѣстно не было, кромѣ ея величества; а я и на оный бильетъ тоже ему донесъ, что не могу отступить отъ своихъ требованій, почему и было представлено дѣло, какъ ужъ выше описалъ. Я жъ былъ въ то время нарочно неподалеку сената, имѣлъ тамъ своихъ шпіоновъ, которые тотчасъ меня о всемъ томъ увѣдомили, почему въ тотъ же моментъ цыдулку написалъ къ князю Адаму Чарторыйскому, что хотя король и объявилъ націи что войска наши выдутъ, но онъ зналъ, что мнѣ того сдѣлать нельзя, если диссидентское дѣло не прослушаютъ и не рѣшатъ. Сіе дошедши до короля, привело его въ тревогу и въ новое движеніе въ пользу диссидентовъ, но самъ не смѣя говорить, велѣлъ маршалу сейма, чтобъ онъ то дѣло продолжалъ представлять, что дѣйствительно неоднократно и дѣлано, но, какъ выше доносилъ, ничто не помогло. Къ генераламъ Штофелю и Ренненкампфу я пишу, чтобъ они въ силу повелѣній ея императорскаго величества, возвращались въ свои квартиры въ Россію; а король, безпокоясь весьма, чтобъ они, какъ я сказалъ, не остались здѣсь, очень меня объ томъ возвращеніи просилъ, на которое я ему донесъ, что хотя повелѣ-

нія мнѣ данныя того не гласятъ, особливо дѣло диссидентское не имѣя никакого успѣха, однако, видя подлинное его попеченіе о дѣлахъ нашего двора, я то на себя беру, льстясь, что всемилостивѣйшая государыня оное опробуетъ, увѣренъ бывъ о подлинной его искренности и дружбѣ.—Я то сдѣлалъ изъ усердія къ успѣху дѣлъ нашего высочайшаго двора, и дѣйствительно подтвержденію трактата оное очень помогло; несчастливъ только тѣмъ и истинно утѣшиться не могу, что диссидентское дѣло такъ дурно обратилось. Вижу теперь, что антузіазмъ закона (религіи) опаснѣе всего на свѣтѣ и труднѣе также всего оной превзойти. Однако какъ исполненіе стараго трактата, такъ заключеніе новаго оставляютъ право и поводъ къ поправленію состоянія диссидентовъ, и для защищенія ихъ отъ ябедъ, сколь то есть во власти короля, и къ побужденію его къ тому сію мысль весьма нужно оставить, что войска не велѣно было въ пользу ихъ выводить, подтверждая оное тѣмъ, что генерала князя Долгорукова корпусъ дѣйствительно для того жь совсѣмъ изъ земли не выводится, я-жъ намѣренъ его къ виленскимъ магазейнамъ послать за черезвычайной здѣсь дороговизной, и болѣе теперь войска здѣсь конечно не нужно».

«Вижу теперь, писалъ Репнинъ, что антузіазмъ закона опаснѣе всего на свѣтѣ». Въ томъ же смыслѣ писалъ Станиславъ-Августъ къ своей maman Жоффрэнъ: «Ахъ, дорогая maman, народные предразсудки вещь ужасная! Я преодолѣлъ нѣкоторые изъ нихъ на этомъ сеймѣ, но былъ принужденъ оставить еще многіе, и вмѣните мнѣ это въ заслугу, потому что это мнѣ много испортило крови, но благоразуміе превозмогло. При малѣйшей попыткѣ въ пользу не католиковъ, раздавался фанатическій крикъ, противъ котораго я могъ бы бороться, но предпочелъ оказать предъ нимъ уваженіе, чтобъ поскорѣе утушить, и я проложилъ себѣ другую дорогу, болѣе длинную и потаенную, но которая проведетъ меня, подъ конецъ, къ возможности: поступать человѣколюбиво съ диссидентами. Больше всего имъ и мнѣ повредило то въ этомъ случаѣ, что они разсѣяли слухъ, будто я хочу сравнять ихъ совершенно съ послѣдователями господствующаго исповѣданія, чего никогда не было и не будетъ въ моей головѣ» [48].

Туча надвинулась очень быстро. Ни король, ни Репнинъ, смущенные, не хотѣли еще признавать страшной опасности, не видали начала конца.

Связь Россіи съ Пруссіею, условленная возведеніемъ на престолъ Понятовскаго, должна была скрѣпляться еще болѣе.

Генералъ Гадомскій, присланный отъ польской республики къ прусскому королю съ объявленіемъ о смерти Августа III-го, былъ нѣсколько разъ у князя Долгорукаго и передавалъ свои разговоры съ Фридрихомъ II-мъ по поводу избранія новаго короля. Фридрихъ прямо объявилъ ему, что, по его мнѣнію, гораздо полезнѣе для Поляковъ выбрать Пяста, и что онъ, король, будетъ во всемъ поступать согласно съ сдѣланными въ Варшавѣ декларацiями отъ имени русской императрицы, и такъ какъ графъ Понятовскій уже рекомендованъ ею, то онъ думаетъ, что Поляки, для собственнаго спокойствія, должны на то согласиться. Къ этому король прибавилъ, что ходящіе въ Польшѣ слухи о намѣреніи его послать туда корпусъ своихъ войскъ совершенно неосновательны и выдуманы его злодѣями, хотящими смутить умы и накинуть на него подозрѣніе; что онъ ничѣмъ не хочетъ нарушать польской вольности, только одинъ случай принудитъ его послать войско въ Польшу — это когда вѣнскій дворъ первый пошлетъ туда свои войска: на это онъ спокойно смотрѣть не будетъ и сдѣлаетъ то же самое. Вотъ почему онъ совѣтуетъ Полякамъ предупредить поступки вѣнскаго двора, противныя ихъ спокойствію. «Господинъ Гадомскій, доносилъ Долгорукій, кажется того же мнѣнія, что Полякамъ лучше слѣдовать представленіямъ вашего величества и короля прусскаго; онъ мнѣ сказалъ, что хотя принцъ Ксаверій саксонскій и старается скрытно о своемъ избраніи въ короли, и имѣетъ значительную партію, но Поляки предпочтутъ собственное спокойствіе интересамъ этого принца».

Въ началѣ апрѣля Долгорукій имѣлъ конференцію съ Финкенштейномъ. Прусскій министръ сказалъ ему, что нѣкоторые польскіе магнаты скрытнымъ образомъ старались уговорить графа Мерси, чтобъ онъ объявилъ кандидатомъ на польскую корону одного изъ австрійскихъ принцевъ, объявляя, что этимъ прекратятся всѣ партіи въ Польшѣ, которыхъ избѣжать нельзя, если выбрать Пяста. Мерси до сихъ поръ еще не далъ имъ ни-

какого отвѣта; король уже писалъ объ этомъ въ Петербургъ къ графу Сольмсу, для увѣдомленія императрицы; но, прибавилъ Финкенштейнъ, его величество находитъ нужнымъ отписать объ этомъ русскому резиденту въ Константинополѣ: вѣнскій и версальскій дворы стараются привести Порту въ сомнѣніе относительно поступковъ петербургскаго и берлинскаго дворовъ въ Польшѣ, внушаютъ ей, будто польская вольность находится въ великой опасности; такъ русскій резидентъ могъ бы внушить Портѣ, что, напротивъ, вѣнскій дворъ старается поколебать польскую вольность, выставляя своего принца кандидатомъ, чего, какъ извѣстно, Порта терпѣть не будетъ, и, получа такое извѣстіе, меньше станетъ вѣрить внушеніямъ австрійскаго и французскаго пословъ. Долгорукій въ тотъ же день далъ объ этомъ знать Обрѣзкову въ Константинополь.

Въ своихъ письмахъ къ императрицѣ Фридрихъ II-й продолжалъ обнадеживать ее въ успѣхѣ польскаго дѣла: «Я хорошо знаю эту націю (польскую), писалъ король 16 февраля, и потому увѣренъ, что разбрасывая деньги кстати и употребляя прямо угрозы противъ злонамѣренныхъ, вы ихъ приведете къ желанной вами цѣли. Но мнѣ кажется, что угрозы и общія объявленія должно употреблять только по истощеніи всѣхъ средствъ великодушія, всѣхъ внушеній и совѣтовъ частныхъ, чтобъ отнять у сосѣдей всякій предлогъ вмѣшиваться въ дѣло, которое вы считаете своимъ». Фридрихъ писалъ (7 апрѣля), что Франція и Австрія будутъ мѣшать Екатеринѣ при избраніи польскаго короля только тайкомъ, интригами, а не силою; что надобно бояться одного, чтобъ они своими интригами не подняли Порту. Что же касается Поляковъ, то вступленіе русскихъ войскъ съ сильными объявленіями противъ гетмана Браницкаго и князей Радзивила и Любомирскаго укротятъ ихъ пылъ». «Бо́льшая часть Поляковъ, писалъ Фридрихъ, пусты и подлы (vains et laches), горды когда считаютъ себя внѣ опасности, и ползаютъ когда бѣда надъ головою, и я думаю, что не будетъ пролито крови, развѣ отрѣжутъ носъ или ухо у какого-нибудь шляхтича на сеймѣ». 12 мая король писалъ: «Поляки получили нѣкоторую сумму денегъ отъ саксонскаго двора; кто захочетъ получить ихъ, произведетъ нѣкоторый шумъ, но все и ограничится шумомъ. Ваше величество

приведете въ исполненіе свой проектъ: этотъ оракулъ вѣрнѣе Калхасова».

А между тѣмъ, узнавши, что Бенуа въ Варшавѣ, сдѣлалъ заявленіе одинакое съ русскимъ посломъ, Фридрихъ II былъ этимъ недоволенъ и велѣлъ дать знать своему министру: «Нужно было ограничиться только заявленіемъ, что король не хочетъ увеличенія своихъ владѣній на счетъ Польши, а не требовать прямо избранія Пяста: хотя король и согласенъ въ этомъ отношеніи съ императрицею, но все же желалъ бы избѣжать подозрѣнія, что хочетъ вмѣшиваться въ свободные выборы».

Король былъ согласенъ съ императрицею и относительно диссидентовъ; но велѣлъ отписать Бенуа: «Дѣлайте для диссидентовъ все возможное по обстоятельствамъ, ибо не надобно рисковать спутать дѣло изъ любви къ нимъ».

Въ Берлинѣ ожидали съ нетерпѣніемъ заключенія союзнаго договора съ Россіею. Сольмсъ, въ донесеніяхъ къ королю приписывалъ медленность въ заключеніи договора множеству дѣлъ и обычной медлительности русскаго двора. Наконецъ 31 марта желанный договоръ былъ подписанъ: оба государства обезпечивали взаимно европейскія владѣнія другъ друга. Въ случаѣ нападенія на одну изъ договаривающихся сторонъ употреблялись сначала добрыя услуги для прекращенія войны, въ случаѣ неуспѣшности, черезъ три мѣсяца по востребованіи, союзникъ выставляетъ 10,000 пѣхоты и 2000 кавалеріи, въ случаѣ же нужды оба государства соглашаются объ увеличеніи этого числа и о защитѣ всѣми силами. 1-я секретная статья: если нападеніе послѣдуетъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ, на Россію со стороны Турціи и Крыма, а на Пруссію за Везеромъ, то вмѣсто войска помощь можетъ быть доставлена деньгами, именно уплатою по 400,000 рублей. 2 секретная статья: союзники обязываются дѣйствовать за одно въ Швеціи для поддержанія равновѣсія между борющимися тамъ партіями; въ случаѣ опасности для существующей формы шведскаго правленія союзники соглашаются на счетъ средствъ отвратить опасное событіе. 3-я секретная статья: король гарантируетъ голштинскія владѣнія великаго князя. 4-я секретная статья: союзники обязываются не позволять перемѣны въ польской конституціи, предупреждать и уничтожать всѣ намѣренія, которыя могли бы къ этому клониться, прибѣ-

гая даже къ оружію. Статья отдѣльная: союзники обязываются покровительствовать диссидентамъ и уговаривать польскаго короля и республику возстановить ихъ въ прежнихъ правахъ; если же нельзя, то выжидая удобнаго времени, стараться, покрайней мѣрѣ, чтобъ диссиденты не подвергались притѣсненіямъ. Союзъ былъ заключенъ на 8 лѣтъ; но можно было возобновить его и прежде.

Долгорукій донесъ, что графъ Финкенштейнъ словесно объявилъ всѣмъ иностраннымъ министрамъ о заключеніи союзнаго договора, при чемъ не утаилъ и секретной статьи о Польшѣ; такое же устное объявленіе иностраннымъ министрамъ сдѣлано и имъ, Долгорукимъ; только одному англійскому посланнику Митчелю, съ которымъ онъ искреннѣе обходится, чѣмъ съ другими, онъ прочелъ весь договоръ и разсказалъ содержаніе секретной статьи. На этомъ донесеніи Панинъ написалъ: «За сіе Долгорукій достоинъ репримянда, по какому повелѣнію онъ смѣлъ сказать о секретной конвенціи; да и вся реляція неисправна, ибо невозможно статься, чтобъ берлинскій дворъ всѣмъ чужестраннымъ министрамъ сообщилъ секретный артикулъ о польскихъ дѣлахъ, потому что здѣсь согласились оный сообщить только вѣнскому и лондонскому дворамъ. «Сильный репримандъ былъ отправленъ; но Долгорукій отвѣчалъ, что онъ не счелъ нужнымъ утаивать секретную статью отъ англійскаго посланника, когда въ Петербургѣ постановлено сообщить и лондонскому двору и ему, Долгорукову, велѣно обходиться съ Митчелемъ откровенно.

Когда австрійскій посланникъ Ридъ представилъ Фридриху II, что для успокоенія польской республики Марія Терезія желала бы публичнаго объявленія со стороны Пруссіи, что войска прусскія не будутъ введены въ Польшу прежде вступленія туда войска другой державы, король выслушалъ Рида съ неудовольствіемъ и отвѣчалъ: «Я уже сообщилъ вѣнскому двору договоръ, заключенный мною съ русскою императрицею; я теперь обязанъ поступать во всемъ согласно съ нею; императрица до сихъ поръ ничего не сдѣлала въ противность обѣщанію сохранять вольность и права польской республики; а что русскія войска теперь въ Польшѣ находятся, то это не причина къ жалобѣ; союзъ между Пруссіею и Россіею натуральный: какъ ближніе сосѣди

польской республики для собственнаго интереса мы должны соединиться и охранять заодно вольность и фундаментально законы Польши». Король приказалъ Финкенштейну немедленно сообщить Долгорукову объ этомъ разговорѣ съ Ридомъ для донесенія императрицѣ, и прибавить отъ его имени, что всѣ польскія безпокойства происходятъ отъ внушеній вѣнскаго двора; извѣстно, когда коронный гетманъ графъ Браницкій выѣхалъ изъ Варшавы и остановился въ трехъ миляхъ отъ этой столицы, то австрійскій посолъ графъ Мерси поѣхалъ къ нему и уговаривалъ его, чтобъ твердо держаться.

Осенью попытки новаго польскаго короля приступить къ преобразованіямъ сильно встревожили берлинскій дворъ, тѣмъ болѣе, что изъ Петербурга и Варшавы Фридрихъ II получилъ донесенія, что русскій дворъ смотритъ на эти попытки хладнокровно и даже съ поблажкою. Сольмсъ доносилъ изъ Петербурга, что польскій посланникъ графъ Ржевускій представилъ Панину мемуаръ, гдѣ просилъ согласія императрицы на ограниченіе злоупотребленія liberum veto въ смыслѣ liberum rumpo. Панинъ готовъ былъ уступить, представляя, что Польша, избавленная отъ сеймоваго безнарядья, поправивши свою торговлю, юстицію и полицію, можетъ быть полезною союзницею и замѣнить Австрію относительно Турокъ. Но Сольмсъ получилъ изъ Берлина приказъ: «сохрани васъ Богъ помогать предложенію Ржевускаго»!

Бенуа изъ Варшавы прислалъ тоже тревожныя извѣстія, что Россія смотритъ на польскія преобразованія слишкомъ легко. Репнинъ начинаетъ очень вилять на счетъ этого дѣла; и тогда только началъ серіозно на него смотрѣть, когда ему Бенуа внушилъ, какъ серіозно смотритъ на него король прусскій. Репнинъ сталъ говорить объ этомъ Станиславу-Августу, тотъ сильно огорчился и началъ говорить съ такою горячностію, какой Репнинъ никогда прежде не замѣчалъ въ немъ: «Какъ! Это наши друзья, наши союзники будутъ препятствовать тому, чтобы мы вышли изъ нашего застоя»! «Поляки, писалъ Бенуа, будутъ содѣйствовать такимъ образомъ своей собственной погибели и заставятъ своихъ сосѣдей раздробить нѣкогда Польшу, чтобы посредствомъ формы англійскаго правленія, у нихъ уста-

новленной они не сдѣлались слишкомъ страшны при своей обширной государственной области».

Фридрихъ написалъ Екатеринѣ (30 октября): «Многіе изъ польскихъ вельможъ желаютъ уничтожить liberum veto и замѣнить его большинствомъ голосовъ. Это намѣреніе очень важно для всѣхъ сосѣдей Польши. Согласенъ, что намъ нечего безпокоиться при королѣ Станиславѣ; но послѣ него? Если ваше величество согласитесь на эту перемѣну, то можете раскаяться и Польша можетъ сдѣлаться государствомъ опаснымъ для своихъ сосѣдей, тогда какъ поддерживая старые законы государства, которые вы гарантировали, у васъ всегда будетъ средство производить перемѣны, когда вы найдете это нужнымъ. Чтобъ воспрепятствовать Полякамъ предаваться ихъ первому энтузіазму, всего лучше оставить у нихъ русскія войска до окончанія сейма».

Панинъ, по словамъ Сольмса, все твердилъ, что было бы слишкомъ жестоко мѣшать Полякамъ выйти изъ варварства; но на Екатерину письмо Фридриха произвело сильное впечатлѣніе и она отказала въ согласіи на преобразованіе. «Панинъ нахмурился, писалъ Сольмсъ, но скрылъ свою досаду; ему хотѣлось пріобрѣсть славу возстановителя Польши» [49].

Но былъ еще третій сосѣдъ Польши, который также сильно интересовался всѣмъ, что въ ней происходило.

29 января австрійскій посланникъ князь Лобковичъ заявилъ вице-канцлеру, что императрица-королева желаетъ знать, кому съ русской стороны предпочтительно прочится корона польская, чтобъ объ этомъ заблаговременно можно было между собою согласиться; что сообщеніе объ этомъ было обѣщано, но обѣщаніе до сихъ поръ не исполнено, а сдѣланная въ Варшавѣ русскимъ и прусскимъ министрами декларація противна прежнимъ увѣреніямъ, что республикѣ будетъ предоставлено свобода избранія: исключеніе иностранныхъ принцевъ никакъ не вяжется съ этими увѣреніями. Если Россія для подкрѣпленія своего кандидата прежде избранія введетъ свои войска въ Польшу, въ такомъ случаѣ вѣнскій дворъ, по своему значенію и близкому сосѣдству, не можетъ равнодушно смотрѣть, чтобъ какая-нибудь посторонняя держава посадила въ Польшѣ короля противъ вольнаго избранія, и потому принуждена будетъ вмѣшаться въ дѣло. Въ случаѣ вольнаго избранія на польскій престолъ саксонскаго

принца, намѣрена ли императрица противиться этому силою? На конференціи 3 февраля Лобковичъ опять спрашивалъ, не будетъ ли императрица противиться избранію саксонскаго принца, ибо хотя вѣнскій дворъ и желаетъ вольнаго избранія этого принца, но не намѣренъ подкрѣплять его силою, въ надеждѣ, что императрица также не будетъ подкрѣплять силою своего кандидата; что для обузданія безпокойныхъ головъ въ Польшѣ было бы полезно, когдабъ оба императорскіе двора заблаговременно согласились поддерживать вольное избраніе. 9 февраля Лобковичъ навѣдывался о резолюціи императрицы на его предложеніе; но получилъ отъ вице-канцлера въ отвѣтъ, что резолюціи еще нѣтъ, да дѣло и не требуетъ поспѣшности.

29 марта вице-канцлеръ сообщилъ всѣмъ иностраннымъ министрамъ записку, въ которой русскій дворъ объявлялъ, что въ слѣдствіе большихъ безпорядковъ въ Польшѣ и насилій короннаго гетмана графа Браницкаго, также виленскаго воеводы князя Радзивила и сообщниковъ ихъ, императрица можетъ быть, противъ своего желанія, найдется вынужденною ввести часть своихъ войскъ въ земли республики для защиты благонамѣренныхъ патріотовъ и сохраненія спокойствія въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ. Лобковичъ замѣтилъ, что онъ ни о какихъ насиліяхъ гетмана Браницкаго не знаетъ, что же касается до князя Радзивила, то онъ не такъ виноватъ, какъ объ немъ говорится въ русской запискѣ; вообще жъ ему, послу, очень прискорбно, что Россія въ польскихъ дѣлахъ не ограничивается одними желаніями, и онъ, зная миролюбивыя расположенія своего двора, боится нарушенія драгоцѣннаго покоя. Вице-канцлеръ отвѣчалъ, что насчетъ насилій Браницкаго и сумасбродныхъ поступковъ Радзивила не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; что же касается намѣреній русскаго двора, то они остаются прежнія и заключаются въ защитѣ вольности и законовъ польскихъ и въ недопущеніи, чтобъ въ Польшѣ какъ-нибудь возбуждены были внутреннія неустройства; если, слѣдуя этимъ правиламъ, Россія будетъ принуждена употребить и войско, то сдѣлаетъ она это конечно не по охотѣ, а будучи побуждена существеннѣйшими своими интересами, которые перевѣшиваютъ интересы всѣхъ другихъ дворовъ.

На сеймикѣ въ Грауденцѣ (въ прусской провинціи) явилось войско Браницкаго, чтобъ дать торжество своей сторонѣ; но этому помѣшало русское войско, охранявшее тамъ магазины. Партія Чарторыйскихъ оправдывала поступокъ русскаго войска; противная партія кричала противъ вмѣшательства иностранной силы. 5 апрѣля Лобковичъ жаловался на это вмѣшательство; онъ говорилъ, что протестъ Поляковъ противъ него ничѣмъ оспоренъ быть не можетъ, и это присутствіе русскаго войска разумѣется нарушаетъ въ означенномъ мѣстѣ польскую вольность. Вице-канцлеръ возражалъ, что русскія войска, выступившія уже изъ Грауденца, принуждены были возвратиться туда для защиты магазиновъ, могшихъ потерпѣть среди народнаго безпорядка; Лобковичъ основывается на протестѣ одной стороны, но надобно, чтобъ онъ прочелъ манифестъ и другой, подписанный 270 лицами, тогда какъ протестъ подписанъ только 220-ю; что корпусъ генералъ-майора Хомутова не нарочно приведенъ былъ въ Грауденцъ, а находился тамъ уже нѣсколько лѣтъ; что когда русская армія дѣйствовала въ пользу императрицы - королевы, то вѣнскій дворъ не жаловался на нарушеніе польской вольности отъ присутствія русскаго войска. Лобковичъ отвѣчалъ, что хотя онъ и не видалъ манифеста другой партіи, однако сомнѣвается, чтобъ онъ былъ также основателенъ какъ протестъ первой; что не его дѣло говорить о прошедшемъ, а главное онъ опасается, чтобъ русскіе магазины не появились въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ прежде совсѣмъ не было. На докладѣ объ этой конференціи Екатерина написала: «При сочиненіи отвѣта князю Лобковичу не худо дать имъ примѣтить, что здѣсь весьма странно кажется, что при всякомъ случаѣ насъ въ допросъ ведутъ».

Въ Вѣнѣ Кауницъ точно также говорилъ князю Голицыну, что австрійскому двору вовсе неизвѣстно о выставляемыхъ русскимъ дворомъ насильственныхъ поступкахъ Браницкаго и другихъ Поляковъ; но извѣстно о вступленіи въ Польшу значительнаго корпуса русскихъ войскъ. «Намѣреніе мое было, писалъ Голицынъ, посредствомъ разговора съ княземъ Кауницомъ извѣдать мысли здѣшняго двора по польскимъ дѣламъ, но ни мало не оказалъ онъ къ тому податливости. Я отъ здѣшняго мини-

стерства не ожидаю теперь никакой откровенности, когда оной по сіе время не оказалось».

Всего страннѣе было это раздражащее «веденіе въ допросъ», при твердомъ рѣшеніи вѣнскаго двора ни подъ какимъ видомъ не начинать войны изъ-за Польши. Марія Терезія говорила по поводу этой страны, что дрожитъ при малѣйшей искрѣ отъ страха, что изъ искры произойдетъ пламя. Относительно претензіи принца Ксаверія Саксонскаго на польскій престолъ Марія Терезія сказала: «При настоящемъ положеніи моихъ финансовъ я могу дать ему только 100,000 гульденовъ — плохая помощь! О посылкѣ же войска въ Польшу я не смѣю и думать, потому что это можетъ вовлечь меня въ новую войну, тогда какъ я страдаю еще отъ ранъ, нанесенныхъ послѣднею войною» [50].

Точно также странно должно было казаться въ Петербургѣ и поведеніе Франціи, которая при всякомъ случаѣ «вела въ допросъ» безъ рѣшимости противодѣйствовать видамъ Россіи. Людовикъ XV въ началѣ года писалъ: «Наши послѣднія письма изъ Вѣны ясно говорятъ, что тамошній дворъ не дастъ ни войска, ни денегъ принцу Ксаверію, но обѣщаетъ ему всѣ добрыя услуги и уговариваетъ его представиться кандидатомъ (на польскій престолъ). При такихъ обстоятельствахъ всѣ деньги, которыя мы дадимъ, будутъ потеряны, а у насъ нѣтъ столько денегъ, чтобъ ихъ бросать. Думаю, что Испанія взглянетъ на дѣло точно также».

3 февраля французскій повѣренный въ дѣлахъ Беранже говорилъ вице-канцлеру князю Голицыну, что всякая посторонняя держава имѣетъ право подкрѣплять кандидата своего, не исключая однако самовластно всѣхъ другихъ, вопреки польской вольности. Потомъ 1 марта говорилъ, что исключеніе Россіею саксонскихъ принцевъ противорѣчитъ самимъ русскимъ декларaціямъ о сохраненіи вольности и правъ республики. Князь Голицынъ отвѣчалъ, что Россія конечно больше, чѣмъ его дворъ, имѣетъ интереса заботиться о ненарушимости польской конституціи, и рекомендуетъ Пяста именно потому, что бо́льшая и здравая часть народа этого желаетъ. Когда 29 марта вице-канцлеръ сообщилъ всѣмъ иностраннымъ министрамъ записку о возможности вступленія русскихъ войскъ въ Польшу въ слѣдствіе насилій Браницкаго и Радзивила, то Беранже началъ было на

всякій пунктъ записки дѣлать свои разсужденія и вопросы; но князь Голицынъ сказалъ ему, что онъ можетъ довольствоваться тѣмъ, что̀ находится въ запискѣ, и повторилъ, что интересы Франціи относительно Польши и ея вольности никакъ не могутъ равняться съ русскими. Въ Версали герцогъ Пралэнъ говорилъ русскому министру, князю Дмитрію Алексѣевичу Голицыну, какъ бы желательно было, чтобъ Россія не вмѣшивалась въ польскія дѣла, распродала бы свои магазины въ Польшѣ и вывела оттуда свои войска, и такимъ образомъ отняла бы у Поляковъ всякій предлогъ къ жалобамъ. Противъ этого мѣста донесенія Голицына Панинъ замѣтилъ: «А между тѣмъ сеймъ отложатъ, чего въ Польшѣ и домогаются, чтобъ нашу партію тамъ поставить безъ защиты и Браницкому съ войсками все форсировать.»

Тогда же Пралэнъ говорилъ Голицыну, что ихъ очень тревожитъ слухъ, будто императрица велѣла приблизить къ польскимъ границамъ значительное число войска, и дружески признался, что если, сверхъ ожиданія, вольность и права польской республики будутъ нарушены и она формально потребуетъ помощи у Франціи, то послѣдняя найдется въ очень затруднительномъ положеніи. Въ концѣ апрѣля Пралэнъ, передавая Голицыну извѣстіе о вступленіи русскихъ войскъ въ Польшу, выражалъ объ этомъ свое сожалѣніе, вопервыхъ, потому, что по законамъ польскимъ нельзя выбрать короля, пока чужестранныя войска находятся въ предѣлахъ республики; вовторыхъ, сама императрица объявила, что не допуститъ вторженія иностранныхъ войскъ въ Польшу; втретьихъ, не малая часть Поляковъ приносятъ теперь христіаннѣйшему величеству жалобы, представляя, что русская императрица, исключа иностранныхъ кандидатовъ и вводя свои войска въ Польшу, нарушила ихъ права, и требуютъ помощи отъ Франціи. Насилія графа Браницкаго и князя Радзивила, дающія поводъ ко вступленію русскихъ войскъ, на самомъ дѣлѣ вовсе не такъ велики или, лучше сказать, ихъ и вовсе нѣтъ; но враги увеличиваютъ ихъ въ глазахъ императрицы, чтобъ лишить этихъ вельможъ ея покровительства; по смерти королевской Браницкій ни мало не умножилъ число войскъ коронныхъ; очень было бы желательно, чтобъ императрица, оставя Поляковъ раздѣлываться другъ съ другомъ какъ хотятъ, велѣла вывесть свои войска изъ Польши; въ этомъ случаѣ Франція

дастъ торжественное обѣщаніе не только ни подъ какимъ видомъ не мѣшаться въ польскія дѣла, но и ни копѣйки денегъ туда не посылать.—На полѣ противъ этого мѣста донесенія Голицына было замѣчено: «Слѣдовательно теперь даютъ и видятъ, что безъ успѣха».

Пралэнъ, въ дружеской откровенности признавался Голицыну, что польскія требованія помощи крайне его затрудняютъ и онъ не знаетъ что̀ дѣлать. Голицынъ писалъ по этому поводу своему двору: «Я легко вѣрю, что польскія требованія затрудняютъ здѣшній дворъ, не столько вслѣдствіе нежеланія его вмѣшиваться въ польскія дѣла, сколько въ слѣдствіе внутренняго плохого состоянія государства. Впрочемъ поступки свои онъ будетъ распоряжать, смотря на австрійскій дворъ, который болѣе принимаетъ участіе въ польскихъ дѣлахъ, чѣмъ здѣшній.» На это Панинъ замѣтилъ: «Конечно правда!»

13 мая Голицынъ донесъ, что французскій посолъ въ Варшавѣ, маркизъ де Поми представилъ своему двору, что слабое его стараніе въ пользу польской республики и слабая защита французскихъ сторонниковъ, производятъ большой ропотъ и унижаютъ достоинство Франціи. Дворъ принялъ это въ уваженіе и послалъ Поми отзывныя грамоты; но Поми, отъѣзжая, долженъ былъ объявить, что такъ какъ республика теперь въ волненіи и въ ней находятся чужестранныя войска, то король считаетъ нужнымъ отозвать своего министра до возстановленія спокойствія. Голицынъ писалъ: «Здѣшнія обстоятельства относительно Польши дѣйствительно странны и очень тягостны для министерства. Король и Шуазели никакъ не намѣрены мѣшаться въ польскія дѣла, что на этихъ дняхъ вновь объявлено австрійскому послу, особенно не имѣя надежды на успѣхъ по невозможности употребить много денегъ или послать войско. Но дофинъ и дофина требуютъ послѣдняго и приписываютъ равнодушіе Франціи недоброжелательству Шуазелей.»

По дальнѣйшимъ извѣстіямъ Голицына во Франціи сильно желали окончанія польскаго междуцарствія, и больше всего боялись, чтобъ не было двойнаго избранія, ибо тогда Франція нашлась бы въ затруднительномъ положеніи: помочь противной Чарторыйскимъ партіи нѣтъ средствъ, а не помочь — значитъ потерять въ Польшѣ все значеніе. Наконецъ пришло извѣстіе

объ избраніи Станислава Понятовскаго, и французская королева стала толковать съ отцемъ своимъ Станиславомъ Лещинскимъ, какъ бы сдѣлать, чтобъ новый король назывался Станиславомъ вторымъ, для указанія на королевскія права Станислава перваго (Лещинскаго), а если этого нельзя, то назвался бы Станиславомъ Августомъ [51].

Непосредственно Франція не имѣла средствъ противодѣйствовать видамъ Россіи въ Польшѣ; но изъ Константинополя приходили извѣстія, что тамъ французскій посолъ не остается въ бездѣйствіи. 4 января Порта прислала Обрѣзкову письменный отзывъ, гдѣ говорилось, что она сама не имѣетъ намѣренія вмѣшиваться въ польскія дѣла, ни въ вольное избраніе короля изъ Пястовъ, и желаетъ, чтобъ и другія сосѣдственныя державы поступали такимъ же образомъ; но получено извѣстіе, будто Россія, согласясь съ королемъ прусскимъ, намѣрена силою принудитъ Поляковъ выбрать себѣ въ короли графа Понятовскаго, и хотя это извѣстіе и невѣроятно, однако Порта спрашиваетъ, не можетъ ли посланникъ дать какое-нибудь объясненіе. Обрѣзковъ отвѣчалъ, что этому извѣстію нельзя подавать никакой вѣры; прусскій посланникъ Рексинъ подалъ записку такого же содержанія. Въ концѣ февраля Обрѣзковъ доносилъ, что французскій король, видя согласіе Порты на избраніе Пяста, нашелъ способъ подѣйствовать на султана посредствомъ одного неаполитанскаго доктора, служащаго въ женскомъ отдѣленіи сераля и имѣющаго свободный доступъ къ султану. Благодаря этому неаполитанскому доктору, 7 февраля явился къ Обрѣзкову переводчикъ Порты по повелѣнію султана съ вопросомъ, въ какомъ положеніи находятся польскія дѣла и какая по нимъ окончательная резолюція императрицы. Когда Обрѣзковъ спросилъ, что за причина такого неожиданнаго вопроса, то переводчикъ, въ крайнемъ секретѣ, открылъ, что султанъ перемѣнилъ свои мысли относительно избранія въ польскіе короли Пяста, и что въ этой перемѣнѣ всего больше участвовали льстивыя внушенія французскаго посла, который толкуетъ, что султанъ безъ всякаго затрудненія можетъ посадить на польскій престолъ кого хочетъ и никакая держава не посмѣетъ этому противиться, и пріобрѣтетъ онъ чрезъ это имени своему безсмертную славу, а имперіи своей знаменитость. Обрѣзковъ, зная по опыту, что

въ подобныхъ случаяхъ твердый отвѣтъ Портѣ не въ примѣръ бываетъ полезнѣе мягкаго, отвѣчалъ, что ничего новаго не можетъ быть по польскимъ дѣламъ и, по данному разъ императрицею наставленію, онъ, посланникъ, можетъ Порту увѣрить съ одной стороны, что императрица не будетъ препятствовать избранію въ польскіе короли Пяста; но, съ другой стороны, еслибы недоброхотными къ отечеству Поляками или какою-нибудь иностранною державой нарушено было спокойствіе польской республики, то императрица на это равнодушно смотрѣть не будетъ, но употребитъ всѣ мѣры и силы свои къ защитѣ Польши и къ возстановленію въ ней спокойствія. Переводчикъ Порты нашелъ, что этотъ отвѣтъ способенъ увѣрить султана, что покушеніе его возвести на польскій престолъ кого ему угодно будетъ не такъ дешево стоить, какъ увѣряютъ Французы, и султанъ поудержится отъ поступковъ, которые могли бы компрометировать Порту. Отвѣтъ подѣйствовалъ: прусскій посланникъ опять подалъ Портѣ записку о необходимости избранія природнаго Поляка, и когда первый французскій переводчикъ Дюваль подалъ рейсъ-эффенди записку, что и саксонскіе принцы, какъ дѣти покойнаго польскаго короля, могутъ считаться природными Поляками, то рейсъ-эффенди бросилъ записку Дювалю въ глаза и сказалъ, какъ послу не стыдно безпрестанно утруждать министерство такими пустяками, развѣ онъ сановниковъ Порты считаетъ дѣтьми несмысленными?

Мы видѣли, что съ начала царствованія Екатерины хотѣли идти по польскимъ дѣламъ согласно съ Пруссіею, а по турецкимъ согласно съ Австріею; но понятно, что такое раздвоеніе въ политикѣ было крайне затруднительно. Такъ въ Берлинѣ, когда князь Долгорукій хотѣлъ отклонять прусское правительство отъ заключенія союза съ Турціею, то потерпѣлъ неудачу; а въ Константинополѣ, когда Обрѣзковъ старался сближаться съ австрійскимъ интернунціемъ для противодѣйствія тому же турко-прусскому союзу, то интернунцій принималъ его совѣтъ и предложенія холодно и подозрительно. На донесеніи объ этомъ Обрѣзкова Панинъ написалъ: «Мнѣ видится и намъ уже пора о семъ дѣлѣ замолчать, оставя вѣнскій дворъ его жребію, да и въ существѣ Россія не потрясется отъ той аліанціи (Пруссіи съ Турціею), а вѣнскій дворъ далеко уже отшелъ отъ натуральной

съ нами конекціи, чтобъ еще намъ стряпать за его собственные интересы съ обращеніемъ къ себѣ отъ другихъ за то зависти».

Въ апрѣлѣ польскій резидентъ Станкевичъ отъ имени гетмана Браницкаго увѣдомилъ Порту, что избирательный сеймъ не можетъ быть вольнымъ, если Порта не обнадежитъ гетмана и республику своею помощію, ибо Польша окружена со всѣхъ сторонъ безчисленными русскими войсками, а внутри ея содержатся значительные русскіе магазины подъ прикрытіемъ также сильныхъ отрядовъ войска, къ которому высылаются еще новые и по всему королевству разглашено, что русская императрица не допуститъ избранія въ короли никого другого, кромѣ Понятовскаго, и какъ только онъ будетъ избранъ, то императрица выйдетъ за него замужъ и чрезъ это присоединитъ Польшу къ Россійской имперіи. Если это намѣреніе исполнится, то понятно какой вредъ потерпитъ Турція. Но, благодаря искусству Обрѣзкова дѣлать внушенія вліятельнымъ лицамъ, представленія Станкевича остались безъ послѣдствій. Обрѣзковъ писалъ, что переводчикъ Порты, Григорій Гика, пожалованный въ молдавскіе князья, совѣтовалъ ему слѣдующее: какъ скоро въ Польшѣ будетъ избранъ въ короли человѣкъ угодный императрицѣ, то пусть новый король сейчасъ же пришлетъ грамоты къ султану и визирю съ объявленіемъ о своемъ избраніи и съ заявленіемъ своего желанія снискать благоволеніе Порты, ибо ничто не можетъ такъ побудить Порту къ согласному дѣйствію съ Россіею и Пруссіею, какъ уваженіе, которое ей окажется: оно пощекочетъ ея честолюбіе и отклонитъ нареканіе, что нанесенъ ущербъ ея значенію избраніемъ польскаго короля единственно по волѣ русской императрицы. Обрѣзковъ прибавлялъ, что по его мнѣнію Гика не самъ собою подалъ этотъ совѣтъ, но усмотря желаніе всего турецкаго министерства. Гика увѣрялъ также Обрѣзкова, что когда пріѣдетъ въ Молдавію, то будетъ усердно служить императрицѣ, какъ по польскому, такъ и по другимъ дѣламъ. За это Обрѣзковъ подарилъ ему соболій мѣхъ въ 1000 рублей; а Панинъ написалъ на реляціи: «Да и конечно онъ (Гика) таковъ, что упустить его не должно; такъ не соизволитель ваше величество указать заранѣе о томъ инструировать своихъ министровъ въ Польшѣ, равно какъ и о томъ, чтобъ Станкевича какъ наискорѣе отозвать и по возвращеніи дать ему возчув-

ствовать, что онъ къ такимъ непристойностямъ употребить себя дозволилъ». Императрица на это написала: «Быть чо сему; а ревность, искусство и усердіе Обрѣзкова довольно похвалить не можно, да благословитъ Господь Богъ и впредь дѣла наши тако».

Но радость была еще рановременна. Отъ 15 іюня Обрѣзковъ донесъ, что Порта опять сильно встревожена увѣдомленіями Браницкаго, крымскаго хана и французскаго посла, что Россія скрытно дѣйствуетъ въ пользу Понятовскаго, какъ жениха императрицы Екатерины. Къ Обрѣзкову явился переводчикъ Порты съ объявленіемъ отъ визиря, что если Понятовскій дѣйствительно будетъ избранъ въ короли, то это произведетъ охлажденіе между Турціею и Россіею. Потомъ визирь велѣлъ сказать Обрѣзкову: «одному Богу извѣстно, какъ я стараюсь объ утвержденіи доброй дружбы между Турціею и Россіею, но всѣ мои старанія останутся напрасными, если Понятовскій будетъ избранъ въ короли, не потому, что Порта опасается брака его съ императрицею: она принимаетъ ваши увѣренія, что этого не будетъ; но потому, что кромѣ Россіи и Пруссіи, всѣ державы признаютъ его недостойнымъ; по вступленіи на престолъ, можетъ онъ вступить въ бракъ съ принцессою изъ австрійскаго или бурбонскаго домовъ и отдастъ чрезъ это Польшу въ зависимость отъ нихъ. Однимъ словомъ доставленіе польской короны Понятовскому и вступленіе въ войну съ Турціею для Россіи одно и то же, и я, хотя бы и остался на своемъ мѣстѣ, то ничѣмъ уже помочь не могу; а кромѣ Станислава Понятовскаго можно выбирать кого угодно, хотя бы брата его родного, лишь былъ бы въ законномъ бракѣ».

Обрѣзкову и тутъ удалось успокоить Порту; «но, писалъ онъ императрицѣ, худая моя судбина, какъ видно, устремилась не давать мнѣ ни малаго отдохновенія». Пришло письмо отъ крымскаго хана, что на требованіе его представить настоящее состояніе республики, онъ получилъ бумагу, подписанную многими кастелянами и воеводами, которые заявляютъ, что республика состоитъ изъ одной фамиліи Чарторыйскихъ, соединенной съ примасомъ; эта фамилія, опираясь на силы Россіи, устроила сеймъ съ разными распоряженіями, противными обычаямъ республики и всему королевству крайне предосудительными, но со-

гласными съ видами русскаго двора; главная цѣль Чарторыйскихъ — возведеніе на престолъ ненавистнаго всей Польшѣ Понятовскаго, и если польская шляхта не будетъ защищена Портою, то принуждена будетъ уступить превосходной силѣ и разъѣхаться по другимъ государствамъ, оставляя Польшу въ распоряженіе Россіи. Вмѣстѣ съ ханскимъ письмомъ пришло донесеніе хотинскаго паши, что князь Радзивилъ, будучи разбитъ и гонимъ русскими войсками, прибѣжалъ въ турецкія владѣнія и отдался подъ покровительство Порты, принося жалобы на Россію. Султанъ пришелъ въ сильную ярость и велѣлъ своему министерству сдѣлать такой отзывъ Обрѣзкову, чтобъ тотъ достаточно могъ понять великое его неудовольствіе. Дѣйствительно, 20 іюля Обрѣзковъ получилъ отзывъ, составленный, по его словамъ, въ терминахъ грубѣйшихъ и неучтивѣйшихъ. Поведеніе Россіи относительно Порты называлось непристойнымъ и безчиннымъ, Обрѣзковъ величался лжецомъ и обманщикомъ. Обрѣзковъ, зная по опыту, что въ Турціи надобно имѣть и лисій хвостъ и волчій ротъ, на другой день подалъ записку, гдѣ далъ почувствовать, что такія выраженія непристойны въ сношеніяхъ между знатными державами, и что порицанія неосновательны, что Польша—республика независимая и кого бы ни избрала себѣ королемъ, ни одна держава на это досадовать не можетъ; что послѣдняя война у Россіи съ Турціею также произошла въ слѣдствіе разныхъ извѣстій, которымъ очень легко повѣрили, и война эта стоила каждой изъ воевавшихъ сторонъ можетъ быть болѣе 100,000 человѣкъ. При переводѣ этой записки переводчикъ Порты нашелъ, что она очень жива и можетъ еще болѣе раздражить султана, потому не дурно было бы измѣнить нѣкоторыя выраженія. «Виновата Порта, отвѣчалъ Обрѣзковъ, мною ничего лишняго и неумѣреннаго не сказано; впрочемъ я бы кой-что и перемѣнилъ, еслибъ и Порта съ своей стороны исключила изъ своего отзыва все грубое и неприличное». — «Порта не требуетъ, чтобъ вы этотъ отзывъ послали къ вашему двору», замѣтилъ переводчикъ. — «Я не польскій резидентъ Станкевичъ, отвѣчалъ Обрѣзковъ: моя должность обо всемъ здѣсь происходящемъ доносить императрицѣ». Послѣ этого переводчикъ, именемъ министерства, просилъ Обрѣзкова не посылать бумагу въ Петербургъ, а 30 іюля Обрѣзковъ и прусскій посланникъ Рек-

синъ получили повѣстку пріѣхать на другой день на конференцію къ главному секретарю великаго визиря. Конференція эта имѣла цѣлію уничтожить впечатлѣніе бумаги увѣреніями въ желаніи султана сохранять дружбу съ Россіею.

2 сентября, получивъ наставленіе изъ Петербурга, Обрѣзковъ черезъ своего переводчика велѣлъ сказать переводчику Порты, что слухи о бракѣ императрицы съ Понятовскимъ послѣ избранія его въ короли, суть не только «самомерзкія клеветы, но явныя оскорбленія, или, лучше сказать, богохульства для освященной ея персоны», на которыя она гнушается и отвѣчать, будучи вполнѣ увѣрена, что Порта «такимъ богомерзкимъ пусторѣчіямъ никакой вѣры не подала». Нечего также опасаться, что графъ Понятовскій вступитъ въ супружество съ какою-нибудь иностранною принцессою, ибо Россія и Пруссія имѣютъ болѣе чѣмъ Порта побужденій препятствовать, чтобъ Польша не подпала зависимости отъ какой-нибудь иностранной державы; кромѣ того подлинно извѣстно, что графъ Понятовскій уже помолвленъ на одной знатной польской дѣвицѣ. Когда послѣ того Обрѣзковъ сообщилъ рейсъ-еффенди, что на сеймѣ въ условія новому королю внесенъ пунктъ, что если король будетъ избранъ не женатый, то не можетъ вступать въ бракъ иначе какъ съ природною полькою, то рейсъ-еффенди со смѣхомъ сказалъ: «Полно притворяться, называй прямо Понятовскаго, дѣло уже извѣстное, что никто другой, кромѣ его, королемъ не будетъ; думаю, что онъ уже и выбранъ».

Избраніе Понятовскаго въ короли не прекратило франко-австрійскихъ движеній въ Константинополѣ. Султану было внушено, что избраніе незаконное, потому что вынужденное, и если Порта не признаетъ Станислава королемъ, то и дворы вѣнскій и версальскій его не признаютъ, да и всѣ христіанскія державы примѣру ихъ послѣдуютъ. Портѣ дано было знать, что Россія и Пруссія рекомендовали Понятовскаго, и эта рекомендація поддержана русскимъ войскомъ, посредствомъ котораго преданная Россіи партія и будетъ управлять Польшею. Эти извѣстія и внушенія сильно подѣйствовали. Переводчикъ русскаго посольства, отправленный Обрѣзковымъ къ рейсъ-еффенди, нашелъ этого министра въ страшномъ волненіи. «Хорошо это было сдѣлано, началъ онъ, что русскій и прусскій послы рекомендовали

сейму Понятовскаго, послѣ того какъ здѣсь русскій резидентъ и прусскій посланникъ письменно и словесно увѣряли насъ, что отъ ихъ дворовъ ни одинъ кандидатъ не будетъ представленъ? Резидентъ вашъ меня погубилъ, потому что я, вѣря ему, подкрѣплялъ его представленія и чрезъ это сдѣлался отвѣтственнымъ. Будь проклята минута, когда я съ нимъ познакомился! Порта предлагала Россіи, нельзя ли исключить графа Понятовскаго изъ кандидатовъ на польскій престолъ. Россія отвѣчала, что безъ нарушенія данныхъ увѣреній о невмѣшательствѣ никого исключить нельзя: но когда исключить нельзя, то само собою разумѣется, что и рекомендовать нельзя, тѣмъ болѣе, что рекомендованъ именно тотъ, исключенія котораго желала Порта. Развѣ Порта не имѣетъ послѣ того права полагать, что все это сдѣлано ей въ досаду и въ насмѣшку? и не будутъ ли ваши непріятели пользоваться этимъ случаемъ, чтобъ вредить вамъ? Сами вы строите и сами разстроиваете! Пусть резидентъ подастъ письменный отвѣтъ, основанный на крѣпкомъ фундаментѣ, которымъ сниметъ навозъ, наваленный на мою голову. Я имя резидента сдѣлалъ золотымъ, а онъ обратилъ и свое и мое имя въ чугунное. Порта новоизбраннаго короля никогда не признаетъ и грамоты его не приметъ, и нѣтъ другого способа поправить дѣло, какъ ссадить Понятовскаго, и если резидентъ не подастъ точнаго увѣренія, что Россія употребитъ для этого стараніе, то пусть больше не дѣлаетъ никакихъ представленій: слушать ихъ не будутъ».

Въ совѣтѣ, держанномъ при Портѣ, рѣшено, что рекомендація Понятовскаго, сдѣланная русскимъ дворомъ и подкрѣпленная многочисленнымъ войскомъ, совершенно противна правамъ республики и даннымъ Россіею торжественнымъ увѣреніямъ; что Портѣ, для сохраненія ея значенія между христіанскими державами, необходимо стараться о низверженіи Понятовскаго, какъ Австрія и Россія низвергли Лещинскаго, возведеннаго Франціею. Изъ поспѣшности, съ какою Россія хлопотала о возведеніи Понятовскаго, можно заключить, что она имѣетъ разные скрытные и вредные виды. Если Россія своими обѣщаніями обманула Порту въ дѣлѣ всему свѣту извѣстномъ, то чего можно ожидать въ частныхъ дѣлахъ между нею и Портою? Строеніе крѣпостей и обладаніе Кабардами могутъ служить отвѣтомъ. Ни на какія

обѣщанія нельзя болѣе полагаться, и потому Порта безъ потери времени должна принять необходимыя мѣры къ охраненію себя отъ умысловъ русскаго двора. Въ слѣдствіе доклада этого рѣшенія султанъ выразилъ желаніе, чтобъ употреблены были всѣ способы для сверженія Понятовскаго съ престола; но по вопросу, можетъ ли Порта употребить для этого силу оружія и будетъ ли это согласно съ ея выгодами, муфтій и духовенство высказались отрицательно, почему вопросъ и остался нерѣшеннымъ.

2 сентября рейсъ-еффенди пригласилъ къ себѣ на конференцію Обрѣзкова и Рексина и началъ жалобами на поступокъ Россіи и Пруссіи, рекомендовавшихъ Понятовскаго; Турокъ такъ *прижалъ* Обрѣзкова (собственныя слова протокола конференціи), что надобно было признаться, что или русскій дворъ не сдержалъ своихъ обѣщаній, или министры русскій и прусскій въ Варшавѣ преступили повелѣнія своихъ дворовъ; но признаться въ первомъ было позорно для русскаго двора, признаться во второмъ—рейсъ-эффенди сейчасъ скажетъ: если министры поступили вопреки воли императрицы, то ей можно, безо всякаго предосужденія, соединиться съ Портою для низложенія Понятовскаго. Въ такой крайности Обрѣзковъ отвѣчалъ, что по соглашенію между тремя державами, Россіею, Пруссіею и Турціею, король польскій имѣлъ быть избранъ изъ Пястовъ вольными голосами безъ исключенія и рекомендаціи; Порта была первая, которая покусилась исключить изъ числа кандидатовъ Понятовскаго, человѣка желаннаго согражданами, и Россія и Пруссія рекомендовали этого желаннаго Поляками кандидата, почему рекомендація съ исключеніемъ уравновѣшиваются. Рейсъ-эффенди былъ пораженъ этимъ отвѣтомъ и сначала не зналъ что̀ сказать; потомъ, одумавшись, сказалъ, что исключеніе уже было прежде сдѣлано относительно графа Браницкаго; но Обрѣзковъ доказалъ, что исключеніе Браницкаго никогда не предлагалось ни словесно, ни письменно. Тогда рейсъ-еффенди сказалъ: «Это дѣло прошлое и болѣе объ немъ говорить нечего; но Порта имѣетъ законную причину сѣтовать на польскую республику за пренебреженіе: она избрала королемъ именно того, котораго Порта желала исключить». Обрѣзковъ отвѣчалъ, что въ Польшѣ не знали о желаніи Порты исключить Понятовскаго, да если бъ

Полякамъ и дано было знать объ этомъ, то они не повѣрили бы: не могли бы они себѣ представить и связать съ извѣстнымъ правосудіемъ Порты, чтобъ она, основываясь на злостныхъ внушеніяхъ посторонних людей, возненавидѣла человѣка, ей ни мало неизвѣстнаго. Тутъ Обрѣзковъ распространился въ похвалахъ Понятовскому и кончилъ увѣреніемъ, что новый польскій король будетъ оказывать Портѣ особенное уваженіе. Рейсъ-еффенди, разсмѣявшись, сказалъ: «Резидентъ хорошій стряпчій, умѣетъ дыму поддать; я не знаю, какую султаново величество изволитъ принять резолюцію; но хотѣлъ бы я знать, если Порта отправитъ къ каждому польскому вельможѣ визирское письмо съ вопросомъ, какимъ образомъ происходило избраніе нынѣшняго короля, то отвѣтитъ ли каждый, что избраніе было вольное, и какъ русской дворъ взглянетъ на этотъ поступокъ Порты». Обрѣзковъ отвѣчалъ: «Польша держава самовластная; Порта имѣетъ съ нею договоры и по этимъ договорамъ знаетъ, чего можетъ отъ Поляковъ требовать; а какъ взглянетъ на это мой дворъ, я догадаться не могу. Поступокъ этотъ будетъ такъ необыченъ, что Поляки могутъ спросить, по какому праву Порта отъ нихъ этого требуетъ».—«Со всѣхъ сторонъ, сказалъ рейсъ-еффенди, приходятъ къ Портѣ извѣстія, что королевское избраніе было насильственное и вопреки желанію большинства». Обрѣзковъ отвѣчалъ, что Порта должна была приготовиться получать подобныя извѣстія и клеветы, особенно со стороны Франціи и Австріи, между которыми было условлено возвести на польскій престолъ саксонскаго принца брата дофины; кромѣ того Австрія, досадуя на Россію за уклоненіе отъ союза съ нею, старается всѣми силами возбудить противъ Россіи Турцію, чтобъ этимъ заставить императрицу опять вступить въ тѣсный союзъ съ вѣнскимъ дворомъ. Тутъ рейсъ-еффенди сказалъ переводчику Порты: «Помнишь, что я тебѣ говорилъ? теперь видишь, что я не ошибался». (Противъ этого мѣста донесенія Екатерина написала: «Рейсъ-еффенди мужикъ преумный; надобно стараться его къ намъ приласкать»).

Порта не повѣрила извѣстію, что къ коронаціи Станислава Понятовскаго въ Варшаву пріѣдетъ русская императрица для вступленія съ нимъ въ бракъ; но Порта обезпокоилась извѣстіями, что въ Польшѣ готовятся большія перемѣны, уничтоже-

ніе liberum veto, и рейсъ-еффенди требовалъ отъ Обрѣзкова и Рексина, чтобъ они доставили Портѣ отъ польской республики письменное точное увѣреніе, что польская конституція никогда не потерпитъ ни малѣйшаго измѣненія, особенно въ статьѣ о liberum veto. Прусскій посланникъ согласился было донести объ этомъ своему двору; но Обрѣзковъ уклонился учтивымъ образомъ и уговорилъ Рексина сдѣлать тоже, находя требованіе предосудительнымъ для достоинства польскаго королевства и не приносящимъ ни малѣйшей пользы Россіи. На донесеніи объ этомъ Панинъ сдѣлалъ замѣтку: «Сіе тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалу политическому проницанію резидента Обрѣзкова, ибо такою отъ Польши декларацією Турки получили бы знатную ступень мѣшаться въ польскія дѣла и почли бы себя сущими гарантами ея правительства, слѣдовательно раздѣлили бы впредь съ Россіею то, что по сіе время ей одной отъ Польши хотя неохотно, но тѣмъ не меньше существительно и отъ другихъ державъ признавается».

Что въ Европѣ была Польша, то въ Азіи была Кабарда, слабая страна, находившаяся между двумя сильными вліяніями—русскимъ и турецко-крымскимъ. Ханъ, стремясь привести Кабарду въ свою зависимость, съ одной стороны, заподозривалъ предъ ея владѣльцами намѣренія Россіи, ставя на видъ, что охраняетъ ихъ отъ грозящей имъ бѣды; а съ другой, жаловался на нихъ русскому правительству и требовалъ удовлетворенія, чтобъ раздражить ихъ еще болѣе противъ Россіи. И относительно польскихъ дѣлъ ханъ велъ себя враждебно, пересылая въ Константинополь непріязненныя Россіи внушенія, а передъ консуломъ толковалъ о своей силѣ, о средствахъ вредить или быть полезнымъ Россіи, которая поэтому должна была его уважать. По этому поводу Никифоровъ получалъ повелѣнія изъ иностранной коллегіи осаживать хана. Ханъ потребовалъ себѣ въ подарокъ кречета: Никифоровъ получилъ приказаніе внушить, что императрицѣ извѣстно, что онъ, ханъ вмѣсто старанія укрѣплять дружбу между Россіею и Турціею, всячески, напротивъ того, хлопочетъ о томъ, какъ бы повредить ей: самъ вѣритъ всѣмъ клеветамъ на Россію и желаетъ, чтобъ и Порта имъ вѣрила. Этими поступками самъ себя лишаетъ большой награды, а потому не прежде можетъ надѣяться получить отъ Россіи какія-

нибудь благодѣянія, какъ послѣ совершенной перемѣны своего поведенія.

Первый выборъ консула въ Крымѣ оказался неудаченъ. Никифоровъ дѣлалъ большія ошибки: началъ уговаривать хана, чтобъ тотъ не мѣшался въ польскія дѣла, прежде чѣмъ тотъ промолвилъ о нихъ одно слово: этимъ со стороны консула было внушено, что Россія нуждается въ ханѣ, заискиваетъ въ немъ; вмѣсто того, чтобъ представить подарки хану отъ имени кіевскаго генералъ-губернатора, представилъ ихъ прямо отъ имени императрицы; Никифоровъ былъ заподозрѣнъ и въ нечистыхъ поступкахъ относительно казны. Наконецъ неосторожное поведеніе консула въ самомъ щекотливомъ дѣлѣ, въ дѣлѣ религіозномъ, послужило поводомъ къ его отозванію. Въ октябрѣ крѣпостной человѣкъ Никифорова Михайло Авдѣевъ, 15 лѣтъ отъ роду, ушелъ и принялъ магометанство, а консулъ съ своими людьми взялъ его силою опять къ себѣ, и подалъ жалобу на нарушеніе народныхъ правъ; татары, напротивъ, требовали выдачи Авдѣева, какъ уже магометанина, причемъ одинъ изъ чиновныхъ татаръ сказалъ: «Хотя бы и консулъ пришелъ, то мы, по своимъ книгамъ и суду, могли бы его обусурманить», и когда переводчикъ консула жаловался на эти слова каймакаму или намѣстнику ханскому, то сидѣвшій тутъ муфтій сказалъ: «хотя бы ваша и кралица сюда пришла, то бы мы и ее побусурманили». Въ отвѣтъ на донесеніе объ этомъ Никифоровъ получилъ сильный выговоръ отъ иностранной коллегіи; поступокъ его названъ горячимъ и непростительнымъ, ибо онъ долженъ былъ знать, что ренегаты почитаются погибшими и о возвращеніи ихъ никто не старается; грубыя выраженія муфтія на счетъ императрицы суть слѣдствія его же консульской неосторожности [52].

Французскія хлопоты остались на этотъ разъ безъ послѣдствій въ Турціи; Польшу Франція предоставила ея судьбѣ; но тѣмъ съ большею настойчивостію дѣйствовала она въ Швеціи. Система дѣйствія была измѣнена: до сихъ поръ Франція поддерживала противниковъ усиленія королевской власти, слѣдуя общему тогда правилу, что слабость королевской власти дастъ другимъ державамъ болѣе возможности вмѣшиваться въ дѣла страны и проводить въ ней свое вліяніе. Но теперь родился вопросъ: что выгоднѣе для Франціи: дѣлить ли постоянно въ

Швецiи влiянiе съ Россiею, поддерживая большими деньгами свою партiю, или, усиливъ королевскую власть, противопоставить Россiи опаснаго уже по самой близости врага, который будетъ всегда готовъ сдержать Россiю въ ея непрiятныхъ для Францiи стремленiяхъ? Примѣръ Польши заставлялъ Францiю спѣшить перемѣною политики относительно Швецiи. Французскiй посланникъ въ Варшавѣ Поми писалъ своему двору: «Всѣ Поляки говорятъ прекрасно, но немногiе осмѣливаются что-нибудь дѣлать, и что дѣлаютъ—выходитъ дурно. Теперь поддерживать свободу Польши значитъ защищать открытое мѣсто безъ гарнизона, безъ офицеровъ, безъ военныхъ запасовъ, безъ хлѣба, безъ укрѣпленiй.» Въ Версали не хотѣли сдѣлать и изъ Швецiи такого же удобнаго для защиты мѣста. Въ инструкцiяхъ Шуазёля Бретёйлю говорилось: «Францiя была введена обстоятельствами въ заблужденiе, слишкомъ благопрiятствовала ослабленiю королевской власти въ Швецiи, изъ чего возникло метафизическое, невозможное правленiе. Растрачивали деньги на слабыя партiи, а Швецiя становилась все слабѣе и незначительнѣе. По этому надобно доставить королю болѣе власти.»

Въ началѣ года Остерманъ увѣдомилъ императрицу, что генералъ графъ Ферзенъ тѣсно сблизился съ недавно прiѣхавшимъ въ Стокгольмъ французскимъ посломъ борономъ Бретёйлемъ, и объявилъ королевѣ, что старается склонить Бретёйля содѣйствовать уничтоженiю на будущемъ сеймѣ вкоренившихся въ Швецiи безпорядковъ, что̀ ему Бретёйль и обѣщалъ; и датскiй дворъ также склоняется этому содѣйствовать. Королева поэтому продолжаетъ быть очень ласкова къ Ферзену и даже усилила наружные знаки своей милости къ Бретёйлю; удостоиваетъ своимъ разговоромъ и датскаго посланника, чего прежде никогда не бывало.—Панинъ замѣтилъ на донесенiи Остермана: «Знать, что жребiй шведской королевѣ быть обманутою французскими послами: въ мое время передъ сеймомъ, на которомъ графу Браге отсѣкли голову, маркизъ д'Авренкуръ, обѣщавъ ей свое вспоможенiе и вывѣдавъ изъ нея на одномъ маскератѣ всѣ ея тогдашнiя намѣренiя и предпрiятiя противу сенаторей его креатуръ, предалъ ее имъ, Бретель же гораздо вороватѣе Давренкура.» — Ферзенъ увѣрялъ, что французскому послу въ инструкцiяхъ предписано не подражать поведенiю своего предшественника Дав-

ренкура, который дѣйствовалъ противъ короля и королевы. Панинъ замѣтилъ: «Повидимому Бретейль очень хорошо завелъ свои машины, налагая все прошедшее на счетъ своего предмѣстника, и королева конечно будетъ обманута. Ея величество тутъ не припамятуетъ, что Бретейль не присланъ ее мирить съ Давренкуромъ, но исправлять дѣла оставшихся въ Швеціи французскихъ креатуръ, а что графъ Ферзенъ тотъ самый, который былъ первымъ жрецомъ Брагевой головы въ пораженіи ихъ шведскихъ величествъ.»

Когда Остерманъ сталъ внушать надежнымъ людямъ, что напрасно королева вѣритъ Ферзену и французскому двору, то ему отвѣчали, что королева, по ея рѣшительному увѣренію, отнюдь никогда не согласится приступить къ французской системѣ; не вѣритъ она ни Ферзену, а еще менѣе сенатору Шеферу; но по причинѣ господства французской партіи, она принуждена пользоваться ихъ ласканіями, ибо, если ни въ чемъ другомъ нельзя успѣть, то, покрайней мѣрѣ, она избавится отъ гоненія, тѣмъ болѣе, что королева не имѣетъ никакого подлиннаго обнадеживанія ни съ русской, ни съ англійской стороны, въ чемъ будетъ состоять ихъ помощь, а французскій посолъ обѣщаетъ на будущій сеймъ милліонъ ливровъ, и если сеймъ не будетъ чрезвычайный, отложится до обыкновеннаго срока, то французскій дворъ пришлетъ еще три милліона ливровъ. Панинъ замѣтилъ на донесеніи объ этомъ: «Все сіе пустыя замѣтки и больше показываютъ десимюлацію ея величества передъ благонамѣренными, нежели истинность ея сентиментовъ, ибо какъ возможно согласить теперь оказываемое ею порабощеніе духа противу французской партіи съ тою характера ея гордостію и презрѣніемъ всѣхъ очевидныхъ тогда опасностей, которыя она оказывали, когда ни снаружи, ни внутри Швеціи не только подкрѣпленія, ниже малѣйшей къ тому надежды не имѣла.»

Остерману было предписано имѣть дружественныя сношенія съ приверженцами двора и съ благонамѣренными патріотами, при чемъ онъ не долженъ былъ никого поощрять къ созыванію чрезвычайнаго сейма. Благонамѣренные, по обычаю, неотступно просили Остермана узнать точнѣе, въ чемъ будетъ состоять помощь со стороны Россіи, дабы они заблаговременно могли бодрствовать противъ французскихъ быстрыхъ уловленій и со-

держать королеву въ добромъ къ себѣ расположеніи. Они высказывали желаніе чрезвычайнаго сейма, выставляя на видъ, что безъ него своевольство такъ укоренится, что рано или поздно самодержавіе само собою введено будетъ, и если это не сдѣлается при жизни короля, то непремѣнно послѣдуетъ вдругъ по кончинѣ его. Панинъ замѣтилъ по этому поводу: «Разумный домоводецъ когда что торгуетъ, онъ соображаетъ прежде всего цѣну съ надобностію, съ своимъ достаткомъ и съ пользою, которую изъ того получаетъ: то же привило служитъ аксіомомъ и въ политикѣ. Неоспоримый интересъ вашего величества принять участіе, чтобъ развращеніемъ не воспослѣдовало въ Швеціи генеральное опровerженіе всему правительству; но опредѣлить мѣру сего участія разсудительнымъ образомъ невозможно прежде, покамѣстъ совершенно о томъ не увѣримся, какой точно конецъ получатъ польскія дѣла; безъ крайней же нужды, которой еще въ Швеціи не предъусматривается, благоразуміе не дозволяетъ совсѣмъ полагаться на одну надежду и потому брать рѣшительныя мѣры.»

Между тѣмъ Панинъ, сначала думавшій, какъ мы видѣли, что Бретёйль обманываетъ королеву, сталъ приходить къ мысли, что французскій посланникъ можетъ хлопотать объ установленіи самодержавія въ Швеціи, въ чемъ заключается настоящій интересъ Франціи. На реляціи Остермана отъ 19 марта Панинъ замѣтилъ: «Не то страшно, что Бретёйль увѣряетъ о нехотѣніи своемъ мѣшаться во внутреннія дѣла: послѣ въ нихъ во время сейма вмѣшается и тѣмъ обманетъ дворовую партію; но того вправду бояться надобно, чтобъ Франція, усыпляя всѣхъ своимъ защищеніемъ правительства противъ короля, онъ Бретёйль вдругъ не соединился съ дворскими партизанами своей системы и не подалъ бы нечувствительно способа имъ схватить самодержавство, что̀ въ существѣ есть и будетъ истинный интересъ Франціи, лишь бы только достовѣрно можно было ей его достигнуть.»

Въ началѣ мая Остерману посланъ былъ указъ стараться отвращать королеву отъ впаденія въ сѣти французскихъ партизановъ, а съ другой стороны удерживать благонамѣренныхъ (колпаковъ) отъ несвоевременнаго отдѣленія отъ придворной партіи. Остерманъ отвѣчалъ, что изъ придворной партіи онъ получаетъ

увѣренія о преданности короля и королевы императрицѣ; если и происходятъ сношенія съ французскими партизанами, то они наружныя, безъ всякой твердости. Королева довольно испытала, какъ мало она можетъ вѣрить ихъ обольщеніямъ, и потому увѣренія со стороны императрицы предпочитаетъ всему и на нихъ однихъ полагаетъ прямую свою надежду, какъ бы съ французской стороны ни старались перемѣнить ея мысли. Благонамѣренные же патріоты полагаютъ все свое спасеніе въ защитѣ императрицы и съ неописанною благодарностію принимаютъ обнадеживанія въ русской помощи, обѣщаясь слѣдовать великодушнымъ совѣтамъ императрицы и не только не подавать вида объ отдѣленіи себя отъ придворной партіи, но еще сильнѣе искать королевской милости. Въ началѣ іюля Остерманъ донесъ о разговорѣ своемъ съ королевою, которая увѣряла его, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, въ своей особенной и безпредѣльной преданности императрицѣ и желаніи заслужить ея всевысочайшую дружбу. Остерманъ просилъ ее принять увѣренія въ добромъ расположеніи императрицы къ ней и королю и не вѣрить никакимъ другимъ внушеніямъ, приходящимъ съ противной стороны, выдуманнымъ людьми, завидующими доброму согласію между Россіею и Швеціею. Королева сказала на это: «Вы не ошибаетесь, говоря о зависти; прошу васъ вѣрить, что я никакимъ внушеніямъ вѣры не даю, и въ доказательство моего усердія къ императрицѣ и довѣрія къ вамъ, не могу отъ васъ скрыть, какъ мнѣ прискорбно слышать о враждебныхъ замыслахъ датскаго и вѣнскаго дворовъ противъ императрицы.» — «Эти вредные замыслы мнѣ неизвѣстны, отвѣчалъ Остерманъ, и я могу удостовѣрить ваше величество, что опасности тутъ нѣтъ никакой, и все дѣйствуетъ одна зависть».—«И я имѣю такую же надежду, сказала королева, но по искреннему своему къ вамъ усердію не могу скрыть своего безпокойства». Остерманъ настаивалъ, чтобъ королева не вѣрила никакимъ внушеніямъ, потому что передъ этимъ она дала ему знать, какъ ей прискорбно было увѣдомиться, что императрицѣ донесено, будто бы она, королева, не дружелюбно къ ней относится, а потому и императрица съ своей стороны къ ней неблагосклонна и хорошо расположена къ одному королю.

24 августа Остерманъ писалъ о разговорѣ своемъ съ прусскимъ посланникомъ бороном Кокцеемъ, который все твердилъ, что уполномоченъ своимъ государемъ сообразовать свои поступки съ поступками русскаго министра. Кокцей далъ знать Остерману, что введеніе самодержавія въ Швеціи одинаково противно интересамъ Россіи и Пруссіи; но согласно съ интересами обоихъ дворовъ возстановленіе на будущемъ сеймѣ правъ и преимуществъ королевскихъ, какъ-то: права объявлять войну, заключать миръ, установлять новыя съ иностранными дворами обязательства, по примѣру преимуществъ англійскаго короля Остерманъ имѣлъ наивность заключить изъ этихъ словъ, что Кокцей должно быть не получилъ инструкціи по внутреннимъ шведскимъ дѣламъ и разсуждаетъ о правахъ короля по словамъ членовъ придворной партіи. Въ томъ же донесеніи Остерманъ увѣдомилъ о состоявшемся опредѣленіи о созваніи чрезвычайнаго сейма. «Отъ этого опредѣленія, писалъ Остерманъ, всѣ благонамѣренные патріоты ожидаютъ большой пользы, если получатъ отъ вашего императорскаго величества обѣщанное вспоможеніе; если теперь при самомъ началѣ случай упущенъ будетъ, то послѣ нельзя будетъ поправить дѣла и двойнымъ иждивеніемъ». По мнѣнію благонамѣренныхъ патріотовъ вспоможеніе должно было состоять изъ 300,000 рублей, изъ которыхъ 100,000 должно было выдать немедленно, а на остальные дать ассигнаціи и выплатить ихъ въ теченіи двухъ лѣтъ. Благонамѣренный сенаторъ графъ Левенгельмъ объявилъ Остерману, что онъ сильно уговаривалъ королеву наблюдать строгій нейтралитетъ какъ въ выборѣ ландмаршала, такъ и при всѣхъ другихъ выборахъ; но не могъ въ этомъ успѣть и довольно примѣтилъ, что она имѣетъ довѣріе къ совѣтамъ графа Ферзена и надѣется, по его обѣщанію, получить въ свое распоряженіе французскія деньги. 24 сентября Остерманъ сообщилъ о любопытномъ разговорѣ Левенгельма съ французскимъ посломъ Бретейлемъ. Левенгельмъ старался убѣдить посла, чтобъ онъ не употреблялъ подкупа: всѣ бѣдствія Швеціи, говорилъ онъ, проистекали отъ того, что нація, будучи подкупами раздроблена на разныя части, не могла никогда содѣйствовать истинной пользѣ своего отечества, и теперь, если подкупы будутъ продолжаться, то надобно ожидать тѣхъ же самыхъ бѣдствій, и посолъ пріобрѣтетъ для своего дво-

ра больше вреда, чѣмъ пользы. Бретейль, выслушавъ все это, отвѣчалъ, что онъ ни мало не намѣренъ слѣдовать примѣрамъ своихъ предмѣстниковъ; но если соперники его будутъ употреблять подкупы, то и онъ естественно принужденъ будетъ обороняться тѣмъ же самымъ оружіемъ. «Кого вы признаете здѣсь своими соперниками?» спросилъ Лёвенгельмъ.—«Англійскаго посланника Гудрика и русскаго Остермана,» отвѣчалъ Бретейль. Гудрикъ дѣйствительно предложилъ Остерману 40,000 фунтовъ стерлинговъ для дѣйствій сообща.

Изъ Россіи Остерману прислано было 50,000 рублей и наставленіе: «Мы постояннымъ и ненарушимымъ интересомъ поставляемъ въ Швеціи непоколебимое соблюденіе узаконеннаго въ 1720 году вольнаго образа правленія и сопротивленіе введенію самодержавства. На такомъ основаніи мы признаемъ благонамѣренными патріотами всѣхъ тѣхъ, которые стараются только о возстановленіи должнаго равновѣсія между тремя властями и уничтоженія безпорядковъ, происшедшихъ отъ своевольнаго и превратнаго толкованія формы правленія. Это возстановленіе и уничтоженіе безпорядковъ мы почитаемъ совершенно исполненнымъ, если уничтожатся всѣ безъ изъятія сенатскія толкованія и сеймовыя опредѣленія, особливо акты, обнародованные на сеймѣ 1756 года, а въ самой формѣ правленія переправится оговорка, находящаяся въ заглавіи, именно, что «государственные чины предоставляютъ себѣ на генеральномъ сеймѣ право толкованія и исправленія установленной формы правленія, если это впредь понадобится». Вмѣсто этого должно быть внесено слѣдующее: «Если впредь понадобится толкованіе или исправленіе правительственной формы, то государственные чины предоставляютъ себѣ на генеральномъ сеймѣ право составить проектъ для обнародованія всей націи, которая на слѣдующемъ сеймѣ, въ данныхъ депутатамъ полномочіяхъ и инструкціяхъ, должна этотъ проектъ одобрить, и тогда только онъ можетъ получить силу закона».—Повелѣваемъ вамъ истиннымъ и благонамѣреннымъ патріотамъ подавать всякое вспоможеніе не только совѣтами, но и деньгами: вы должны стараться составить изъ этихъ патріотовъ дѣйствующій корпусъ, чего иначе достигнуть нельзя, какъ избраніемъ для нихъ одной главы, къ чему мы удостоиваемъ сенатора графа Лёвенгельма, какъ самаго разум-

наго и искуснаго въ дѣлахъ изъ всѣхъ благонамѣренныхъ патріотовъ, присоединяя къ нему въ помощь сенатора графа Горна, полковника Рудбека и статсъ-секретаря барона Дюбена, какъ людей, изстари расположенныхъ къ нашему двору. Вы должны имъ объявить: 1) что наше вспоможеніе не назначается на личное преслѣдованіе членовъ противной партіи, равно какъ не на доставленіе частныхъ выгодъ тому или другому изъ благонамѣренныхъ патріотовъ, но единственно на поправленіе государственныхъ дѣлъ и на поправленіе всей благонамѣренной партіи въ надлежащую силу и кредитъ у народа, и потому они не должны позволять друзьямъ своимъ вмѣшиваться въ частныя предпріятія. 2) Чтобъ они всѣми мѣрами старались обуздывать высокомысліе придворной партіи, особенно начальника ея, полковника Синклера, причемъ однако должны избѣгать явнаго разрыва съ этою партіею, а старались склонить ее къ своимъ благонамѣреннымъ видамъ. 3) Приложили бы стараніе привлечь на свою сторону сенатора графа Гепкена, и уговорили бы его потомъ возвратиться въ сенатъ, а напротивъ того сенатора Шефера принудили бы оттуда добровольно выйти. 4) Въ секретную коммиссію посадить сколько можно болѣе честныхъ и искусныхъ людей, дабы наконецъ 5) воспользоваться склонностію и самихъ сенатскихъ приверженцевъ къ независимости отъ чужихъ державъ и положить начало низверженія французской системы предписаніемъ своему министерству, чтобъ оно не вмѣшивалось ни въ какія обязательства съ чужестранными дворами, могущія вывести Швецію изъ нейтральнаго состоянія въ случаѣ военныхъ замѣшательствъ въ Европѣ». Екатерина хотѣла составить въ Швеціи свою независимую партію или поднять старую партію колпаковъ, которая бы, съ одной стороны, противодѣйствовала французскому вліянію, съ другой, сдерживала королеву и придворную партію отъ стремленія къ перемѣнѣ конституціи 1720 года. Разумѣется, придворная партія не могла смотрѣть на это равнодушно. Въ концѣ октября одинъ изъ главныхъ членовъ этой партіи имѣлъ разговоръ съ Остерманомъ, изъ котораго тотъ заключилъ, что приверженцы двора желаютъ, чтобъ русскія и англійскія деньги были отданы въ руки королевы для составленія одной партіи подъ именемъ придворной, отъ которой колпаки вполнѣ бы зависѣли. Упомянутый членъ придворной партіи

толковалъ Остерману, что особенная партія, независимая отъ сената или короля, никогда ничего съ пользою сдѣлать не можетъ, и приводилъ въ примѣръ событія на сеймѣ 1747 года. Остерманъ увѣрялъ его, что у него вовсе нѣтъ намѣренія отдѣлить колпаковъ отъ придворной партіи; а такъ какъ печальныя событія на сеймѣ 1747 года произошли отъ тогдашнихъ французскихъ обольщеній, то это самое и побуждаетъ его теперь просить короля и королеву предостеречь себя отъ нихъ; ибо когда ихъ величества, по своей дружбѣ къ императрицѣ, будутъ имѣть неизмѣнное вниманіе къ ея совѣтамъ, то не только не будетъ особенной партіи, но и союзъ между Россіею и Швеціею станетъ такъ крѣпокъ, что всѣ французскія стремленія не будутъ въ состояніи ему повредить. Между тѣмъ одинъ изъ благонамѣренныхъ (должно быть тотъ же Лёвенгельмъ) далъ знать Остерману о своемъ разговорѣ съ королевою: Луиза-Ульрика требовала отъ него, чтобъ онъ старался поправить въ народѣ кредитъ Ферзена и Синклера, при чемъ выставляла на видъ честность ихъ намѣреній; но благонамѣренный не согласился на ея желанія и отвѣчалъ, что еслибы онъ взялся исполнить ея волю, то пользы никакой ей не принесетъ, а собственный кредитъ въ народѣ потеряетъ. При этомъ благонамѣренный упрашивалъ королеву, чтобъ она не вѣрила французскимъ обнадеживаніямъ, передаваемымъ ей чрезъ Ферзена и Синклера, а предпочитала увѣренія, идущія съ русской и англійской стороны, какъ больше согласныя съ національнымъ интересомъ. Королева отвѣчала: «Я еще не знаю, въ чемъ будетъ состоять русская поддержка: если, какъ я думаю, только въ томъ, чтобъ возстановить правительственную форму 1720 года, то я большой выгоды въ этомъ не вижу, и потому естественно предпочитаю тѣхъ, которые обѣщаются больше содѣйствовать въ мою пользу».

12 ноября пріѣхалъ къ Остерману извѣстный важный членъ придворной партіи (Синклеръ?) и объявилъ, что король и королева на будущемъ сеймѣ не начнутъ никакого самаго малаго дѣла, не узнавъ прежде отъ него, Остермана, мнѣнія объ этомъ дѣлѣ императрицы и всѣ свои поступки будутъ согласовать съ ея волею. Остерманъ въ отвѣтъ пропѣлъ свою обычную пѣсню, что ихъ величества прежде всего не должны вѣрить внушеніямъ, дѣлаемымъ со стороны французскихъ приверженцевъ, графа

Ферзена съ товарищами. Гость началъ съ божбою увѣрять, что король и королева не только не вѣрятъ внушеніямъ французскихъ приверженцевъ, но скоро произойдетъ и явный разрывъ двора съ ними. Наконецъ посланный объявилъ, что съ французской стороны немедленно начнется закупка дворянскихъ полномочій, слѣдовательно со стороны ихъ величествъ очень нужно было бы употребить такіе же способы, чтобъ не быть предупрежденными. Остерманъ понялъ, къ чему все это клонится, и отвѣчалъ, что надѣется очень скоро получить высочайшія инструкціи, безъ которыхъ не можетъ быть никакого отвѣта; но чтобы показать королю и королевѣ свое усердіе къ ихъ пользамъ, Остерманъ выдалъ посланному 20,000 талеровъ (купферъ-мюнце), съ обѣщаніемъ, по согласію съ англійскимъ посланникомъ, выдать такую же сумму въ началѣ будущей недѣли; деньги должны были идти на закупку полномочій.—Панинъ замѣтилъ на донесеніи: «Сумма гораздо не велика, и потому не дурно, что приманку сдѣлалъ, больше же давать уже не станетъ».

Но, получивъ русскія деньги, посланный отправился къ англійскому посланнику Гудрику съ вопросомъ, какая сумма назначена изъ Англіи въ пользу ихъ величествъ, и съ требованіемъ, чтобъ сумма была выдана. Гудрикъ отговорился, что онъ не можетъ ничего дать безъ согласія съ русскимъ посланникомъ, къ которому и надобно адресоваться. Посланный явился къ Остерману съ объясненіемъ, что если императрица намѣрена употребить денежныя издержки въ пользу короля, то никакихъ другихъ распоряженій не нужно, довольно того, чтобъ требуемые 200,000 рублей были готовы, безъ полученія которыхъ королю было бы неприлично самому вмѣшиваться и поощрять другихъ къ дѣятельности. Остерманъ отвѣчалъ, что если императрица помогаетъ деньгами, то естественно должна знать, на что будутъ употреблены ея деньги, чтобы, по прежнимъ примѣрамъ, онѣ по напрасну не были истрачены; англійскій дворъ тѣмъ болѣе любопытствуетъ знать, куда употребляются деньги, что его вступленіе въ здѣшнія дѣла большею частію зависитъ отъ добраго начала относительно избранія ландмаршала и членовъ секретной коммиссіи изъ числа благонамѣренныхъ. Тогда посланный объявилъ, что онъ того же дня снесется съ тремя главными

членами благонамѣренной партіи, и, опредѣливши съ ними, сколько нужно денегъ, будетъ ихъ требовать отъ Остермана и англійскаго посланника, при чемъ назвалъ имена этихъ благонамѣренныхъ, чтобъ Остерманъ могъ отъ нихъ узнать, правду ли онъ говоритъ. Остерманъ, увидавъ его на такой доброй дорогѣ, далъ ему еще 4000 плотовъ вмѣсто 15,000, которыхъ онъ требовалъ и Гудрикъ обѣщалъ выдать такую же сумму. «Кромѣ сего добраго успѣха, доносилъ Остерманъ, и та польза пріобрѣтена, что собственно ихъ величества зачинаютъ больше полагаться на подаваемыя имъ мною съ вашей всевысочайшей стороны увѣренія и къ моему поведенію свое высокое удовольствіе оказывать изволятъ. Единая только вредительность еще остается, что оный дворовый партизанъ съ своимъ сообщникомъ оберъ-камергеромъ графомъ Гиленстолпомъ предуспѣли такой полный кредитъ у ихъ величествъ имѣть, что никто съ нимъ не сравнивается. Его величество при оказаніи своей къ вашему императорскому величеству истинной благодарности за ваше обѣщанное ему вспоможеніе и высокаго удовольствія ко мнѣ всенижайшему, мнѣ объявить соизволилъ, чтобъ я, въ случаѣ какого ему сообщенія, адресовался для того къ упомянутому графу Гиленстолпу, яко его величеству вѣрному слугѣ. Такое со стороны его величества нечаянное повелѣніе меня не мало удивило. Вашему императорскому величеству извѣстна та персона, которую я съ самаго начала моей здѣшней бытности всегда продолжительно для такого внушенія употреблялъ; его къ вашему всевысочайшему двору и персонально къ его величеству преданность довольно мнѣ знаема. Уважая съ одной стороны повиновеніе королевскому повелѣнію, а съ другой необходимую надобность мнѣ онаго для вышеозначеннаго внушенія удержать, понудило меня съ глубочайшимъ респектомъ у его величества испросить милостивое позволеніе употреблять въ случаѣ надобности тужъ персону, которую я доднесь употреблялъ, показавъ въ резонъ, что хотя по причинѣ имѣющейся къ нему довѣренности, которая мнѣ главнѣйшимъ всегда правиломъ служить имѣетъ, онаго Гиленстолпа употреблять не премину: однакожъ въ разсужденіи врученія мнѣ тою персоною королевскаго отправленнаго къ вашему императорскому величеству изъясненія, употребленіемъ къ тому, при случаѣ получе-

нія вашего всевысочайшаго отвѣтствія Гиленстолпа натурально оная персона будетъ имѣть причину думать о имѣющейся къ оной какой недовѣренности, которую оная толь меньше заслуживаетъ, что, сколько мнѣ извѣстно, никто больше оной его величеству не преданъ. Король, принявъ милостиво мое изъясненіе, отвѣтствовалъ, что онъ самъ въ преданности той персоны не сумнѣвается, и слѣдовательно мнѣ даетъ позволеніе по прежнему и оную употреблять: но какъ оная въ дѣлахъ обрѣтается, такъ Гиленстолпъ къ взаимному сношенію нѣсколько способнѣе. Я, настоя въ прежнемъ моемъ всенижайшемъ прошеніи, принялъ смѣлость къ тому присовокупить, чтобъ его величество милостиво склонился употребить для лучшаго сохраненія секрета ту же персону, доказывая что можетъ случиться такое дѣло, которое подлежитъ его единственному знанію, на что его величество милостиво и согласиться изволилъ, и, принявъ отъ меня увѣреніе о вашемъ всевысочайшемъ намѣреніи въ угодность его на будущемъ сеймѣ содѣйствовать, когда вашимъ совѣтамъ послѣдовано будетъ, изъяснился, что онъ, будучи о томъ увѣренъ, надѣется, что и его совѣту иногда слѣдовано будетъ, еже я покрылъ тѣмъ, что то само разумѣется, ибо инако общее съ обѣихъ сторонъ согласіе состояться не можетъ. Ея величество королева, оказавъ равную благодарность, много распространялась похвалами къ именитому дворовому партизану, доказывая его великій разумъ и искусство, чему и я комплиментами отвѣтствовалъ; и какъ дошла матерія дискурса до извѣстныхъ Французскихъ партизановъ, она требовала моего мнѣнія: не приличнѣе ли я признаваю продолженіе наружной къ нимъ учтивости на куртагахъ, нежели явнаго разрыва, котораго будто нѣкоторые изъ благонамѣренныхъ желаютъ? такъ я принялъ смѣлость представить, что не токмо отъ такой наружной учтивости отвращать, но болѣе къ оной согласовать причину имѣю: довольно того, что я ея величества слово имѣю, что она къ нимъ никакой довѣренности имѣть не изволитъ».

Но въ слѣдъ за этимъ Остерманъ долженъ былъ донести, что расхваленный королевою «дворовый партизанъ» обманываетъ: онъ дѣйствительно началъ совѣтоваться съ «бонетами» (колпаками), но скоро пересталъ давать имъ отчетъ въ употребленіи русскихъ и англійскихъ денегъ, началъ представлять необходимость

выбора въ секретную коммиссію нѣкоторыхъ членовъ французской партіи; не соглашался чтобъ часть этихъ денегъ шла на устройство столовъ для бѣдныхъ депутатовъ, и чтобъ эти столы учреждались колпаками, сталъ избѣгать свиданія съ послѣдними. И король началъ съ ними изъясняться сдержаннѣе, сталъ повторять, что не сомнѣвается въ преданности графа Ферзена и другаго вождя французской партіи, статсъ-секретаря барона Германсона [53].

Данія не подавала ни малѣйшаго повода къ безпокойству. Датскій дворъ вполнѣ соглашался со всѣмъ тѣмъ, что дѣлалось въ Польшѣ со стороны Россіи. Въ концѣ іюня Корфъ увѣдомилъ императрицу о разговорѣ своемъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ барономъ Бернсторфомъ, который, расхваливая поведеніе Чарторыйскихъ и Понятовскихъ, удивлялся необыкновенно разумнымъ дѣйствіямъ Екатерины: въ короткое время царствованія своего она совершила великія и полезныя дѣла какъ внутри, такъ и внѣ своей имперіи почти непонятнымъ и для другихъ дворовъ примѣрнымъ образомъ; умѣла привести въ согласіе Поляковъ, собравшихся на созывательный сеймъ, такъ что даже отважились поправить извѣстныя ошибки въ польскихъ фундаментальныхъ законахъ, на что въ продолженіи вѣковъ не осмѣливались покуситься и почитали за невозможное дѣло. «Но, прибавилъ Бернсторфъ: не будетъ ли Польша опасна своимъ сосѣдямъ, когда придетъ въ совершенный порядокъ»? Корфъ, поблагодаря его за откровенный отзывъ, сказалъ, что выраженіе: *совершенный порядокъ* уже показываетъ, какъ еще много недостаетъ для того, чтобъ Польша стала опасною своимъ сосѣдямъ, на чемъ надобно и успокоиться. Императрица очень желаетъ заслужить имя установительницы мира, однако при томъ хорошо знаетъ связь своихъ интересовъ съ положеніемъ другихъ державъ. Исправленіе польскихъ законовъ коснулось преимущественно экономическаго штата польскаго короля и гражданскихъ законовъ, а liberum veto едва ли можетъ быть уничтожено и всегда будетъ служить средствомъ препятствовать намѣреніямъ короля и республики, если эти намѣренія покажутся опасными сосѣдямъ.

Баронъ Корфъ занимался въ Копенгагенѣ не одними датскими отношеніями. 25 февраля онъ просилъ у императрицы всемило-

стивѣйшаго позволенія открыть собственную свою систему, о которой онъ больше двухъ лѣтъ думалъ и которая состояла въ слѣдующемъ: «нельзя ли на сѣверѣ составить знатный и сильный союзъ державъ противъ бурбонскаго союза, который, кажется, чрезъ австрійскій домъ получаетъ себѣ приращеніе; если вѣнскій дворъ и до сихъ поръ находится въ союзѣ съ Франціею, то Англія перестанетъ по прежнему поддерживать равновѣсіе между Австріею и Франціею, слѣдовательно принуждена будетъ принять чью-нибудь сторону. Въ такомъ случаѣ что же ей другое остается дѣлать, какъ пристать къ сѣвернымъ державамъ? Но при этомъ какое множество различныхъ интересовъ надобно принять въ соображеніе! Если въ моемъ мнѣніи найдется что-нибудь полезное, то я увѣренъ, что такое дѣло предоставлено совершить вашему императорскому величеству» [54].

Это была знаменитая система «сѣвернаго союза, сѣвернаго концерта или аккорта», которая такъ понравилась Панину и которую онъ усыновилъ себѣ по смерти Корфа. Систему эту привести въ исполненіе было трудно именно потому, что нельзя было убѣдить въ ея пользѣ двухъ главныхъ предполагавшихся членовъ послѣ Россіи,—Пруссію и Англію. Фридрихъ II-й, зная страшную вражду къ себѣ Австріи и Франціи и не имѣя возможности сблизиться по прежнему съ Англіею, искалъ для себя обезпеченія въ союзѣ съ Россіею, добился его, благодаря польскимъ дѣламъ, и не желалъ ничего болѣе, вовсе не хотѣлъ связывать себя никакою системою, никакими обязательствами со второстепенными, ничтожными въ его глазахъ державами. Англія, *отрѣзанный ломоть* относительно общей политической жизни континента, была еще болѣе чужда какой-нибудь системы, которая не представляла ей непосредственныхъ торговыхъ выгодъ, которая предполагала обязательства, расходы для какихъ-то отдаленныхъ цѣлей, причемъ хорошаго барыша нельзя было министерству расчесть по пальцамъ предъ парламентомъ.

Мы видѣли, что Россія желала получить денежную помощь отъ Англіи въ шведскихъ и польскихъ дѣлахъ. Въ первыхъ, хотя съ великимъ трудомъ, еще можно было отъ нея что-нибудь вытянуть, ибо деньги шли на противодѣйствія враждебной ей Франціи; но уже никакъ нельзя было отъ нея требовать, чтобъ она истратила хотя фунтъ стерлинговъ по польскимъ

дѣламъ, къ которымъ была совершенно равнодушна. Мы видѣли въ слѣдствіе этого затруднительное положеніе русскаго министра въ Лондонѣ, графа Александра Ром. Воронцова. Невозможность уладить дѣло съ настоящимъ министерствомъ естественно сближала Воронцова съ оппозиціею. Это, разумѣется, не нравилось настоящему министерству и отсюда возникалъ вопросъ объ отозваніи Воронцова, что было очень пріятно Панину, нелюбившему Воронцовыхъ.

5 января англійскій посланникъ графъ Бёкингамъ, на конференціи съ вице-канцлеромъ объявилъ, что его правительство никакъ не можетъ дать Россіи 500,000 рублей субсидіи на текущія польскія дѣла. Настоящее положеніе его не позволяетъ ему этого сдѣлать. Что касается отозванія графа Воронцова, то оно можетъ быть пріятно лондонскому двору, ибо онъ, Бёкингамъ, имѣетъ приказъ внушить русскому министерству, чтобъ оно не совсѣмъ вѣрило несправедливымъ донесеніямъ Воронцова о настоящемъ положеніи внутреннихъ дѣлъ Англіи, тѣмъ болѣе, что примѣчена связь Воронцова съ вождями противной двору партіи и можно безъ ошибки сказать, что эти вожди диктуютъ ему его депеши. Вице-канцлеръ отвѣчалъ, что Воронцовъ будетъ отозванъ въ угодность лондонскому двору; а впрочемъ доношенія этого министра всегда были сходны съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Англіи; по нимъ не видно, чтобъ онъ имѣлъ какую-нибудь связь съ противною двору партіею въ предосужденіе настоящаго министерства, и должно думать, что знакомство его съ вождями оппозиціи состояло въ однихъ ничего не значащихъ учтивостяхъ. Послѣ этого Бёкингамъ началъ просить о заключеніи договоровъ безъ проволочки времени, и получилъ отвѣтъ, что съ русской стороны охотно желаютъ совершенія такого полезнаго обѣимъ державамъ дѣла, но трудно ожидать въ немъ успѣха, когда англійское министерство такъ неподатливо на удовлетвореніе русскихъ требованій, когда оно такъ равнодушно смотритъ на всѣ внѣшнія дѣла европейскаго континента, которыя могутъ принять очень вредный для англійской короны оборотъ, ибо Франція строитъ свою политическую систему на крѣпкомъ основаніи, умножая свои морскія силы вмѣстѣ съ Испаніею, утверждая свои союзы съ разными дворами, особенно съ вѣнскимъ и сардинскимъ. Панинъ въ своемъ разго-

ворѣ съ Бёкингамомъ далъ ему понять, что договоръ между Россіею и Англіею не будетъ заключенъ, если Англія не согласится помочь Россіи деньгами въ польскихъ и шведскихъ дѣлахъ; что русскій дворъ уже выслалъ въ Польшу два милліона рублей, и несмотря на то русскіе приверженцы требуютъ новой помощи, потому что Франція расточаетъ тамъ большія суммы.

Преемникомъ Воронцову назначенъ былъ извѣстный Гроссъ. Относительно его Бёкингамъ въ конференціи 3 февраля выразилъ мнѣніе, будто онъ сильно преданъ Франціи и потому не можетъ быть пріятенъ въ Англіи. Вице-канцлеръ отвѣчалъ, что Гроссъ человѣкъ изведанной вѣрности и вездѣ, гдѣ ни былъ, умѣлъ пріобрѣсть себѣ похвалу и одобреніе двора своего; во время послѣдней войны имѣлъ онъ дѣйствительно, какъ и всѣ другіе русскіе министры, болѣе тѣсное согласіе съ французскими, чѣмъ съ англійскими посланниками, но это происходило не отъ личнаго его мнѣнія, а отъ тогдашней системы. Бекингамъ, ничего не отвѣчая на это, опять сталъ жаловаться на медленность въ заключеніи договоровъ, представляя, что дворъ его предпочитаетъ дружбу Россіи всякой другой, и не принимаетъ ни чьихъ предложеній, но долженъ будетъ принять ихъ, если съ русской стороны ничего не будетъ сдѣлано. 12 февраля Бёкингамъ опять жаловался на медленность въ заключеніи договоровъ. Голицынъ отвѣчалъ, что эта медленность происходитъ отъ того, что дѣло разсматривается особливою коммерческою коммиссіею. 1-го марта Бёкингамъ объявилъ, что его дворъ считаетъ заключеніе союзнаго и коммерческаго договоровъ съ Россіею дѣломъ неудавшимся и потому намѣренъ отозвать его и приписываетъ неудачу дѣла преимущественно бывшему въ Лондонѣ русскому министру графу Воронцову, тогда какъ торговый договоръ болѣе полезенъ Россіи, чѣмъ Англіи, которая можетъ обойтись безъ русскихъ произведеній, имѣя довольное число такихъ же въ своихъ новыхъ американскихъ владѣніяхъ. Вице-канцлеръ отвѣчалъ прежнее, что вина неуспѣха въ заключеніи договоровъ на сторонѣ Англіи, которая не только не приняла русскихъ предложеній, но и не представила ни малѣйшаго средства къ соглашенію. Въ Россіи вполнѣ увѣрены въ пользѣ торговли для обоихъ народовъ: доказательствомъ служитъ то,

что Англичане продолжаютъ пользоваться выгодами стараго трактата, хотя срокъ его и кончился.

Эти требованія Бёкингама и отвѣты Голицына продолжали повторяться до самой осени. 4 октября Бёкингамъ объявилъ вице-канцлеру о полученіи имъ отъ своего двора указа сообщить русскому министерству, что англійскій министръ въ Стокгольмѣ, который отправленъ въ Швецію въ угоду и по требованію русскаго двора, описывая настоящее состояніе дѣлъ въ Швеціи, признаетъ необходимымъ на первый случай издержать 40,000 рублей; посредствомъ этихъ денегъ онъ надѣется положить хорошее основаніе системѣ русскаго и англійскаго дворовъ въ Швеціи, до значительной степени уменьшить французское тамъ вліяніе и на сеймѣ опредѣлить форму шведскаго правленія согласно съ желаніями обоихъ дворовъ, русскаго и англійскаго; но для приведенія къ желанному концу всего дѣла онъ считаетъ нужнымъ истратить не меньше 120,000 рублей. По этому, продолжалъ Бёкингамъ, англійскій дворъ надѣется, что императрица охотно согласится принять половину этой суммы на себя. Вице-канцлеръ отвѣчалъ, что шведскія дѣла могутъ побудить русскій дворъ принять предложенія англійскаго; впрочемъ эти дѣла не менѣе должны возбуждать вниманіе и Англіи, которой слѣдуетъ заботиться какъ о исправленіи формы правленія въ Швеціи, такъ и объ уничтоженіи господствующей тамъ французской партіи, объ отнятіи у сената похищенной имъ королевской власти и установленіи равновѣсія между королемъ и сенатомъ, чтобъ одинъ безъ другаго не могли объявлять войны, заключать договоры и союзы, налагать подати и проч. Кромѣ того у Англіи есть еще особенный интересъ въ уничтоженіи вреднаго намѣренія французскаго двора постановить съ шведскимъ союзный морской трактатъ, по которому Швеція обязывалась бы давать Франціи, въ случаѣ морской войны, десять военныхъ кораблей, а уничтожить это намѣреніе иначе нельзя, какъ субсидіями Швеціи съ англійской стороны.

Гроссъ пріѣхалъ въ Лондонъ 16 февраля, и 19 имѣлъ разговоръ съ лордомъ Сандвичемъ, завѣдывавшимъ иностранными дѣлами по сѣверному департаменту. Сандвичъ началъ разговоръ о сильномъ желаніи короля, чтобъ наконецъ союзный и коммерческій договоры между Россіею и Англіею приведены были

къ окончанію, и пріѣздъ Гросса подаетъ ему нѣкоторую надежду относительно успѣха переговоровъ, по извѣстному искусству новаго министра въ дѣлахъ. Гроссъ отвѣчалъ то же самое, что Панинъ и Голицынъ обыкновенно отвѣчали Бёкингаму въ Петербургѣ, именно, что виною медленности неподатливость съ англійской стороны. Сандвичъ объяснялъ дѣло тѣмъ, что въ русскомъ проектѣ есть два пункта, которыхъ Англія никакъ не можетъ принять,—одинъ пунктъ о Польшѣ, другой о Турціи. Англія не можетъ обязаться помогать Россіи въ случаѣ войны послѣдней съ Турціею, по своимъ существеннымъ торговымъ интересамъ; не можетъ также обязаться субсидіями для польскихъ дѣлъ, потому что казна истощена послѣднею войною, и такимъ обязательствомъ нынѣшніе министры возбудили бы противъ себя всенародный крикъ; а на всѣ другія предложенія императрицы въ Англіи охотно согласятся. Къ лорду Бёкингаму отправленъ указъ, чтобъ всячески старался окончать оба трактата—союзный и коммерческій, если же увидитъ совершенную невозможность успѣть въ этомъ, то ожидалъ бы отзывной грамоты. Гроссъ спросилъ: въ случаѣ отозванія Бёкингама, будетъ ли на его мѣсто отправленъ кто-нибудь другой? Назначится министръ второго ранга, отвѣчалъ Сандвичъ и прибавилъ, что по всѣмъ извѣстіямъ онъ не сомнѣвается, что въ Польшѣ все произойдетъ по желанію императрицы и что умѣренное поведеніе Англіи въ дѣлахъ польскихъ удержитъ Францію отъ глубокаго въ нихъ вмѣшательства. Но Панинъ замѣтилъ на донесеніи: «Увѣдомляя англійскій дворъ о производимыхъ въ Польшѣ французско-вѣнскихъ возмущеніи и интригѣ, надлежитъ дать примѣтить, что англинская въ тѣхъ дѣлахъ умѣренность худо Францію удерживаетъ, но паче можетъ ободрять ея въ сѣверѣ инфлюенцію». Англія никакъ не хотѣла отказаться отъ своего *умѣреннаго поведенія*, и когда Гроссъ спросилъ Сандвича, какого рода инструкцію получилъ англійскій резидентъ въ Варшавѣ Ратонъ, Сандвичъ отвѣчалъ, что Ратонъ имѣетъ указъ поступать согласно съ русскими министрами *до нѣкоторой степени*, и въ разговорахъ отзываться, что его государю будетъ очень пріятно при будущемъ избраніи польскаго короля поступать во всемъ согласно съ намѣреніями русской императрицы, *если* притомъ будетъ сохранена вольность, и впередъ англійскій резидентъ

долженъ поступать по этому наставленію. Указывая на разность послѣднихъ словъ, Гроссъ писалъ: «Изъ этого ваше императорское величество собою заключить можете, что отсюда никакого существительнаго вспомоществованія въ польскихъ дѣлахъ ожидать не надлежитъ».

Въ маѣ по поводу заключеннаго между Россіею и Пруссіею союзнаго договора, Сандвичъ замѣтилъ Гроссу, что еслибы Англію пригласили приступить къ этому союзу, то она предпочла бы заключить съ Россіею особый договоръ, ибо ея обязательства, какъ морской державы, другія, чѣмъ обязательства короля прусскаго. Донося объ этомъ, Гроссъ писалъ, что не должно ли приписать словъ Сандвича зависти къ королю прусскому. Панинъ замѣтилъ на донесеніи: «И начинающемуся безпокойству, что по сю пору никакой рѣшительно системы не имѣютъ, а покориться еще не хотятъ; но когда вѣрнѣе увѣдомятся о новой негоціаціи между бурбонскихъ домовъ, то конечно съ нами не будутъ столько торговаться».

Донесеніе Гросса отъ 1 іюня было очень пріятно Панину. Гроссъ писалъ о своемъ разговорѣ съ Сандвичемъ, происходившемъ наканунѣ, 31 мая. Гроссъ спросилъ, получено ли англійскимъ министерствомъ извѣстіе объ окончаніи переговоровъ между Франціею, Австріею и Испаніею, въ слѣдствіе чего Испанія приступаетъ къ Версальскому договору, а вѣнскій дворъ къ договору фамильному между государями бурбонскаго дома. Сандвичъ отвѣчалъ, что имѣетъ причину думать о заключеніи такого договора, и прибавилъ, что это обстоятельство естественно должно еще сильнѣе побудить англійскаго короля желать заключенія союзнаго договора съ Россіею; что съ англійской стороны готовы принять всѣ приличныя обязательства, только бы можно было ихъ оправдать передъ націею какъ взаимно-полезныя. Еслибы потребовалось, чтобъ и прусскій король былъ включенъ въ договоръ, то съ англійской стороны препятствія этому не будетъ, потому что противная двору партія разсѣваетъ слухи, будто настоящее министерство недовольно заключеніемъ союза между Россіею и Пруссіею, тогда какъ онъ, лордъ Сандвичъ, смотритъ на этотъ союзъ, какъ на хорошее основаніе обязательствамъ, принимаемымъ по желанію англійскаго министерства. «Однако, прибавилъ Сандвичъ, мнѣ было бы очень прискорбно,

еслибъ съ русской стороны было возобновлено прежнее предложеніе о принятіи участія въ польскихъ дѣлахъ съ уплатою субсидій, потому что министры королевскіе никакъ не могли бы оправдать эту мѣру предъ парламентомъ». — «Очень могли бы, замѣтилъ Гроссъ, еслибъ представили, какъ вредно было бы для Англіи вліяніе Франціи въ Польшѣ, когда бъ она его пріобрѣла тамъ, осиливъ Россію».—«Я хорошо знаю, отвѣчалъ Сандвичъ, что такое представленіе не имѣло бы желаннаго дѣйствія; но я съ вами согласенъ въ томъ, что въ обязательствахъ между Россіею и Англіею надобно соблюдать совершенное равенство, и что въ такихъ случаяхъ союза, гдѣ помощь войскомъ или флотомъ будетъ невозможна, надобно платить деньги». Панинъ замѣтилъ на донесеніи Гросса: «Разумнымъ производствомъ и твердостію конечно довести можно, что Англія заплатитъ часть убытковъ по польскимъ дѣламъ: ваше императорское величество сами всевысочайше усмотрѣть соизволите, что медленность съ нашей стороны въ сей негоціаціи не произвела ничего дурного, а впередъ можно надѣяться много лучшаго. И, можетъ быть, тутъ то же будетъ, что ваше величество видѣть изволили съ королемъ прусскимъ, когда онъ самъ того домогался, въ чемъ состоялъ главный предметъ нашей политики».

Съ этихъ поръ разговоры между Гроссомъ и англійскими министрами стали отличаться тѣмъ же однообразіемъ, какимъ отличались разговоры между Бёкингамомъ, Панинымъ и княземъ Голицынымъ въ Петербургѣ. Англійскіе министры спрашивали, нѣтъ ли надежды на заключеніе союза безъ двухъ пунктовъ— турецкаго и польскаго; Гроссъ отвѣчалъ, что въ этихъ двухъ пунктахъ вся сущность. Когда въ іюлѣ англійскіе министры начали говорить, что если нельзя заключить союза съ Россіею, то Англія принуждена будетъ стараться подкрѣпить себя другими союзами, то Панинъ написалъ: «Не найдутъ нигдѣ такова.»

Въ сентябрѣ англійское министерство объявило Гроссу, что хотя король постоянно намѣренъ избѣгать тягостныхъ военныхъ обязательствъ съ державами твердой земли: однако, въ разсужденіи того, что Франція старается впредь получить отъ Швеціи помощь военными кораблями, англійскій народъ находитъ непосредственный свой интересъ въ уничтоженіи подобныхъ французскихъ видовъ и не пожалѣетъ денегъ на этотъ важный пред-

метъ; но такъ какъ Россія еще болѣе въ этомъ заинтересована, да и первое предложеніе шло съ ея стороны, то справедливость требуетъ, чтобъ половину иждивенія она приняла на себя. Панинъ замѣтилъ: «c'est cequ'on dit negocier en vrai marchand (это значитъ вести дѣло по-торгашески)».

Сандвичъ сообщилъ Гроссу подъ величайшимъ секретомъ двѣ добытыя англійскимъ правительствомъ французскія бумаги. Первая была письмо французскаго посланника въ Стокгольмѣ Бретёйля къ герцогу Пралэну отъ 31 августа 1764 года. Французскій повѣренный въ дѣлахъ въ Петербургѣ Беранже писалъ, что Екатерина намѣрена въ будущемъ году устроить лагерь въ Финляндіи. По мнѣнію Бретёйля это дѣлалось съ цѣлію произвести давленіе на шведскій сеймъ. «Если, писалъ Бретёйль, ничто не помѣшаетъ исполненію этого намѣренія русской государыни, то нельзя не предвидѣть пагубныхъ затрудненій, которыя послѣдуютъ отсюда для Швеціи. Я увѣренъ, что найду должную твердость между шведскими патріотами, но боюсь, что тѣ получатъ плохую помощь при печальномъ состояніи всѣхъ частей управленія. Всѣ извѣстія, приходящія изъ Россіи, согласно говорятъ, что неудовольствіе и духъ возмущенія тамъ со дня на день увеличивается. Правда, эти извѣстія прибавляютъ, что Екатерина удвоиваетъ заботы и предосторожности, но мѣры тиранства скорѣе служатъ признакомъ волненія, чѣмъ средствомъ для его укрощенія, и въ рабской странѣ важное предпріятіе не бываетъ слѣдствіемъ обдуманнаго соглашенія; недовѣріе и близорукость каждаго препятствуютъ этому. Я знаю это по опыту; я былъ свидѣтелемъ быстроты, съ какою головы и души безъ чувства и мужества воспламенялись и стремились къ самымъ опаснымъ крайностямъ. Минута сводитъ нѣсколько людей, которыхъ надежда на лучшую будущность заставляетъ принимать немедленное рѣшеніе, а деньги быстро производятъ то же самое дѣйствіе на солдатъ. Изъ писемъ Беранже я вижу, что лица, заслуживающія вниманія и мнѣ извѣстныя, дѣлали ему предложенія и увѣряли въ своей преданности, если будутъ обезпечены покровительствомъ въ случаѣ несчастія и получатъ теперь денежную помощь. Я не сомнѣваюсь, что онъ вамъ донесъ объ этомъ обстоятельствѣ, и я ручаюсь, что онъ принялъ предложеніе съ мудростію и однако такъ, что головы адресовавшихся къ нему

людей остались разгоряченными. Я увѣренъ, что онъ очень способенъ вести ихъ далѣе съ благоразуміемъ, если вы это ему поручите и если королю угодно будетъ пожертвовать четырьмя или пятью стами тысячъ ливровъ, чтобъ попытаться низвергнуть Екатерину со всѣми взгроможденными ею планами. Это малый исполненный усердія и самой строгой честности. Мнѣ кажется также, что искусный повѣренный въ дѣлахъ будетъ способнѣе къ такому дѣлу, чѣмъ министръ или посланникъ; а притомъ, чѣмъ бы ни кончилось это предпріятіе, ненависть, питаемая къ Франціи гордою императрицею, такъ велика, что уже больше быть не можетъ.»

Беранже далъ знать о томъ же самомъ Пралэну и получилъ отъ него такой отвѣтъ: «Размышленія, которыя вы дѣлаете по поводу содержанія манифеста о смерти принца Ивана, показались намъ очень справедливыми; я прибавлю только, что русская государыня сдѣлала бы лучше, еслибы это событіе было пройдено молчаніемъ въ публичныхъ бумагахъ или было бы возвѣщено потише. Вы хорошо поступаете, дѣйствуя съ крайнею осторожностію; однако вы должны употребить всю свою дѣятельность, чтобъ проникнуть чувства и намѣренія націи; но вы должны ободрять людей, повѣряющихъ вамъ свои тайны единственно для того, чтобъ извѣщать насъ о ходѣ дѣла, никакъ не рискуя подавать совѣты въ такомъ деликатномъ дѣлѣ. Неудивительно, что отъ времени до времени проходятъ облака между королемъ прусскимъ и русскою императрицею: оба они крайне честолюбивы, оба имѣютъ политическіе виды и интересы, часто сталкивающіеся; ихъ союзъ неестественъ самъ по себѣ; онъ произошелъ въ слѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, а не въ слѣдствіе хорошо обдуманной съ той и другой стороны системы. Можетъ даже случиться, что польскія дѣла заставятъ ихъ поссориться. Я приму господина Одара, когда онъ ко мнѣ явится. Но то, какимъ образомъ онъ оставилъ Россію, и ничтожная польза, какую онъ извлекъ изъ важныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находился, не говорятъ нисколько въ его пользу, и я не думаю, чтобъ его величество былъ расположенъ дать ему титулъ, на который можно смотрѣть какъ на награду за услугу, тогда какъ этой услуги никогда не было оказано, на которую

только надѣялись и которая не доставила намъ ничего очень полезнаго».

Такимъ образомъ Англія поквиталась съ Россіею. Россія постоянно стращала ее усиленіемъ Франціи; Англія передаетъ извѣстія, что французское правительство покровительствуетъ враждебнымъ движеніямъ противъ императрицы въ самой Россіи. Но это не имѣло вліянія на дальнѣйшіе переговоры Россіи съ Англіею.

Въ концѣ декабря Гроссъ передалъ Сандвичу проектъ торговаго договора между Россіею и Англіею, жалуясь на графа Бёкингама, что онъ не захотѣлъ принять этого проекта. Сандвичъ отвѣчалъ, что удовлетвореніе императорскому двору уже сдѣлано отозваніемъ Бёкингама (объ искусствѣ котораго онъ, Сандвичъ, самъ не высокаго мнѣнія), причемъ надѣется, что преемникъ Бёкингама Макартней будетъ имѣть большій успѣхъ. Въ разговорѣ о торговомъ договорѣ Сандвичъ спросилъ, получилъ ли Гроссъ какое-нибудь наставленіе относительно оборонительнаго союза. Гроссъ отвѣчалъ вопросомъ: дѣйствительно ли англійскій дворъ непремѣнно намѣренъ тѣсно соединиться съ Россіею?—«Ничего такъ горячо не желаемъ и ничего не признаемъ согласнѣе съ своими естественными интересами», отвѣтилъ Сандвичъ.—«Всего удивительнѣе, сказалъ на это Гроссъ, что графъ Бёкингамъ всегда настаивалъ на простомъ возобновленіи стараго союзнаго договора, который былъ заключенъ для подкрѣпленія австрійскихъ интересовъ, несмотря на то, что теперь европейскія отношенія совершенно измѣнились. Императрица надѣется, что при возобновленіи переговоровъ о союзѣ англійскій дворъ захочетъ независимо и прямо быть ея союзникомъ и этимъ способомъ утвердить равновѣсіе европейскихъ силъ въ своихъ рукахъ. Вотъ почему въ проектъ новаго оборонительнаго договора, переданнаго вамъ въ прошломъ году, были включены два секретные параграфа о Польшѣ и Швеціи, имѣющіе связь съ тою сѣверною системою, по которой сѣверныя державы соединяются между собою союзами и составляютъ твердое равновѣсіе въ Европѣ мимо бурбонскаго и австрійскаго домовъ». Выслушавъ это съ примѣтнымъ удовольствіемъ, Сандвичъ спросилъ: «Въ новой системѣ упоминается ли король прусскій, потому что мы боимся обширныхъ замысловъ этого государя?» — «Мнѣ не предписано

ничего особеннаго въ разсужденіи короля прусскаго, сказалъ Гроссъ».—«Конечно, замѣтилъ на это Сандвичъ, это предложеніе будетъ охотно принято его великобританскимъ величествомъ; но какимъ образомъ будутъ устранены затрудненія, оказавшіяся въ прежнемъ проектѣ договора?» и на слова Гросса, что Россія желаетъ получить отъ Англіи 500,000 рублей какъ часть вознагражденія за издержки, употребленныя Россіею при избраніи новаго польскаго короля, Сандвичъ подтвердилъ, что не смѣетъ и предложить этого королевскому совѣту, зная взгляды его членовъ и скудость казны. Впрочемъ Сандвичу понравилось предложеніе, что въ случаѣ войны съ Турціею Россія получаетъ отъ Англіи 500,000 рублей и платитъ такую же сумму Англіи въ случаѣ ея войны съ Испаніею.

Но чрезъ нѣсколько дней Сандвичъ объявилъ Гроссу, что секретный параграфъ о дачѣ 500,000 рублей въ случаѣ турецкой войны не можетъ быть принятъ, потому что министерство должно сообщить его парламенту, который выдаетъ деньги; а въ такомъ случаѣ Порта и Франція объ этомъ узнаютъ и англійская торговля въ Левантѣ потерпитъ, войны же испанской въ Англіи мало боятся. (Тутъ Панинъ замѣтилъ: «Купеческая отговорка! нужды нѣтъ никакой открывать покамѣстъ казусъ не настоитъ, а когда настоять будетъ, тогда за 500,000 рублей нація не взбунтуетъ противъ правительства. Все сіе состоитъ только въ томъ, чтобъ какъ лавочникамъ торговаться, покамѣстъ время есть и сколько возможно выторговать). Гораздо лучше было бы, продолжалъ Сандвичъ, еслибъ прежній трактатъ просто возобновился съ внесеніемъ общаго параграфа о защитѣ благополучно послѣдовавшаго выбора короля польскаго и сохраненіи правительственной формы и вольностей польской республики. (Панинъ замѣтилъ: «Еще лавочная торговля. Когда по польскимъ дѣламъ намъ была въ нихъ (т.-е. Англичанахъ) вправду нужда, тогда они отъ нихъ отговаривались, и чтобъ ихъ отъ себя отклонить, представляли свою готовность къ шведскимъ дѣламъ, а теперь говорятъ на выворотъ). Гроссъ отвѣчалъ съ удивленіемъ: «Я не могу льстить себя надеждою, что у насъ согласятся на простое возобновленіе прежняго договора, потому что обстоятельства совершенно измѣнились: при подписаніи прежняго договора вѣнскій дворъ былъ главный союзникъ Россіи, Англія принимала

оборонительныя обязательства для подкрѣпленія вѣнскаго союза; а теперь императрица желаетъ соединиться съ Англіею непосредственно, почему и слѣдуетъ, чтобъ Англія помогала Россіи нѣкоторою суммою денегъ противъ Порты, какъ Марія Терезія обязывалась прежде помогать войскомъ; представленный съ нашей стороны еквивалентъ поданіемъ помощи противъ Испаніи очень достаточенъ, ибо вѣроятно, что въ теченіи осьми лѣтъ Турки, съ которыми у насъ никакого спору нѣтъ, ничего не предпримутъ противъ Россіи, а напротивъ болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ это время и по личному характеру короля испанскаго, и по различію интересовъ, и по фамильному договору съ Франціею, между Испаніею и Англіею откроется война. Еслибы, несмотря на все это, въ Англіи рѣшили исключить взаимно войну турецкую и войну испанскую, то я долженъ настоять на уплату 500,000 рублей за издержки, употребленныя по первому моему предложенію». На это Сандвичъ возразилъ, что если совѣтъ королевскій не могъ обѣщать участія въ польскихъ издержкахъ прежде избранія короля, то послѣ счастливаго рѣшенія этого дѣла еще меньше на это согласится. Въ заключеніе Сандвичъ замѣтилъ, что осьмилѣтній срокъ договора имъ не нравится, и что націи и парламенту странно показалось бы, еслибъ въ настоящемъ союзномъ договорѣ Россіи предоставлены были бо́льшія выгоды, чѣмъ въ прежнемъ. (Панинъ замѣтилъ на это: «Не меньше бъ и Россійской имперіи дико показалось, еслибъ при такомъ объ общей пользѣ и славѣ попечительномъ царствованіи россійской дворъ не съ лучшими и справедливѣйшими для нея выгодами свои союзы заключилъ. Заключительно сказать Англичане считаютъ военный случай еще отдаленнымъ, и потому настоящее время въ свою пользу хотятъ выиграть и насъ своими затрудненіями къ тому привесть, къ чему равновѣсіе взаимства склонить не можетъ. Напротивъ чего надежнѣйшій въ нашу сторону успѣхъ долженъ зависѣть отъ нашей собственной твердости и терпѣнія, средствомъ чего дождаться можно ближайшей Англичанамъ нужды въ нашемъ союзѣ»).

Краткость срока для новаго союзнаго договора не нравилась въ Англіи; но Панинъ въ письмѣ своемъ къ Гроссу отъ 12 ноября изъясняетъ причины такого рѣшенія: «Извѣстное дѣло, что генеральныя дѣла не могутъ долго оставаться въ одинакомъ по-

ложеніи, и что случающіяся въ той или другой части Европы хотя частыя, но тѣмъ не меньше нечаянныя и чрезвычайныя происшествія причиняютъ однако въ интересахъ, въ правилахъ и мѣрахъ державъ великія и напередъ отнюдь непостигаемыя перемѣны, кои обыкновенно всю ихъ систему буде не совершенно уничтожаютъ, по крайней мѣрѣ много развращаютъ. Сея ради причины полагая восемь лѣтъ такимъ срокомъ, въ который по теченію дѣлъ обыкновенно нѣчто перемѣнное случается, изволила ея императорское величество не въ разсужденіи одного англійскаго двора, но въ разсужденіи всѣхъ своихъ настоящихъ и будущихъ союзниковъ положить за основаніе, чтобъ не опредѣлять своихъ обязательствъ больше, какъ на восемь лѣтъ, не для того, чтобъ тѣмъ избѣгать подаянія помочи, полагая, будто въ толь короткое время не будетъ настоять случай союза, но для того, чтобъ какъ при дѣйствительномъ онаго настояніи тѣмъ охотнѣе и усерднѣе оную подавать, такъ и въ случаѣ перемѣны обстоятельствъ имѣть всю свободу соображать и распространять по онымъ обязательства свои и такимъ образомъ сугубо быть союзникамъ своимъ полезною».

Относительно приведенныхъ извѣстій объ интригахъ Бретейля и Беранже Панинъ такъ успокоивалъ Гросса: «Для вашего собственнаго успокоенія я за нужное нахожу вамъ сообщить, что совершенно мы здѣсь ни малѣйшей причины не имѣемъ опасаться прямого дѣйства намѣреній и дѣлъ нашихъ злодѣевъ, но паче надѣяться должны, что они своимъ явнымъ беззаконіемъ сами себя наконецъ посрамятъ. Беранже съ малымъ умишкомъ самый фанатикъ въ политическихъ тонкостяхъ, а Бретейль острый, но дерзкій въ дѣлахъ петиметръ. Теперь онъ въ Швеціи въ разсужденіи чрезвычайнаго сейма и тамошняго разстроеннаго положенія видитъ отворенный себѣ карьеръ дѣлъ подверженнымъ противнымъ перемѣнамъ, наипаче отъ нашего въ нихъ участія съ освобожденными руками отъ стороны польскихъ конъюнктуръ и, повидимому, яко запрометчивый молодой человѣкъ, вздумалъ къ тому времени завести у насъ какія ни есть внутреннія движенія, чѣмъ бы мы могли быть упражнены; а къ возбужденію на то своего двора пользуется какъ персональною къ себѣ преданностію того Беранже, такъ и его натуральною слѣпою топ-

костію, приводя его къ увеличиванію его собственныхъ фантомовъ».

Обширность Россіи заставляла правительство въ одно время вести переговоры о союзѣ съ крайнею державою на западѣ Европы и принимать мѣры предосторожности относительно китайскихъ границъ. Генералъ-поручикъ Шпрингеръ донесъ въ іюлѣ изъ Усть-Каменогорской крѣпости, что по развѣдыванію оказывается на границахъ множество китайскаго войска. Въ слѣдствіе этого собралась конференція изъ Вильбоа, Панина, графа Захара Чернышева, графа Эрнста Миниха, кн. Александра Голицына, Веймарна и Олсуфьева, и донесла императрицѣ, что она рѣшила: 1) предписать виды и къ исполненію ихъ общія мѣры сибирскимъ губернаторамъ и другимъ управителямъ для приведенія въ лучшее состояніе этой отдаленной области; 2) постановить правила о китайской торговлѣ и таможенныхъ дѣлахъ; 3) сдѣлать новыя распоряженія относительно защиты границъ, чтобъ не подвергались онѣ внезапнымъ нападеніямъ; 4) ближайшими и пристойнѣйшими средствами начать съ китайцами переговоры для прекращенія настоящихъ замѣшательствъ, хотя до того времени, пока здѣшнія границы будутъ достаточно укрѣплены, чтобъ здѣшнія требованія можно было подкрѣплять съ оружіемъ въ рукахъ. Конференція полагала: 1) что необходимо раздѣлить Сибирь на двѣ губерніи и учредить губернаторовъ въ двухъ мѣстахъ, Тобольскѣ и Иркутскѣ, и притомъ перемѣнить правила относительно распространенія тамъ звѣриной ловли, правила, благодаря которымъ въ этой обширной и очень малолюдной странѣ значительная часть народа остается безъ всякаго попеченія, будучи разсыпана въ отдаленныхъ сѣверныхъ предѣлахъ, провождая жизнь почти скотскую, и наконецъ совершенно погибая. Надобно предписать тамошнимъ губернаторамъ и другимъ начальникамъ, чтобъ они выгодами и ласками привлекали людей къ выходу изъ тѣхъ холодныхъ предѣловъ, и, сводя ихъ ближе другъ къ другу, заводили селенія къ южной сторонѣ; этими поселеніями и границы будутъ приведены въ лучшее состояніе, и польза, получаемая отъ земледѣлія и другихъ сельскихъ промысловъ, несравненно превзойдетъ ту, которая теперь получается отъ одной звѣриной ловли въ безплодныхъ сѣверныхъ земляхъ. 2) Китайцы перевели торговлю изъ Кяхты въ

Ургу, съ цѣлію заставить русскихъ купцовъ ѣздить въ свой китайскій городъ, и хотя теперь Китайцы немножко сбавили своей спѣси и начинаютъ опять ѣздить въ Кяхту съ товарами, однако конференція разсуждала, нельзя ли въ пользу русскихъ купцовъ учредить особую вольную компанію, ибо въ такомъ случаѣ не будетъ перебивки въ цѣнахъ, и компанія будетъ для собственной пользы стараться, чтобъ не было тайнаго провозу товаровъ, почему въ сборѣ пошлинъ не будетъ происходить ущерба. Но пока учредится компанія, конференція полагаетъ нужнымъ: 1) позволить по прежнему всякому русскому купцу имѣть участіе въ этомъ торгѣ; 2) но вмѣсто того, чтобъ ѣхать прямо въ Кяхту, купцы должны останавливаться въ Селенгинскѣ, и здѣсь выбирать маклеровъ, которые и размѣниваютъ въ Кяхтѣ товары по установленной цѣнѣ, чтобъ купцы перестали другъ другу дѣлать подрывъ. Для безопасности Сибири содержать въ ней 11 полковъ; отправить въ Омскъ и Селенгинскъ полевую артиллерію; увеличить генералитетъ еще однимъ генералъ-майоромъ, такъ чтобы генералъ-поручикъ жилъ въ Омскѣ или гдѣ обстоятельства потребуютъ, одинъ генералъ-майоръ въ Петропавловской крѣпости, другой въ Усть-Каменогорскѣ, третій въ Бійскѣ, четвертый въ Селенгинскѣ. Держать полки въ соединеніи, готовыми къ отпору непріятеля, а не по форпостамъ [55].

ГЛАВА II.

Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II-й Алексѣевны.

1765 годъ.

Винные откупа.—Содержаніе войска.—Недовольство императрицы флотомъ и работами въ Балтійскомъ Портѣ.—Ревельская гавань.—Путешествіе Екатерины по Ладожскому каналу.—Каналъ отъ Сяси до Волхова.—Дѣятельность сената по вопросу о малолѣтныхъ преступникахъ и укрывательствѣ злодѣевъ.—Твердость императрицы въ ограниченіи пытокъ.—Записка Екатерины по поводу дѣла Волынскаго.—Новости въ сенатѣ.—Безпорядки въ коллегіяхъ.—Печальное извѣстіе о русской торговлѣ въ Константинополѣ.—Введеніе картофеля.—Дѣятельность новгородскаго губернатора Сиверса.—Коммиссія о государственномъ межеваніи.—Вопросъ объ устройствѣ казармъ.—Событія въ областномъ управленіи.—Медленность ревизіи.—Коммиссія о заводскихъ крестьянахъ.—Крѣпостные люди у купцовъ.—Почта.—Отмѣна сборовъ за поставленіе духовныхъ лицъ.—Опредѣленіе платы за требы.—Расколъ.—Дѣло пыскорскаго архимандрита Іуста.—Столкновеніе воронежскаго епископа съ донскими козаками.—Дѣятельность Румянцева въ Малороссіи.—Столкновеніе иностранныхъ колонистовъ съ прежними русскими поселенцами.—Самозванцы.—Общій взглядъ на отношенія Россіи къ Польшѣ.—Диссидентское дѣло и столкновеніе Польши съ Пруссіею.—Сношенія Россіи съ другими европейскими государствами въ 1765 году.

Годъ начался рѣшеніемъ важнаго финансоваго вопроса. Мы видѣли, что относительно продажи соли и вина правительство находилось въ большомъ затрудненіи: сильно хотѣлось облегчить народъ уменьшеніемъ цѣны на соль, но нельзя было удешевить соль какъ бы желалось, потому что нельзя было отыскать новыхъ источниковъ дохода для покрытія необходимыхъ государственныхъ издержекъ. Легче соглашались на увеличеніе

цѣны вина; но тутъ усиливалось корчемство, которое требовало для своего искорененія много хлопотъ, и, что хуже всего, увеличивало страшно число уголовныхъ дѣлъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ винная продажа предоставлена была магистратамъ и ратушамъ, причемъ происходили «превеликіе подлоги и утайки, вражды, доносительства, тяжбы и пресѣченіе купеческаго промысла». Въ большей части мѣстъ винная продажа состояла на откупѣ; но откупщикъ долженъ былъ впередъ заплатить въ казну болѣе 2 рублей за ведро при покупкѣ у нея вина, и послѣ, при продажѣ вина въ народъ, долженъ былъ получить себѣ около 40 копѣекъ для уплаты извѣстной откупной суммы: для правительства было ясно, что откупщики продавали тайкомъ подвозное вино вмѣсто казеннаго. 26 января императрица пріѣхала въ сенатъ въ началѣ 9-го часа, и, возвращая поднесенный ей докладъ коммиссіи о соли и винѣ, объявила свою волю, чтобъ сенатъ немедленно приступилъ къ разсужденію о средствахъ, какъ согласить пользу государственную съ пользою всего общества, нимало не упуская при этомъ изъ виду, чтобъ собираемый теперь съ вина доходъ если не умножить, то, по крайней мѣрѣ никакъ не умалить. Послѣ этого прочтенъ былъ докладъ съ собственными примѣчаніями императрицы, которая объявила, что эти примѣчанія не должны быть приняты за указъ, ибо приложены только для объясненія, кромѣ отмѣны въ наказаніяхъ за корчемство. Въ 12-мъ часу Екатерина удалилась; сенаторы стали разсуждать, какъ бы точнѣе исполнить ея повелѣніе и пришли къ слѣдующимъ рѣшеніямъ: 1) признать полезнымъ и необходимымъ отдачу винной продажи на откупъ. 2) Чтобы притомъ избѣжать всѣхъ излишнихъ разсчетовъ, и удостовѣриться, что откупная сумма сполна будетъ доходить въ казну, положить основаніемъ откупной суммѣ расходъ вина по трехлѣтней сложности за послѣдніе три года. 3) Для большей надежности казнѣ на случай неисправности платежа откупной суммы, вино имѣть казенное и отдавать его откупщикамъ, по ихъ требованію, за наличныя деньги по разсчету всей откупной суммы. 4) Откупщики должны продавать вино ведрами и бочками по 2 р. 64 коп. ведро, а продажа кружками и чарками оставляется на ихъ волю [56]. Манифестъ объ откупахъ изданъ 1 августа; они должны были начаться съ 1767 года; до-

ходъ отъ продажи вина показанъ болѣе, чѣмъ на четыре милліона рублей [57]. На другой день послѣ публикованія этого манифеста князь Вяземскій предъявилъ сенату именной указъ, въ которомъ говорилось, что императрица, будучи обременена другими государственными дѣлами, дозволяетъ сенату рѣшить большинствомъ голосовъ и публиковать корчемный уставъ. Сенатъ при этомъ рѣшеніи не могъ не принять къ свѣдѣнію рѣшенія Екатерины по одному корчемному дѣлу: смоленская шляхтянка полковница Ирина Потемкина (вдова Владиміра Денисовича) попалась въ корчемствѣ и подала императрицѣ просьбу, въ которой повинилась, что велѣла служанкѣ изъ своего дома продавать вино, и такой проступокъ учинила какъ женщина по незнанію строгости законовъ. Императрица простила ее и приказала возвратить отписанное у нея имѣніе, если только дѣло дѣйствительно происходило такъ, какъ показано въ челобитной [58]. Третій годъ въ сенатѣ тянулось непріятное дѣло о вознагражденіи виноторговцамъ, у которыхъ было разграблено вино 28 іюня 1762 года. Въ 1763 году сенатъ призналъ справедливымъ вознаградить за расхищенное изъ кабаковъ простое вино зачетомъ откупщикамъ въ откупную сумму; на этомъ основаніи теперь онъ рѣшилъ подать императрицѣ докладъ, что справедливость требуетъ зачесть продавцамъ виноградпаго вина ихъ убытокъ въ пошлинный сборъ, и убытокъ этотъ простирался на 24,331 рубль [59].

Количество подушныхъ денегъ опредѣлено было въ 5,212,685 рублей. Вся эта сумма, по распоряженію еще Петра Великаго, шла на содержаніе войска; но кромѣ того на это содержаніе получались деньги изъ винныхъ, соляныхъ, таможенныхъ и другихъ сборовъ, такъ что вся сумма, назначенная на содержаніе войска, простиралась до 8,116,601 рубля [60]. Флотомъ императрица была очень недовольна, что̀ видно изъ письма ея къ Н. И. Панину отъ 8 іюня, послѣ смотра: «У насъ въ излишествѣ кораблей и людей, но у насъ нѣтъ ни флота, ни моряковъ. Въ ту минуту, когда я подняла штандартъ и корабли стали проходить и салютовать, два изъ нихъ погибли было по оплошности ихъ капитановъ, изъ которыхъ одинъ попалъ кормою въ оснастку другого, и это во стѣ быть можетъ туазахъ отъ моей яхты; добрый часъ они возились, чтобъ высвободить свои борта, что̀

наконецъ имъ и удалось къ великому ущербу ихъ мачтъ и оснастки. Потомъ адмиралу хотѣлось, чтобъ они выравнялись въ линію; но ни одинъ корабль не могъ этого исполнить, хотя погода была превосходная. Наконецъ въ 5 часовъ послѣ обѣда приблизились къ берегу для бомбардированія такъ называемаго города. Впереди помѣстили одну бомбардирскую лодку, и когда хотѣли поставить около нея другую, то съ трудомъ успѣли такую найти, потому что никто не держался въ линію. До 9 часовъ вечера стрѣляли бомбами и ядрами, которыя не попадали въ цѣль. Самъ адмиралъ былъ чрезвычайно огорченъ такимъ ничтожествомъ и признается, что все, выставленное на смотръ было изъ рукъ вонъ плохо. Надобно сознаться, что корабли походили на флотъ, выходящій каждый годъ изъ Голландіи для ловли сельдей, а не на военный» [61].

Мы видѣли, что Екатерина была также недовольна работами въ Балтійскомъ портѣ; а между тѣмъ сенатъ докладывалъ, что надобенъ новый налогъ для продолженія работъ по его укрѣпленію. Екатерина написала собственноручно: «Усмотрѣла я изъ сенатскаго доклада о Балтійскомъ портѣ, что безъ новаго налога оной работы никакъ продолжить не можно; мои же намѣренія со дня восшествія моего никогда не склонялись къ отягощенію подданныхъ, но единственно къ облегченію и благополучію оныхъ; всякій же безъ крайней надобности налогъ есть отягощеніе; того для необходимая надобность состоитъ, дабы единожды сдѣлать твердыя положенія порту Балтійскому, изъ чего родится первый вопросъ, нужной ли сей портъ для государства, и потомъ, какъ и сколько въ немъ иждивенія для способности и безопасности употребить; причемъ еще и то вспомнить должно, чтобъ полезность преимущество имѣла предъ пышностью». Императрица велѣла фельдмаршалу Миниху, генераламъ Панину (Петру Ив.), Муравьеву, Чернышеву и адмиралу Мордвинову имѣть конференцію по этому предмету, представить свое мнѣніе вмѣстѣ съ планомъ работъ, «дабы единожды всѣ сумнительства о сей матеріи рѣшены были» [62]. Конференція пришла къ тому, что надобно устроить при Ревелѣ морскую военную каменную гавань для помѣщенія 25 военныхъ кораблей и фрегатовъ, на что нужно денегъ 4 милліона рублей, а работниковъ 3000 человѣкъ; надобно употребить всѣ усилія для устрой-

ства ревельской гавани, постройки при Балтійскомъ портѣ остановить, а сдѣланный уже тамъ молъ обратить въ убѣжище для судовъ отъ штурмовъ; для окончанія здѣшнихъ работъ довольно 2000 каторжныхъ и 500 гарнизонныхъ солдатъ съ небольшимъ казеннымъ расходомъ. Ревельская гавань можетъ быть отстроена въ 12 лѣтъ, если будетъ ежегодно выдаваться по 400,000 рублей. Екатерина написала на докладѣ конференціи: «Сенатъ имѣетъ означить, откуда ежегодно сію сумму брать безъ отягощенія народнаго»; а на планѣ написала: «Съ Богомъ, быть по сему». Сенатъ представилъ, что на строеніе при Ревелѣ каменной гавани, «яко на благоугодное и преполезное для общества всѣхъ вѣрноподданныхъ дѣло», онъ полагаетъ употреблять по 200,000 рублей изъ суммы коллегіи-экономіи, оставшейся за употребленіемъ въ опредѣленные расходы, а другіе 200,000 рублей отчислять изъ прежде наложенныхъ на вино сборовъ [63].

Въ августѣ императрица была въ Ладогѣ, проѣхалась по каналу: «Каналъ прекрасенъ, но заброшенъ; путешествіе» по немъ очень удобно—во всю дорогу ни малѣйшаго потрясенія, писала она Панину. Екатерина осмотрѣла начало работъ по новому каналу отъ Сяси до Волхова [64]. На этотъ каналъ отпущено было 70,000 рублей [65]. Предполагался каналъ изъ Переяславскаго озера въ Волгу; но сенатъ подалъ докладъ, что надобно повременить проведеніемъ этого канала до болѣе точныхъ свѣдѣній. Провести его легко, все будетъ стоить не болѣе 8000 рублей; но переяславскіе купцы объявили, что имъ на судахъ отправлять нечего, да около Переяславля годнаго для постройки судовъ лѣса мало, и волжскія пристани не далѣе 80 верстъ [66]. 70,000 рублей на каналъ изъ Сяси въ Волховъ назначены были изъ процентныхъ денегъ коммерческаго банка; для усиленія дѣятельности обоихъ государственныхъ банковъ позволено было всякому вносить въ нихъ деньги для приращенія процентами, только не менѣе ста рублей [67].

Въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ было нѣсколько чрезвычайныхъ засѣданій сената вмѣстѣ съ коллегіями и въ присутствіи императрицы. Первое засѣданіе, 10 марта, происходило по дѣлу о малолѣтныхъ преступникахъ за неимѣніемъ точнаго закона о наказаніяхъ имъ. Мы видѣли, что въ началѣ царствованія Елисаветы было по тому же предмету чрезвычайное засѣданіе сената

и было постановлено считать по уголовнымъ дѣламъ совершеннолѣтіе въ 17 лѣтъ. Отсутствіе точнаго закона вѣроятно произошло въ слѣдствіе возраженія синода, что совершеннолѣтіе можно считать и съ 12 лѣтъ, потому что и въ бракъ позволено вступать ранѣе 17 лѣтъ, и къ присягѣ велѣно приводить съ 12 лѣтъ, и вообще «человѣку меньше 17 лѣтъ довольный смыслъ имѣть можно». Императрица пришла въ засѣданіе, выслушала экстрактъ изъ дѣла и подачу голосовъ и удалилась. Послѣ ея ухода продолжалось расужденіе и постановили: по уголовнымъ дѣламъ совершенный возрастъ считать 17 лѣтъ; ранѣе этого возраста пытокъ не производить, а по изслѣдованіи представлять сенату; которые преступники будутъ менѣе 17 лѣтъ и смертной казни не заслуживаютъ, а только тѣлесное наказаніе, тѣхъ безъ представленія въ сенатъ наказывать отъ 15 до 17 лѣтъ плетьми, отъ 10 до 15 розгами, десяти же лѣтъ и меньше отдавать для наказанія отцамъ, матерямъ или помѣщикамъ. Императрица утвердила это постановленіе [68].

Черезъ недѣлю, 17 марта, другое такое же засѣданіе сената въ присутствіи императрицы: слушано было дѣло о вытяхъ за пристань и укрывательство воровъ и разбойниковъ, какимъ образомъ взыскивать эти выти, со всѣхъ ли жителей или только съ однихъ пристанодержателей. Сенатъ постановилъ: взыскивать съ однихъ пристанодержателей, ибо истцы, въ виду большихъ вытей, большею частію стараются увеличивать свои иски; а чтобъ всѣхъ жителей опоручить круговою порукою въ искорененіи злодѣевъ, чтобъ не было съ ихъ стороны слабаго смотрѣнія, и даже понаровки, то взыскивать съ нихъ штрафъ по 10 копѣекъ съ каждой ревизской души, а съ десятскихъ, сотскихъ, прикащиковъ и старостъ съ каждаго по 5 рублей, и штрафныя деньги отдавать истцамъ въ искъ, а за удовлетвореніемъ истцовъ остальныя деньги могутъ быть употреблены на бѣдныхъ [69]. Въ концѣ апрѣля, въ присутствіи Екатерины, читался въ сенатѣ докладъ 2-го департамента и письмо на имя императрицы находящагося въ тарскомъ магистратѣ подъ карауломъ купца Зинкова о притѣсненіяхъ и взяткахъ съ него. Екатерина велѣла сибирскому губернатору изслѣдовать дѣло и съ виновными поступить по законамъ, только не ставить въ вину Зинкову письмо его на высочайшее имя [70].

Борьба противъ пытки продолжалась. Мы видѣли, что въ 1763 году запрещено было производить пытки въ приписныхъ городахъ, велѣно отсылать преступниковъ въ провинціальныя и губернскія канцеляріи, и тутъ поступать съ крайнею осторожностію [71]. Но въ 1765 году иркутская концелярія прислала въ сенатъ доношеніе, что приписные къ ней города находятся отъ Иркутска въ разстояніи отъ 400 до 3000 верстъ, и если изъ нихъ посылать для розыску преступниковъ въ Иркутскъ, то они едва въ годъ могутъ туда дойти и на пропитаніе ихъ съ карауломъ на такомъ пути по безлюднымъ мѣстамъ нужна значительная сумма, которой взять негдѣ. Сенатъ согласился съ этимъ доношеніемъ и просилъ у императрицы указа. Екатерина написала: «Изъ сихъ мѣстъ колодниковъ въ губерніи не возить», а стараться дѣло окончить безъ пытокъ въ указный срокъ» [72]. Эта твердость въ данномъ случаѣ была тѣмъ благодѣтельнѣе, что въ такихъ отдаленныхъ мѣстахъ начальствующія лица и такъ позволяли себѣ страшныя злоупотребленія. Къ этому же году относится собственноручная записка Екатерины по поводу дѣла Волынскаго: «Сыну моему и всѣмъ моимъ потомкамъ совѣтую и поставляю читать сіе Волынскаго дѣло отъ начала до конца, дабы они видѣли и себя остерегали отъ такого беззаконнаго примѣра въ производствѣ дѣлъ. Императрица Анна своему кабинетному министру, Артемію Волынскому, приказывала сочинить проектъ о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ, который онъ и сочинилъ, и ей подалъ. Осталось ей полезное употребить, неполезное оставить изъ его представленія. Но напротивъ того, его злодѣи, и кому его проектъ не понравился, изъ того сочиненія вытянули за волосы такъ сказать и взвели на Волынскаго измѣнническій умыслъ и будто онъ себѣ присвоивать хотѣлъ власть государя, что отнюдь на дѣлѣ не доказано. Еще изъ сего дѣла видно, сколь мало положиться можно на пыточныя рѣчи; ибо до пытокъ всѣ сіи несчастные утверждали невинность Волынскаго, а при пыткѣ говорили все, что злодѣи ихъ хотѣли. Странно, какъ роду человѣческому пришло на умъ лучше утвердительнѣе вѣрить рѣчи въ горячкѣ бывшаго человѣка, нежели съ холодною кровію; всякій пытанный въ горячкѣ и самъ уже не знаетъ что говоритъ. И такъ отдаю на разсужденіе всякому, имѣющему чуть разумъ, можно ли вѣ-

рить пыточнымъ рѣчамъ и на то съ доброю совѣстію полагаться. Волынскій былъ гордъ и дерзостенъ въ своихъ поступкахъ, однако не измѣнялъ; но напротивъ того, добрый и усердный патріотъ и ревнителенъ къ полезнымъ поправленіямъ своего отечества, и такъ смертную казнь терпѣлъ, бывъ невиненъ, и хотябъ онъ и заподлинно произносилъ тѣ слова въ нареканіе особы императрицы Анны, о которыхъ въ дѣлѣ упомянуто, тобъ она, бывъ государыня цѣломудрая, имѣла случай показать, сколь должно уничтожить подобныя малости, которыя у ней не отнимали ни на вершка величества и не убавили ни въ чемъ ея персональныя качества. Всякій государь имѣетъ неисчисленные кроткіе способы къ удержанію въ почтеніи своихъ подданныхъ; еслибъ Волынскій при мнѣ былъ, и ябъ усмотрѣла его способность въ дѣлахъ государственныхъ и нѣкоторое непочтеніе ко мнѣ: я бы старалась всякими, для него неогорчительными способами, его привести на путь истинный. А еслибъ я увидѣла, что онъ неспособенъ къ дѣламъ, ябъ ему сказала или дала разумѣть, не огорчая же его: будь счастливъ и доволенъ, а мнѣ ты не надобенъ! Всегда государь виноватъ, если подданные противъ него огорчены; изволь мѣриться на сей аршинъ; а если кто изъ васъ, мои дражайшіе потомки, сіи наставленія прочтетъ съ уничтоженьемъ, такъ ему болѣе въ свѣтѣ, и особливо въ россійскомъ, счастья желать нежели пророчествовать можно» [73].

Въ сенатѣ особенною пылкостію отличался по прежнему князь Яковъ Шаховской, несмотря на преклонные годы. Во время коммиссіи надъ Хорватомъ послѣдній въ своихъ доношеніяхъ въ эту коммиссію позволилъ себѣ выходки противъ Шаховского; теперь когда Хорватъ былъ уже осужденъ, вмѣсто смерти, на лишеніе всѣхъ чиновъ, Шаховской потребовалъ, чтобъ Хорватъ далъ ему удовлетвореніе за нанесенную обиду. На докладѣ сената объ этомъ Екатерина написала собственноручно: «Можетъ ли для общества мертвый человѣкъ сатисфакцію дать? Если сей вопросъ рѣшенъ будетъ, то резолюцію дамъ» [74].

Изъ молодыхъ сенаторовъ особенною ретивостію отличался Петръ Ивановичъ Панинъ, что, какъ видно, не очень нравилось его товарищамъ. Однажды онъ сталъ читать свое мнѣніе о вотчинныхъ дѣлахъ, кого и при какихъ случаяхъ надобно почитать настоящими вотчинниками. По выслушаніи мнѣнія девять чело-

вѣкъ сенаторовъ объявили, что они объ этомъ мнѣніи ничего сказать не могутъ, потому что мнѣніе подано ни по какому дѣлу, на будущій случай, и потому еще, что предлагать обо всемъ съ объясненіемъ законовъ принадлежитъ генералъ-прокурору. Графы Ферморъ и Бутурлинъ объявили, что мнѣніе очень пространно и потому, не получа копіи, войти въ разсужденіе нельзя. Олсуфьевъ объявилъ что подастъ свое мнѣніе. Этимъ дѣло и кончилось [75].

Мы видѣли, что императрица позволила сенату провести корчемный уставъ рѣшеніемъ большинства голосовъ; въ концѣ года такое же позволеніе дано было относительно частнаго тяжебнаго дѣла [76]. Въ описываемомъ году сенатъ въ первый разъ получилъ вакацію отъ 15 до 30 іюня; но для входящихъ дѣлъ, которыя бы требовали немедленнаго рѣшенія, должно было оставлять для присутствія по одному сенатору, изъ каждаго департамента, съ ихъ согласія [77].

Безпорядки въ новой коллегіи экономіи подали поводъ сенату принять такое рѣшеніе: приказали—во всѣ присутственныя мѣста послать указы слѣдующаго содержанія: по случаю собственнаго ея императорскаго величества разсмотрѣнія о происшедшемъ въ нѣкоторомъ присутственномъ мѣстѣ непорядкѣ, изъ послѣдовавшаго за собственноручнымъ подписаніемъ тому мѣсту съ материнскимъ отъ ея величества исправленіемъ высочайшаго указа сенатъ, принявъ все въ томъ указѣ къ исправленію онаго мѣста изображенное за общее и всѣмъ прочимъ мѣстамъ наставленіе, для того, стараясь о исполненіи онаго, предписываетъ нижеслѣдующіе пункты, содержащіе въ себѣ высочайшую волю и повелѣніе: 1) Дабы вмѣсто возложенныхъ на присутственныя мѣста трудовъ не поставляли они прямой своей должности въ приказныхъ только обрядахъ и не обращали бъ упражненій своихъ въ единственные споры и дѣла не приходили бы чрезъ то въ совершенный упадокъ. 2) Не выступать изъ предѣловъ своего званія, не наносить одному противъ другого раздраженій и партикулярныхъ неудовольствій, не заходить другъ противъ друга въ недѣльные письменные голоса, а потомъ и въ персональные протесты. Довольствуются только по канцелярскому порядку рапортами, что указы посланы; но никто о томъ не печется и не взыскиваетъ, чтобъ оные самимъ дѣломъ испол-

нены были. 3) Лихоимственныя дѣла не неважными, а разрушающими правосудіе и повреждающими государственное положеніе почитать. 4) Членамъ не избѣгать отъ засѣданій отговорками ни старостію лѣтъ, ни болѣзненными припадками и тѣмъ не терять времени чрезъ развозъ канцелярскими служителями дѣлъ для подписки по домамъ, ибо не можетъ быть тамъ общаго разсужденія, гдѣ за таковыми членовъ извиненіями нѣтъ частаго общаго собранія. 5) Не причинять дѣламъ остановки неимѣніемъ полныхъ собраній. 6) Прокурорамъ помнить свою инструкцію. 7) Чтобъ досадуя на персону, никто не мстилъ пренебреженіемъ въ дѣлахъ должности своей, но старались бы порученныя дѣла почитать за предметъ чести и обязательства своего къ ея императорскому величеству и отечеству, слѣдовательно и труды свои нести такъ, чтобъ архивы наполнять документами прямыхъ дѣлъ, а не пустыми бумагами [78].

Мы видѣли, что знаменитый Волковъ, ставши президентомъ мануфактуръ-коллегіи, жаловался, что это коллегія, безъ его вѣдома, позволила кн. Долгорукову завести хрустальную фабрику; коллегія оправдывалась тѣмъ, что дѣло еще не приведено къ окончанію; несмотря на то сенатъ предписалъ коллегіи безъ согласія президента никому не давать позволенія заводить фабрики [79].

Сенатъ долженъ былъ остановить попытку возобновить старое допетровское распоряженіе съ ремесленниками. Лѣтомъ описываемаго года императрица велѣла устроить карусель, и оберъшталмейстеръ князь Репнинъ отправилъ въ главный магистратъ требованіе, чтобъ выслалъ портныхъ, Нѣмцевъ и Русскихъ для работы къ каруселю. Главный магистратъ отвѣчалъ, что, по своему регламенту, онъ не можетъ этого сдѣлать безъ сената, а сенатъ приказалъ: послать указъ кн. Репнину, что главный магистратъ отвѣчалъ согласно съ законами о непринужденіи цеховыхъ портныхъ къ работѣ, поэтому и сенатъ иначе опредѣлить не можетъ; а можетъ онъ, г. оберъ-шталмейстеръ, публиковать о свободной явкѣ портныхъ за настоящую плату и этими свободно явившимися, а не принужденными, исправляться [80].

Въ юномъ русскомъ мануфактурномъ мірѣ произошло крупное явленіе, которое показывало, какъ не долго обширныя заведенія остаются въ одной фамиліи: статскій совѣтникъ Алексѣй

Затрапезновъ свою полотняную ярославскую фабрику со всѣми принадлежностями продалъ коллежскому ассессору Савѣ Яковлеву за 600,000 рублей. Что касается внѣшней торговли, то мы имѣемъ отъ описываемаго времени печальное извѣстіе русскаго посланника въ Константинополѣ, Обрѣзкова, который доносилъ императрицѣ, что вольное кораблеплаваніе по Черному морю не можетъ привести русскую торговлю въ желаемое состояніе, по причинѣ чрезвычайнаго невѣжества и неразумія русскихъ купцовъ. Купцы эти съ заключенія послѣдняго мира не только не разбогатѣли, но многіе беднѣе стали; кредитъ ихъ подорванъ до такой степени, что не могутъ получить денегъ иначе, какъ за 20 и по меньшей мѣрѣ за 15 процентовъ, да и то отдавши подъ залогъ товары. Панинъ написалъ на этомъ донесеніи: «Выраженія не мягки, но къ несчастію вѣрны» [81].

Въ промышленности земледѣльческой произошла въ описываемое время важная новость: введенъ въ употребленіе картофель. Новгородскій губернаторъ Сиверсъ прислалъ въ сенатъ доношеніе, не угодно ли будетъ для завода земляныхъ яблокъ выписать ихъ прямо изъ Ирландіи. Сенатъ приказалъ выписку этихъ яблокъ поручить медицинской коллегіи, но съ тѣмъ, чтобъ она поручила это кому-нибудь изъ купцовъ частнымъ образомъ. Императрица приказала на выписку картофеля употребить до 500 рублей [82]. Медицинская коллегія издала наставленіе, какъ разводить и употреблять картофель; наставленіе это оканчивается такъ: «По толь великой пользѣ сихъ яблокъ, и что они при разводѣ весьма мало труда требуютъ, а оный непомѣрно награждаютъ, и не токмо людямъ къ пріятной и здоровой пищѣ, но и къ корму всякой домашней животинѣ служатъ, должно ихъ почесть за лучшій въ домостройствѣ овощь, и къ разводу его приложить всемѣрное стараніе, особливо для того, что оному большаго неурожая не бываетъ, и тѣмъ въ недостаткѣ и дороговизнѣ прочаго хлѣба великую замѣну дѣлать можетъ» [83].

Въ продолженіе нашего разсказа о царствованіи Екатерины мы не рѣдко будемъ встрѣчаться съ этимъ новгородскимъ губернаторомъ Сиверсомъ, который предлагалъ выписать картофель изъ Ирландіи. Выборъ Сиверса въ губернаторы принадлежалъ къ числу самыхъ удачныхъ выборовъ Екатерины. Сиверсъ имѣлъ то, что такъ рѣдко можно было тогда найти между област-

ными правителями: приготовленіе къ дѣятельности, образованіе, бывалость за границею не по пустому, но съ обращеніемъ вниманія на тамошнія явленія. Разумѣется, мы не должны требовать отъ Сиверса, чтобъ онъ, при тогдашнихъ условіяхъ, при отсутствіи пустившихъ глубоко корень историческихъ учрежденій, очень сдерживался въ своихъ бюрократическихъ стремленіяхъ, не предпочиталъ искусственныхъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей. Сынъ эстляндскаго дворянина Яковъ Сиверсъ началъ свое поприще въ одной изъ тогдашнихъ практическихъ школъ, гдѣ молодые люди учились и служили вмѣстѣ; мы видимъ его въ началѣ царствованія Елисаветы юнкеромъ въ иностранной коллегіи. Въ старости, при воспоминаніи объ этомъ времени, у Сиверса вырывались слова: «Гдѣ ты, блестящее время безсмертной Елисаветы, когда восемь пословъ иностранныхъ также сильно добивались твоего союза, какъ и удивлялись твоей красотѣ». Будущность молодаго Сиверса была обезпечена покровительствомъ дяди, барона Карла Сиверса. Семнадцати лѣтъ Яковъ Сиверсъ поѣхалъ чиновникомъ посольства въ Копенгагенъ, откуда потомъ переѣхалъ въ Лондонъ. По возвращеніи изъ Англіи, къ которой сильно пристрастился, онъ перемѣнилъ дипломатическую службу на военную, изъ чиновниковъ посольства сдѣлался премьеръ-майоромъ, участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ, во время которой велъ съ Ив. Ив. Шуваловымъ секретную переписку о ходѣ военныхъ дѣлъ. Разстроившееся во время войны здоровье заставило его ѣхать въ Италію, гдѣ онъ узналъ о вступленіи на престолъ Екатерины; вскорѣ послѣ того онъ возвратился въ Россію и въ 1764 году былъ назначенъ новгородскимъ губернаторомъ. Передъ отъѣздомъ въ свою губернію Сиверсъ провелъ мѣсяцъ въ Петербургѣ и въ это время имѣлъ, по крайней мѣрѣ, 20 аудіенцій у императрицы и каждая продолжалась по нѣскольку часовъ: обсуждались статьи общей и тайной губернаторской инструкціи, разсматривались карты и планы. Сиверсъ получилъ приказаніе писать прямо императрицѣ и пріѣзжать въ Петербугъ, когда сочтетъ это нужнымъ.

Тогдашняя Новгородская губернія простиралась на 1700 верстъ въ длину и 800 въ ширину; черезъ нее шло сообщеніе между двумя столицами, она граничила, съ одной стороны, съ Литвою, съ другой съ Швеціею и Бѣлымъ моремъ. По прибытіи въ Нов-

городъ Сиверсъ нашелъ губернскій архивъ, погребенный подъ развалинами упавшаго свода въ цейхгаузѣ, гдѣ архивъ хранился; по двумъ или тремъ стамъ просьбамъ къ губернатору по гражданскимъ дѣламъ въ годъ рѣшалось по два или по три дѣла. Во всей губерніи не было собственно никакой полиціи. Приказанія воеводы или губернатора передавались сотскимъ, и такъ какъ сотскіе были обыкновенно безграмотные, то читалъ имъ ихъ и писалъ донесенія церковный дьячекъ. Со времени указа Петра III о вольности дворянской губернаторъ не имѣлъ права поручить ни одного дѣла жившимъ въ его губерніи дворянамъ, какъ это дѣлалось до 1762 года; теперь если дворяне принимали какое-нибудь порученіе отъ губернатора, то только выгодное. Болѣе тысячи преступниковъ содержалось въ тюрьмахъ, и болѣе тысячи другихъ было отпущено на поруки. Въ числѣ уголовныхъ преступниковъ было человѣкъ 20 дворянъ, и въ каждой изъ пяти провинцій до 50 человѣкъ подлежали пыткѣ. Сиверсъ доносилъ, что въ кратковременное его пребываніе въ Новгородѣ не проходило дня, въ который бы онъ не слыхалъ о буйствѣ, насиліи и даже смертоубійствѣ въ спорахъ между сосѣдями, въ слѣдствіе чего онъ просилъ о возобновленіи генеральнаго межеванія. «Новгородская область, писалъ Сиверсъ императрицѣ, достойна носить прозвище Нормандіи. Думаю, что ни одна другая область въ цѣлой имперіи такъ не нуждается въ новомъ Уложеніи, которое бы сократило судопроизводство. Ябедническія увертки достигли здѣсь такой степени, что нѣтъ средствъ къ окончанію процессовъ. Въ теченіи 1764 года начато 53 процесса и ни одинъ не оконченъ, равно какъ и процессы прошлыхъ годовъ. При размышленіи о средствахъ создать и ободрить промышленность, первымъ бросившимися мнѣ въ глаза препятствіемъ была обязанность горожанъ беречь вино и соль и продавать соль, какъ казенный товаръ. Что касается крестьянина, то здѣсь главнымъ препятствіемъ служитъ неограниченная власть дворянъ налагать на своихъ крѣпостныхъ какой угодно оброкъ или, лучше сказать, поступать съ ними по внушенію алчности и по отсутствію сознанія собственнаго интереса. Несчастныя существа большею частію находятся подъ властію такихъ господъ, которые не знаютъ, что богатство крѣпостнаго составляетъ богатство господина. Неограниченная власть требовать съ

крестьянина какой угодно работы и брать какой угодно оброкъ, часто рѣшительно выше всякаго вѣроятія, есть безъ сомнѣнія главная причина, почему тысячи русскихъ бѣглецовъ наполняютъ Литву и Польшу. Гдѣ зло еще не дошло до такой крайности, тамъ крестьянинъ, видя, что земледѣльческія занятія не даютъ ему столько сколько требуетъ господинъ, принужденъ идти за 1000 верстъ искать большихъ заработковъ. Кромѣ происходящей отсюда очевидной невыгоды для земледѣлія, этого нерва государственнаго, произведенія земли продаются слишкомъ дорого, работникъ требуетъ слишкомъ высокой платы, что служитъ неодолимымъ препятствіемъ для фабрикъ. Увеличенію народонаселенія полагается не меньшее препятствіе въ томъ, что крестьянинъ долженъ покидать свою семью». Сиверсъ, въ своей похвальной ревности къ облегченію участи земледѣльческаго народонаселенія заговаривается: еслибъ крестьянинъ, не чувствуя тягости отъ помѣщика, оставался на родной землѣ и воздѣлывалъ ее, то для фабрикъ еще менѣе было бы рукъ и заработная плата была бы еще выше. Главное зло происходило именно отъ малолюдности, отъ недостатка рабочихъ рукъ, что удерживало такъ долго и крѣпостное состояніе. Но если уничтоженіе этого печальнаго явленія было такъ трудно для правительства, то возможно было вмѣшательство правительства для положенія границъ произволу, и Сиверсъ требовалъ правительственнаго опредѣленія количества оброка и количества рабочихъ дней. «Я, пишетъ Сиверсъ, самъ нашелъ, что одинъ помѣщикъ бралъ по пяти рублей оброка съ крестьянъ, живущихъ на пескѣ и не имѣющихъ пашни». Сиверсъ требовалъ также опредѣленія денежной суммы, взносомъ которой крестьянинъ имѣлъ бы право выкупаться. Сиверсъ обратилъ вниманіе на то, что расширеніе Петербурга и надобность для него все въ большемъ и большемъ количествѣ строевого и дровяного лѣса отзовется вредно на Новгородской губерніи, обезлѣситъ ее и воспрепятствуетъ заведенію фабрикъ; онъ предлагалъ учрежденіе особой камеры, которая бы собирала свѣдѣнія о лицахъ и опредѣляла бы количество лѣса, которое можно было вырубить. Въ одной изъ новгородскихъ провинцій находились лѣсничіе, подвѣдомственные адмиралтей-коллегіи: они занимались однимъ— продажею позволеній на рубку лѣса и тѣмъ обогащались. Для

предупрежденія недостатка или дороговизны топлива Сиверсъ предлагалъ вводить въ употребленіе торфъ, и особенно каменный уголь: ему подана была надежда, что послѣдній можно найти на берегахъ Ильменя. Сиверсъ находилъ недостаточнымъ управленіе прежними монастырскими крестьянами, находившимися теперь въ вѣдѣніи коллегіи-экономіи: одинъ человѣкъ съ двумя помощниками и писцомъ завѣдывалъ 20,000 душъ; крестьяне управляются сами и ихъ бурное самоуправленіе вредно для благосостоянія отдѣльныхъ лицъ. Для улучшенія быта жителей Новгорода Сиверсъ предлагалъ освободить ихъ отъ военныхъ постоевъ, и съ этою цѣлію построить казармы какъ для гарнизоннаго баталіона, такъ и для двухъ стоящихъ тамъ пѣхотныхъ полковъ; казармы должны быть построены на счетъ города, дворянства и окрестныхъ имѣній; предлагалъ основать публичную школу или гимназію для дѣтей дворянъ и горожанъ, а въ другихъ городахъ губерніи низшія школы и преобразовать духовныя семинаріи. Для улучшенія земледѣлія вообще въ Россіи Сиверсъ указывалъ на необходимость учрежденія земледѣльческаго или сельско-хозяйственнаго общества, которое было бы тѣмъ полезнѣе, чѣмъ невѣжественнѣе русское дворянство относительно средствъ удобренія полей и луговъ, осушенія болотъ, лѣсоводства, сельскихъ построекъ и проч. Сиверсъ говорилъ на счетъ учрежденія общества съ кн. Вяземскимъ и Олсуфьевымъ и они согласились съ нимъ; главное занятіе общества должно было состоять въ знакомствѣ съ сочиненіями по сельскому хозяйству, выходившими въ Англіи, Германіи, Швейцаріи и Швеціи. Члены общества отмѣчаютъ въ этихъ сочиненіяхъ то, что съ пользою можетъ быть примѣнено въ Россіи, и даютъ переводить отмѣченныя статьи, которыя составятъ содержаніе періодическаго изданія. Сиверсъ былъ свидѣтелемъ въ Англіи начала подобнаго общества, капиталъ котораго въ первое время не превышалъ и 50 гиней, а потомъ въ короткое время это общество стало раздавать многія тысячи фунтовъ стерлинговъ и снаряжать корабли для своихъ цѣлей [84].

Для поднятія торговли и промышленности въ Новгородѣ Сиверсъ предлагалъ слѣдующія средства: новгородскому магистрату выдать 10,000 рублей на 10 лѣтъ изъ казны для раздачи новгородскому купечеству; купцу Власову выдать 5000 рублей для

усиленія кожевеннаго завода; позволить тому же Власову купить до 20 душъ мужескаго и женскаго пола, которыя были бы ему крѣпки (!). Изъ другихъ мѣстностей Новгородской губерніи Старая Руса сначала привлекла особенное вниманіе Сиверса: мы видѣли, что этотъ городъ недавно потерпѣлъ отъ страшнаго пожара, надобно было его возстановить; кромѣ того, Сиверсъ очень цѣнилъ соляныя варницы старорусскія. Любопытно донесеніе Сиверса въ сенатъ о томъ въ какомъ состояніи нашелъ онъ Старую Русу: воеводская канцелярія помѣщалась въ такомъ маленькомъ и плохомъ домѣ, что можно сравнить его только съ двойною крестьянскою избою; судьи и канцелярскіе служители съ трудомъ помѣщались въ верхнемъ этажѣ: въ нижнемъ, въ срединѣ находилась казна, по одну сторону которой содержались колодники, а по другую архивъ; въ слѣдствіе такого сосѣдства казны съ колодниками изъ нея уже было выкрадено около 300 рублей. Архивъ находился еще въ худшемъ состояніи, чѣмъ новгородскій: бумаги погнили, очень многихъ дѣлъ разобрать было уже нельзя, потому что листы разсыпались лоскутьями; неоконченныхъ счетовъ ревизіонъ-коллегія считала на старорусской канцеляріи болѣе 230. Сиверсъ представлялъ, что необходимо построить каменный домъ для воеводы и канцеляріи [85].

Къ двумъ изъ общихъ мѣръ, предложенныхъ Сиверсомъ, было немедленно приступлено. 5 марта изданъ былъ указъ объ учрежденіи «Коммиссіи о государственномъ межеваніи» изъ генераловъ: Панина, Мельгунова, Муравьева, президента вотчинной коллегіи Лунина и князя Вяземскаго. Возстановлялось дѣло Елисаветы, приводилась въ исполненіе мысль Петра Ив. Шувалова, и потому въ указѣ говорилось: «Ея императорскому величеству подлинно извѣстно, что межеванье къ государственному и народному спокойствію весьма нужно; но теперь только то неизвѣстно, полезно ли его на такомъ основаніи производить, какъ донынѣ установлено, и не нашлось ли во время теченія онаго на самой практикѣ какихъ-либо неудобствъ и затрудненій, сначала иногда непредвидѣнныхъ» [86]. Другой проектъ Сиверса о казармахъ былъ пересланъ въ воинскую коммиссію и встрѣтилъ здѣсь сильныя возраженія. «Если разсуждать о семъ дѣлѣ по поверхности одной, не вникая въ самую внутренность вещей, то

покажется тотчасъ великая польза и помѣщику, и мѣщанину, и солдату, и казнѣ, ибо помѣщикъ за самую малую, такъ называемую добровольную дачу избавленъ будучи вѣчно отъ постоя, спокойнѣе и земледѣльство свое и экономію продолжать можетъ; мѣщанинъ, не утѣсняемъ отъ постояльца, въ торгахъ своихъ и промыслахъ помѣшательства имѣть не будетъ; солдатъ спокоенъ останется, получа себѣ домъ ему принадлежащій, гдѣ онъ, какъ хозяинъ, жить спокойно станетъ, а при всемъ ономъ и казна ничего не теряетъ. Но коль скоро прилежнѣе и безпристрастнѣе важность сего разобрать, то встрѣчаются слѣдующія неудобности, службѣ и воинскимъ порядкамъ вредныя, да и мѣщанству и крестьянамъ весьма не полезныя: 1) Солдатъ, получа собственный свой домъ, сдѣлается неминуемо хозяиномъ и долженъ онъ будетъ тогда за домомъ смотрѣть, снабдѣвать его всѣмъ нужнымъ, что, занимая большую часть время у солдата, нечувствительно выведетъ его изъ его должности и вдругъ изъ исправнаго солдата сдѣлается сперва мѣщанинъ, а потомъ, умножа хозяйство свое и пріуча себя къ корысти, начнетъ торговать и будетъ дурной солдатъ, дурной мѣщанинъ и дурной купецъ. 2) Теперешнее непремѣнныхъ квартиръ учрежденіе неописанную пользу имѣетъ и ту, что солдатъ и его хозяинъ, будучи въ безпрестанномъ другъ съ другомъ обхожденіи, такъ между собою свыкаться начинаютъ, что не токмо за злодѣя себѣ хозяинъ постояльца не считаетъ, но пользу другъ отъ друга видя, согласно и живутъ, что все теперь ясно оказывается; а чрезъ отлученіе солдата отъ мѣщанина, они сдѣлаются паки чужды, согласіе кончится и старинное страшное о солдатѣ мнѣніе опять возобновится, которое теперь такъ счастливо изъ мыслей подлыхъ людей выходить начинаетъ». Указавъ потомъ на огромныя издержки, какихъ потребуютъ постройка и содержаніе казармъ, воинская коммиссія однако принимала за полезное построить казармы для гарнизоновъ, относительно же другихъ войскъ построить квартиры только для одного штаба, ибо дѣйствительно отъ квартированія полковаго хозяйства и лазарета происходитъ городскимъ жителямъ утѣсненіе; построеніе же казармъ для гарнизоновъ, уменьшая излишнюю тѣсноту въ городѣ, не дѣлаетъ никакого вреда гарнизонной службѣ за тѣмъ, что гарнизонные солдаты не подвержены такой строгости и ежеминутному выступленію

въ походъ, какъ полевыя войска. Императрица написала на докладѣ коммиссіи: «Съ удовольствіемъ прочитавъ сей докладъ, полезнымъ его нахожу и исполнять по немъ» [87].

Мы не можемъ покинуть дѣятельности Сиверса въ этомъ году, не упомянувъ о перепискѣ его съ Екатериною по поводу слѣдующаго случая. Двое крестьянъ, родные братья, рубили дрова въ лѣсу; пріѣзжаетъ третій, чужой и заводитъ ссору; отъ словъ дѣло доходитъ до драки; одинъ изъ братьевъ ударилъ чужого топоромъ, и тотъ падаетъ мертвымъ. Обоихъ братьевъ приводятъ на судъ. «Кто изъ васъ убійца?» спрашиваетъ судья.—«Я!» отвѣчаетъ старшій.—«Нѣтъ, я!» перебиваетъ младшій.—«Не вѣрьте ему, говоритъ старшій: онъ нарочно себя клеплетъ, потому что у меня жена и дѣти». Младшій продолжаетъ утверждать, что онъ убійца. Сиверсъ донесъ Екатеринѣ, и та рѣшила споръ прощеніемъ преступника, который бы изъ братьевъ имъ ни былъ. Увѣдомляя императрицу, что помилованіе объявлено братьямъ, Сиверсъ писалъ: «Ихъ слезы служили самою краснорѣчивою благодарностію за жизнь, возвращенную имъ человѣколюбіемъ ихъ государыни». Екатерина отвѣчала: «Съ удовольствіемъ увидѣла я доброту вашего сердца изъ радости, съ какою вы объявили прощеніе двоимъ братьямъ, изъ которыхъ каждый объявлялъ себя преступникомъ, чтобъ спасти другого. Все это дѣло заслуживаетъ быть публиковано въ газетахъ для чести сердца человѣческаго, и тутъ одна природа: нѣтъ ни науки, ни воспитанія» [88].

Изъ исторіи областного управленія въ другихъ частяхъ Россіи замѣтимъ два извѣстія съ юга и сѣвера. Бѣлгородскій губернскій прокуроръ Брянчаниновъ жаловался сенату на губернскую канцелярію и самого губернатора генералъ-поручика Нарышкина, выставляя упущенія въ дѣлахъ; а губернаторъ жаловался на прокурора, что тотъ затрудняетъ производство дѣлъ. Сенатъ приказалъ: къ губернатору и въ губернскую канцелярію послать указъ, что главною причиною несогласія должна быть какая-нибудь скрытная ссора, и потому сенатъ, не входя въ подробное разсмотрѣніе дѣла, что могло бы повести для обѣихъ сторонъ къ непріятнымъ послѣдствіямъ, желаетъ его въ самомъ началѣ потушить, въ надеждѣ, что и сами они, видя такое къ нимъ снисхожденіе, будутъ стараться ему соотвѣтствовать и не только оставятъ все прежнее между собою несогласіе, но, помогая другъ

другу въ дѣлахъ, будутъ единодушно стараться о прямомъ исполненіи своей должности [89].

Съ самаго далекаго сѣвера, пришло донесеніе правящаго воеводскую и комендантскую должность въ Кольскомъ острогѣ майора Абатурова съ жалобою на архангельскую губернскую канцелярію, которая наложила на него взысканіе за нескорую доставку вѣдомостей: указъ изъ губернской канцеляріи присланъ 11 августа, по которому обстоятельный репортъ сочиненъ и посланъ 15 августа, по неимѣнію оказіи, чрезъ Окіянъ-море, почтъ же тамъ нѣтъ и учредить ихъ въ лѣтнее время за великими болотами никакъ нельзя, затѣмъ и прочіе вѣдомости и репорты, хотя въ указный терминъ учинены и бываютъ, однако запечатанные лежатъ по мѣсяцу и больше и посылаются чрезъ Окіянъ-море, гдѣ за великими штурмами бываютъ въ пути не малое время. Притомъ же дѣлъ сочинять и писать некому, ибо при воеводской канцеляріи находятся только два писца, изъ которыхъ первый почти ничего при огнѣ писать не можетъ и лѣтами такъ престарѣлъ, что съ нуждою ходитъ, а послѣдній едва только писать умѣетъ, и притомъ оба весьма худого состоянія и безпонятны; отъ губернской же канцеляріи приказныхъ служителей требовалъ онъ двукратно, но въ резолюціи на то получилъ, чтобъ ему въ доброе состояніе привесть имѣющихся служителей, на что онъ репортовалъ, что ихъ какъ въ непорядкахъ закоснѣлыхъ людей поправить и въ состояніе привесть никакъ невозможно, почему принужденъ онъ всякія текущія дѣла начерно писать. Всѣ тѣ воеводской канцеляріи прошедшихъ лѣтъ дѣла безъ переплету брошены въ холодной подлѣ канцеляріи каморѣ, и по большей части погнили и передраны, такъ что и разобрать не можно, за чѣмъ требуемыхъ ревизіонъ-коллегіею съ 730 по 763 годъ счетовъ едва и отыскать можно ль, и ему не только означенный архивъ разбирать, и текущихъ дѣлъ исправлять некѣмъ, и отъ того бъ его защитить, ибо онъ болѣе склонность и охоту имѣетъ къ воинской службѣ [90].

Срокъ для окончанія ревизіи давно уже прошелъ, а между тѣмъ оказывалось, что по разнымъ губерніямъ большое число душъ еще не обревизовано, а именно, по второй ревизіи показано было въ Московской губерніи 2,062,907: изъ этого числа теперь было обревизовано 1,916,859, тогда какъ оказалось

2,099,709, затѣмъ въ числѣ по прошедшей ревизіи осталось не обревизовано 115,100 душъ. Въ Новгородской губерніи 736,613, обревизовано 698,953; противъ того оказалось 800,146, не обревизованныхъ 41,676 душъ. Въ Бѣлгородской 655,382, обревизовано 631,659, противъ того оказалось 693,368, затѣмъ не обревизовано 31,358. Въ Воронежской 679,676, обревизовано 674,258, противъ того оказалось 809,184, не обревизовано 2,146. Въ Казанской 1,085,104, обревизовано 1,071,176, противъ того оказалось 1,207,648, не обревизовано 49,077. Въ Смоленской 246,262, обревизовано 217,077, противъ того оказалось 246,501, не обревизовано 29,185. Въ Сибирской 224,167, обревизовано 228,862, противъ того оказалось 279,000, не обревизовано 19,874. Сенатъ замѣтилъ, что хотя во многихъ провинціяхъ и уѣздахъ обревизованное число душъ превосходитъ число душъ прежней ревизіи, однако нигдѣ не упоминается, чтобъ подача сказокъ совершенно была окончена, и потому нельзя узнать, сколько еще осталось въ тѣхъ мѣстахъ необревизованныхъ душъ; губернаторы пишутъ, что сказки не всѣ еще поданы [91].

Извѣстія о волненіяхъ заводскихъ крестьянъ не прекращались. Въ Воронежской губерніи мастеровые и рабочіе на Липскомъ и другихъ заводахъ князя Репнина жаловались на обиды отъ повѣреннаго княжескаго и прикащиковъ; губернаторъ отправилъ въ городъ Романовъ для изслѣдованія подпоручика Рагозина. Повѣренный и прикащики заперлись, что никакихъ обидъ не дѣлали; тогда рабочіе, человѣкъ до 300, явились къ Рагозину и единогласно закричали, что они работать и въ послушаніи у князя Репнина и прикащиковъ его не будутъ, также не будутъ ничего отвѣчать и подписываться, а желаютъ исправлять казенныя работы, какъ они состояли до отдачи заводовъ князю Репнину. Губернаторъ (Логиновъ) писалъ въ сенатъ, что онъ почитаетъ ненужнымъ входить въ дальнѣйшее слѣдствіе, ибо все дѣло въ томъ, что этимъ людямъ не хочется называться помѣщичьими крестьянами. Сенатъ отвѣчалъ, что какъ онъ хочетъ, только чтобъ привелъ крестьянъ въ повиновеніе по указамъ. [92] Скоро послѣ этого императрица нарядила коммиссію изъ Петра Панина, Муравьева, князя Вяземскаго, Шлаттера и Аполлона Пушкина относительно заводовъ и приписныхъ къ нимъ крестьянъ. Коммиссія должна была разсмотрѣть прежнія положенія и

представить императрицѣ съ мнѣніемъ, въ чемъ прежнее устройство требуетъ исправленія, какъ къ тому приступать, сообразуя народное облегченіе и спокойствіе съ государственною прибылью, приводя каждаго въ правосудныя границы, благодаря которымъ, не опасаясь праведнаго наказанія, могли бы пользоваться справедливо пріобрѣтеннымъ подземнымъ сокровищемъ къ обогащенію государственному. Коммиссія должна была рѣшить слѣдующіе вопросы: 1) полезно ли чтобъ заводы были въ партикулярныхъ рукахъ, или лучше имъ 2) быть въ казенномъ содержаніи? 3) Если въ партикулярныхъ рукахъ заводамъ быть, 4) за дворянами, или за недворянами? 5) Какія мѣры брать, дабы впредь крестьяне не бунтовались? 6) Разсмотрѣть, отъ чего сей вредъ происходилъ. 7) Положить на мѣрѣ, какимъ образомъ казенныхъ по заводамъ должниковъ приводить къ заплатѣ долговъ. 8) Полезно ли умножать заводы? изъ чего послѣдуетъ 9) разсмотрѣніе о сбереженіи лѣсовъ [93].

Въ концѣ года явилась жалоба казанскихъ чернопахатныхъ крестьянъ, приписныхъ въ Оренбургской губерніи къ Авзянопетровскимъ заводамъ дворянина Евдокима Демидова, жалоба была подана повѣреннымъ крестьяниномъ Дехтеревымъ. Демидовъ представилъ въ Бергъ-коллегію 4 человѣкъ, въ томъ числѣ и Дехтерева, которые всѣ и были отправлены къ слѣдствію въ Екатеринбургъ въ канцелярію главнаго правленія заводовъ; но одинъ изъ нихъ Тунгусовъ бѣжалъ и подалъ челобитную императрицѣ. Тунгусова приговорили къ плетямъ и къ отсылкѣ на монетный дворъ въ работу на два мѣсяца, ибо недавно учрежденная коммиссія о горныхъ заводахъ въ мнѣніи своемъ заявила, что, по ея наблюденію, во многихъ подобныхъ крестьянскихъ жалобахъ главными виновниками бываютъ тѣ дерзновеннѣйшіе и ухищреннѣйшіе крестьяне, которые желая получить отъ товарищей своихъ награжденіе, нарочно уговариваютъ ихъ къ приненесенію жалобъ отъ всего общества и вызываются быть повѣренными, будучи готовы за полученныя деньги сносить иногда и нѣкоторое страданіе [94].

Но незадолго передъ тѣмъ сенатъ указалъ на любопытное отношеніе заводчиковъ къ работникамъ. Другой Демидовъ Прокофій просилъ объ увольненіи его отъ казенной поставки желѣза. Наведена была справка, и оказалось, что въ 1702 году,

по желанію и прошенію коммиссара Никиты Демидова дозволено ему ставить въ казну всякіе военные снаряды по представленнымъ отъ него цѣнамъ, и для того отданы ему во владѣніе казенные верхотурскіе желѣзные заводы. На этомъ основаніи сенатъ рѣшилъ, что наслѣдниковъ Демидова отъ казенной поставки освободить нельзя, и ставить они должны по прежнимъ цѣнамъ, потому что въ 1703 году въ верхотурскомъ уѣздѣ приписаны къ заводамъ Демидова Аяцкая и Краснопольская слободы, да село Петровское съ деревнями, и еслибъ Демидовы отъ поставки уволились, то и слободы съ деревнями надобно у нихъ взять; и хотя съ того времени какъ на работниковъ, такъ и на всякіе припасы цѣны нѣсколько возвысились, однако Демидовы даютъ приписнымъ рабочимъ прежнюю плату [95].

Мценскій купецъ Коняевъ подалъ любопытное доношеніе въ сенатъ, что по нападкамъ, не дождавшись срока платежа взятыхъ имъ изъ мѣднаго банка денегъ, засадили его въ тюрьму и стали продавать имѣніе: продали крѣпостныхъ людей дешевою цѣною, пять душъ, въ томъ числѣ три женщины, проданы за 20 рублей; кромѣ того 8 душъ продано за 150 рублей, 4 мужескаго и 4 женскаго пола, въ томъ числѣ прикащикъ его, акредитованный магистратомъ для купечества и подрядовъ [96]. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого сенатъ въ своемъ указѣ 25 октября указалъ на одинъ изъ источниковъ крѣпостнаго отношенія крестьянъ къ купцамъ, источникъ, который мы встрѣчаемъ повсюду въ неразвитыхъ, бѣдныхъ обществахъ, именно закладничество вольное и невольное: многіе крестьяне, говоритъ сенатъ, отлучаются отъ домовъ своихъ въ разные города, но будучи у купцовъ въ работахъ и услуженіяхъ, обязываются векселями, и, въ случаѣ неуплаты, купцы протестуютъ эти векселя въ отдаленныхъ городахъ и по протестѣ долго держатъ у себя умышленно для накопленія процентовъ, и чрезъ то бѣдныхъ крестьянъ доводятъ до ссылки въ каторжную работу, откуда, по указу 1736 года, тѣ же самые заимодавцы этихъ крестьянъ скупаютъ за положенную плату и тѣмъ удерживаютъ ихъ вѣчно въ своихъ услугахъ; а нѣкоторые изъ крестьянъ, отбывая отъ платежа положенныхъ податей и поборовъ, чтобъ вѣчно себя въ услуги купцу укрѣпить и добровольно съ нимъ согласясь, даютъ въ немалой суммѣ векселя. Сенатъ велѣлъ послать

ко всѣмъ губернаторамъ указы—какъ наивозможно такіе безпорядки отвратить и искоренить. Помѣщики получили право людей своихъ, въ наказаніе за «продерзостное состояніе,» отдавать въ каторжную работу адмиралтейсъ-коллегіи на желаемое самими помѣщиками время [97].

Обратили вниманіе на почту, которая находилась въ очень незавидномъ положеніи; должны были обратить вниманіе и на положеніе ямщиковъ. Генералъ-поручикъ Овцынъ представилъ, что въ 1705 году, по указу Петра Великаго, во всемъ государствѣ ямщики были расположены въ выти: выть имѣла по семи дворовъ, во дворѣ по четыре души ревизскихъ. Съ каждой выти велѣно было содержать для ямской и почтовой гоньбы по три лошади, и хотя многими указами запрещено брать лошадей сверхъ вытнаго числа и за разгономъ не принуждать ямщиковъ къ найму; но сколько въ которомъ яму вытей и указныхъ лошадей, о томъ никогда не было публиковано въ народѣ, и проѣзжіе, по незнанію этого, принуждаютъ ямщиковъ жестокими побоями и силою нанимать лошадей съ убыткомъ, прибавляя къ прогонамъ по рублю и по два на лошадь, а иногда случается и больше. Отъ такихъ безчеловѣчныхъ побоевъ и наглостей ямщики несутъ великую тягость, а особливо на почтовыхъ станахъ (какъ и теперь случилось у штатъ-фурьера Петрищева съ яжелбицкимъ ямщикомъ Григоріемъ Сѣрымъ). За неимѣніемъ въ тѣхъ мѣстахъ управителей защитить ямщиковъ некому, потому что почтовые станы во всемъ государствѣ состоятъ по большей части въ монастырскихъ деревняхъ, а управители отъ этихъ становъ живутъ на большомъ разстояніи. Въ запряжкахъ ямщики несутъ великую тягость и обиды отъ того, что многіе проѣзжіе требуютъ подорожныя на весьма малое число лошадей и запрягаютъ подъ четвероместную карету лошади по 4 и по 3, въ каретѣ садятся пассажировъ человѣка по 4 и 2 человѣка назади, да еще нѣсколько вещей кладутъ, и за такою великою тягостію ямщики принуждены бываютъ припрягать лишнихъ лошадей. 25 ноября отправлены были всѣмъ губернаторамъ указы: по всей губерніи сдѣлать росписаніе и станціи («и гдѣ потребно и новыя назначить станціи»—приписала Екатерина собственноручно), назнача, сколько на каждую должно поставить лошадей, и гдѣ именно этимъ станціямъ, а въ городахъ почто-

вымъ конторамъ быть надлежитъ, и не найдутся ли охотники къ опредѣленію въ коммиссары и почтмейстеры изъ отставныхъ («проворныхъ» — приписала Екатерина собственноручно) субалтернъ-офицеровъ добраго поведенія и въ письменныхъ дѣлахъ знающихъ. Губернаторы обязаны были изыскать вездѣ сколько можно кратчайшій почтовый путь и представить удобнѣйшія средства къ поправленію большихъ дорогъ и всегдашнему ихъ содержанію въ добромъ состояніи [98].

Мы видѣли, что Сиверсъ указывалъ на недостаточное управленіе прежними монастырскими крестьянами, отчего и доходовъ съ имѣній получалось менѣе, чѣмъ сколько можно было получить. А увеличеніе доходовъ коллегіи-экономіи было нужно: соединенныя коммиссіи, Духовная и Воинская, потребовали отъ этой коллегіи еще 12000 рублей въ годъ на инвалидовъ, которыхъ, сверхъ штата, оказалось 150 унтеръ-офицеровъ и 1000 рядовыхъ; [99] сдѣлано также распоряженіе и о заштатныхъ богадѣленныхъ [100]. Сборъ со свадебъ за вѣнечныя пошлины былъ отмѣненъ; но такъ какъ этотъ сборъ шелъ на лазареты, то коллегія экономіи должна была отпускать ежегодно на лазареты сумму, которая равнялась суммѣ сбора за вѣнечныя пошлины въ лучшій годъ [101].

Еще въ манифестѣ 1764 года объ окончаніи коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ было сказано: «Избавили мы все бѣлое священство отъ сбору имъ разорительнаго данныхъ (отъ: дань) денегъ съ церквей, который прежними патріархами былъ установленъ и по сіе время въ отягощеніе священству продолжался, и оный вовсе сложили, такъ какъ и собираемую часть хлѣба, съ монастырей двадцатую, а съ церквей тридцатую на семинаріи, къ немалому оскуденію того же священства до сего бывшія, оставили». На томъ основаніи, что теперь на содержаніе архіереевъ и служителей ихъ положены опредѣленные оклады изъ коллегіи экономіи, отмѣнены были всѣ прежніе сборы съ поставленія въ архимандриты, игумены, протопопы и іеромонахи, также съ благословенныхъ грамотъ о строеніи и освященіи церквей, вдовымъ священникамъ и дьяконамъ съ епитрахильныхъ, постихарныхъ и перехожихъ грамотъ; епитрахальныхъ и постихарныхъ грамотъ вообще не давать; архіереямъ, переведеннымъ на новыя епархіи, старыхъ грамотъ въ иныхъ священно-и цер-

ковнослужителямъ не подписывать; во время объѣзда епархій архіереямъ на подводы и ни на что отъ духовенства денегъ не требовать; удержанъ только одинъ сборъ съ поставленія священно-и церковнослужителей—съ первыхъ по 2 рубли, и со вторыхъ по рублю [102]. Для прекращенія жалобъ на вымогательства духовенствомъ большихъ денегъ за требы опредѣленъ былъ minimum платы за требы сельскому духовенству, съ запрещеніемъ домогаться большаго, которое могло быть получено только по доброй волѣ дающаго: за молитву родильницѣ 2, за крещеніе младенца 3, за свадьбу, за погребеніе возрастныхъ 10, за погребеніе младенцевъ 3 копѣйки; за исповѣдь и причастіе запрещено было брать [103].

Относительно раскола замѣтимъ слѣдующія явленія: синодъ прислалъ въ сенатъ вѣдѣніе: раскольники, въ числѣ 30 человѣкъ, изъ села Буборина новгородской епархіи прошли въ Зеленецкій монастырь, выгнали братію и грабятъ церковное и монастырское имущество. Въ Олонецкомъ уѣздѣ раскольники собрались и заперлись въ избѣ у одного изъ своихъ, Иванова, вмѣстѣ съ невѣдомыми людьми. Староста, десятскіе и мірскіе люди подошли къ избѣ съ вопросомъ объ этихъ невѣдомыхъ людяхъ; вмѣсто отвѣта вышелъ изъ избы невѣдомый человѣкъ съ топоромъ въ рукахъ, ударилъ десятскаго и отсѣкъ ему руку; изумленная толпа не шевельнулась, невѣдомый человѣкъ спокойно возвратился въ избу, но въ слѣдъ за тѣмъ пламя вспыхнуло внутри ея и раскольники сгорѣли въ числѣ 15 человѣкъ [104].

Въ описываемое время кончилось долго тянувшееся соблазнительное дѣло архимандрита Іуста и монаховъ Пыскорскаго (Пермскаго) монастыря, богатаго своими соловарнями; въ сенатъ представлено было 54 экстракта о винахъ означенныхъ лицъ, между прочимъ о перепиленіи Спасителева образа, о наступаніи на образъ, служеніе на 4 просвирахъ, о боѣ пономаря и о сѣченіи іеромонаха въ церкви до крови, о спиленіи съ колоколовъ подписи и отобраніи отъ церквей колоколовъ, о снятіи съ иконъ окладовъ и сдѣланіи дорогой шапки, о покупкѣ кареты въ 500 рублей; о имѣніи ложнаго съ привѣсною печатью указа, о непомѣрныхъ поборахъ съ крестьянъ и о битьѣ на правежѣ, о смертоубійствѣ и мужеложствѣ архимандрита Іуста съ келейникомъ, котораго наградилъ 10,000 рублей, о дачахъ изъ монас-

тырскихъ суммъ во взятки духовнымъ и духовнаго вѣдомства лицамъ [105].

На юговосточной украйнѣ церковь сталкивалась съ донскими козаками, съ которыми давно уже не сталкивалось государство. Св. Тихонъ, епископъ воронежскій, жаловался синоду, что донское войско вступаетъ въ духовныя дѣла, въ дьячки и пономари опредѣляетъ и грамоты даетъ, а другихъ само собою отрѣшаетъ и въ козаки записываетъ; священника Терновской станицы, доносившаго о раскольникахъ, атаманъ забилъ въ колодку и отослалъ въ войсковую канцелярію, неизвѣстно за что; а наказной атаманъ Иловайскій прислалъ письмо, въ которомъ съ немалымъ нареканіемъ требовалъ, чтобъ архіерей не касался дѣтей священно-и церковнослужителей, потому что они отправляютъ козачью службу, а церковные причетники, по разсмотрѣнію и опредѣленію донскаго войска, производятся изъ козаковъ же [106].

Воронежскій губернаторъ Лачиновъ также донесъ о любопытномъ явленіи въ землѣ донского войска. Въ Луганской станицѣ на ярмаркѣ произошелъ пожаръ отъ зажигателя: погорѣло купеческаго и козачьяго товара болѣе чѣмъ на 127,000 рублей. Зажигатели, двое малороссіянъ, Золотаренко и Черновъ, были пойманы и показали, что, пріѣхавъ на ярмарку, Золотаренко объявилъ о себѣ базарному старшинѣ Волошенинову, что онъ человѣкъ, имѣющій у себя тихую руку и быстрый глазъ, т. е. просто мошенникъ, и Волошениновъ позволилъ ему заниматься на ярмаркѣ своимъ промысломъ, и когда его приводили съ поличнымъ, отпускалъ на свободу. Черновъ находился въ услуженіи у Волошенинова и, мимо настоящихъ козаковъ, опредѣленъ былъ на ярмаркѣ есауломъ. Волошениновъ приказалъ Золотаренку и Чернову зажечь ярмарку съ условіемъ, чтобъ они отдали ему половину пограбленнаго на пожарѣ. По справкѣ оказалось, что атаманъ Ефремовъ опредѣлилъ Волошенинова старшиною вопреки сенатской грамотѣ 1757 года, которою приказывалось отрѣшить его отъ команды какъ человѣка неблагонадежнаго [107].

Относительно Малороссіи графъ Румянцевъ въ маѣ мѣсяцѣ подалъ докладъ, что многіе города розданы во владѣніе частнымъ людямъ, большею частію послѣднимъ гетманомъ Разумовскимъ,

хотя въ гетманскихъ статьяхъ нигдѣ не сказано о правѣ раздавать города, а только деревни и мельницы. По мнѣнію Румянцева города, особенно обведенные валами, нужно было отобрать отъ частныхъ владѣльцевъ; Екатерина написала: «Всѣ города, не государевыми указами пожалованные, слѣдуетъ отобрать; а о тѣхъ городахъ, если государями пожалованы, о тѣхъ войтить съ помѣщиками въ негоціяціи, дабы добровольно за удовлетвореніемъ оные пока уступили; а прежде всего нужно узнать сколько такихъ городовъ и за кѣмъ и кѣмъ пожалованы». Городскіе жители, писалъ Румянцевъ, отъ разныхъ притѣсненій разошлись, записались въ козаки, продолжаютъ торговать, но гражданской повинности не отбываютъ; города опустѣли и нѣкоторые только имя городовъ носятъ, а видъ имѣютъ пустырей; по мнѣнію Румянцева, надобно было запретить торговлю и промыслы тѣмъ, кто не записанъ въ городское общество, т. е. сдѣлать то же самое, что въ подобныхъ обстоятельствахъ сдѣлано было въ Великой Россіи въ XVII вѣкѣ. Екатерина написала: «Какъ изъ сего пункта усматривается, что города почти пусты, того ради сдѣлать разсмотрѣніе, не лучше ли въ политическомъ и коммерческомъ видѣ заводить въ пристойныхъ и удобныхъ мѣстахъ новые города полезнѣе старыхъ, а впрочемъ я согласна съ его (Румянцева) мнѣніемъ». Императрица согласилась на просьбу Румянцова выписать искусныхъ людей для улучшенія земледѣлія и скотоводства, и для сохраненія лѣсовъ; устроить почты; но подъ статьею объ улучшеніи мѣстной артиллеріи написала: «Оставляется до времени». Въ Малой Россіи церковныя имѣнія еще не были отобраны, число въ нихъ дворовъ простиралось до 14111; Румянцевъ жаловался на дурное управленіе этими имѣніями; писалъ о надобности завести первоначальныя школы, также военную школу и госпитали [108]. Относительно этихъ пунктовъ сохранилось отдѣльное письмо Екатерины къ Румянцеву: «Желаю, чтобъ вы тамошнихъ нѣсколько называемыхъ пановъ склонили къ подачѣ челобитной, въ которой бы они просили о лучшемъ у нихъ учрежденіи школъ и семинарій и, если можно, о положеніи духовенства въ штатное состояніе отъ духовныхъ или свѣтскихъ такую же челобитну имѣть: тобъ мы уже знали, какъ починать. Мнѣ Николай Чичеринъ сказалъ, что митрополитъ кіевскій самъ не прочь отъ сего учрежденія бу-

детъ, понеже онъ менѣе дохода съ деревень имѣетъ, нежели послѣдній великороссійскій архіерей, а мы бъ ему, преосвященному, еслибъ склонился о штатномъ положеніи просить, сдѣлалибъ весьма выгодныя для него кондиціи» [109].

Поселеніе иностранныхъ колонистовъ на юговосточной украйнѣ повело къ столкновеніямъ съ старыми русскими жителями въ этой, считавшейся пустою землѣ. Оказалось, что живущіе въ городѣ Саратовѣ и въ прочихъ тамошнихъ мѣстахъ дворяне, купцы и прочіе разночинцы имѣютъ зимовья и при нихъ пашню и крестьянъ по большей части на такихъ земляхъ, на которыя не только никакихъ крѣпостей у нихъ нѣтъ, но и дачъ совсѣмъ не сдѣлано; городъ же Саратовъ наполненъ непринадлежащими къ нему жителями, между которыми находятся невѣдомо какіе малолѣтки и такъ называемые саратовскіе дворяне. Поселившимся на земляхъ, лежащихъ между рѣками Волгою и Медвѣдицею собственнымъ ея величества и дворцовымъ села Золотого крестьянамъ земель не отведено и дачъ не сдѣлано, а крестьяне этихъ волостей, несмотря на то, что всѣхъ около лежащихъ земель обработать не въ силахъ, иностранцевъ селиться не пускали; такъ и прочіе старые жители, поселившіеся безъ указу по рѣкамъ Медвѣдицѣ, Хопру и Дону и по притокамъ ихъ, захватя всѣ лучшія земли, называютъ ихъ принадлежащими къ ихъ имѣніямъ. Ниже города Дмитріевска (Камышина) къ Царицыну поселены волжскіе козаки, которые, по сказкамъ саратовскихъ обывателей, сильно размножились, а между тѣмъ здѣсь было назначено селить иностранцевъ. Крестьяне Нарышкиныхъ, села Никольскаго и Покровскаго, по рѣкѣ Медвѣдицѣ указывали на свои владѣнія по этой рѣкѣ слишкомъ на 300 верстъ, захватывая въ томъ числѣ городъ Петровскъ и больше ста селеній. Президентъ канцеляріи опекунства иностранныхъ колонистовъ графъ Гр. Гр. Орловъ выставилъ въ своемъ донесеніи сенату всѣ эти явленія очень естественныя на степной украйнѣ какъ явленія, которыхъ терпѣть нельзя. Надобно было потѣснить слишкомъ просторно жившихъ русскихъ поселенцевъ, чтобъ помѣстить поселенцевъ иностранныхъ. Сенатъ приказалъ: всѣмъ владѣльцамъ, которые безъ дачъ и крѣпостей поселились въ опредѣленной для иностранцевъ окружности, отмѣрить, наравнѣ съ иностранцами, на каждую семью по 30 десятинъ и сдѣлать

дачу, а которые имѣютъ указныя дачи и крѣпости, тѣмъ по нимъ и владѣть; если же по числу поселившихся крестьянъ этой дачи не достаточно, то домѣривать по числу душъ, а хотя по межевой инструкціи надобно бы съ тѣхъ владѣльцевъ взять въ казну по 10 копѣекъ съ десятины; но такъ какъ въ манифестѣ о вызовѣ иностранцевъ даны имъ земли безъ всякаго платежа, то подать ея императорскому величеству докладъ съ такимъ мнѣніемъ, что несогласно было бы съ ея милосердіемъ, когда выходящіе иностранцы станутъ селиться на пространныхъ и изобильныхъ земляхъ безъ всякаго за нихъ платежа, а подданные ея императорскаго величества будутъ платить, умалчивая о томъ, каковая отъ этого у тамошнихъ старыхъ жителей можетъ вкорениться зависть къ иностранцамъ [110].

Такъ рѣшилъ сенатъ 8 марта: въ этомъ рѣшеніи онъ руководился тѣмъ взглядомъ, что заселялась страна пустая, сначала русскими колонистами, которые своимъ поселеніемъ взяли землю во владѣніе, завоевали ее для государства, если не у чужихъ народовъ, то у дикой природы, что было гораздо человѣчнѣе; теперь государство, изъ-за очень спорныхъ выгодъ искусственнаго увеличенія народонаселенія чуждымъ элементомъ, рѣшило среди русскихъ колонистовъ помѣстить иностранныхъ, давши имъ, какъ обыкновенно бываетъ въ подобномъ случаѣ, льготы, давши землю даромъ; рождался естественный вопросъ: за что же русскіе колонисты будутъ платить за занятую ими землю? Но 1 іюня сенатъ перемѣнилъ свое рѣшеніе, велѣлъ въ докладѣ вычеркнуть статью, чтобъ съ русскихъ землевладѣльцевъ не брать по 10 копѣекъ за десятину. Сенатъ былъ смущенъ мнѣніемъ князя Якова Петровича Шаховского, который объявилъ, что «согласиться не можетъ, ибо инаковое имѣетъ мнѣніе о помѣщикахъ, которые государственныя узаконенія, вмѣсто должнаго сохраненія, пренебрегши, своевольствомъ казенныя земли присвоили (?), заселили, и многіе съ оныхъ надобные для пользъ государственныхъ лѣса, чрезъ долгія времена береженные (кѣмъ?), истребляли, также и прочими съ тѣхъ мѣстъ угодьями пользуясь, богатились, и впредь они и наслѣдники ихъ по такой дешевой покупкѣ богатиться будутъ, къ немалому не только соблазну, но и огорченію тѣхъ, которые и съ лучшими монархамъ и отечеству заслугами только для того, что не смѣя до непоз-

воленнаго имъ прикасаться, не только богатствъ, но и нужнаго къ содержанію своему не имѣютъ; такъ какъ учреждена коммиссія для разсмотрѣнія, какъ удобнѣе межеванье производить, по инструкціи ли 1754 года, или что изъ того отмѣнить или прибавить слѣдуетъ, то о всемъ томъ нынѣ, по его мнѣнію, представлять приличности нѣтъ, а надобно ожидать конфирмаціи доклада этой коммиссіи [111]. Въ этомъ дѣлѣ любопытна также медленность, съ какою велось оно: первое рѣшеніе оставалось неисполненнымъ почти три мѣсяца, и потомъ измѣнено! Вскорѣ послѣ этого графъ Орловъ донесъ по тому же дѣлу: «отъ нѣкоторыхъ селеній по р. Хопру предъявлены данныя имъ на земли купчія и записи отъ такихъ людей, которымъ тѣ земли ни мало не принадлежатъ, а отведены продавцами изъ свободныхъ государственныхъ земель, присутственныя же мѣста совершаютъ купчія безъ всякихъ справокъ, а нѣкоторымъ и вновь производятъ изъ дикихъ земель дачи. Живущіе за помѣщиками Малороссіяне, по причинѣ отягощенія отъ помѣщиковъ, просятъ объ отмежеваніи имъ особо земли [112].

Въ этомъ году на украйнахъ, гдѣ обыкновенно не бываетъ недостатка въ горючихъ матеріалахъ, начало обнаруживаться явленіе, которое чрезъ нѣсколько лѣтъ потомъ повело къ большому пожару, явленіе самозванства. Солдатъ Гаврила Кремневъ изъ однодворцевъ, бѣжалъ изъ полку, прослуживъ въ немъ больше 14 лѣтъ. Въ бѣгахъ подговорилъ двоихъ крестьянъ помѣщика Кологривова и, ѣздя по разнымъ селамъ и деревнямъ Воронежской губерніи, разглашалъ сначала, что онъ капитанъ, посланъ съ указомъ, будто куреніе вина запрещено, сбора подушныхъ денегъ и рекрутчины не будетъ на 12 лѣтъ, а наконецъ назвался государемъ Петромъ III-мъ. Главнымъ помощникомъ его былъ попъ Левъ Евдокимовъ, который сначала возражалъ ему, что Петръ III скончался, и Кремневъ отвѣчалъ: «тогда умеръ солдатъ». Изъ невѣрующаго Евдокимовъ сталъ горячимъ приверженцемъ самозванца и утверждалъ, что будучи дворцовымъ пѣвчимъ, видѣлъ Петра Ѳеодоровича и маленькаго на рукахъ нашивалъ. Кромѣ Евдокимова, Кремневу помогали: отставной сержантъ Петровъ, капралъ Григоровъ, дьячекъ Антонъ Поповъ; они согласились приводить однодворцевъ все больше и больше въ согласіе, потомъ привести ихъ къ присягѣ и ѣхать въ

Воронежъ, откуда послать въ Москву и Петербургъ съ извѣстіемъ, будто проявился государь, а за тѣмъ самимъ ѣхать въ обѣ столицы. Бѣглыхъ крестьянъ Кремневъ называлъ генералами—одного Румянцевымъ, а другаго Пушкинымъ. Императрица увидала изъ дѣла, что «преступленіе Кремнева произошло безъ всякаго съ разумомъ и смысломъ соображенія, а единственно отъ пьянства, буйства и невѣжества; что дальнѣйшихъ и опасныхъ видовъ и намѣреній не крылось». На этомъ основаніи Кремневъ былъ освобожденъ отъ смертной казни; его сѣкли кнутомъ во всѣхъ тѣхъ селахъ, гдѣ онъ о себѣ разглашалъ, привязавши на груди доску съ надписью: бѣглецъ и самозванецъ, потомъ выжгли на лбу начальныя буквы этихъ словъ и сослали въ Нерчинскъ на вѣчную работу. Били плетьми и сослали въ Нерчинскъ армянина Асланбекова, схваченнаго съ фальшивымъ паспортомъ и объявившаго себя также Петромъ III-мъ. Самозванство уже соединяется съ раскольничествомъ: бѣглый солдатъ Іевъ Евдокимовъ, назвавшійся Петромъ II-мъ, проживалъ у раскольниковъ. Брянскаго полка бѣглый солдатъ Петръ Ѳедоровъ Чернышевъ въ слободѣ Купенкѣ Изюмской провинціи сталъ разглашать о себѣ, что онъ бывшій государь Петръ Ѳедоровичъ; ему повѣрилъ попъ слободы Купенкѣ Семенъ Иванецкій, по желанію Чернышева служилъ всенощную и молебенъ, поминая его на ектеніяхъ императоромъ. На допросѣ Чернышевъ показалъ, что онъ однодворецъ, женатъ, имѣетъ маленькаго сына Павла; важное названіе выговорилъ безъ всякаго намѣренія, а единственно потому, что въ разныя времена, будучи въ кабакахъ и шинкахъ, между незнакомыми людьми слыхалъ въ разговорахъ о бывшемъ императорѣ; говорили разное: иной, что онъ дѣйствительно преставился, а иной, что еще живъ. Обоихъ ихъ высѣкли кнутомъ и сослали въ Нерчинскъ—Иванецкаго на житье, а Чернышева въ работу. Главный командиръ нерчинскихъ заводовъ генералъ-майоръ Суворовъ прислалъ донесеніе, что Чернышевъ и тамъ разглашаетъ о себѣ то же самое, чему нѣкоторые изъ тамошнихъ жителей повѣрили и давали ему много подарковъ [113].

Но эти случаи были слишкомъ мелки; на нихъ не обращали большого вниманія, какъ происходившіе «безъ всякаго съ разумомъ и смысломъ соображенія». Сильнѣйшее вниманіе было обра-

щено на Польшу, хотя и здѣсь не предугадывали, что присутствуютъ при началѣ конца.

Послѣ того какъ южныя славянскія государства полегли передъ Турками, а Чехія потеряла свою независимость въ борьбѣ съ Габсбургами, славянскій міръ представлялся двумя обширными, независимыми государствами—Россіею на востокѣ и Польшею на западѣ, и между этими государствами въ XVI и XVII вѣкахъ шла сильная борьба, иногда не на животъ, а на смерть. Оба государства образовались при одинакихъ условіяхъ; оба явились изначала съ обширною государственною областію и съ малымъ сравнительно народонаселеніемъ, оба были по преимуществу континентальныя, что условливало земледѣльческій характеръ, тугое развитіе города, промышленности, торговли, господство сельской формы, господство земли, землевладѣльческаго интереса, неумѣряемаго интересомъ горожанина, владѣльца движимаго имущества, и при господствѣ землевладѣльческаго интереса пренебреженіе интересомъ земледѣльца. Въ Польшѣ рано землевладѣльческое сословіе беретъ силу и, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, стремится къ одностороннему развитію, порабощая сельское народонаселеніе, отстраняя городское отъ представительства и все болѣе и болѣе ограничивая королевскую власть. Польша представила республику съ избраннымъ президентомъ, хотя и носившимъ королевскій титулъ; но вся власть находилась въ рукахъ извѣстнаго ряда богатѣйшихъ землевладѣльцевъ, отъ которыхъ бѣднѣйшіе находились въ зависимости безъ западно-европейскаго формальнаго закладничества или вассальства, ибо на сеймахъ польскіе магнаты нуждались въ толпѣ приверженцевъ, которые бы имѣли, повидимому, совершенно вольные голоса, пользовались бы вполнѣ одинаковыми правами съ самыми знатными и богатыми людьми. Крайность свободы или своеволія, крайнее развитіе личности, дошедши до неумѣнья подчиняться ничему, установило обычай, вынесенный изъ первоначальныхъ обществъ, обычай единогласнаго рѣшенія дѣлъ (liberum veto). *Liberum veto* поражало бездѣйствіемъ власть законодательную; крайняя слабость исполнительной власти порождала страшный внутренній безпорядокъ; отсутствіе большого постояннаго войска, происшедшее сначала изъ боязни усилить королевскую власть и поддерживаемое нежеланіемъ давать деньги на

содержаніе арміи,—это отсутствіе военной силы дѣлало Польшу беззащитною извнѣ, дѣлало ее легкою добычею сильныхъ сосѣдей. Сознаніе печальнаго состоянія государства, сознаніе возможности близкой гибели явилось, и явились попытки предупредить бѣду уничтоженіемъ сеймовыхъ безпорядковъ, усиленіемъ королевской власти, созданіемъ войска; но попытки эти не могли увѣнчаться успѣхомъ, и не потому, чтобъ завистливые сосѣди этому препятствовали.—Въ другихъ государствахъ, въ Даніи, Швеціи, гдѣ также землевладѣльческое сословіе стремилось къ крайнему развитію своей власти на счетъ другихъ элементовъ, равновѣсіе было возстановляемо, королевская власть усиливалась въ слѣдствіе движенія другихъ сословій, получившихъ также значительное развитіе. Но въ Польшѣ односторонность развитія была такова, что одна шляхта имѣла значеніе, ибо духовенство было слито съ нею въ политическихъ интересахъ. Слѣдовательно въ Польшѣ попытка измѣнить конституцію могла быть только дѣломъ партіи изъ того же шляхетства; она могла случайно имѣть успѣхъ нынче, но торжество партіи противной уничтожало ее завтра, причемъ движеніе не получало питанія изнутри, изъ земли, а могло поддерживаться только внѣшнею силою сосѣднихъ государствъ.

Иначе дѣло шло въ Россіи. Здѣсь долго послѣ основанія государства, земля, по обилію своему и при скудости населенія, не могла имѣть важнаго значенія, не привязывала къ себѣ, не усаживала человѣка, въ слѣдствіе чего между князьями долго господствуютъ родовыя отношенія, заставляющія ихъ переходить изъ одной волости въ другую; дружина сохраняетъ свой первоначальный характеръ, переходитъ вмѣстѣ съ княземъ, получаетъ отъ него содержаніе движимостію; а чрезвычайное и быстрое распложеніе княжескаго рода отнимаетъ у членовъ дружины возможность пріобрѣсть значеніе въ качествѣ областныхъ правителей. Когда на сѣверѣ все начало устанавливаться, то дружина явилась безземѣльна или малоземѣльна и могла получить землю только отъ князя во временное или вѣчное владѣніе, въ видѣ помѣстій или вотчинъ; дружина явилась съ своимъ правомъ перехода, движенія, которое оказалось вовсе не кстати въ то время когда все усаживалось, устанавливалось и которое упразднилось совершенно въ слѣдствіе утвержденія единовластія,

когда не къ кому стало переходить; и такъ какъ другихъ правъ не было скоплено, то члены дружины стали холопями великаго государя. Въ нѣкоторыхъ городахъ, благодаря выгодѣ положенія торговли и, главное, княжескимъ родовымъ отношеніямъ и усобицамъ, развилось самоуправленіе; но это явленіе было односторонне въ отношеніи къ мѣстности: мы видимъ его преимущественно, если не исключительно на западѣ, на сторонѣ пути «изъ Варягъ въ Греки», и когда прочный порядокъ вещей утвердился на востокѣ, то города—государи не могли противиться государю московскому и должны были приравняться къ городамъ восточнымъ. Восточная Россія, Московское государство образовалось такимъ образомъ съ сильною верховною властію, благодаря отсутствію сильнаго развитія въ другихъ органахъ государственнаго тѣла. Но кромѣ того малочисленное народонаселеніе, разбросанное по обширнѣйшей странѣ, все болѣе и болѣе увеличивающееся пустынными пространствами, требовало для своего сосредоточенія, для направленія своихъ силъ къ общимъ цѣлямъ сильнаго правительства; наконецъ открытость страны, окруженной со всѣхъ сторонъ врагами, тяжелая многовѣковая борьба съ варварскимъ востокомъ, необходимость постоянно отбиваться отъ враговъ для сохраненія независимости, требовали строгой дисциплины, постоянной диктатуры. Вотъ почему Россія явилась въ XVIII вѣкѣ среди европейскихъ государствъ съ отличительнымъ признакомъ, крѣпкимъ самодержавіемъ.

Такъ порознились Россія и Польша на своемъ историческомъ пути; но не эта разница была причиною борьбы между ними; она только имѣла важное значеніе относительно исхода борьбы.

Россія и Польша получили каждая свою историческую задачу, соотвѣтственно своему положенію. Польша должна была сдерживать напоръ Нѣмцевъ съ запада, Россія—напоръ варварскихъ ордъ съ востока. Польша не выполнила своей задачи, отступила предъ напоромъ, отдала свои области—Силезію, Померанію—на онѣмеченіе, призвала Тевтонскихъ рыцарей для онѣмеченія Пруссіи; но, отступивши на западѣ, она ринулась на востокъ, воспользовавшись ослабленіемъ Руси отъ погрома татарскаго: она захватила Галичъ и, посредствомъ Литвы, западныя русскія земли. Но въ это самое время Россія, окрѣпнувъ на востокѣ и управившись съ варварскими ордами, начала двигаться на западъ для

естественнаго сплоченія всѣхъ русскихъ земель, всего русскаго народа въ одно государство; при этомъ движеніи въ западныхъ русскихъ областяхъ она нашла наѣздъ незваныхъ гостей, которые ополячивали русскій народъ посредствомъ католицизма. Столкновеніе было необходимо и столкновеніе страшное: Россія двигалась на западъ, Польша ей на встрѣчу двигалась на востокъ; мѣстомъ встрѣчи, мѣстомъ столкновенія была западная Россія; съ самаго начала рождался вопросъ: западной Россіи оставаться ли Россіею и, соединясь съ восточною, Великою Россіею, составить одну Россію, или перестать быть Россіею, ибо въ Польшѣ очень хорошо поняли съ самаго начала, что западная Русь, оставаясь Русью, не будетъ крѣпка Польшѣ, особенно при борьбѣ послѣдней съ Великою Россіею; она могла быть крѣпка Польшѣ только въ томъ случаѣ, еслибъ потеряла русское народонаселеніе, т.-е. еслибъ это народонаселеніе, лишившись основы своей народности, вѣры восточнаго исповѣданія, превратилась въ народонаселеніе польское, католическое. Слѣдовательно внутренняя борьба въ двусоставномъ польскомъ государствѣ, борьба между польскою и русскою народностію необходимо должна была принять характеръ борьбы религіозной, при необходимомъ вмѣшательствѣ Великой Россіи, которая должна была заступаться за своихъ.

Въ XVII вѣкѣ эта борьба кончилась съ большимъ ущербомъ для Польши, которая должна была уступить часть западно-русскихъ областей Великой Россіи, уступить ей Кіевъ. Но понятно, что такой исходъ борьбы могъ только усилить стремленіе Поляковъ отнять у русскаго народонаселенія, оставшагося за Польшею, его вѣру и народность. Усиленіе мѣръ противъ православія приводило къ желаннымъ результатамъ въ одномъ самомъ важномъ для Польши пунктѣ. Польша была государство шляхетское, одна шляхта имѣла представительство, голосъ на сеймѣ, слѣдовательно необходимо было, чтобъ это сословіе представляло полное единство, состояло изъ однихъ Поляковъ-католиковъ, исключеніе изъ представительства русской православной шляхты или обращеніе этой шляхты чрезъ католицизмъ въ Поляковъ освобождалъ республику отъ вліянія сильной Россіи, которое проводилось бы русскими депутатами, русскими должностными лицами. Отнятіе политическихъ правъ

у некатолической шляхты всего болѣе содѣйствовало переходу ея въ католицизмъ, такъ, что въ описываемое время православной шляхты, по крайней мѣрѣ, значительной, было уже очень мало. Поляки тѣмъ удобнѣе могли проводить свои мѣры противъ православія, что Россія была занята другими дѣлами: Петръ Великій велъ войну съ Швеціею, при чемъ долженъ былъ стараться держать Польшу при своей сторонѣ. Петръ однако никакъ не хотѣлъ позволить гоненія въ Польшѣ на православныхъ: видя, что дипломатическія представленія ни къ чему ни ведутъ, онъ отправилъ своего коммиссара въ Польшу наблюдать, чтобъ этого гоненія не было и православнымъ дана была полная управа въ обидахъ. Поднялся страшный крикъ противъ такого небывалаго вмѣшательства русскаго государя во внутреннія дѣла Рѣчи Посполитой, но крикомъ все и кончилось: съ Петромъ ссориться было нельзя. Послѣ Петра эта мѣра не была возобновляема, даже и въ царствованіе его дочери, ибо отношенія къ Пруссіи, Семилѣтняя война, не давали возможности ссориться съ Польшею, и заступничество Россіи за единовѣрцевъ, на которое она имѣла и формальное право по московскому договору, ограничивалось по прежнему дипломатическими представленіями. Но Екатерина находилась въ самомъ благопріятномъ положеніи сравнительно съ своими предшественниками, и она рѣшила воспользоваться этимъ положеніемъ, чтобъ, возведя на польскій престолъ короля, всѣмъ ей обязаннаго, порѣшить всѣ споры съ Польшею въ пользу Россіи. Дѣло о защитѣ православныхъ было, разумѣется, важнѣе всѣхъ, въ немъ была особенно заинтересована слава императрицы, ибо легко понять, какое впечатлѣніе должно было произвести на народъ покровительство, оказанное единовѣрцамъ, и покровительство, увѣнчавшееся небывалымъ успѣхомъ. Выигрывая необыкновенно въ расположеніи собственнаго народа этимъ народнымъ подвигомъ, получая чрезъ него такъ сказать вторичное, закрѣпляющее всѣ права вѣнчаніе русскою, православною государынею, что для Екатерины было такъ важно, она не могла быть равнодушна и къ той славѣ, которую должны были протрубить вожди общественнаго мнѣнія на западѣ, къ славѣ побѣдительницы фанатизма, нетерпимости, къ славѣ государыни, которая прекратила религіозное гоненіе, возвратила спокойствіе и гражданскія права людямъ, лишеннымъ ихъ въ слѣд-

ствіе религіозной нетерпимости народа, живущаго подъ сильнымъ вліяніемъ ненавистнаго католицизма. Далѣе слѣдовали другіе расчеты: возвращеніемъ правъ диссидентовъ вводился въ польскія правительственныя отправленія элементъ, который естественно долженъ былъ находиться подъ русскимъ вліяніемъ и привязывать, особенно въ дѣлахъ внѣшней политики, Польшу къ Россіи. При существованіи такого элемента казалось безопаснымъ позволить Польшѣ выйти изъ страшнаго безнарядья и чрезъ это пріобрѣсти нѣкоторую силу. Въ Петербургѣ не могли вполнѣ сочувствовать внушеніямъ, настаиваніямъ, приходившимъ изъ Берлина, чтобъ ни подъ какимъ видомъ не позволять Польшѣ измѣнять свою конституцію. Въ Пруссіи, какъ и въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ, выработалась вѣрность системѣ, основанной на самосохраненіи и пріобрѣтеніи извѣстныхъ выгодъ, расширенія государственной области и т. п. Эта національная система проводится настойчиво, никакія другія соображенія въ расчетъ не принимаются, все должно быть принесено въ жертву системѣ; политика чрезъ это является узкою, своекорыстною, но легкою по своей простотѣ. Россія, введенная Петромъ Великимъ въ общую жизнь европейскихъ народовъ, представляла въ этомъ отношеніи замѣтное различіе. Россію можно было упрекать въ неимѣніи ясно сознанной національной политики, по крайней мѣрѣ въ отсутствіи настойчивости въ достиженіи цѣлей этой политики; можно было упрекать относительно медленности въ возстановленіи полнаго господства русской народности въ западномъ краѣ и т. п. Причинъ этого явленія можно было искать въ племенномъ и народномъ характерѣ, въ юности русскаго народа, его неразвитости, новости въ общенародной жизни, недостаткѣ просвѣщеннаго взгляда на свои внутреннія и внѣшнія отношенія, въ привычкѣ сдѣлавши какое-нибудь дѣло, складывать руки, не пользоваться побѣдою. Всѣ эти объясненія въ извѣстной степени могутъ быть приняты; но не должно забывать и того обстоятельства, что Россія, войдя въ XVIII вѣкѣ въ общую жизнь европейскихъ народовъ, принесла такую обширную государственную область, которая не давала развиться въ русскомъ народѣ хищности, желанію чужого, наступательному движенію, а могла развить качества противоположныя и въ своихъ крайностяхъ вредныя, такъ нежела-

ніе чужого могло перейти въ невниманіе къ своему и т. д. Русскіе государственные дѣятели, разумѣется, не были чужды честолюбія, желанія усилить значеніе Россіи, но для этого они придумывали особенныя средства, идиллическія въ глазахъ западныхъ политиковъ; чуждые стремленія пріобрѣтать что-нибудь для себя, расширять свою государственную область, они придумывали союзы съ чисто охранительнымъ значеніемъ, въ которыхъ сильныя государства были вмѣстѣ съ слабыми, и первые, разумѣется, принимали на себя обязанность блюсти выгоды послѣднихъ, какъ свои собственныя. Таковъ былъ знаменитый *сѣверный аккортъ*, который такъ старался осуществить Панинъ. Въ этотъ сѣверный союзъ должны были войти Россія, Пруссія, Англія, Швеція, Данія, Саксонія, Польша, и если Польша входила въ союзъ, разумѣется вѣчный и непоколебимый, то почему жь не дать ей возможности выйти изъ анархіи и усилиться, этимъ усиленіемъ она будетъ только полезна союзу. Идиллія, приводившая въ бѣшенство Фридриха II-го, который ждалъ перваго удобнаго случая, чтобъ попользоваться на счетъ Польши, Саксоніи, Швеціи, Даніи, а тутъ заставляютъ его блюсти ихъ интересы! Также наивно было предполагать, что Англія станетъ любить своихъ союзниковъ какъ сама себя.

Но всѣ эти легкія построенія сокрушились подъ тяжелыми стопами исторіи, когда диссидентскій вопросъ поднялъ въ двусоставной Польшѣ ожесточенную борьбу между двумя народностями. Мы видѣли, какъ князь Репнинъ, находясь на мѣстѣ, предвидѣлъ страшныя, неодолимыя препятствія къ рѣшенію диссидентскаго вопроса; онъ представлялъ, что католическій фанатизмъ неодолимъ. Не надобно забывать причинъ, усиливавшихъ этотъ фанатизмъ. Прошли цѣлые вѣка борьбы, въ которой Поляки, пользуясь своими государственными средствами, давили православное народонаселеніе; послѣднее питало сильную вражду къ притѣснителямъ; но вражда притѣснителей къ притѣсненнымъ бываетъ еще сильнѣе (ненавижу человѣка, котораго обидѣлъ); у православныхъ русскихъ отняты были права; они являлись людьми низшаго разряда; католикъ, съ молокомъ матери всасывалъ къ нимъ вражду и презрѣніе; еще сильнѣе была вражда отступниковъ и потомства отступниковъ: и вотъ является требованіе, чтобъ отношенія совершенно измѣнились, чтобъ право-

славные не только получили полную свободу и безопасность относительно отправленія своей религіи, но получили бы назадъ равныя права съ католиками; человѣкъ, который нынче идетъ съ поникшею головою, гонимый и презрѣнный, завтра подниметъ голову и явится всюду, какъ полноправный согражданинъ, явится съ свѣжею памятью объ обидѣ и со средствами къ мести; но еслибы и обиженный, отъ радости, забылъ объ обидѣ, то обидчикъ объ ней не забудетъ; духовные католическіе не могутъ себѣ представить, какъ архіерей, священникъ презрѣнной мужицкой (хлопской) вѣры, трепетавшіе до сихъ поръ при видѣ католическихъ духовныхъ лицъ, получатъ равное съ ними положеніе. Наконецъ, еслибы кто-нибудь изъ Поляковъ былъ чуждъ религіозной нетерпимости и способенъ забыть установившіяся отношенія, то онъ не хотѣлъ забыть того, что республика его, двусоставная на дѣлѣ, стала, путемъ насилія одной части народа надъ другой, единою по праву, ибо представительство и власть принадлежали однимъ Полякамъ-католикамъ, а теперь, если уступить требованію уравненія правъ диссидентовъ, это единство должно рушиться. Но каковы бы ни были побужденія, знамя для всѣхъ было одно, интересъ религіозный; а что означало поднятіе этого знамени, какъ не вѣковую борьбу между двумя частями народонаселенія, искусственно, насильственно сплоченнаго. Диссидентскій вопросъ былъ поднятъ не Екатериною II-й; онъ былъ поднятъ исторіею: это былъ окончательный расчетъ по сдѣлкѣ Ягайла и послѣдняго изъ его потомковъ.

Избраніе Станислава Понятовскаго произошло спокойно; но были признаки, что враги новаго правительства еще не успокоились; а между тѣмъ диссидентскій вопросъ висѣлъ грозною тучею.

Изъ Молдавіи пришли вѣсти, что Порта грозитъ тамошнему господарю низверженіемъ, считая его подкупленнымъ отъ русскаго двора, и посланникъ новаго польскаго короля къ султану, Александровичъ все жилъ на турецкой границѣ, не получая паспорта для продолженія своего пути въ Константинополь. Репнинъ писалъ, что безпокойство Порты происходитъ не отъ однихъ внушеній вѣнскаго и французскаго дворовъ, но и отъ внушеній, приходящихъ прямо изъ Польши. Репнинъ не могъ указать, кто именно дѣлалъ эти внушенія, но подозрѣвалъ обоихъ

гетмановъ коронныхъ, воеводу кіевскаго и епископа краковскаго, тѣмъ болѣе, что Станкевичъ, креатура гетмана короннаго, жилъ еще въ Константинополѣ и велъ интриги въ пользу враждебной Россіи партіи. 12 февраля Панинъ поднесъ императрицѣ на утвержденіе письмо свое къ Репнину: посолъ увѣдомлялся въ конфиденціи, что «мы не можемъ и не хотимъ считать польскія дѣла совершенно оконченными, пока не улучшено будетъ состояніе диссидентовъ, хотя бы это дѣло потребовало и вооруженной негоціаціи, и потому, писалъ Панинъ, рекомендую и вамъ, моему другу, приготовлять себя къ этому разумными средствами, не компрометируя заранѣе секрета, дабы противомыслящіе не воспользовались для возращенія большихъ трудностей. Здѣсь удостовѣрены, что фамилія Чарторыйскихъ въ этомъ пунктѣ болѣе другихъ недоброжелательна и она-то была главною виновницею вашей неудачи на послѣднемъ сеймѣ. Е. И. В. никакъ не отступитъ отъ этого предмета: такъ вамъ надобно, принимая въ разсчетъ расположеніе и обстоятельства этой фамиліи, убѣждать и дѣйствовать съ ними заодно: въ случаѣ же безнадежности, воспользоваться настоящею холодностію между нею и королемъ и возбуждать его величество противъ нея. При такомъ положеніи дѣлъ хотя вы и можете, по желанію графа Захара Григорьевича Чернышева, возвратить извѣстныя кирасирскіе эскадроны въ Россію, приказавъ имъ малыми маршами подвигаться къ границѣ; но прочія войска должны оставаться въ Польшѣ на всякій случай. Замѣчу еще вамъ, моему другу, съ равною довѣренностію: мнѣ кажется, что кромѣ начинающихся у васъ женскихъ сплетней и интригъ между фамиліею и кромѣ духа господства двоихъ братьевъ Чарторыйскихъ, новый государь принимается за свои дѣла болѣе горячо, чѣмъ прозорливо; надобно опасаться чтобъ мѣряя все на внутренній польскій аршинъ, онъ не навелъ на себя такихъ хлопотъ, которыя могутъ привести въ разстройство весь сѣверный аккордъ и посадить его, короля между двухъ стульевъ. Онъ долженъ себѣ представить, что не только сѣверныя, но и всѣ другія державы, привыкнувъ сорокъ лѣтъ видѣть главами польской республики иностранныхъ государей, совершенно преданныхъ интересамъ собственныхъ областей, въ слѣдствіе этого опредѣлили болѣе или менѣе важную часть своей политической системы, и каждому

государству возстановленіе въ Польшѣ природныхъ королей представляется дѣломъ новымъ, революціею, слѣдовательно пока сѣверныя и другія державы совсѣмъ не осмотрятся и не привыкнутъ, съ теченіемъ времени, спокойнѣе смотрѣть на эту перемѣну, пока не опредѣлятъ каждая свою систему по соображеніи съ новымъ порядкомъ вещей въ Польшѣ, до тѣхъ поръ благоразуміе требуетъ отъ его польскаго величества, чтобъ онъ, для будущихъ своихъ выгодъ, изволилъ съ достаточною политическою экономіею и осторожностію касаться своихъ внутреннихъ дѣлъ, и, сколько возможно, воздерживаться отъ всего того, что можетъ получить видъ новости. Гораздо вѣрнѣе и надежнѣе будетъ, если онъ усугубитъ свое стараніе укрѣпить себя средствами истинной дружбы и союзовъ съ тѣми державами, которыя возстановленіе природныхъ королей въ Польшѣ ставятъ частію своей политической системы. Я не хочу рѣшать, кто болѣе правъ въ настоящемъ спорѣ между польскимъ и берлинскимъ дворами относительно учрежденія таможенъ и провода драгунскихъ лошадей чрезъ Польшу въ Пруссію: но искренно сожалѣю, что въ такое короткое время трактаты между ними уже подверглись объясненіямъ. Одна поспѣшность можетъ повести къ другой, и король польскій, вмѣсто старанія истребить въ королѣ прусскомъ слѣды стараго противъ себя предубѣжденія, послѣдуя своимъ собственнымъ предубѣжденіямъ, можетъ позволить уловить себя австрійскому дому, который конечно употребитъ всѣ средства для приведенія въ разстройство наши общія дѣла. Пожалуй, мой любезный другъ, стереги сколько можно эти консидераціи и, по усмотрѣнію, употребляй ихъ съ королемъ въ разговорѣ, называя ихъ хотя своими, хотя моими, какъ лучше сами разсудите, представляя ему, что производимые и часто повторяемые общими ненавистниками толки о дѣлахъ его, могутъ наконецъ нечувствительно произвесть нѣкоторое впечатлѣніе и на людей къ нему склонныхъ; но ему нечего будетъ опасаться этого, когда однажды навсегда будутъ приведены въ совершенство его связи и политическая система союзными трактатами съ дружескими державами. При такихъ деликатныхъ вашихъ обращеніяхъ, я, какъ вашъ искренній другъ, не могу обойтись, чтобъ не сказать вамъ, какъ необходимо нужны пространнѣйшія отъ васъ увѣдомленія. Пожалуй, мой дорогой, от-

ступи отъ образца покойнаго графа Кейзерлинга, и описывай со всѣми обстоятельствами, не только одни феты (праздники) или происшествія, но и разговоры ваши съ разными обращающимися въ дѣлахъ особами, присоединяя къ тому извѣстія объ отношеніяхъ этихъ особъ, о сходствѣ или разности ихъ интересовъ, дабы я, зная все, могъ вѣрнѣе опредѣлять мои собственные взгляды и мнѣнія; мнѣ надобно прежде всего знать людей, которые теперь заправляютъ дѣлами, ихъ характеры, степень ихъ вліянія на короля и кредита у націи».

Польскій посланникъ въ Петербургѣ, графъ Ржевускій, по разстроенному здоровью, желалъ возвратиться въ Польшу. Король по этому случаю сказалъ Репнину съ печальнымъ видомъ, что очень жалѣетъ объ отъѣздѣ Ржевускаго изъ Петербурга въ то самое время, когда онъ тамъ такъ нуженъ, и прибавилъ, что извѣстія, полученныя отъ Ржевускаго, его печалятъ. Репнину хотѣлось, чтобъ король разсказалъ подробно, какія это извѣстія; но Станиславъ Августъ не открылся, и только изъ отрывочныхъ словъ Репнинъ могъ примѣтить, что его оскорбляетъ холодность русскаго двора къ вѣнскому и пріязнь къ Берлинскому, тогда какъ прусскій король, по его мнѣнію, никогда не допуститъ Польшу поправиться. Репнинъ отвѣчалъ на это, что король прусскій безъ всякаго сомнѣнія войдетъ во всѣ виды Россіи относительно Польши, и если приметъ на себя какія-нибудь обязательства, то станетъ содержать ихъ ненарушимо. Но австрійскій домъ, прибавилъ Репнинъ, и прежде старался и до сихъ поръ все старается своими внушеніями встревожить и вооружить Порту, и дѣлаетъ это изъ опасенія, чтобъ Польша не усилилась въ слѣдствіе неусыпной дѣятельности національнаго короля, который не имѣетъ посторонних интересовъ. «Хоть я вижу, писалъ Репнинъ Панину, какъ сильно здѣсь желаютъ сближенія нашего двора съ вѣнскимъ, однако могу почти увѣрить, что ни въ какое съ нимъ обязательство не войдутъ безъ согласія нашего двора, и здѣшняя система будетъ всегда слѣдовать нашей».

«Здѣсь удивляются, писалъ Панинъ 29 марта, что его польское величество не почтилъ знаками своей признательности нашихъ троихъ генераловъ, которые у васъ были съ войскомъ для подкрѣпленія его дѣлъ. Да мнѣ кажется и по всему у васъ

великое заблужденіе въ собственныхъ замыслахъ. Я истинно не желаю дурнаго, да и моя собственная слава тому противится, только съ основаніемъ боюсь, мой другъ, что у васъ спокойствіе не будетъ продолжаться, если воды въ вино лить не будутъ, а будутъ продолжать дѣла по началамъ своей самоопредѣленной собственной политики. То положеніе и обстоятельства кончились, когда внѣшняя политика сообразовалась съ внутренними партіями и интригами; теперь нужны къ дѣламъ министры, а не партизаны. При замѣшательствѣ дѣлъ фамилія и дядья мало помогутъ, а развѣ посторонніе дворы, воспользовавшись ихъ духомъ господства, употребятъ ихъ къ усиленію этихъ замѣшательствъ. Коротко и откровенно опишу вамъ здѣсь картину настоящаго положенія. Вамъ уже извѣстно наше неудовольствіе по дѣлу о диссидентахъ. Полученная о томъ здѣсь графомъ Ржевускимъ инструкція такъ мало соотвѣтствуетъ нашимъ желаніямъ и откровенности, такъ слаба и составлена въ такихъ общихъ выраженіяхъ, что я, по моей ревности къ сохраненію тѣснаго союза, не отважился сообщить ее государынѣ; и безъ того, по однимъ письмамъ королевскимъ, какъ ласкательно и разумно они ни писаны, е. в. изволитъ заключать, будто польскій дворъ хочетъ употребить всѣ наши способы и силы для достиженія всѣхъ своихъ цѣлей, въ видѣ купеческаго задатка за тѣ дѣла, о которыхъ только впередъ показываетъ склонность торговаться. Съ другой стороны, начатые легкомысленно и безвременно споры съ королемъ прусскимъ, повидимому, должны болѣе усилиться и неблагоразумно кончиться. До вашего свѣдѣнія конечно дошелъ меморіалъ о правахъ провинціи польской Пруссіи. Графъ Сольмсъ мнѣ сообщилъ, что такъ какъ съ польской стороны въ новой таможнѣ взята пошлина съ купленныхъ для прусской кавалеріи 500 лошадей, то король его государь установилъ и въ своихъ границахъ новую таможню. Излишне толковать о томъ, что этотъ государь можетъ имѣть теперь въ мысляхъ, если не остережемся. Много хлопотъ произойдетъ, когда онъ объявитъ себя защитникомъ провинціи прусской; тутъ, мой другъ, не много поможетъ и сеймовое большинство голосовъ, въ которое у васъ такъ сильно влюблены. Швеція съ самаго начала пользовалась этимъ большинствомъ и едва ли не ему должна приписать свое окончательное погруженіе въ бездну

бѣдствій? Ко всему этому надобно прибавить безконечныя волненія и интриги сераля противныхъ намъ союзниковъ, которыхъ, и особенно вѣнскій дворъ, у васъ уловить конечно не удастся. Изъ этого и предыдущаго письма моего вы довольно видите, какъ вы должны быть дѣятельны для охраненія нашихъ интересовъ, отъ которыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, зависитъ и существенный интересъ его польскаго величества. Чистосердечно скажу вамъ, что не вижу для него другаго средства, кромѣ уступки времени и благоразумнаго повиновенія обстоятельствамъ, нѣтъ государя, который бы могъ безвредно не соблюдать этого правила. Графъ Чернышевъ опасается, чтобъ отъ неподвижнаго пребыванія нашихъ войскъ на Вислѣ не явились изъ нихъ перебѣжчики. Такъ какъ я не вижу никакой возможности вывести ихъ изъ Польши прежде приведенія въ надежную форму дѣла о диссидентахъ, то и отдаю на ваше усмотрѣніе, не найдете ли болѣе выгоднымъ тронуть ихъ въ маѣ и привести къ Гроднѣ, и чрезъ нѣсколько времени, смотря по обстоятельствамъ перевести къ Вильнѣ».

Дѣла запутывались. Старики Чарторыйскіе отступили предъ диссидентскимъ дѣломъ; каковы бы ни были ихъ религіозные и политическіе взгляды на это дѣло, они знали, что поддерживая русскія требованія, рискуютъ потерять силу и значеніе, безъ надежды провести дѣло обыкновенными средствами. Но въ Петербургѣ на нихъ сильно сердились, видѣли въ ихъ несодѣйствіи измѣну, ибо привыкли смотрѣть на нихъ какъ на вождей русской партіи, т.-е. какъ на покорныя орудія для достиженія русскихъ цѣлей, тогда какъ Чарторыйскіе смотрѣли на Россію, какъ на орудіе для достиженія своихъ цѣлей. Король еще не понималъ всего грознаго значенія диссидентскаго дѣла. Онъ былъ влюбленъ, по выраженію Панина, въ большинство голосовъ, т.-е. былъ такъ увлеченъ мыслію о преобразованіяхъ, что все другое ставилъ на второй планъ. Поэтому его гораздо болѣе безпокоила тѣсная связь Россіи съ Пруссіею, ибо онъ очень хорошо зналъ, что Фридрихъ II настаиваетъ и всегда будетъ настаивать, чтобъ Екатерина не соглашалась на преобразованія польской конституціи; пограничные споры давали возможность Станиславу Августу выразить свое раздраженіе противъ Прус-

сіи, что очень не нравилось въ Петербургѣ. А тутъ еще, курляндскія дѣла прибавляли затрудненій.

Отъ 20 марта Симолинъ писалъ Репнину, что Биронъ потерялъ любовь и довѣріе почти всей земли. Противники его, пользуясь этимъ случаемъ, отложили частную свою къ нему ненависть, взялись за общее дѣло, соединились съ остальными, и такимъ образомъ исчезло различіе партій, всѣ стали показывать свое усердіе только къ защитѣ отечественныхъ правъ. Симолинъ упрекалъ Бирона въ томъ, что онъ не отличаетъ ласками и наградами преданное ему дворянство, а съ другой стороны не обнаруживаетъ достаточной твердости въ обращеніи съ противниками. На слова его никто не хочетъ полагаться, потому что они никогда не исполняются; почти вся земля раздѣляетъ неудовольствіе дворянства, предъявляя, что права всѣхъ нарушены и будто нынѣшній герцогъ имѣетъ въ виду всѣхъ погубить, разорить, разогнать. Биронъ, съ своей стороны, жаловался королю на Симолина, что онъ съ нимъ не въ согласіи и былъ причиною неудовольствія дворянства на него, Бирона, почему Станиславъ Августъ просилъ русскій дворъ отозвать Симолина изъ Митавы. Но курляндскія недоразумѣнія исчезали предъ отношеніями важнѣйшими. «Съ сожалѣніемъ вижу, писалъ Репнинъ, что нѣтъ ничего легче, какъ возбудить здѣсь сомнѣніе противъ прусскаго двора; не знаю по какой причинѣ король не имѣетъ ни малѣйшей довѣренности къ прусскому королю; я изъ всѣхъ силъ стараюсь искоренять это недовѣріе, но напрасно». Масло было подлито въ огонь, когда пришло извѣстіе, что въ Маріенвердерѣ собраны прусскимъ правительствомъ работники для воздвигнутія по берегу Вислы укрѣпленій и что везутъ туда артиллерію: хотятъ устроить тутъ новую таможню и принудить всѣ проходящія польскія суда платить десять процентовъ со всѣхъ ихъ товаровъ. Король объявилъ объ этомъ Репнину съ страшною досадою, жалуясь, что король прусскій старается всячески вредить ему и всей Польшѣ. «Я увѣренъ, говорилъ Станиславъ Августъ, что прусскій король старается поссорить меня съ Россіею». Репнинъ увѣрялъ его, что это неправда, и писалъ Панину: «Зная, какъ нужно возстановить согласіе между прусскимъ и польскимъ дворами, чтобъ удержать послѣдній въ желаемой нами системѣ и въ отдаленіи отъ вѣнскаго и французскаго дво-

ровъ, стану стараться о полюбовномъ соглашенiи по таможеннымъ дѣламъ». Для этого Репнинъ обратился къ прусскому резиденту, и тотъ обѣщалъ сдѣлать своему двору представленiя объ улаженiи спора. Но изъ разговора, бывшаго по этому случаю съ прусскимъ резидентомъ, Репнинъ узналъ, что послѣднiй часъ отъ часу становится недовольнѣе обхожденiемъ съ нимъ польскаго министерства, особенно канцлера литовскаго, и что при вѣнскомъ дворѣ прусскому министру дѣлаютъ внушенiя о чрезвычайномъ желанiи польскаго двора быть въ союзѣ съ австрiйскимъ домомъ; прусскiй министръ доноситъ объ этомъ въ Берлинъ, что и порождаетъ холодность и сомнѣнiя съ прусской стороны. Репнинъ увѣрялъ прусскаго резидента, что Польша вовсе не ищетъ союза съ вѣнскимъ дворомъ, что всѣ внушенiя объ этомъ фальшивыя, злостныя, чтобъ поссорить Польшу съ Пруссiею; а Станиславу Августу представлялъ, что лучше было бы дружелюбно разобраться съ прусскимъ королемъ, который огорчительныхъ требованiй дѣлать не будетъ, какъ видно изъ словъ резидента; да и съ послѣднимъ не худо было бы поступать благосклоннѣе и откровеннѣе, а не такъ какъ поступаетъ канцлеръ литовскiй, который своею гордостiю портитъ дѣла.

А между тѣмъ Марiенвердерская таможня уже начала свои дѣйствiя. Одинъ берегъ былъ прусскiй, а другой польскiй: такъ Прусаки силою оттягивали суда, плывшiя у польскаго берега и заставляли платить пошлину, даже и съ дровъ брали десятое полѣно. Никогда Репнинъ еще не заставалъ Станислава Августа въ такомъ горѣ, близкомъ къ отчаянiю. Со слезами на глазахъ король говорилъ: «Еслибы мнѣ дали на выборъ отказаться отъ престола или терпѣть Марiенвердерскую таможню, которая будетъ держать подъ игомъ всю Польшу, то я не поколебался бы покинуть престолъ; я считаю теперь себя несчастнѣе послѣдняго изъ моихъ подданныхъ; по сдѣланному расчету, сколько польскихъ товаровъ ежегодно проходитъ чрезъ Данцигъ, прусскiй король извлечетъ изъ своей таможни около 3,600,000 прусскихъ гульденовъ, т.-е. около 900,000 рублей, что равняется доходу со всей бранденбургской Пруссiи. Я полагаю всю свою надежду единственно на посредничество императрицы». «Признаюсь, писалъ Репнинъ Панину, что нахожу поступки прусскаго короля жестокими и оскорбительными до невозможности».

Въ концѣ апрѣля Репнинъ извѣстилъ Панина, что у польскаго министерства была конференція съ прусскимъ резидентомъ, которая началась вопросомъ, что причиною, что его прусское величество учредилъ новую таможню въ Маріенвердерѣ, причемъ министры просили объ отмѣнѣ. Резидентъ отвѣчалъ, что Маріенвердерская таможня учреждена въ возмездіе за новыя польскія таможенныя распоряженія. Дѣйствительно еще на конвокаціонномъ сеймѣ положено было увеличить таможенныя пошлины на ввозные товары для усиленія финансовыхъ средствъ республики. Но министры объявили резиденту, что новое польское таможенное учрежденіе не вызываетъ такого возмездія, да еще и не приведено въ дѣйствіе, притомъ обѣщали ему передать формальный меморіалъ, въ которомъ будетъ доказано, что польская таможня не новая, а возобновленная и что новый тарифъ пошлинъ не въ убытокъ прусскимъ подданнымъ. На этомъ письмѣ Панинъ замѣтилъ: «Поздно, да и непристойно такъ допрашивать; латинскій (римскій) тонъ въ политическихъ дѣлахъ нынѣ не годится. Государи больше на поединокъ другъ друга не вызываютъ: такъ и нужда чтобъ безсильный сильнаго болѣе почиталъ». Но король польскій думалъ, что почитая самаго сильнаго, можетъ расчитывать на защиту его отъ притѣсненій менѣе сильнаго; Станиславъ Августъ говорилъ Репнину: «Система императрицы будетъ всегда моею; я всю мою жизнь сохраню воспоминанія о томъ, чѣмъ я ей обязанъ; я знаю, что она можетъ, и сдѣлаю поэтому все, чего она захочетъ. Но смѣю надѣяться, что сдѣлавши меня королемъ, она поддержитъ достоинство, которое станетъ мнѣ въ тягость, если будетъ унижено. Ея великодушіе и ея образъ мыслей заставятъ ее интересоваться своимъ дѣломъ, которое очутилось бы въ крайне бѣдственномъ положеніи, еслибъ она его покинула.

Репнинъ писалъ о королѣ, о своихъ разговорахъ съ нимъ, не упоминая, какъ относились Чарторыйскіе къ прусскому дѣлу. Было ясно, что посолъ удалился отъ прежнихъ главъ русской партіи. Еще 23 февраля онъ писалъ Панину: «Что же касается до моего обращенія съ князьями Чарторыйскими, то послѣ сейма коронаціи, усумнясь о ихъ прямодушіи, а особливо послѣ какъ я отказалъ платить впредь до указу воеводѣ русскому мѣсячной пенсіи, братъ его единственно съ тѣхъ поръ холоденъ.

Учтивость основаніе дѣлаетъ нашего обхожденія, о дѣлахъ же я болѣе съ самимъ королемъ говорю. Братья королевскіе дѣлаютъ противную имъ (Чарторыйскимъ) партію». Прусскій посланникъ Бенуа хвалился, что Репнинъ удержалъ пенсію Чарторыйскаго по его совѣту. 13 мая Репнинъ писалъ Панину: «Я уже доносилъ, какимъ властолюбіемъ исполнены двое братья Чарторыйскихъ, и что кредитъ ихъ очень великъ въ націи; онъ усилился еще болѣе отъ того, что въ послѣднее междуцарствіе Чарторыйскіе были главами нашей партіи и чрезъ ихъ руки шли всѣ деньги, назначенныя для увеличенія числа партизановъ, которые и остались имъ преданы. Кредитъ ихъ содержится въ своей силѣ слабостію короля, который еще не можетъ окрѣпнуть и бросить привычку ни въ чемъ имъ не отказывать. Теперь я примѣчаю въ воеводѣ русскомъ еще новый замыселъ: онъ кажется желаетъ быть коронымъ гетманомъ по смерти графа Браницкаго, которой не долго будетъ дожидаться. Хотя этотъ чинъ противъ прежняго и ограниченъ, однако все еще можетъ усилить кредитъ Чарторыйскихъ, что по упрямству, гордости и властолюбивымъ замысламъ ихъ было бы противно видамъ и интересамъ нашимъ, и было бы хорошо этому помѣшать, а сдѣлать гетманомъ одного изъ королевскихъ братьевъ, которые, имѣя мало надежды перемѣнить воеводу русскаго, тѣмъ болѣе будутъ намъ благодарны за доставленіе этого достоинства, и кредитъ Чарторыйскихъ будетъ уравновѣшенъ». Панинъ написалъ на этомъ письмѣ: «Я въ семъ письмѣ кромѣ полезнаго ничего не нахожу, и потому ожидаю только высочайшаго соизволенія, оставляя волѣ вашего величества, вести ли дѣло гетманскаго мѣста въ пользу королевскаго брата и котораго, или же для Адама Чарторыйскаго»? Императрица написала: «Лучше перваго, а другой въ запасъ».

Чарторыйскіе вели себя не такъ какъ бы желалось въ Петербургѣ не по одному диссидентскому дѣлу. По совѣту литовскаго канцлера Станиславъ Августъ написалъ красивое, но очень рѣзкое письмо къ Фридриху II-му по поводу таможеннаго спора. Копія съ этого письма была переслана Екатеринѣ, которая написала Панину: «Признаюсь, я была испугана жаромъ, съ какимъ написанъ первый параграфъ этого письма. Оно конечно исполнено ума, но вовсе неприлично. О! какъ бы вы меня за-

бранили, еслибъ я написала такое блестящее и такое вредное для моихъ дѣлъ письмо. Прошу васъ, поставьте польскаго короля на ту же ногу, какъ вы поставили меня. Вы ему доставите этимъ величайшее благо, то есть, спокойное и разумное царствованіе; умѣрьте его живость, не дайте ему обнаруживать столько остроумія на счетъ пользы его собственныхъ дѣлъ».

Но Екатерина, желая, съ одной стороны, сдержать Станислава Августа, чтобъ не раздражать Фридриха II-го, съ другой, употребила стараніе сдержать и своего вѣрнаго союзника короля прусскаго: Бенуа изъ Варшавы писалъ въ Берлинъ, что князь Репнинъ умоляетъ его ради самого Бога смягчить своего короля относительно таможни; Репнинъ внушалъ, что конечно Фридрихъ II не захочетъ слишкомъ ожесточить варшавскій дворъ изъ уваженія къ великой дружбѣ, которая царствуетъ между россійскою императрицею и королемъ польскимъ: противное могло бы произвести дурное вліяніе на императрицу. Сольмсъ доносилъ изъ Петербурга о настаиваніяхъ Панина на отмѣну таможенныхъ стѣсненій. Тщетно Сольмсъ внушалъ ему: «Не позволяйте Полякамъ пугать себя; повѣрьте что не показавши имъ зубовъ, нельзя ничего достигнуть»: Панинъ стоялъ на своемъ; наконецъ Екатерина писала сама Фридриху, и Маріенвердерская таможня была пріостановлена до окончанія всего дѣла о пошлинахъ. Станиславъ Августъ писалъ по этому поводу императрицѣ (19 іюня): «Пріостановка Маріенвердерской таможни доказываетъ истинную дружбу вашего императорскаго величества ко мнѣ и въ то же время сильное вліяніе вашей воли на короля прусскаго. Мнѣ было ужасно думать, что несчастіе, неизвѣстное Польшѣ во времена моихъ предшественниковъ, постигло ее въ мое царствованіе и со стороны государя, который рекомендовалъ меня націи для выбора въ короли; въ народѣ уже начали говорить, что эти таможни были вознагражденіемъ за помощь, которую я получилъ отъ прусскаго короля при моемъ избраніи».

Исполняя приказаніе императрицы сдерживать польскаго короля, направлять его на истинный путь, Панинъ писалъ Репнину отъ 20 іюля: «Всѣ ваши, мой любезный другъ, письма я по порядку получаю съ совершеннымъ удовольствіемъ, какъ равнымъ образомъ они конечно и въ вышнемъ мѣстѣ принимаются. Повѣрьте безъ ласкательства, которое у меня къ вамъ мѣста имѣть

не можетъ, что поведеніе и дѣла ваши сполна разумны и достаточны, сколько токмо желать возможно; продолжай, мой другъ, оныя по тѣмъ же правиламъ, пока получите новыя активныя наставленія, которыя точно опредѣлить я удерживаюсь еще въ ожиданіи окончательной рѣшимости турецкаго двора. Я нужды не имѣю вамъ экспликовать моего о томъ разсужденія: вы несумнѣнно сами оное себѣ представите, что какъ бы мы не оставались надежны о турецкомъ спокойствіи и недѣйствіи, однакожъ при нерѣшенномъ дѣлѣ непріятелямъ нашимъ всегда останется больше способности тамъ тревожить наши дѣла, а особливо по причинѣ, когда начнемъ прямыя негоціаціи новыхъ обязательствъ въ вашемъ мѣстѣ, чѣмъ можетъ еще нерѣшимость турецкая продолжиться и произвести общія для насъ новыя заботы. Другое бъ было дѣло, еслибъ у васъ сначала лучше познали свой существительный интересъ, и тогда бъ вдругъ рѣшились въ сдѣланныхъ отъ насъ представленіяхъ для политической системы. Можно по сему съ надежностію сказать, чтобъ тѣмъ подлинно себя избавили послѣдующихъ нынѣ многихъ непріятностей, которыя теперь при самовольно сдѣланныхъ себѣ предубѣжденіяхъ столь часто смущаютъ и тревожатъ, а вѣнской бы дворъ не водилъ такъ какъ нынче по неизвѣстной дорогѣ, но давнобъ уже прямо и для себя одного искалъ возобновленія безпосредственной корреспонденціи. Когда я уже столько вошелъ въ разсужденіе, то не оставлю въ молчаніи и ваше разумное примѣчаніе о скрытной политикѣ тѣхъ людей, которые хотятъ содержать въ своей зависимости его польское величество, отвращая его всякими ухватками отъ опредѣленной политической системы. Сіе подлинно ощутительно и нельзя думать, чтобъ столь просвѣщенный государь какъ король польскій наконецъ самъ онаго не почуствовалъ: тогда равно онъ и признаетъ, что въ десять мѣсяцевъ никто и ничему совершеннаго блаженства не достигаетъ, слѣдовательно, достигая онаго, возможнаго лишаться не будетъ, какъ потомъ и прусскаго короля пріязнь себѣ и своей республикѣ увѣчною (?) поставлять не станетъ, и потому одному, что сей государь уже послѣдніе дни доживаетъ, въ которые ему совершенно недостанетъ возможности все то исполнить, что его видамъ приписано быть можетъ; преемники же

его, не получа его духа, не будутъ имѣть и силъ его въ производствѣ»

Очень рано начали хоронить Фридриха II. Онъ послѣ того прожилъ двадцать лѣтъ и успѣлъ значительно измѣнить карту Европы. Но Панину надобно было чѣмъ-нибудь успокоить раздраженіе Станислава-Августа, ибо раздраженіе было вполнѣ законное. Отъ 19 сентября Репнинъ писалъ Панину, что польское таможенное устройство оказалось вовсе не во вредъ подданнымъ короля прусскаго, а скорѣе выгодно. Баронъ Гольцъ, присланный Фридрихомъ II-мъ въ Варшаву для конференціи съ польскимъ министерствомъ по таможенному дѣлу, признался Репнину, что и онъ видитъ только выгоды для прусскихъ купцовъ, и еслибы онъ былъ отъ нихъ посланъ, то конечно согласился бы на польскія представленія и увѣренъ, что прусскіе купцы были бы ему благодарны; но, будучи посланникомъ короля, а не подданныхъ, долженъ предпочитать личные королевскіе интересы, повинуясь въ точности повелѣніямъ его величества. «Изъ этого изволите видѣть, писалъ Репнинъ, что не самое дѣло въ сущности своей вредно прусскому королю и противно трактату, и привязку только дѣлаютъ, выставляя предлогъ, для чего заранѣе взаимно не согласились». Екатерина, прочтя это письмо, написала на немъ: «Il a donc une autre gloire que le bien de ses sujets, ce sont de ses singularité qui ne saurait etre comprehensible pour ma caboche. (Стало-быть для прусскаго короля есть другая слава кромѣ блага его подданныхъ: это такія странности, которыя не вмѣщаются въ моей головѣ.) По словамъ англійскаго посланника въ Петербургѣ, Макартнея, поведеніе прусскаго короля въ маріенвердерскомъ дѣлѣ значительно подорвало расположеніе къ нему петербургскаго двора. Бенуа долженъ былъ предложить польскому королю пенсію въ 150,000 талеровъ съ условіемъ, чтобъ онъ помогалъ Пруссіи въ таможенномъ дѣлѣ. Въ Петербургѣ Фридрихъ II хотѣлъ достигнуть своей цѣли раздачею денегъ, и уполномочилъ графа Сольмса употребить на это отъ 50 до 60,000 рублей; императрица обо всемъ этомъ узнала.

Рѣшеніе таможеннаго дѣла между Польшею и Пруссіею откладывалось до чрезвычайнаго сейма; на томъ же сеймѣ должно было рѣшиться и страшное диссидентское дѣло. 15 іюля пріѣхалъ въ Варшаву Георгій Конисскій и на другой же день пред-

ставленъ былъ королю, который, выслушавъ его рѣчь и принявъ челобитную, прочелъ ее, несмотря на то, что была длинная, и обѣщалъ удовлетвореніе во всемъ томъ, на что православные имѣютъ права и привилегіи, только велѣлъ подождать пріѣзда въ Варшаву вице-канцлера литовскаго Пршедзецкаго. Вице-канцлеръ пріѣхалъ и велѣлъ Конисскому передѣлать челобитную на двѣ: въ одной должно было заключаться исчисленіе обидъ, причиненныхъ православнымъ внутри могилевской экономіи, а въ другой—исчисленіе обидъ внѣ этой экономіи: первую велѣлъ подать въ камеру королевскую, вторую канцлерамъ коронным и ему, вице-канцлеру литовскому. Конисскій исполнилъ все это. «Съ тѣхъ поръ, доносилъ онъ синоду, какъ начали водить, такъ и понынѣ водятъ. Росписали къ нѣкоторымъ, въ челобитной моей показаннымъ обидчикамъ, чтобъ прислали отвѣты па мои жалобы; узнавъ объ этомъ отъ господъ министровъ, я представлялъ имъ, что мнѣ такимъ собираніемъ отвѣтовъ новая причиняется обида, потому что и не ко всѣмъ обидчикамъ за такими отвѣтами послано, да и посылать ко всѣмъ невозможное дѣло, потому что большая ихъ часть уже на судъ Божій позваны и я съ такихъ никакой сатисфакціи не прошу, только возвращенія отнятаго или только чтобъ впредь подобныя обиды дѣлать запрещено; да и которые обидчики въ живыхъ остались и пришлютъ отвѣты, то съ ихъ отвѣтовъ не доведется никакой чинить резолюціи, понеже сами себя виновными не признаютъ, а въ чемъ ложно извиняться захотятъ, я готовъ всегда опровергать и такимъ образомъ собиранію отвѣтовъ да доказательствъ конца не будетъ, и какъ имъ, обидчикамъ, таковая отвѣтовъ и доказательствъ изъ домовъ своихъ безъ малѣйшихъ убытковъ присылка очень понаровочна, такъ мнѣ ожидать оныхъ отвѣтовъ здѣсь въ Варшавѣ и большіе убытки нести весьма тяжело и несносно, и что на остатокъ изъ моихъ жалобъ нѣкоторыя суть таковыя, которыя по разсмотрѣніи документовъ письменныхъ никакому изслѣдованію не подлежатъ. Таковое однако мое представленіе мѣста у нихъ господъ министровъ не получило, еще учинили меня богатымъ: ты де богатъ, можешь здѣсь проживать, а отвѣтную сторону волочить сюда по скудости ихъ не доводится».

Такимъ образомъ Поляки сами вызывали со стороны Россіи рѣшительныя мѣры. «Сеймъ чрезвычайный, писалъ Репнинъ отъ 21 сентября, конечно нуженъ какъ для рѣшенія нашихъ дѣлъ, такъ и для разбора таможеннаго дѣла. Но надобно предварительно согласиться въ этихъ дѣлахъ. Нашихъ два дѣла надобно будетъ рѣшить на сеймѣ: дѣло диссидентское и пункты новаго союзнаго трактата. О диссидентскомъ дѣлѣ я того мнѣнія, что вдругъ его на одномъ сеймѣ всего сдѣлать будетъ нельзя, а надобно, по послѣдней мѣрѣ, на два раздѣлить; для вѣрности же, что чистосердечно будутъ поступать, думаю, надобно заранѣе составить планъ и заключить формальную тайную конвенцію съ здѣшнимъ дворомъ—поступать въ диссидентскомъ дѣлѣ согласно съ обѣихъ сторонъ для достиженія желаемаго конца. Король мнѣ клялся, что все на свѣтѣ сдѣлаетъ, что только ему будетъ возможно, согласился и на составленіе заранѣе плана, только съ оговоркою, что за точное исполненіе отвѣчать не можетъ, а обяжется въ одномъ, что употребитъ всевозможное стараніе къ достиженію желаемаго успѣха. Король прибавилъ, что въ диссидентскомъ дѣлѣ приготовляется ко всякимъ непристойнымъ своевольствамъ и къ обнаженію сабель даже въ самомъ сенатѣ, которой наглости еще никогда не бывало и которая конечно будетъ очень оскорбительна его достоинству; мало того, опасности и настоящей междоусобной войны: и на все это отваживается въ доказательство преданности къ императрицѣ; но требуетъ, чтобъ въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ не былъ оставленъ и былъ бы достаточно подкрѣпленъ какъ деньгами, такъ и войскомъ».

Панинъ въ концѣ сентября объявилъ польскому повѣренному въ дѣлахъ Псарскому, писалъ и Репнину, что относительно диссидентовъ, намѣреніе императрицы непремѣнно; что она не только сама собою, но и по соглашенію со всѣми протестантскими державами, будетъ дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока диссиденты придутъ въ законное положеніе по правамъ и справедливости; что ея величество въ своемъ намѣреніи конечно не уступитъ произволу нѣкоторыхъ людей; но зная вполнѣ просвѣщенныя мнѣнія короля польскаго, нимало не сомнѣвается, что этотъ государь употребитъ всѣ зависящія отъ него средства къ совершенію такого похвальнаго и для него самого полезнаго дѣла,

не обращая вниманія на пристрастные и фанатическіе совѣты, которые ему самому современемъ много хлопотъ надѣлаютъ.» Въ опасеніяхъ короля на счетъ трудности диссидентскаго дѣла Панинъ видѣлъ внушенія Чарторыйскихъ; ихъ же внушеніямъ приписывалъ онъ и заискиванія польскаго двора у Франціи, рѣшеніе отправить туда посланника. Панинъ писалъ Репнину: «Королю и людямъ искренно къ нему привязаннымъ время подумать серіозно объ утвержденіи безопасности и силы собственнаго положенія, которое можетъ быть основано единственно на связи его съ нашими интересами по желаніямъ ея императорскаго величества; всѣ же посторонніе тонкости болѣе вредны, чѣмъ полезны. Я, имѣвъ такое участіе въ его возвышеніи и по этому одному искренно желая его благосостоянія, не могу безъ сильнаго сожалѣнія видѣть, какъ поспѣшныя и по мелкимъ видамъ партіи составленныя резолюціи двора его часъ отъ часу причиняютъ большее охлажденіе и вводятъ въ новыя хлопоты. Можетъ ли его величество себѣ представить, чтобъ такое явное предпочтеніе къ державѣ, которая, будучи такъ отдалена границами, не имѣетъ никакого побужденія вмѣшиваться въ польскія дѣла, кромѣ желанія пріобрѣсть вліяніе интригами и подкупами, чтобъ явное предпочтеніе, оказываемое такой державѣ не могло не тронуть другія державы, ведшія себя иначе при избраніи его величества? Пусть Англія, Швеція, Данія не помогали этому избранію: но онѣ и не дѣйствовали противъ него и возведеніе на престолъ Станислава-Августа признали самымъ дружественнымъ образомъ; притомъ же и собственный интересъ побуждаетъ ихъ содѣйствовать внутреннему и внѣшнему спокойствію польской республики и всего сѣвера. Напротивъ того, Франція желаетъ больше всего несогласій и смутъ на сѣверѣ; тѣсная связь съ Франціею никогда не спасала и впредь не можетъ спасать Польшу отъ хлопотъ съ сосѣдями, а пребываніе въ Польшѣ французскихъ посланниковъ усилитъ эти хлопоты и произведетъ холодность. Относительно самого себя король польскій, зная хитрость и высокомѣріе французской политики, долженъ быть убѣжденъ, что Франція никогда не забудетъ случившагося съ Станиславомъ Лещинскимъ, и что не только она, но и австрійскій домъ не простятъ Россіи избраніе Станислава-Августа, и конечно всегда будутъ стараться поправить дѣло

посредствомъ саксонскаго двора. Для сохраненія собственной репутаціи я желалъ бы быть ложнымъ пророкомъ; но къ сожалѣнію ничего твердаго и спокойнаго предвидѣть не могу, если поведеніе въ вашемъ мѣстѣ не перемѣнится; надобны не слова, а дѣла, безъ чего мы можемъ нечувствительно отойти отъ тѣхъ нашихъ политическихъ расположеній, которыми мы руководствовались при стараніи о возведеніи на престолъ Станислава-Августа, и остаться съ Польшею въ отношеніяхъ, какія были въ прежнее время».

Получивъ отъ Панина это письмо, Репнинъ тотчасъ же сообщилъ его содержаніе графу Ржевускому, который, по возвращеніи изъ Петербурга, жилъ въ Варшавѣ; тотъ отвѣчалъ, что дѣйствительно рѣшеніе отправить во Францію министра принято слишкомъ поспѣшно, и вмѣстѣ увѣрялъ въ искренней преданности короля императрицѣ и въ отсутствіи всякаго поползновенія раздѣлить польскую политику отъ русской; поспѣшность же относительно посылки министра во Францію объяснялъ тщеславнымъ желаніемъ короля быть поскорѣе отъ всѣхъ признаннымъ. Поговоря съ Репнинымъ, Ржевускій тотчасъ же поѣхалъ къ королю сообщить ему о письмѣ Панина. Слѣдствіемъ было то, что король прислалъ за Репнинымъ, котораго встрѣтилъ не со слезами только, но съ рыданіемъ и совершеннымъ сокрушеніемъ о томъ, что въ Петербургѣ усумнились въ его искренности и совершенной преданности. «Я, говорилъ онъ, теряю болѣе чѣмъ жизнь и корону, когда лишаюсь дружбы и довѣрія императрицы; выходитъ, что ея императорское величество никогда меня не знала, если сомнѣвается въ моемъ прямодушіи».— «Изъ этого разговора я между прочимъ ясно видѣлъ, писалъ Репнинъ, что короля вовлекъ въ этотъ поступокъ братъ его, генералъ австрійской службы Понятовскій; этотъ генералъ думаетъ, что и въ раю не такъ хорошо какъ въ австрійской арміи; онъ убѣдилъ короля тайкомъ, безъ объясненія со мною, обѣщать министра во Францію, боясь, что если король предварительно сталъ бы говорить со мною, то я не согласился бы. Я не могу себѣ представить, чтобъ раскаяніе короля было притворно, ибо такой горести, слезъ и сокрушенія я мало видывалъ». Дѣйствительно, самъ король послѣ признался Репнину, что все надѣлалъ братъ его генералъ, которому онъ приказалъ

предварительно объявить обо всемъ Репнину; тогда какъ генералъ сдѣлалъ это объявленіе не предварительно, а послѣ того какъ уже дано было обѣщаніе отправить во Францію министра. Но мы видѣли изъ письма короля къ Жоффрэнъ, какъ хотѣлось ему завести дипломатическія сношенія съ французскимъ дворомъ. Переписка по этому же предмету продолжалась и въ 1765 году. Извѣстный Бретейль изъявлялъ желаніе быть посланникомъ въ Варшавѣ по старой дружбѣ съ новымъ польскимъ королемъ. Станиславъ-Августъ писалъ ему, что и онъ желаетъ его видѣть французскимъ министромъ въ Варшавѣ, если французскій дворъ дастъ ему инструкцію дѣйствовать по новому, а не по старому: «Я васъ спрашиваю, писалъ король, хотите ли вредить вашему старому и доброму другу, внушая моимъ подданнымъ: *берегитесь вашего короля, у него дурные замыслы*; тогда какъ французскому министру всего легче и естественнѣе держать Полякамъ такую рѣчь: «Франція постоянно твердила, что желаетъ добра и возвышенія Польшѣ, ибо это было бы полезно и для самой Франціи. Теперь у васъ король, который старается объ удовлетвореніи этому желанію: такъ я, Французъ, увѣщеваю васъ ревностно помогать вашему королю. Я могу этому содѣйствовать съ своей стороны, ибо мы желаемъ, чтобъ вы стали народомъ, имѣющимъ значеніе (une nation figurante)». Однимъ словомъ, Станиславъ-Августъ хотѣлъ, чтобъ Франція содѣйствовала его преобразовательнымъ планамъ.

Но осуществленіе этихъ плановъ скоро начало представляться королю соединеннымъ съ величайшими трудностями, и не внѣшними только. Въ началѣ марта онъ уже жаловался своей маменькѣ Жоффрэнъ: «Трудность натурализаціи иностранцевъ, презрѣніе къ простому народу и его угнетеніе и католическая нетерпимость—вотъ три самыхъ сильныхъ національныхъ предразсудка, съ которыми я долженъ бороться въ Полякахъ. Они, въ сущности, народъ добрый, но воспитаніе и невѣжество дѣлаютъ ихъ страшно упрямыми на счетъ означенныхъ пунктовъ, и для излѣченія ихъ отъ этихъ предразсудковъ надобно идти тихо». Въ томъ же письмѣ король жалуется маменькѣ на французскую политику: «Вы играете въ мячъ съ Австріею. Она говоритъ, что вы препятствуете ей признать меня королемъ, а вы говорите, что препятствія этому родятся въ Вѣнѣ, и вмѣстѣ

путаете головы этимъ бѣднымъ Туркамъ, которымъ внушаютъ паническій страхъ предъ какимъ-то бѣдствіемъ, долженствующимъ постигнуть ихъ изъ Польши. Не прогнѣвайтесь, ваша политика бредитъ, а моя дожидается».

Потомъ опять жалобы на свое положеніе. По поводу намѣреваемаго пріѣзда Жоффрэнъ въ Варшаву, Станиславъ-Августъ писалъ ей: «Вы найдете своего сына очень занятымъ (и это еще не бѣда), но вы найдете его почти всегда печально занятымъ сосоставленіемъ плановъ, въ осуществленіи которыхъ нѣтъ успѣха. Постоянныя препятствія или отъ предразсудковъ или отъ злонамѣренности внутри и внѣ; захочу сдѣлать что-нибудь хорошее—не могу по недостатку власти, какъ государь, ограниченный завистливою свободою, и какъ вождь народа безоружнаго. Петръ 1-й гранилъ большой дикій алмазъ, но онъ былъ господинъ и алмаза и орудій, которыми онъ производилъ граненіе. Присоедините къ тому темпераментъ меланхолическій и чрезвычайно чувствительный, и судите, каковъ я долженъ быть, особенно когда могущественный сосѣдъ даетъ мнѣ чувствовать, что онъ затѣмъ только помогъ мнѣ достигнуть престола, чтобъ отнять у меня всякую возможность противиться его самымъ оскорбительнымъ обидамъ».

А тутъ еще Репнинъ внушаетъ Станиславу-Августу, чтобъ онъ женился на дочери португальскаго короля. Этого требовалъ Панинъ, потому что бракъ былъ выгоденъ для сѣверной системы: португальскій дворъ связанъ съ Англіею и его вліяніе никогда не будетъ вредить союзу Польши съ Россіею и со всѣмъ сѣверомъ.

А тутъ еще пріятныя отношенія къ родственникамъ, въ родѣ слѣдующаго: король имѣлъ крайнюю нужду въ деньгахъ, и нашелъ было случай занять ихъ; но воевода русскій съ своею дочерью, княгинею Любомирскою, узнавъ объ этомъ, помѣшалъ займу, убѣдивъ заимодавцевъ, что королю вѣрить нельзя. Король былъ очень этимъ раздосадованъ, но имѣя крайнюю нужду въ деньгахъ, уже рѣшился было заискать въ дядюшкѣ. Тутъ Репнинъ, не желая, чтобъ онъ входилъ въ зависимость отъ дяди, предложилъ ему взаймы 20,000 червонныхъ, взявши съ него росписку, копію съ которой отослалъ въ Петербургъ.

Между тѣмъ таможенное дѣло все тянулось. Фридрихъ II соглашался уничтожить маріенвердерскую таможню только въ такомъ случаѣ, если Польша отмѣнитъ свой новый таможенный уставъ, какъ составленный безъ согласія прусскаго короля. Въ Петербургѣ рѣшили, что надобно на это согласиться, и Репнинъ объявилъ объ этомъ рѣшеніи королю. Станиславъ-Августъ отвѣчалъ, что это нанесетъ ему большой ущербъ, и распространился о несправедливости прусскаго короля, отъ котораго теперь надобно будетъ опасаться, что онъ постоянно безъ всякаго права будетъ вмѣшиваться во всѣ польскія дѣла и всему препятствовать, а Россія никогда не захочетъ вступиться за Польшу и «защитить свое бѣдное твореніе, оставляя его въ горести и порабощеніи». Эти послѣднія слова онъ сказалъ растроганнымъ голосомъ и почти со слезами [114].

Станиславъ-Августъ тѣмъ болѣе долженъ былъ досадовать на холодность французскаго и австрійскаго дворовъ, что отъ нихъ скорѣе всего могъ ожидать поддержки противъ насилій Фридриха II; но даже если бы эта холодность исчезла, то это только запутывало его отношенія къ Россіи, заставляло его прибѣгать къ безполезному двоедушію, ибо непріязненныя отношенія между этими дворами и петербургскимъ усиливались все болѣе и болѣе. 26 февраля князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ доносилъ императрицѣ, что дѣло Любскаго коадъюторства рѣшено въ имперскомъ совѣтѣ въ пользу датскаго двора, причемъ главнымъ побужденіемъ служило то, чтобъ предупредить взаимное соглашеніе по этому дѣлу между Россіею и Даніею и такимъ образомъ сохранить достоинство римскаго императорскаго двора. Панинъ замѣтилъ: «Не предупредить, а думали сдѣлать шиканъ и въ затрудненіе привесть нашу негоціацію (съ Даніею): но и въ томъ и въ другомъ опоздали» [115].

Въ слѣдствіе извѣстныхъ прошлогоднихъ сообщеній изъ Англіи императрица не хотѣла имѣть болѣе Беранже французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при своемъ дворѣ. Беранже былъ отозванъ по требованію русскаго двора и на его мѣсто пріѣхалъ въ качествѣ полномочнаго министра маркизъ Боссэ [116].

Главнымъ союзникомъ Австріи и Франціи въ Константинополѣ былъ крымскій ханъ Крымъ-гирей. Въ апрѣлѣ ему удалось сильно раздражить султана противъ Россіи, и австрійскій интернунцій

Пенклеръ, узнавъ объ этомъ раздраженіи, тотчасъ предложилъ возобновленіе бѣлградскаго договора между Австріею и Турціею. Получивъ это извѣстіе отъ Обрѣзкова, Панинъ замѣтилъ: «Въ поступкѣ учиненнаго предложенія самому султану съ вѣнской стороны о возобновленіи трактата въ самое то время, когда султанъ наисильнѣйше развращенъ противу насъ, ощутительно кроется намѣреніе вѣнскаго двора, чтобъ показаніемъ желанія и новаго исканія вступить въ мирныя обязательства, наипаче ободрить Порту ко всякимъ противу насъ предпріятіямъ, яко въ такое время, въ которое возобновленіемъ того трактата мы лишимся совсѣмъ надежды получить аустрійскую помощь». Обрѣзковъ писалъ, что австрійскій интернунцій съ французскимъ посломъ употребляютъ всевозможныя средства для раздраженія султана противъ Россіи, и, зная по прежнему союзу съ ними и откровенности русскаго министра, какіе каналы онъ употребляетъ для полученія свѣдѣній о намѣреніяхъ Порты, стали теперь открывать послѣдней эти каналы. Панинъ написалъ на донесеніи Обрѣзкова: «Такой поступокъ во всемъ свѣтѣ почитается сущею измѣною. Обрѣзковъ довольно наставленъ, а послѣ такого уже поведенія ему не останется нужды ни въ какомъ уваженіи, слѣдовательно можно думать, что онъ употребитъ всевозможное къ обращенію тучи на аустрійскій домъ съ воспользованіемъ для насъ навигаціи на Черномъ морѣ. Ваше величество всегда будете въ состояніи удержать отъ той игры короля прусскаго, Турки жъ одни болѣе не сдѣлаютъ вреда Аустрійцамъ, какъ только нѣсколько посломаютъ ихъ гордость и сдѣлаютъ имъ впередъ нашу дружбу драгоцѣннѣе французской и всякой другой».

Обрѣзкову былъ посланъ такой рескриптъ: «Изъ послѣдней вашей реляціи мы усматриваемъ, сколько вѣнскій дворъ, жертвуя болѣе и болѣе своими непоколебимыми интересами интересу настоящаго своего ослѣпленнаго соединенія съ Франціею и ничѣмъ необузданному своему желанію возвращенія потерянной Шлезіи съ распространеніемъ своего владычества между германскими штатами, наконецъ въ вашемъ мѣстѣ сымаетъ маску и не употребляетъ уже болѣе никакого уваженія въ приведеніи Порты къ разрыву съ нами, ибо невозможно основательно приписать тому двору никакого другаго вида или намѣренія въ учиненномъ

отъ него при настоящемъ смятеніи дѣлъ султану предложеніи о возобновленіи съ нимъ извѣстнаго трактата, какъ чтобъ выгоднѣйшимъ и скорѣйшимъ онаго одержаніемъ наипаче ободрить и возбудить Порту къ непріятельскимъ противъ имперіи нашей предпріятіямъ, къ тому же вѣроломное и передапническое поведеніе того двора министра открытіемъ оной (Портѣ) прежнихъ вашихъ средствъ и каналовъ, (извѣстныхъ ему) для тогдашнихъ съ нимъ общихъ интересовъ не оставляетъ намъ ничего болѣе, какъ единое для пользы и успѣха наше собственное уваженіе, и потому мы положили чрезъ сіе вамъ точно предписать нашу императорскую волю и повелѣніе, по которымъ вы имѣете съ дознаннымъ нами вашимъ искусствомъ и благоразуміемъ употребить всевозможные способы и всѣ ваши силы, чтобъ натягаемую австрійскимъ домомъ тучу обратить на него самого по настоящему между нами и его прусскимъ величествомъ тѣсному союзу. Мы будемъ всегда имѣть способы сего государя удержать отъ чрезмѣрнаго уже тогда обремененія войною съ его стороны вѣнскаго двора; Турки же одни конечно не много оному принесутъ существительнаго ущерба, но рогъ его гордости и высокомѣрія, чаятельно, довольно посломаютъ. Вы Портѣ представлять можете выгоды ея собственной политики, когда мы раздѣляемся въ дѣлахъ съ австрійскимъ домомъ, яко съ такою державою, которая, по положенію своихъ областей, всегда имѣетъ взаимно съ Портою междоусобные интересы и виды важнѣйшіе и непримирительнѣйшіе, а напротивъ того, для твердѣйшаго сохраненія общей тишины, мы составляемъ нашу политическую систему съ берлинскимъ дворомъ и съ польскою республикою, которую какъ мы по собственному нашему натуральному интересу не можемъ допустить сдѣлать себя активною, каковъ есть въ публичныхъ дѣлахъ аустрійскій домъ, такъ и она сама въ разсужденіи своей внутренней конституціи не въ состояніи того достигнуть; отдаленная же отъ турецкихъ границъ прусская держава не должна имѣть ни малаго мѣста между уважаемыми штатскими резонами Порты оттоманской относительно къ нашему союзу съ нею, ибо оный безпосредственно до порты касаться не можетъ, а ненавистники наши, и особливо вѣнскій дворъ, напрасно ищутъ представлять Портѣ мечтательную опасность (проистекающую) отъ того союза (для) польской незави-

симости, потому что тѣмъ самымъ мы ее уже дѣйствительно освободили изъ чужестранныхъ рукъ и возвратили ей истинную ея вольность и независимость; да пускай и такъ бы было, чтобъ нашимъ съ прусскимъ королемъ союзомъ содержима Польша была въ нѣкоторыхъ границахъ ея политическихъ видовъ: такъ и сіе Портѣ предосужденія приносить не можетъ. Къ обращенію настоящаго въ султанѣ зараженія къ войнѣ противъ вѣнскаго двора вы нынѣ можете особливо воспользоваться окончаніемъ срока бѣлградскаго мирнаго трактата; а если султанъ войны желаетъ, то конечно справедливѣе и полезнѣе оную предпринять противу аустрійскаго дома, нежели противу Россіи: справедливѣе, потому что будучи мирныя обязательства окончены, тутъ уже нѣтъ вѣроломства; полезнѣе, потому что съ той только стороны могутъ найтиться дѣйствительные предметы завоеванія. И противу же чего въ разсужденіи Россіи имъ надобно будетъ разорвать съ нами торжественно постановленный вѣчный миръ, который во всѣхъ своихъ статьяхъ съ нашей стороны свято хранится, да и сіе учинить безъ всякой разсудительной надежды какого-либо прочнаго и полезнаго себѣ пріобрѣтенія».

Но въ то время какъ принимались такія мѣры противъ вѣнскаго двора, въ надеждѣ на тѣсный союзъ съ его прусскимъ величествомъ, въ секретнѣйшемъ донесеніи отъ 16 мая Обрѣзковъ далъ знать, что пріятели его, секретарскіе подъячіе рейсъ-еффенди сообщили о полученіи Портою какого-то извѣстія относительно дворовъ русскаго и прусскаго, которое приводитъ ее въ раздраженіе и затрудненіе. Оказалось, что прусскій посланникъ Рексинъ предложилъ Портѣ заключить съ Пруссіею оборонительный союзъ противъ вѣнскаго двора, прибавивъ, что такъ какъ дружба между Россіею и Пруссіею теперь самая сильная и кредитъ прусскаго короля при петербургскомъ дворѣ превосходитъ всякое вѣроятіе, то заключеніе предлагаемаго союза не только будетъ пріятно петербургскому двору, но и дастъ возможность прусскому королю доставить Портѣ разныя удобства со стороны Россіи; если же Порта уклонится и теперь отъ союза, который предлагается уже въ послѣдній разъ, то, быть можетъ, увидитъ удивительныя слѣдствія своего упорства. Порта приняла послѣднія выраженія за явныя угрозы и, не признавая возможнымъ, по географическому положенію, чтобъ Пруссія

могла нанести ей вредъ, сочла, что прусскій король хочетъ употребить Россію орудіемъ этого вреда и пришла въ сильное раздраженіе, особенно самъ султанъ. Рейсъ-еффенди сказалъ Обрѣзкову: «не жалуйтесь на противниковъ, потому что мнимые ваши друзья больше вамъ вредятъ». Тутъ Панинъ замѣтилъ: «Ни по какому резону нельзя теперь думать, чтобъ король прусскій разсудилъ намъ злодѣйствовать, слѣдовательно служить вѣнскому двору». Но въ слѣдующемъ донесеніи Обрѣзковъ увѣдомилъ о письменномъ сообщеніи Рексина Портѣ, что Россія многіе старинные польскіе уставы совершенно ниспровергла, а иные измѣнила, такъ что теперь вольность республики подвержена неминуемой опасности; что Россія хотѣла было уничтожить и liberum veto, и это непремѣнно бы исполнилось, еслибы не помѣшалъ тому король прусскій; на этотъ разъ ему удалось отвратить такую опасность, грозящую одинаково и Пруссіи и Турціи, ибо съ уничтоженіемъ liberum veto король польскій сталъ бы самовластнымъ, но прусскій король не можетъ знать, будетъ ли такъ счастливъ на будущее время, зная, что намѣреніе Россіи не оставлено вовсе, а только отложено до удобнѣйшаго времени, почему Фридрихъ II вынужденъ безпрестанно за этимъ смотрѣть, тогда какъ заключеніе прусско-турецкаго союза уничтожило бы разомъ всѣ эти опасности. Обрѣзковъ писалъ: «Такъ какъ устремленіе противниковъ всеобщее, особенно же новые злостные подвиги (Рексина) чрезвычайные, то нельзя еще съ точностію предсказать, получимъ ли мы хотя малое отъ нынѣшней заботы отдохновеніе». На это Панинъ замѣтилъ: «Къ сему времени Рексинъ уже конечно обузданъ будетъ полученіемъ новыхъ согласныхъ инструкцій касательно до оборота Турокъ противъ вѣнскаго двора».

Императрица, считая ниже своего достоинства входить непосредственно въ объясненія съ Фридрихомъ II-мъ по поводу «столь поноснаго дѣла», какъ выражался Панинъ, поручила послѣднему привести это дѣло въ такое состояніе, чтобъ истина была совершенно открыта, а королю не оставалось бы ничего другаго, какъ или признать поступки своего министра измѣнническими, или явно остаться въ числѣ людей невѣрныхъ и *каверзныхъ*. Когда Панинъ обратился къ графу Сольмсу за объясненіемъ, тотъ въ отвѣтъ прочелъ ему собственноручное письмо

Фридриха II-го, гдѣ говорилось, что его прусское величество отъ времени заключенія съ Россіею союза, не только не искалъ и впредь искать не намѣренъ турецкаго союза, но и ни съ какою другою державою ни въ какіе переговоры не вступитъ, не давши знать о томъ предварительно русскому двору. Король думаетъ, говорилось въ письмѣ, что основаніемъ подозрѣнія относительно турецкихъ дѣлъ могла послужить прошлогодняя посылка отъ него одного майора въ Константинополь единственно съ цѣлію уяснить поведеніе Рексина, подавшаго нѣкоторый поводъ къ сомнѣнію. Пришло второе, болѣе подробное донесеніе Обрѣзкова; Панинъ снова обратился къ Сольмсу, и тотъ не нашелся ничего отвѣтить. «Ваше превосходительство изъ того сами довольно усмотрите, писалъ Панинъ Обрѣзкову, какого поступка отъ короля прусскаго въ вашемъ мѣстѣ ожидать должно къ опроверженію того, что его министръ учинилъ, если онъ захочетъ остаться правъ и безъ альтераціи сохранить настоящую свою съ нами систему». Даже въ томъ случаѣ, по мнѣнію Панина, если Рексинъ, по безразсудной ревности, и раздулъ дѣло, другаго заключенія о политикѣ прусскаго короля вывести нельзя, какъ то, что онъ колеблется между Россіею и другими державами относительно своей безопасности и настоящихъ выгодъ. Обрѣзковъ отвѣчалъ Панину присылкою новыхъ документовъ, именно проекта вѣчнаго оборонительнаго союза между Портою и Пруссіею (состоявшаго изъ одиннадцати статей, при чемъ Россія не исключалась: союзъ заключался противъ всѣхъ христіанскихъ и сосѣднихъ съ Портою и съ Пруссіею державъ), и потомъ присылкою представленія, поданнаго Рексинымъ Портѣ въ ноябрѣ 1764 года о неотлагательномъ заключеніи этого союза. Въ этомъ представленіи были прибавлены еще двѣ статьи: 1) Если между Портою и русскимъ дворомъ произойдетъ какое-нибудь неудовольствіе, то король долженъ употреблять добрыя услуги и посредничество наилучшимъ образомъ и стараться всѣми средствами предупредить и отвратить могущія произойти отъ этого дурныя послѣдствія. 2) Король обѣщаетъ, что отъ избранія настоящаго польскаго короля Портѣ никакого вреда не будетъ. «По моему слабому разсужденію и предвидѣнію, писалъ Обрѣзковъ, мнѣ кажется, что нѣтъ той жертвы, какой бы прусскій король ни принесъ для пріобрѣтенія турецкаго союза». Панинъ

замѣтилъ относительно присланныхъ Обрѣзковымъ документовъ: «Соображая между собою всѣ сіи обстоятельства, безъ ошибки можно заключить подтвержденіе прежнимъ нашимъ гаданіямъ, что король прусскій, воспользуясь избраніемъ польскимъ, хотѣлъ, для обнадеженія своей системы противъ аустрійскаго дома, схватить турецкую аліянцію; что его прибавочные два артикула представлены съ одной стороны для большаго акредитованія у Порты его съ нами союза, а съ другой, чтобъ тѣмъ же самымъ нѣсколько ослабить свои обязательства съ Турками въ разсужденіи насъ, еслибъ какія между нами и ими произошли замѣшательства въ слѣдствіе польскаго избранія, чего можетъ быть онъ тогда и опасался еще, и что Рексинъ ко всему оному прибавилъ свою собственную неумѣренную ревность, отъ которой происшедшія внушенія увеличивались по мѣрѣ сообщенія оныхъ отъ ушей къ ушамъ».

Въ сентябрѣ Сольмсъ передалъ Панину экстрактъ изъ депеши къ нему короля. Въ экстрактѣ говорилось, что его прусское величество приведенъ былъ въ крайнее изумленіе извѣстіемъ о поступкахъ своего министра въ Константинополѣ; что они ему были совершенно неизвѣстны и въ Рексиновыхъ депешахъ нѣтъ ни малѣйшаго тому слѣда, хотя король, будучи недоволенъ поведеніемъ Рексина, посылалъ въ Константинополь нарочнаго для его освидѣтельствованія, особливо по причинѣ его плохой экономіи въ деньгахъ, однако и тутъ не дошло до его величества ничего что бы относилось къ настоящему обвиненію Рексина; несмотря на то, его величество думаетъ, что извѣстія о поступкахъ Рексина не могутъ быть совершенно лишены основанія, и потому поручаетъ графу Сольмсу объявить Панину, что онъ крайне раздраженъ противъ Рексина и думаетъ, что всего лучше отозвать его изъ Константинополя; Рексинъ будетъ призванъ въ Берлинъ и поведеніе его будетъ изслѣдовано со всею строгостію, и если онъ дѣйствительно окажется виновенъ въ подлыхъ и злостныхъ внушеніяхъ противъ Россіи, то понесетъ должное за это наказаніе; что король пошлетъ въ Константинополь другого министра, чтобъ вывесть Порту изъ заблужденія; онъ, король причиною, побудившею Рексина на такіе поступки, считаетъ дурное и распущенное хозяйство; вѣроятно онъ прельстился на деньги и допустилъ подкупить себя какой-нибудь изъ не-

доброжелательныхъ державъ. Сообщая объ этомъ Обрѣзкову, Панинъ просилъ его обходиться осторожно и съ новымъ прусскимъ министромъ, впрочемъ полагался совершенно на благоразуміе Обрѣзкова; вообще же взглядъ его на это дѣло состоялъ въ томъ, что хотя король прусскій и могъ дать поводъ Рексину распространить интриги, противныя союзу между Россіею и Пруссіею какими-нибудь повелѣніями, касающимися проволочки неопредѣленныхъ отношеній между Турціею и Польшею, медленности въ признаніи королемъ Станислава-Августа: однако, изъ увѣреній Фридриха II и изъ его рѣшенія отозвать и предать Рексина суду, можно заключить, что послѣдній далеко зашелъ за предѣлы королевскихъ наставленій, и что король прусскій, по той или другой причинѣ, сильно почувствовалъ затруднительность своего положенія, и чтобъ выйти изъ него, снова обязался поддерживать при Портѣ русскіе интересы, и отступить скоро отъ нихъ будетъ для него уже труднѣе. Затруднительное положеніе Фридриха увеличилось еще тѣмъ, что Панинъ прочелъ Сольмсу копію съ письма англійскаго посла въ Константинополѣ Гренвиля къ англійскому же министру въ Петербургѣ Макартнею: въ письмѣ сообщалось о тѣхъ же поступкахъ Рексина противъ Россіи, съ прямымъ указаніемъ, что нерѣшительность и безпокойство Порты по дѣламъ польскимъ происходятъ болѣе отъ внушеній Рексина, чѣмъ отъ министровъ непріязненныхъ Россіи дворовъ [117].

На югѣ, въ Турціи трудно было отличить поведеніе союзника отъ поведенія враговъ; на сѣверѣ, въ Швеціи, борьба была болѣе открытая. Въ январѣ Остерманъ извѣщалъ, что несмотря на всѣ интриги и денежныя издержки французской партіи, ландмаршаломъ выбранъ патріотъ полковникъ Рудбекъ; благонамѣренные не жалѣли никакого труда при достиженіи этой цѣли и ревностно слѣдовали совѣтамъ Остермана. «Правда, писалъ Остерманъ, что мною и англійскимъ министромъ издержана немалая сумма денегъ: за то съ 1738 года никогда не было такого благополучнаго сейма, ибо всѣ четыре оратора выбраны изъ числа благонамѣренныхъ». Но Остерманъ сообщалъ и непріятное извѣстіе: королева старалась помѣстить въ секретную коммиссію шесть знатныхъ членовъ французской партіи. Напрасно прусскій министръ Кокцей представлялъ ей, какъ это вредитъ

общему дѣлу; она отвѣчала, что если въ этомъ случаѣ не будетъ исполнено ея желаніе, то она удалится въ Дротнингольмъ, и прибавила: «очень жаль, что мои мысли никогда не сходятся съ братними, и удивляюсь, какъ это другія державы хотятъ лучше моего знать, на кого изъ здѣшнихъ людей полагаться; очень естественно, что я должна вступаться въ дѣло, которое такъ близко касается моего дома». — «Какія-нибудь да есть тайныя обольщенія французскаго двора, писалъ Остерманъ: королева конечно льстится посредствомъ французскаго двора получить больше власти, чѣмъ посредствомъ в. и. в-ства. Опасность состоитъ въ томъ, что если королева будетъ продолжать оказывать такую же холодность къ благонамѣреннымъ и предпочтеніе членамъ французской партіи (какъ напримѣръ, на другой день избраніе ландмаршала посадила его къ игрѣ младшаго принца Карла, а къ себѣ взяла членовъ французской и придворной партіи), то это можетъ воспрепятствовать благонамѣреннымъ содѣйствовать вашему намѣренію въ пользу королевскую.

На основаніи донесеній Остермана Панинъ написалъ для императрицы свое мнѣніе: «Повидимому ихъ шведскія величества не престанутъ предпочитать разумному удовольствію свои безпредѣльныя желанія. Ваше в-ство конечно уже свято исполнили что долгъ дружбы и свойство требовать могъ, слѣдовательно по всѣмъ существительнымъ резонамъ никто болѣе зазрить не можетъ, когда соизволите указать ихъ оставить ихъ собственнымъ интригамъ и жребію, а напротивъ того, постановить дѣла благонамѣренной партіи на такомъ основаніи, чтобъ безъ дворовой зависимости съ единымъ вашимъ подкрѣпленіемъ она оставалась въ поверхности, къ исполненію чего уже немного лишняго труда надобно, тѣмъ наипаче, что можно королю оставить всегда отворенную дверь съ нею соединиться». Императрица подписала: «быть по сему».

Секретная коммиссія составилась съ большинствомъ благонамѣренныхъ. «Теперь, писалъ Остерманъ, отъ в. и. в-ства зависитъ благополучное начало къ счастливому окончанію привести и заставить шведскій народъ вѣчно прославлять ваше имя. Это исполнится, если не помѣшаютъ внезапныя приключенія, а именно, если напримѣръ Франція, сильнѣйшимъ подкупомъ дастъ королю возможность нечаянно захватить самодержавіе, разру-

шить сеймъ, привести партію благонамѣренныхъ въ смятеніе или несогласіе и произвести холодность въ дружбѣ между в. в-ствомъ и королемъ съ королевою, ибо въ этомъ состоитъ и будетъ состоять главная цѣль французской шайки». Панинъ замѣтилъ при этомъ: «Разумно предусматриваетъ, но трудности велики; а еслибы впротиву всѣхъ ихъ отважились, то крайнія съ нашей стороны средства къ помѣшательству могутъ быть столь велики, что и однимъ такимъ разомъ вся сѣверная система рѣшится».

Остерманъ доносилъ, что онъ издержалъ по сіе время 802326 талеровъ мѣдною монетою, и въ остаткѣ у него только 665358 талеровъ мѣдною монетою. Панинъ замѣтилъ: «Поистинѣ сумма весьма невелика и сочиняетъ съ небольшимъ 30000 рублей, теперь къ оставшимъ въ добавокъ еще переведено 70000 рублей.» Англійскій министръ Гудрикъ издержалъ 360,000 талеровъ мѣдною монетою.

Прусскій министръ баронъ Кокцей не истратилъ ни одного талера; но, повидимому, сильно поддерживалъ Остермана. Въ февралѣ онъ сообщилъ послѣднему, что получилъ похвалу отъ своего короля за его внушеніе шведской королевѣ, какъ было бы несогласно съ общими и съ ея собственными интересами помѣщеніе въ секретную коммиссію французскихъ партизановъ; Кокцей сообщилъ также, что Фридрихъ II-й велѣлъ ему поддерживать во всемъ Остермана. Касательно отвѣта королевы, что если французскіе сторонники не попадутъ въ секретную коммиссію, то она удалится въ Дротнингольмъ, Фридрихъ II писалъ, что въ томъ большой бѣды не будетъ, если королева и дѣйствительно уѣдетъ изъ Стокгольма. «Такое разсужденіе и здѣсь слышится, писалъ Остерманъ; но если принять во вниманіе нравъ королевы, то она и тамъ тихо себя вести не станетъ, но, подъ покровомъ непринятія участія въ дѣлахъ, еще болѣе будетъ имѣть средствъ, чрезъ своихъ приверженцевъ, интриговать на сеймѣ и скрытно препятствовать операціямъ благонамѣренныхъ. Узнавъ, что при дворѣ дѣйствительно принимается намѣреніе уѣхать въ Ульрихсдаль подъ предлогомъ препровожденія тамъ великаго поста и приготовленія втораго принца Карла къ причастію, я просилъ кого слѣдуетъ отсовѣтовать ихъ величествамъ это дѣлать. Намѣреніе это принимается только для того, чтобъ

показать предъ публикою свое явное неудовольствіе на дѣйствія благонамѣренной партіи.»

Поѣздка въ Ульрихсдаль состоялась, и Екатерина писала по этому случаю Панину: «Остерманъ можетъ чрезъ третье лицо внушить королю и королевѣ, что я узнала о безполезности моихъ совѣтовъ, что безразсудная поѣздка ихъ въ Ульрихсдаль огорчила меня еще болѣе, и что онъ, Остерманъ, получилъ приказаніе не дѣлать болѣе безполезныхъ или компрометирующихъ попытокъ, и если моя искренняя дружба и мои совѣты, столь важные для истинныхъ интересовъ короля не выслушиваются болѣе, я не стану вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Если вы этого не одобряете, то раздерите записку».—Панинъ не разодралъ записки.

Въ началѣ мая Остерманъ принужденъ былъ писать императрицѣ. «Какъ бы я ни желалъ увѣдомить о перемѣнѣ дворовыхъ поступковъ къ лучшему, но, по несчастію, не въ состояніи этого исполнить, напротивъ долженъ донести, что чѣмъ больше обнаруживается затруднительное положеніе французскихъ сторонниковъ, чѣмъ болѣе имѣютъ они побужденій бояться наказанія, тѣмъ болѣе король и королева стараются ихъ защищать. Такое королевское снисхожденіе къ французскимъ сторонникамъ естественно не можетъ привлекать сердца благонамѣренныхъ». Такъ сенаторъ графъ Левенгельмъ представилъ сенату при закрытыхъ дверяхъ настоящее критическое положеніе дѣлъ, именно, что король, вопреки желанію сейма, защищаетъ виновныхъ людей и оказываетъ свое неудовольствіе на мѣры, принимаемыя сеймомъ, и это тѣмъ болѣе удивительно, что на этомъ сеймѣ помышляемо было опредѣлить правительственную форму къ удовольствію короля. Изъ такого поведенія королевскаго можно вывести одно, что его величество желаетъ чего-нибудь больше того, что государственные чины ему дать намѣрены; а такъ какъ сенатъ никакъ не можетъ согласиться на возстановленіе самодержавія, то нечего больше дѣлать, какъ, оставя короля въ покоѣ, соединиться съ націею и привести конституцію въ надлежащіе предѣлы въ виду будущей безопасности для народной свободы. По этому поводу одинъ изъ благонамѣренныхъ сенаторовъ имѣлъ продолжительный разговоръ съ королемъ, стараясь внушить ему о необходимости перемѣнить поведеніе. Король

отвѣчалъ, что удивляется какъ можно думать, что онъ ведетъ себя двуличнево, тогда какъ онъ постоянно держится однихъ и тѣхъ же взглядовъ. Остерманъ не хотѣлъ входить самъ въ объясненіе съ королемъ, дожидаясь пока французской партіи нанесенъ будетъ сильный ударъ открытіемъ на сеймѣ злоупотребленій членовъ этой партіи и исключеніемъ ихъ въ слѣдствіе этого изъ сената. «Безъ сомнѣнія, писалъ Остерманъ, французская партія употребитъ всѣ средства къ своему спасенію; но всѣ ея усилія останутся тщетными, если только мнѣ можно будетъ удержать въ согласіи членовъ русской партіи, гдѣ многіе заражены корыстолюбіемъ, другіе—неумѣреннымъ честолюбіемъ, третьи, изъ безразсуднаго тщеславія, стараются порочить поступки вождей партіи; а французская партія пользуется всѣмъ этимъ, чтобъ произвести между ними междоусобную вражду, и преимущественно поссорить другъ съ другомъ государственные чины».

Несмотря однако на такое невыгодное представленіе партіи колпаковъ или благонамѣренныхъ, вожди партіи, пользуясь своею поверхностію, начали дѣйствовать тѣмъ же оружіемъ, какимъ дѣйствовали до сихъ поръ враги ихъ противъ нихъ, именно исключать враждебныхъ имъ людей изъ сената. Королева и король стали употреблять всѣ средства, чтобъ защитить гонимыхъ. Королева, на вечерѣ во дворцѣ, послѣ комедіи, передъ ужиномъ, зазвала къ себѣ въ кабинетъ жену ландмаршала и болѣе полутора часа улещала ее подѣйствовать на мужа, чтобъ онъ не старался объ исключеніи изъ сената членовъ французской партіи. Жена ландмаршала отвѣчала, что мужъ ея не въ состояніи ничего сдѣлать, такъ какъ это зависитъ отъ цѣлой партіи. Послѣ долгихъ споровъ королева наконецъ изъявила желаніе узнать, у кого въ рукахъ деньги, у ея мужа или у русскаго посланника, говоря, что она, королева, выпросила у русской императрицы подкрѣпленіе для партіи колпаковъ, и потому удивляется, что ландмаршалъ съ своими пріятелями такъ плохо повинуется королевскому желанію. Жена ландмаршала отвѣчала, что мужъ ея не имѣетъ никакихъ денегъ для подкупа.

Сенаторы, графъ Экеблатъ и баронъ Шеферъ подали въ отставку. Король съ насмѣшкою спросилъ у ландмаршала, сколько еще сенаторовъ онъ намѣренъ низвергнуть. Ландмаршалъ отвѣчалъ, что число опредѣлить не можетъ, все зависитъ отъ того,

сколько окажется виновныхъ. Король упрекалъ его въ томъ, что онъ до сихъ поръ ничего не сдѣлалъ для его пользы; ландмаршалъ отвѣчалъ, что каждое дѣло требуетъ своего времени, и онъ надѣется исполнить свое обѣщаніе, если двое возмутителей, Спинклеръ и бургомистръ Малмстейнъ, перестанутъ мѣшать ему во всѣхъ его намѣреніяхъ.

Колпакамъ нужно было исключить изъ сената семь членовъ. Для ихъ спасенія французскій посолъ и придворная партія употребили всѣ усилія. Произошло сильное движеніе, причемъ многіе изъ колпаковъ, подъ видомъ сожалѣнія къ несчастной судьбѣ сенаторовъ, вдругъ перемѣнили поведеніе. Остермана увѣряли, что французскій посолъ истратилъ при этомъ случаѣ 1200000 талеровъ купферъ-мюнце, увѣряя также, что и отъ датскаго двора были розданы деньги. Остерманъ не могъ поручиться за вѣрность этихъ извѣстій, но вѣрно было то, что раздавались табакерки, часы, и за одинъ голосъ заплачено было до 6000 талеровъ купферъ-мюнце; въ одномъ трактирѣ именемъ французскаго посла до 400 человѣкъ всякаго чина людей было угощаемо винами и ужиномъ. Въ слѣдствіе этого въ дворянскомъ чинѣ получили перевѣсъ тѣ голоса, которые были противъ исключенія сенаторовъ, но въ другихъ чинахъ большинство состоялось въ пользу требованія исключенія, причемъ происходилъ страшный шумъ. Французская партія начала дѣйствовать угрозами: распущены были слухи, что она намѣрена, съ помощію морского корпуса, арестовать ландмаршала и другихъ предводителей благонамѣренной партіи; неизвѣстные люди ночью напали на одного депутата мѣщанскаго и на одного крестьянскаго сословія и избили ихъ палками. По полученіи отъ Остермана этихъ извѣстій Панинъ написалъ для императрицы: «В. и. в-ство изъ сихъ депешей усмотрѣть изволите, сколько Бретейль, собравъ всѣ свои оставшіеся силы и ресурсы, предуспѣлъ въ дворянскомъ собраніи запутать дѣло о исключеніи семи сенаторовъ своихъ креатуръ. Все сіе однакоже втунѣ останется, если наши друзья сохранятъ учиненное уже о томъ рѣшеніе въ трехъ нижнихъ чинахъ, о чемъ конечно не можно имѣть большаго сомнѣнія. А по послѣдней мѣрѣ дѣло сіе можетъ обратиться въ негоціацію между партіями, какъ видно изъ письма ко мнѣ резидента Стахіева, гдѣ уже противная партія офрируетъ нашимъ

въ жертву еще двухъ: своего втораго министра барона Гампльтона да сенатора Флеминга, для спасенія прочихъ, тѣмъ не меньше все министерство перемѣнено будетъ. Впрочемъ я не думаю, чтобъ вашему величеству не угодно было опредѣленіе верховнымъ министромъ графа Горна, который по склонности своей къ покойной жизни чаятельно еще больше искать станетъ себѣ въ помощники барона Дюбина, о преданности же его къ намъ и о честномъ характерѣ сумнѣнія быть не можетъ. Остается смотрѣть, какъ далеко отчаянность распространится противниковъ; но надо прежде чтобъ они себя опредѣлили на общую погибель, ибо имѣвъ в. в-ство противу себя, имъ невозможно не предвидѣть, что занятіе Финляндіи зависитъ отъ соизволенія в. в-ства, и что они ни откуда супротивной помощи получить не могутъ, въ разсужденіи чего никакъ невозможно опасаться, чтобъ они дѣйствительно поступили на какое-либо отчаянное насильство противу сеймическихъ узаконеній и національнаго покоя».

Четыре сенатора враждебной партіи принуждены были выйти изъ Сената. Остерманъ, поздравляя императрицу съ этою побѣдою, писалъ однако, что побѣда еще неполная, потому что надобно замѣстить выбывшихъ сенаторовъ благонамѣренными, а такъ какъ при этомъ надобно бороться съ французскими деньгами, которыя Бретейль получаетъ каждый почтовый день, то необходимо и ему, Остерману, получить изъ Россіи по крайней мѣрѣ 50,000 рублей. Екатерина собственноручно написала на депешѣ: «Отправить безъ потерянія времени». Сенаторскія мѣста были замѣщены благонамѣренными, но не тѣми, которыхъ особенно желалось Остерману и вождямъ колпаковъ, именно: не вошли въ сенатъ бароны Дюбенъ и Рибингъ, благодаря нежеланію королевскому. «Чѣмъ далѣе, тѣмъ больше открывается, писалъ Остерманъ, что покуда совершенно не истребится внѣдрившійся здѣсь французскій вредный корень, и въ самомъ королевскомъ поведеніи лучшаго оборота ожидать нельзя. По всѣмъ примѣтамъ довольно видно, что питаемыя Бретёйлемъ надежды о переверщеніи, если не на настоящемъ, то, по крайней мѣрѣ, на будущемъ сеймѣ всего того, что теперь сдѣлано, служатъ главнѣйшими побужденіями къ королевскому сопротивленію. Королева сама не разъ отзывалась объ этой надеждѣ въ разговорахъ своихъ съ благонамѣренными». Остерманъ думалъ, что лучшимъ

средствомъ для сокрушенія французскаго вліянія будетъ заключеніе Швеціею субсиднаго договора съ Англіею. Въ слѣдствіе этого императрица написала собственноручно Панину: «Пожалуй поговорите Макартнею, чтобъ они (т. е. Англичане) въ негоціацію не были таковы холодны, какъ при выдачѣ денегъ отъ нихъ случается, а то что мы хорошаго ни начнемъ, а они своимъ купеческимъ духомъ все портятъ, и старайтесь, чтобъ къ Гудрику посланы были надлежащія наставленія».

10 іюня король и королева имѣли тайное свиданіе съ Стахіевымъ въ Дротнингольмѣ. Король началъ говорить, что не имѣя возможности видѣться наединѣ съ графомъ Остерманомъ, онъ призвалъ къ себѣ, по старому знакомству, его, Стахіева, для объясненія своихъ взглядовъ на работы настоящаго сейма и для предостереженія графа Остермана отъ фанатическихъ сѣтей. Онъ, король, не имѣетъ ни малѣйшаго подозрѣнія на счетъ благонамѣренныхъ предпріятій императрицы, напротивъ, относится къ намъ съ искреннею благодарностію, и потому откровенно хочетъ сказать, какъ ему прискорбно видѣть, что на сеймѣ все сильнѣе и сильнѣе становятся движенія фанатиковъ въ руководствуемой императрицею партіи, въ слѣдствіе чего дѣла, вмѣсто желаемаго поправленія, запутываются. Все это впрочемъ легко поправить, если графъ Остерманъ съ Гудрикомъ захотятъ нѣсколько обуздать своеволіе нѣкоторыхъ фанатиковъ, которые, овладѣвъ довѣренностью ихъ и вождей партіи, становятся часъ отъ часу несговорчивѣе и вмѣсто должнаго почтенія съ пренебреженіемъ отвергаютъ всѣ его благонамѣренные совѣты, а иногда отвѣчаютъ на нихъ угрозами. Стахіевъ отвѣчалъ, что графъ Остерманъ и онъ дѣйствуютъ постоянно въ королевскихъ интересахъ, но не могутъ скрыть, что нѣкоторые изъ приближенныхъ къ его величеству людей основали особую партію подъ именемъ придворной, которая подъ предводительствомъ полковника Синклера и губернатора Гамильтона, соединясь съ французскою партіею, дѣйствовала противъ благонамѣренныхъ, обольщая трусливыхъ людей покровительствомъ его величества. Тутъ вступилась въ разговоръ королева и начала утверждать, что, вопервыхъ мнимая придворная партія очень малочисленна и сама по себѣ ничего не значитъ, если фанатизмъ будетъ обузданъ, ибо придворная партія только для этого и основана. «Я съ своей сто-

фоны, говорила королева, могу вас увѣрить честію, что не отдаю никакого предпочтенія французской партіи, напротивъ, желаю ея укрощенія, ибо сознаю всѣ неудобства, истекающія изъ ея господства; но признаюсь, не хочу взять на совѣсть личное гоненіе членовъ этой партіи, особенно тѣхъ, которыхъ я простила еще на послѣднемъ сеймѣ, когда они обнаружили раскаяніе и клятвенно обѣщались перемѣнить свое поведеніе, соединясь на этомъ сеймѣ съ благонамѣренными патріотами. Послѣдніе не прочь были отъ этого соединенія, но, достигнувъ господства въ слѣдствіе щедрой помощи изъ Россіи, теперь, вмѣсто исправленія государственныхъ дѣлъ, стараются только губить прощенныхъ мною членовъ французской партіи, чтобъ тѣмъ сравнять меня съ Маріею Медичи во мнѣніи постороннихъ людей, которые никогда не повѣрятъ, чтобъ мнѣ нельзя было ихъ спасти, когда разъ я взяла ихъ подъ свое покровительство. Я никогда не требовала для нихъ высшихъ мѣстъ въ благонамѣренной партіи, но зная недостатокъ въ послѣдней разумныхъ и искусныхъ людей, хотѣла, на случай этого сейма, присоединить нѣкоторыхъ изъ французской партіи къ благонамѣреннымъ въ секретномъ комитетѣ, за что фанатики стали на меня клеветать, взводить на меня, что я хочу самодержавія и отдалась французской партіи. Опасаюсь, что вожди благонамѣренной партіи, и самъ ландмаршалъ, по природному своему легковѣрію, раздѣляетъ такой взглядъ на мое поведеніе: онъ уже давно перестал говорить со мною откровенно, особенно съ того времени, какъ разъ мнѣ случилось, въ слѣдствіе даннаго мною прощенія, не согласиться съ нимъ, чтобъ на сеймѣ потребовали отчета въ управленіи государственными дѣлами съ дѣйствительнымъ наказаніемъ преступникамъ. Все это дѣло прошлое, я болѣе объ этомъ говорить не хочу, и прошу только, чтобъ графъ Остерманъ хотя нѣсколько обуздалъ фанатическую запальчивость и воспрепятствовалъ изгнанію изъ сената членовъ его, найденныхъ виновными по вексельнымъ дѣламъ, ибо я боюсь, что когда опустѣлыя такимъ образомъ въ сенатѣ мѣста наполнятся новыми, въ дѣлахъ несвѣдущими людьми, то эти новые сенаторы, какъ люди, повидимому, не очень довольные королемъ, будутъ еще несговорчивѣе прежнихъ относительно королевскихъ правъ и, пользуясь національною слѣпотою, будутъ стараться

о большемъ распространеніи сенатской власти, въ чемъ успѣютъ тѣмъ легче, что дворъ обвиняется неумѣренностію въ своихъ замыслахъ. Отдаю на ваше разсужденіе, достигнется ли тогда желаемое вашимъ дворомъ равновѣсіе между тремя правительственными властями, и можетъ ли король ожидать себѣ лучшаго жребія. Король и я, мы оба увѣрены, что императрица не для того вмѣшалась въ здѣшнія дѣла, чтобъ подвергнуть насъ притѣсненію, отдать насъ во власть необузданной партіи, которая до сихъ поръ скрываетъ отъ насъ планъ своихъ операцій, а вмѣсто того предлагаетъ намъ нравоучительныя наставленія. Не могу не замѣтить также, что уже шестой мѣсяцъ, какъ тянется сеймъ, денегъ издержано не мало, и ни одной прямой его операціи не кончено».—«Я и самъ признаю, отвѣчалъ Стахіевъ, что на сеймѣ дѣла затянулись, а причина—происки французской партіи, которая старается ссорить благонамѣренныхъ для приведенія дѣлъ въ замѣшательство во всѣхъ четырехъ чинахъ. Вожди благонамѣренной партіи все болѣе и болѣе замѣчаютъ холодность вашихъ величествъ къ себѣ, да и сами союзные министры съ нѣкотораго времени находятся въ такомъ же положеніи, лишаясь счастія на куртагахъ говорить съ вашими величествами».

— «Я, перебила королева, уже это поправила и впередъ буду поступать иначе. Что же касается вождей партіи, то неудовольствіе происходитъ отъ того, что всякій хочетъ быть первымъ и принудить насъ себѣ кланяться». — «Да, проговорилъ король, я уже не знаю, кому наконецъ угождать!»

2 Августа Панинъ писалъ Остерману: «Когда шведскій дворъ оказалъ намъ такую невѣрность, то здравая политика требуетъ, чтобъ мы съ своей стороны своимъ дѣламъ положили другое основаніе. Надобно теперь больше всего стараться объ утвержденіи господства нашей партіи въ самомъ правительствѣ, чего можно достигнуть только перемѣною министерства и введеніемъ въ сенатъ нѣкоторыхъ членовъ изъ нашей партіи, чѣмъ однимъ обезпечится ея твердость и безопасность послѣ сейма, иначе съ его окончаніемъ можетъ разсыпаться и сама партія. А такъ какъ этою самою реформою сената народъ удостовѣрится, что и при настоящемъ образѣ правленія дѣла могутъ улучшаться, то естественно должно пройти и негодованіе его на эту форму, слѣдо-

вательно и у насъ пройдетъ опасеніе относительно ея перемѣны. Ваше сіятельство не имѣете никакой нужды сообразоваться съ желаніемъ и выгодами шведскаго двора, и должны обратить всю свою заботу на пользу и утвержденіе прочнаго господства благонамѣренной партіи, причемъ желательно было бы сократить еще болѣе королевскую власть, чтобъ у ихъ шведскихъ величествъ осталось въ памяти слѣдствіе двукратной ихъ противъ насъ неблагодарности и чтобъ помнили они также, какъ вредно упорствовать противъ народнаго блага.

Сеймъ рѣшилъ дѣло о бракѣ наслѣднаго принца шведскаго Густава на датской принцессѣ. По этому поводу Панинъ писалъ Остерману: «Вы должны постараться, чтобъ образъ этого рѣшенія явно могъ показать во 1) королю и королевѣ шведскимъ, что еслибъ они не отвратили отъ себя поведеніемъ своимъ дружеское содѣйствіе императрицы, то конечно никто не могъ бы ихъ принудить на такой бракъ, который имъ такъ противенъ, и который теперь совершается только въ слѣдствіе неблагодарности ихъ къ ея императорскому величеству. 2) Датскому двору, что онъ успѣхомъ своимъ обязанъ не низкой и презрѣнной своей политикѣ заискиванія покровительства и помощи французскаго двора, который еслибъ и прямо хотѣлъ, то не могъ бы ничего для него сдѣлать, но единственно желанію и подкрѣпленію ея императорскаго величества чрезъ преданную ей патріотическую партію. 3) Публикѣ, что эта партія, по истинному своему усердію къ отечеству, была единственнымъ орудіемъ и причиною датскаго брака [118].

11 марта былъ заключенъ оборонительный союзъ Россіи съ Даніею, въ третьей секретной статьѣ котораго обѣ договаривающіяся державы согласились поддерживать основную конституцію Швеціи и возстановить равновѣсіе властей. Но въ Петербургѣ узнали, что несмотря на этотъ договоръ датское правительство, въ угоду Франціи, ведетъ себя двусмысленно относительно шведскихъ событій, что король Фридрихъ V далъ 25,000 талеровъ сенаторамъ изъ французской партіи, лишившимся своихъ мѣстъ, именно Экеблату, Шеферу и Гамильтону. Панинъ поручилъ Корфу указать на это датскому министру иностранныхъ дѣлъ Бернсторфу, какъ на нарушеніе обязательствъ, и потребовать отъ датскаго двора 50,000 талеровъ, необходимыхъ для вознаграж-

денія того вреда, который сдѣланъ былъ 25,000 талеровъ, пошедшими на подкупъ духовнаго сословія. Бернсторфъ прислалъ Корфу оправдательное письмо; но Панинъ не удовлетворился его оправданіями. Бернсторфъ утверждалъ, что король далъ 25,000 талеровъ троимъ несчастнымъ сенаторамъ изъ великодушія, для ихъ собственнаго употребленія, а не для содѣйствія французской партіи, что такая ничтожная сумма не могла вмѣть никакого значенія въ сеймовыхъ дѣлахъ; но Панинъ указывалъ, что сумма была положена въ Парижѣ у банкира датскимъ министромъ при французскомъ дворѣ, была въ распоряженіи у Бретейля, который и распорядился ею. Послѣ этого, писалъ Панинъ, чего нельзя ожидать отъ французскаго посланника, когда онъ для сеймовыхъ подкуповъ распорядился суммою, данною датскимъ королемъ на вспомоществованіе сенаторамъ въ ихъ несчастіи; Панинъ не отставалъ также отъ требованія 50,000 талеровъ, необходимыхъ для общаго дѣла [119].

Содержаніемъ сношеній съ Англіею по прежнему были безплодные толки о союзѣ. Дѣлали другъ другу взаимные комплименты: Панинъ, въ замѣткахъ своихъ для императрицы, называлъ Англичанъ торгашами, лавочниками; новый англійскій посланникъ Макартней, жалуясь на медленность переговоровъ, писалъ своему министерству, что не можетъ быть иначе въ странѣ, гдѣ все дѣло ведется въ лавкахъ, величаемыхъ коллегіями, и мелкими купцами, которыхъ угодно называть членами коммиссій. Это относительно торговаго договора; что же касается политическаго союза, то Макартней нашелъ другого противника уже не въ членахъ русскихъ коммиссій; онъ писалъ: «Король прусскій не желаетъ, чтобъ русскій дворъ имѣлъ другихъ союзниковъ, кромѣ него. Онъ воздвигалъ всевозможныя препятствія въ дѣлѣ о договорѣ Россіи съ Даніей. Графъ Сольмсъ твердилъ Панину: «Англія въ настоящую минуту не имѣетъ союзниковъ; Россія и Пруссія—единственныя державы, съ которыми она рано или поздно можетъ вступить въ союзъ; она принуждена заискивать въ нихъ; выждите этого времени, и тогда мы предпишемъ ей какія угодно условія». Отъ 29 марта Гроссъ писалъ о разговорѣ своемъ съ графомъ Сандвичемъ, который объявилъ, что вѣнскій дворъ продолжаетъ безпокоиться по поводу военныхъ приготовленій короля прусскаго и тѣснаго союза этого государя съ Россіею. «Я,

говорилъ Сандвичъ, считаю неимовѣрнымъ, чтобъ теперь, когда всѣ державы такъ удалены отъ возобновленія войны, король прусскій одинъ захотѣлъ возбуждать замѣшательство, и потому опасенія вѣнскаго двора кажется излишни; но какъ бы то ни было, мы не почитаемъ сходнымъ съ здравою политикой преждевременно брать ту или другую сторону, хотя вѣнскій дворъ дѣлаетъ намъ всякія дружескія внушенія». Гроссъ замѣтилъ, что вѣроятно вѣнскій дворъ, по соглашенію съ своими союзниками Франціею и Испаніею, хочетъ этими внушеніями удержать Англію отъ союза съ Россіею. «Дѣйствительно, отвѣчалъ Сандвичъ, вѣнскій дворъ сильно бы встревожился отъ возобновленія нашего союза; но я могу васъ увѣрить, что его британское величество всего болѣе желаетъ этого союза и готовъ заключить его немедленно, какъ скоро императрица согласится на простое возобновленіе стараго договора безъ обязательства со стороны Англіи помогать противъ Турціи; такой договоръ послужилъ бы хорошимъ основаніемъ, по которому можно было бы распространять обезательства мало-по-малу, а не вдругъ». Панинъ написалъ на донесеніи Гросса объ этомъ разговорѣ: «Все содержаніе сей реляціи состоитъ въ тонкихъ англійскихъ инсинуаціяхъ, чтобъ и насъ къ союзу больше интересовать, и себѣ лучшія кондиціи доставить».

Въ Англіи перемѣнилось министерство; въ Россіи думали, что дѣло присоединенія Англіи къ сѣверной системѣ пойдетъ теперь живѣе. И дѣйствительно, новые англійскіе министры хвалили русскій планъ—противопоставить сѣверный союзъ фамильному договору между Франціею и Испаніею и союзу этихъ державъ съ Австріей; но статсъ-секретарь сѣвернаго департамента, герцогъ Графтонъ опять объявилъ Гроссу, что въ союзномъ договорѣ съ Россіею нельзя допустить случая союза относительно Турціи, ибо такое допущеніе было бы гибельно для англійской торговли въ Турціи. Гроссъ замѣтилъ, что Франція, въ своемъ союзномъ договорѣ съ Австріею давно уже приняла обязательство помогать послѣдней противъ Турціи, однако ни въ разсужденіи своей торговли въ турецкихъ владѣніяхъ, ни относительно своего вліянія при Портѣ никакого ущерба не понесла, и странно, что такая сильная держава, какъ Англія, болѣе показываетъ робости предъ Турками, чѣмъ Франція, тѣмъ болѣе, что императрица не

требуетъ отъ Англіи дѣйствительной помощи войскомъ или флотомъ, а только небольшой денежной субсидіи. Графтонъ отвѣчалъ, что по добротѣ и дешевизнѣ французскихъ товаровъ, особливо каркасонскихъ суконъ, Турки не могутъ безъ нихъ обойтись, но легко могутъ запретить ввозъ англійскихъ товаровъ. «Я увѣренъ, говорилъ Графтонъ, что англійская торговля въ Турціи погибнетъ, если мы въ союзный договоръ съ вами внесемъ извѣстное обязательство, и потому не могу присовѣтовать этого королю, да не думаю, чтобъ и самъ Питтъ осмѣлился бы склонять короля къ этому поступку, который подвергся бы порицанію всей націи».

Панинъ, увѣдомляя Гросса, отъ 9 августа, о заключеніи торговаго договора между Россіею и Англіею, писалъ: «По моему мнѣнію, вамъ о возобновленіи союзнаго трактата много вызываться не надобно, дабы инако не показать, что мы объ ономъ много жадничаемъ». Но Панинъ требовалъ, чтобъ Гроссъ убѣдилъ новое министерство дѣйствовать сильнѣе въ Швеціи, помогать здѣсь Россіи деньгами. Потомъ Панинъ твердилъ Гроссу, что союзный договоръ никакъ не можетъ быть заключенъ безъ включенія Турціи въ случаѣ союза; это условіе необходимо не потому, чтобы мы турецкую войну поставляли для себя опаснѣе и тягостнѣе другихъ, но для того только, чтобъ въ разсужденіи ея сохранить передъ Англіею совершенное равенство съ прочими нашими союзниками, которые эту войну, наравнѣ съ другими, признали за случай общаго ихъ съ нами союза, и для того еще, чтобъ уступкою этого пункта не показать, что мы союзы европейскихъ державъ поставляемъ для себя нужнѣе, нежели сколько по признанію нашему нашъ собственный союзъ можетъ имъ быть нуженъ и полезенъ [120].

ГЛАВА III.

Просвѣщеніе въ Россіи отъ основанія Московскаго университета до смерти Ломоносова.

1755—1765.

Вліяніе французской литтературы при Елисаветѣ и Екатеринѣ II.—Умственное движеніе во Франціи въ описываемое время.—Отношенія русскихъ людей къ западному просвѣщенію при Елисаветѣ.—Сношенія Вольтера съ Ив. Ив. Шуваловымъ при Елисаветѣ.—Отношенія Екатерины II-й къ Вольтеру, Даламберу, Дидро.—Переписка Екатерины съ Жоффрэнъ.—Воспитаніе великаго князя.—Порошинъ, его записки, его судьба.—Послѣдняя дѣятельность Ломоносова и Тредіаковскаго.—Мюллеръ.—Шлёцеръ.—Московскій университетъ.—Казанская гимназія.—Корпуса.—Посылка воспитанниковъ духовныхъ училищъ за границу.—Частное воспитаніе.—Напоминаніе синода о религіозно-нравственномъ воспитаніи.—Крестининъ.—Новыя воспитательныя учрежденія при Екатеринѣ II-й; Бецкій.—Литтература.—Театръ.—Искусство.

Мы уже говорили о тѣсной связи между двумя царствованіями—Елисаветы и Екатерины II-й [121]. Основа этой связи заключается въ одинаковомъ нравственномъ движеніи общества, происходившемъ отъ одинаковыхъ условій народнаго роста въ послѣднее десятилѣтіе первой половины XVIII вѣка и въ первыя десятилѣтія второй половины. Екатерина вмѣстѣ со многими сотрудниками своими воспитывалась, росла этимъ общимъ ростомъ при Елисаветѣ. Никита Ив. Панинъ не могъ бы сказать, что чуть его параличъ не убилъ, когда онъ читалъ дѣло Волынскаго [122], еслибъ между временемъ Анны и временемъ Екатерины не прошло время Елисаветы. Характеръ послѣдней и благопріятныя

условія ея царствованія, въ которое Россія могла придти въ себя, естественно должны были вести къ развитію литературному. Но это развитіе не могло совершаться независимо: Россія вошла уже въ общую жизнь Европы, вошла недавно и потому необходимо все вниманіе ея было обращено на Западъ, къ народамъ старшимъ по цивилизаціи, слѣдовательно русская мысль и ея выраженія не могли остаться безъ сильнаго вліянія умственной жизни на западѣ. Западная умственная жизнь, какъ при Елисаветѣ, такъ и при Екатеринѣ находилась въ одинакихъ условіяхъ, находилась подъ вліяніемъ французской литературы, слѣдовательно это же вліяніе должно было замѣтнымъ образомъ отразиться и въ русской умственной жизни, а потому намъ нельзя оставлять безъ вниманія важнѣйшихъ явленій французской литтературы описываемаго времени. Мы приступаемъ къ исторіи русскаго просвѣщенія въ десятилѣтіе отъ основанія московскаго университета до смерти Ломоносова; но именно въ это десятилѣтіе почти завершилось то движеніе во французской литтературѣ, которое имѣло такое рѣшительное вліяніе на умственную жизнь въ цѣлой Европѣ.

Вліяніе французскаго языка и литтературы, столь сильное при «великомъ королѣ», Людовикѣ XIV-мъ и такъ много обязанное ему своею силою, нисколько не ослабѣло, но еще болѣе увеличилось въ царствованіе слабаго преемника его Людовика XV-го. При великомъ королѣ французская литтература подчинялась его вліянію, сдерживалась имъ и приспособлялась къ нему; при Людовикѣ XV она не находила для себя болѣе сдержки ни въ государственной власти, ни въ обществѣ, а напротивъ и здѣсь, и тамъ было много условій, которыя съ одной стороны заставили внимательно вглядѣться въ окружающія явленія, указать на многія темныя стороны существующаго порядка, потребовать соблюденія важныхъ общественныхъ интересовъ, сдѣлать полезныя, прямо «просвѣтительные» выводы; а съ другой стороны позволили ей до того увлечься отрицательнымъ направленіемъ, что она стала враждебно не только къ существующимъ формамъ государственной власти, но и къ общественнымъ основамъ. Усиленіе королевской власти при Людовикѣ XIV было необходимою реакціею смутѣ, извѣстной подъ именемъ Фронды, показавшей несостоятельность людей и цѣлыхъ учрежденій, которые хо-

тѣли произвесть какой-то переворотъ; при чемъ англійская революція не осталась безъ вліянія на воспріимчивыхъ Французовъ. Но въ Англіи смута кончилась сильною и тяжелою властію лорда-протектора, а потомъ возстановленіемъ Стюартовъ; и въ Англіи отнеслись къ революціи, какъ явленію печальному, какъ бунту; тѣмъ болѣе Франція, изнуренная безплодною фрондою, должна была желать сильной королевской власти. Людовикъ XIV удовлетворилъ этому желанію и сначала оправдалъ его, давши много блеску и славы народу, страстному къ блеску и славѣ. Но Людовикъ XIV, въ свою очередь, перешелъ границы въ стремленіи усилить свою власть, что опять вызывало реакцію, тѣмъ болѣе, что великій король оставилъ Францію въ крайне печальномъ положеніи, возбуждавшемъ недовѣріе къ началамъ, которыми руководился Людовикъ. Естественно возбуждался вопросъ о необходимости исканія новыхъ началъ для болѣе удовлетворительной установки народной жизни.

При такомъ положеніи дѣлъ, разумѣется, важное значеніе должна была имѣть личность новаго короля. Вмѣсто Людовика XIV, который умѣлъ такъ несравненно представлять короля, играть роль государя и этимъ очаровывать свой народъ, страстный къ великолѣпнымъ представленіямъ, къ искусному разыгрыванію ролей, — вмѣсто короля, который оставилъ много блеска, много славы, много памятниковъ искусствъ и литтературы, который если не успѣлъ дать Франціи политическую игемонію въ Европѣ, то удержалъ за нею игемонію языка и литтературы, игемонію обычая французской общественной жизни,—вмѣсто такого короля явился король, соединявшій въ своей личности всѣ условія для того, чтобъ уронить верховную власть, явился человѣкъ, отличавшійся необыкновеннымъ нравственнымъ безсиліемъ. У Людовика XV-го не было недостатка въ ясности ума; но безсиліе воли было таково, что, при полномъ сознаніи необходимости какого-нибудь рѣшенія, онъ соглашался съ рѣшеніемъ противоположнымъ, какого хотѣли любовницы и министры ими созданные. Отсутствіе воли сдѣлало изъ неограниченнаго монарха притворщика и обманщика, интригана, любящаго мелкія средства и извилистыя дороги; мы видѣли, какъ онъ, тайкомъ отъ своихъ министровъ, велъ свою особую дипломатическую переписку.

Сознавая безсиліе своей воли, Людовикъ XV-й не передалъ правленіе энергическому министру, въ родѣ кардинала Ришелье: онъ, какъ лѣнивый султанъ, заперся въ гаремѣ, оставивъ судьбы государства на произволъ интригамъ любимыхъ женщинъ и кліентовъ ихъ; вмѣсто короля, похожаго на послѣднихъ Меровинговъ, не управлялъ никто, похожій на Мартелла. Подлѣ своихъ королей Франція привыкла видѣть блестящую аристократію: какъ великолѣпный король Франціи служилъ образцомъ для государей Европы, такъ блестящее дворянство Франціи служило образцомъ для дворянства остальной Европы. Воинственная и славолюбивая нація достойно представлялась своимъ дворянствомъ, которое выставило столько героевъ, прославившихъ французское оружіе и пріобрѣло значеніе перваго войска въ мірѣ. Но, по замѣчательному соотвѣтствію, паденіе монархическаго начала во Франціи вслѣдствіе слабости преемника Людовика XIV, послѣдовало одновременно съ нравственнымъ паденіемъ французскаго дворянства, съ помраченіемъ славы французскаго войска. Людовикъ XIV, который наслѣдовалъ своихъ знаменитыхъ полководцевъ отъ времени предшествовавшаго, не воспиталъ новыхъ, не смотря на свои частыя войны: доказательство, что война можетъ служить школою для существующихъ талантовъ, но не создаетъ талантовъ, когда кругъ, изъ котораго они могутъ явиться, ограниченъ и потому легко истощается частыми войнами. Такимъ образомъ двѣ силы, дѣйствовавшія постоянно въ челѣ народа и достойно его представлявшія, отказываются отъ своей дѣятельности. Отказывается отъ своей дѣятельности и духовенство, которое не выставляетъ болѣе изъ своей среды Боссюэтовъ и Фенелоновъ, не можетъ нравственными средствами бороться противъ враговъ религіи, старается употреблять противъ нихъ только матеріальныя средства, что, разумѣется, могло только содѣйствовать паденію духовнаго авторитета. Но какъ скоро дѣйствовавшія прежде на первомъ планѣ силы отказываются отъ своей дѣятельности, являются несостоятельными, то и начинаетъ приготовляться болѣзненный переворотъ, перестановка силъ, называемая революціей. Это приготовленіе обнаруживается въ отрицательномъ отношеніи къ тому, что имѣло авторитетъ и что представлялось теперь формою безъ содержанія, безъ духа, безъ силы. Въ организмѣ французскаго общества въ это время

происходило то, что происходитъ во всякомъ организмѣ, гдѣ извѣстный органъ омертвѣетъ или въ организмъ втиснется какое-нибудь чуждое, безполезное тѣло: въ организмѣ тогда чувствуется тоскливое желаніе освободиться отъ такого омертвѣвшаго органа или чуждаго тѣла, не участвующихъ въ общей жизни, ничего не дающихъ ей.

Это отрицательное отношеніе къ старымъ авторитетамъ необходимо должно было отразиться въ общественномъ словѣ, разговорѣ, который становился все громче и громче. Прежде высоко поднимался дворъ, блестящій, несравненный дворъ Людовика XIV: здѣсь было дѣйствительное величіе, внушавшее уваженіе, сила, съ которою каждому должно было считаться; въ этомъ храмѣ дѣйствительно обитало божество, предъ которымъ каждый преклонялся. Вниманіе всѣхъ было обращено туда, къ этому дѣйствительному средоточію силы и власти. Но послѣ Людовика XIV дворъ потерялъ прежнее значеніе, прежнее обаяніе, которыя давалъ ему великій король; духъ исчезалъ, оставалось одно внѣшнее, и само значеніе переходитъ въ другіе частные круги, гдѣ сходятся пожить общественной жизнію, а для Француза это значило играть роль, блистать, овладѣвать вниманіемъ, нравиться. Но чѣмъ же блистать, возбуждать вниманіе, нравиться? Движеніе прекратилось: нѣтъ больше религіозной борьбы; нѣтъ больше борьбы партій, происходившей отъ честолюбивыхъ стремленій принцевъ крови, могущественныхъ вельможъ; нѣтъ болѣе такихъ сильныхъ лицъ, которыя, привязавшись къ народному неудовольствію, могли поднять движеніе въ родѣ фронды; нѣтъ болѣе того сильнаго внутренняго и особенно военнаго движенія, какое было поднято великимъ королемъ и такъ поразило воображеніе народа, такъ заняло его вниманіе; нѣтъ и тѣхъ печальныхъ, страшныхъ минутъ, какія пережила Франція въ послѣднее время Людовика XIV. Нѣтъ движенія, дѣятельности, остается одинъ разговоръ; но въ чемъ же онъ могъ состоять? Сочувственно относиться было не къ чему, и относились отрицательно, враждебно. Но и здѣсь серіозное отношеніе, вдумываніе въ причины зла и придумываніе средствъ къ его уничтоженію возможны были лишь для немногихъ; у большинства же непріязненное отношеніе къ настоящему должно было выражаться въ насмѣшкѣ надъ нимъ, которой помо-

галъ и складъ французскаго ума, и самая постановка окружающихъ явленій, гдѣ форма не соотвѣтствовала болѣе содержанію, дѣла не соотвѣтствовали значенію лицъ, ихъ совершавшихъ, а такое несоотвѣтствіе именно и возбуждаетъ насмѣшку.

Насмѣшка не щадила ничего. Уже шелъ третій вѣкъ, какъ западно-европейскіе народы переступили изъ своей древней исторіи, когда у нихъ преобладало чувство, въ новую, которая знаменуется развитіемъ ума на счетъ чувства. Какъ обыкновенно бываетъ при этомъ переходѣ въ жизни народовъ, умъ западныхъ народовъ, возбужденный къ дѣятельности расширеніемъ сферы знанія, знакомствомъ съ новыми народами и странами посредствомъ мореплаванія, открытія путей и земель, возбужденный изученіемъ древняго классическаго міра, сталъ критически относится къ тому, чѣмъ до сихъ поръ жилось, во что вѣрилось; съ этого времени, времени поклоненія чуждому генію, генію классической древности, столь могущественному, такъ поразившему воображеніе памятниками искусства и мысли, начинается отрицательное отношеніе къ своему, къ своему прошедшему, къ своей древней исторіи или къ такъ называемымъ среднимъ вѣкамъ, къ религіозному чувству, господствовавшему въ эти вѣка и ко всѣмъ послѣдствіямъ этого господства. Враждебность начала, стремившагося теперь господствовать, къ прежде господствовавшему началу, мысли къ чувству, высказывалась очевидно: все, что напоминало чувство, основывалось на немъ, происходило отъ него, все это было объявлено предразсудкомъ. Исполненнымъ предразсудковъ являлся прежній бытъ и потому подлежалъ кореннымъ измѣненіямъ, послѣ чего долженъ былъ явиться новый міръ отношеній человѣческихъ, основанный на законахъ и требованіяхъ одного разума человѣческаго. Это стремленіе обозначилось въ самомъ началѣ новой исторіи и постепенно прокладывало себѣ все болѣе и болѣе широкую дорогу, встрѣчая въ разныхъ странахъ болѣе или менѣе сильныя препятствія, притаиваясь на время при невзгодѣ и вырываясь наружу при первомъ благопріятномъ обстоятельствѣ. Въ сферѣ религіозной оно высказалось въ возстаніи противъ авторитета римской церкви, въ ученіяхъ крайнихъ протестантскихъ сектъ; но вслѣдъ за тѣмъ явились ученія, которыя совершенно покончили съ положительною и даже со всякою религіею. Разумѣется,

сначала эти ученія подвергались преслѣдованіямъ отъ церкви и государства, должны были скрываться, но не исчезали. Во Франціи въ XVII вѣкѣ эти ученія встрѣтили сопротивленіе въ янсенизмѣ, въ сильномъ церковно-литературномъ движеніи при Людовикѣ XIV, въ поддержкѣ, которую церковь нашла у великаго короля, встрѣтили сопротивленіе, но продолжали жить втихомолку, дожидаясь своего времени. Это время пришло, когда умеръ Людовикъ XIV, когда вслѣдствіе слабости и недостоинства его преемника началось высказываться отрицательное отношеніе народной мысли къ существующему порядку. Вождемъ этого новаго литературнаго движенія является Вольтеръ. Онъ начинаетъ легкими сатирическими стишками, по подозрѣнію сидитъ въ Бастиліи и 24 лѣтъ ставитъ на театрѣ свою первую пьесу «Эдипъ», возбудившую сильное вниманіе и начавшую новую эпоху во французской и европейской континентальной литературѣ. Время чистаго искусства, время Корнеля и Расина прошло для Франціи. Въ Англіи, въ слѣдствіе ранняго начала политическихъ движеній, политическія идеи вторглись въ область искусства: здѣсь политическія партіи въ стихахъ поэта, произносимыхъ со сцены, въ рѣчахъ Римлянъ, выведенныхъ имъ въ своей піесѣ, видѣли указанія на борьбу политическихъ партій въ Англіи. Теперь во Франціи въ литературу вторгаются идеи, обозначавшія начало борьбы съ существующимъ порядкомъ, отрицательное отношеніе общества къ нему. Мысли, которыя занимаютъ общество, которыя составляютъ любимый предметъ разговоровъ въ гостиныхъ, входятъ въ литтературу, въ публичное слово; разумѣется, въ публичномъ словѣ онѣ не могли высказываться въ тогдашней Франціи свободно, онѣ должны были являться въ видѣ намековъ; сочиненія же, въ которыхъ онѣ высказывались съ полною свободою, или ходили въ рукописяхъ, или печатались за границею. То сочиненіе могло расчитывать на вѣрный успѣхъ, гдѣ общество встрѣчало мысли, которыя его занимали, и сочиненія Вольтера, появлявшіяся безпрестанно въ разныхъ формахъ—трагедіи, повѣсти, исторической монографіи, полемической статейки — всѣ были наполнены этими мыслями или намеками на нихъ. То, что въ гостиныхъ и кафе, вошедшихъ тогда въ моду, высказывалось отрывочно, смутно, то даровитый авторъ обработывалъ въ стройное цѣлое, пояснялъ примѣрами, излагалъ

увлекательно, съ необыкновеннымъ остроуміемъ, не глубоко, но легко, общедоступно. Что было предметомъ сильныхъ желаній, что могло откровенно высказываться только въ своемъ кружкѣ, въ четырехъ стѣнахъ гостиной, то вдругъ слышали произносимымъ въ звучномъ стихѣ, при многочисленной публикѣ, на театральной сценѣ. Впечатлѣніе было могущественное, и авторъ пріобрѣталъ чрезвычайную популярность: общество было благодарно своему вѣрному слугѣ, глашатаю своихъ мыслей и желаній, удивлялось его смѣлости, геройству, рѣшимости публично высказывать то, о чемъ другіе говорили только втихомолку. Успѣхъ Вольтера былъ обезпеченъ тѣмъ, что онъ явился вѣрнымъ слугою направленія, которое брало верхъ, для большинства было моднымъ, явился проповѣдникомъ царства разума человѣческаго и потому заклятымъ врагомъ, порицателемъ того времени, когда господствовало чувство, заклятымъ врагомъ церкви, христіанства, всякой положительной религіи, опредѣляющей отношенія къ высшему, духовному міру, предъ которыми разумъ человѣческій несостоятеленъ и долженъ преклоняться предъ высшимъ авторитетомъ, предъ таинственными, недоступными для него явленіями. Въ «Эдипѣ» поклонники разума уже рукоплескали знаменитымъ стихамъ, которые вовсе не шли ко времени Эдипа, но въ которыхъ подъ языческими жрецами выставлялось современное духовенство: «Наши жрецы вовсе не то, что простой народъ о нихъ думаетъ, наше легковѣріе составляетъ всю ихъ мудрость».

При господствѣ французскаго языка и литтературы въ Европѣ, слава Вольтера скоро перешла границы Франціи. Каждое произведеніе увлекательнаго автора,—а произведенія эти появлялись часто,—было событіемъ, которое всѣхъ занимало, о которомъ долго говорили; борьба съ многочисленными литтературными противниками увеличивала только славу Вольтера, потому что онъ постоянно выходилъ изъ борьбы побѣдителемъ; гибельно было подпасть подъ удары ловкаго и неутомимаго бойца, лестно и выгодно стало быть въ союзѣ съ владыкою общественнаго мнѣнія, царя моднаго направленія въ литтературѣ и наукѣ; обиженный, за котораго заступался Вольтеръ, могъ быть увѣренъ въ успѣхѣ своего дѣла, и долженъ былъ трепетать судья, на несправедливый приговоръ котораго была принесена жалоба

Вольтеру. Было въ Европѣ время также сильнаго умственнаго движенія въ началѣ ея новой исторіи, и это движеніе вынесло знаменитаго учено-литтературнаго дѣятеля, Эразма Роттердамскаго; но важное значеніе Эразма много уступало значенію Вольтера. Коронованныя главы и члены владѣтельныхъ домовъ признали новое могущество, что обнаружилось въ исканіи союза и дружбы; выгоды дружбы и невыгоды вражды Вольтера были ими испытаны. Надобно прибавить, что могущественному положенію Вольтера способствовала независимость, которую обезпечивало за нимъ большое состояніе, пріобрѣтенное литтературнымъ трудомъ и выгодными оборотами: въ 1749 году Вольтеръ уже получалъ слишкомъ 70,000 ливровъ дохода; сумму эту надобно утроить или учетверить, чтобъ сдѣлать равною нынѣшней.

Въ толпѣ, жадной къ легкому умственному наслажденію, царилъ Вольтеръ; его знали всѣ, какъ силу; въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, наравнѣ съ важными политическими извѣстіями изъ-за границы, помѣщались извѣстія о распоряженіяхъ *знаменитаго* Вольтера относительно своей воспитанницы. Меньшею извѣстностію въ толпѣ, но не меньшимъ, если не большимъ значеніемъ среди людей, внимательныхъ къ движеніямъ мысли о человѣкѣ и обществѣ, пользовался современникъ Вольтера, Монтескьё. Отдавши дань модному отрицательному или обличительному направленію въ «Персидскихъ письмахъ», Монтескьё обнаружилъ счастливый переходъ своей умственной дѣятельности въ «Разсужденіи о причинахъ величія и паденія Римлянъ», и въ 1748 году издалъ свое знаменитое сочиненіе «Духъ Законовъ», быстро получившее важное значеніе во всей образованной Европѣ. Книга заслуживала свою репутацію тѣмъ, что впервые съ такою подробностію представила различныя формы государственнаго устройства, причины ихъ происхожденія, ихъ исторію у разныхъ народовъ, древнихъ и новыхъ, христіанскихъ и не-христіанскихъ; прибавимъ къ тому легкость, доступность изложенія, умѣренность, сдержанность, научно-историческое уваженіе къ общественнымъ формамъ, какъ происшедшимъ не случайно, не произвольно, стремленіе извѣстными объясненіями, извѣстными указаніями привести къ правильному пониманію человѣческихъ отношеній и содѣйствовать благополучію человѣческихъ обществъ, какія бы формы для нихъ ни выработала исторія. Книга Мон-

тескьё небывалою широтою плана, возбужденіемъ важныхъ историческихъ и юридическихъ вопросовъ производила могущественное вліяніе на умы современниковъ, порождала цѣлую литтературу и въ то же время имѣла важное практическое значеніе, измѣняя взгляды на существующія отношенія, измѣняя ихъ ко благу народовъ и достигая этого указанною выше умѣренностію, сдержанностію, не пугая правительства революціонными требованіями, но указывая имъ средства содѣйствовать благосостоянію подданныхъ и при существующихъ основныхъ формахъ; ибо ни что такъ не вредитъ правильности свободнаго развитія человѣческихъ обществъ, какъ революціонныя требованія, пугающія не только правительства, но и народное большинство, заставляющія его опасаться за самые существенные интересы общества: человѣкъ убѣжденъ въ необходимости выйти изъ дому подышать чистымъ воздухомъ; но, испуганный ревомъ бури, ливнемъ и холодомъ, спѣшитъ затворить окна и предпочитаетъ остаться въ душной атмосферѣ своей тѣсной комнаты.

Понятно, что «Духъ Законовъ» не понравился ярымъ приверженцамъ отрицательнаго направленія. Они твердили толпѣ постоянно одно, что настоящее положеніе есть произведеніе предразсудковъ, заблужденій, неправдъ и потому должно быть разрушено, дать мѣсто новому общественному зданію, построеннаго на законахъ разума: а тутъ авторъ «Персидскихъ писемъ» съ обширною ученостью и необыкновенною силою мысли показываетъ, какъ то, что было объявлено произведеніемъ невѣжества и предразсудковъ, создавалось разумно, по извѣстнымъ законамъ, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ условій, показывалъ причины, почему извѣстная государственная форма измѣняется, крѣпнетъ, или слабѣетъ, разрушается. Одинъ изъ самыхъ ярыхъ проводниковъ отрицательнаго направленія, Гельвецій писалъ Монтескьё по поводу его книги: «Вы намъ говорите: вотъ міръ, какъ онъ управлялся... Вы часто приписываете ему разумъ и мудрость, которыя въ сущности принадлежатъ вамъ самимъ... Вы позволяете себѣ сдѣлку съ предразсудкомъ, какъ молодой человѣкъ, вступающій въ свѣтъ, позволяетъ себѣ сдѣлки съ старыми женщинами, которыя еще не отказались отъ претензій. Писатель, желающій быть полезенъ человѣчеству, долженъ заниматься уясненіемъ истинныхъ началъ для лучшаго

порядка вещей въ будущемъ, а не освящать опасныя начала... Идея прогресса только забавляетъ нашихъ современниковъ, но она вразумляетъ молодежь и служитъ потомству».—Но проводники отрицательнаго направленія, начиная съ Вольтера, должны были сдержаться въ своихъ публичныхъ отзывахъ о книгѣ Монтескьё въ виду ея громаднаго успѣха: менѣе чѣмъ въ полтора года появилось 22 изданія и переводы почти на всѣ языки».

Но отдѣлавшись холоднымъ поклономъ предъ знаменитымъ твореніемъ, которое пришлось не по ихъ вкусу и разумѣнію, проводники отрицательнаго направленія продолжали идти все дальше и дальше по своей дорогѣ. Съ именемъ Вольтера тѣсно соединены еще имена двоихъ проводниковъ отрицательнаго направленія—Дидро и Даламбера. Дидро по своему характеру былъ драгоцѣнный человѣкъ въ распространеніи какого бы то ни было ученія, драгоцѣнный членъ партіи. Своею вдохновенною рѣчью онъ производилъ сильное обаяніе; кромѣ того трудно было сыскать человѣка, съ которымъ было бы такъ легко ужиться, человѣка болѣе снисходительнаго; его преимущества никого не стѣсняли, всякій чувствовалъ себя при немъ свободнымъ. Только немногіе, признавая за Дидро достоинства и пользуясь ими, могли замѣтить, что въ его мысляхъ нѣтъ послѣдовательности, въ его чувствахъ нѣтъ постоянства, что онъ могъ написать прекрасныя страницы, но никакъ не могъ написать книги. Какъ проводникъ отрицательнаго направленія онъ заявилъ себя въ «Философскихъ мысляхъ»; парижскій парламентъ въ 1746 году осудилъ книгу на сожженіе, но въ томъ же году она была переиздана въ Парижѣ, Лондонѣ и Гагѣ, и книга стала модною во всей Европѣ. Въ «Письмѣ о слѣпыхъ въ пользу зрячихъ», Дидро пошелъ еще дальше, чѣмъ въ философскихъ письмахъ; деистъ Вольтеръ вооружился противъ атеизма Дидро, но когда послѣдняго посадили въ крѣпость за «Письмо о слѣпыхъ», Вольтеръ заступился за собрата, за философа: «Философы, говорилъ Вольтеръ, составляютъ малое стадо, которое нельзя отдавать на бойню. Они имѣютъ свои недостатки, какъ и другіе люди, они не всегда пишутъ отличныя сочиненія; но еслибъ они могли соединиться всѣ противъ общаго врага, это было бы доброе дѣло для рода человѣческаго. Чудовища, называемыя янсенистами и молинистами, куснувъ другъ друга, лаютъ вмѣстѣ на

бѣдныхъ приверженцевъ разума и человѣчества; послѣдніе должны, по крайней мѣрѣ, защищаться противъ нихъ». Философы, по мнѣнію Вольтера, должны были составлять тѣсно сомкнутое общество, дѣйствовать тайно, и въ случаѣ, когда надобно было отстоять своего, храбро отрекаться и лгать: «Надобно, писалъ онъ однажды, лгать какъ дьяволъ, не робко, не случайно только, но смѣло и всегда. Лгите, друзья мои, лгите, я вамъ заплачу за это при случаѣ. Таинства Митры не должны быть открываемы, хотя бы это были таинства свѣта; нѣтъ нужды, откуда приходитъ истина, лишь бы приходила».

Это тайное общество начало дѣйствовать явною стѣнобитною машиною, когда Дидро вмѣстѣ съ извѣстнымъ математикомъ Даламберомъ начали съ 1751 года издавать знаменитую Энциклопедію. Священная книга откровеній разума человѣческаго, разумѣется, должна была начинаться изложеніемъ блестящихъ успѣховъ разума во Франціи и Европѣ съ XVI вѣка: это изложеніе написано было Даламберомъ.

Но что такое разумъ? Сначала проповѣдники его царствія разумѣли подъ нимъ высшее духовное начало въ природѣ человѣческой; но начала матеріалистическихъ ученій уже давно высказались въ сочиненіяхъ англійскаго философа Локка и въ 1734 году были распространены во Франціи, а слѣдовательно и по всему континенту тѣмъ же Вольтеромъ въ его «Англійскихъ письмахъ». Аббатъ Кондильякъ развилъ локковы начала въ «Опытѣ о происхожденіи познаній человѣческихъ» (1746) и въ «Трактатѣ объ ощущеніяхъ» (1754); но и Кондильякъ остановился на дорогѣ, не сдѣлался матеріалистомъ. Дойти до крайнихъ результатовъ въ этомъ ученіи суждено было Гельвецію. Гельвецій съ молоду сталъ участвовать въ выгодной дѣятельности по откупамъ податей, нажилъ большое состояніе и, обезпеченный въ этомъ отношеніи, сталъ думать, какъ бы пріобрѣсти и славу, сначала славу друга и покровителя литтераторовъ и ученыхъ, а потомъ и самому занять видное мѣсто въ средѣ ихъ. Сначала сталъ писать стихи; но видя, что на этомъ поприщѣ прославиться трудно, сталъ заниматься, какъ тогда говорили, философіею и въ 1758 году выдалъ книгу: «De l'Esprit.» Какъ обыкновенно бываетъ въ движеніяхъ, подходящихъ въ извѣстное время подъ требованія и вкусъ общества, люди посредственныхъ спо-

собностей, желая обратить на себя вниманіе и пробиться впередъ, стремятся отличиться мыслями и требованіями во что бы то ни стало новыми и смѣлыми, забѣгать впередъ, наддавать на аукціонѣ. Такъ поступилъ и Гельвецій и дошелъ въ своей книгѣ до крайнихъ матеріалистическихъ выводовъ, отвергнувъ духовное начало въ человѣкѣ и поставивши корысть, стремленіе къ удовольствію единственнымъ побужденіемъ дѣятельности человѣческой. Книга Гельвеція была строго запрещена во Франціи; авторъ, чтобъ остаться въ покоѣ, принесъ повинную, объявилъ, что поставляетъ свою славу въ подчиненіе христіанству всѣхъ своихъ мыслей, мнѣній и способностей своего существа. Но другого рода слава была пріобрѣтена. Строгое запрещеніе распалило любопытство и книга Гельвеція четыре раза была перепечатана въ Амстердамѣ, хотя для потомства остался въ силѣ приговоръ знаменитаго Тюрго, что книга Гельвеція есть произведеніе философское, но безъ логики, литтературное, но безъ вкуса, въ ней толкуется о нравственности, но не честно. Патріархъ отрицательной литтературы, Вольтеръ говорилъ, что не одобряетъ ни заблужденій книги Гельвеція, ни пошлыхъ истинъ, которыя онъ съ торжествомъ повторяетъ; но онъ заступился за Гельвеція, какъ за солдата изъ своего отряда, укоряя его только за неосторожность — зачѣмъ вырѣзалъ свое имя на кинжалѣ, которымъ поражалъ общаго врага, зачѣмъ выставилъ на книгѣ свое имя, зачѣмъ напечаталъ ее во Франціи.

Книга Гельвеція произвела тяжелое впечатлѣніе на Ж. Ж. Руссо: онъ хотѣлъ было писать возраженія на нее, но остановился въ виду правительственнаго гоненія на нее. Ж. Ж. Руссо стоялъ поодаль отъ той группы писателей, которою мы до сихъ поръ занимались, но тѣмъ не яснѣе имѣлъ могущественное вліяніе на умы современниковъ. Въ то время, когда литтература проповѣдовала царство разума человѣческаго, когда съ торжествомъ указывала на великія и благодѣтельныя явленія, начавшіяся съ того времени, когда разумъ сталъ освобождаться изъ оковъ темныхъ силъ, господствовавшихъ въ средніе вѣка, изъ оковъ фанатизма, суевѣрія и предразсудковъ, когда съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждали того великаго времени, когда свѣтъ разума возсіяетъ въ полномъ блескѣ и въ слѣдствіе этого блаженство водворится на землѣ, когда признавалось безспорною

истиною, что золотой вѣкъ не назади, какъ думали древніе, а впереди, — въ это самое время писатель, особенно способный овладѣвать вниманіемъ, душою читателя, объявляетъ, что вѣра въ прогрессъ напрасна, что движеніе общества по пути цивилизаціи, какъ можно большее удаленіе его отъ того состоянія, которое называется дикимъ и варварскимъ, вовсе неведетъ къ увеличенію благосостоянія человѣчества, къ нравственному улучшенію. Въ 1749 году дижонская академія объявила тему на конкурсъ для будущаго 1750 года: «Возстановленіе наукъ и искусствъ способствовало ли къ очищенію нравовъ»? Явился отвѣтъ отрицательный и авторомъ его былъ Руссо. Вліянію наукъ и искусствъ приписаны были всѣ пороки общества, всѣ добродѣтели были найдены у народовъ дикихъ. Блестящее сочиненіе имѣло громадный успѣхъ, возбудило всеобщее вниманіе и сильные споры. До сихъ поръ вожди отрицательнаго направленія въ литтературѣ имѣли преимущественно въ виду борьбу съ религіознымъ авторитетомъ, ограничивавшимъ свободу разума, предполагавшимъ несостоятельность послѣдняго; борьба противъ политическихъ учрежденій была на второмъ планѣ. Эти вожди пользовались выгоднымъ положеніемъ въ обществѣ, были его любимцами, оракулами, имѣли обезпеченное, нѣкоторые обширное состояніе, слѣдовательно имѣли возможность наслаждаться прелестями утонченной жизни, по своему воспитанію, по своему обращенію, привычкамъ принадлежали къ отборному обществу, чувствовали себя въ немъ легко, свободно: поэтому они не имѣли никакихъ побужденій проповѣдовать общественную перестройку, ихъ требованія отъ богатыхъ и сильныхъ ограничивались тѣмъ, чтобъ они относились къ бѣднымъ и слабымъ съ большимъ человѣколюбіемъ и правдою. Но вотъ по силѣ своего таланта между этими такъ называемыми философами получаетъ мѣсто человѣкъ на нихъ не похожій. Руссо былъ сынъ женевскаго часовщика; послѣ разныхъ треволненій жизни, судьба привела его въ Парижъ; но съ своимъ новымъ отечествомъ онъ имѣлъ общаго только языкъ, во всемъ другомъ онъ былъ ему чуждъ, и, несмотря на оторванность отъ прежняго отечества, въ немъ подъ часъ рѣзко сказывался гражданинъ Кальвинистской республики. Онъ вытерпѣлъ много униженія и лишеній; онъ очутился въ кругу вельможъ, богачей, и модныхъ

писателей; но въ этомъ кругу ему было неловко, онъ не могъ быть здѣсь такъ свободенъ и развязенъ, какъ Вольтеръ съ товарищами; приладиться къ обществу, принять его обращеніе, стараться нравиться, начать играть роль онъ не могъ, потому что не былъ французъ, не имѣлъ по этому природной способности быть салоннымъ человѣкомъ. Сознаніе своей неисправимой неловкости, невозможности играть ту роль, какую играли другіе вокругъ него, сознаніе, что постоянно затмѣвается другими, это сознаніе въ соединеніи съ крайнимъ самолюбіемъ и болѣзненностію, чрезвычайною раздражительностію нервовъ заставили Руссо вести себя такъ, что объ немъ начали отзываться сначала какъ о чудакѣ, дикарѣ, а потомъ какъ о человѣкѣ сумасшедшемъ и невозможномъ для общества. Такая неловкость и унизительность положенія, нужда, особенно въ сравненіи съ довольствомъ другихъ писателей, которыхъ онъ не считалъ выше себя, содѣйствовали тому, что Руссо отрицательно, враждебно отнесся къ основному общественному строю, нашелъ его чрезмѣрно сложнымъ и извращеннымъ, отступившимъ отъ первоначальной простоты, которая одна давала человѣку возможность сохранять чистоту нравовъ. Та же дижонская академія въ 1753 году предложила на конкурсъ другую тему: «отъ чего произошло неравенство между людьми и основывается ли оно на естественномъ законѣ»? Руссо отвѣчалъ и на этотъ вопросъ: первый, кто огородилъ извѣстный участокъ земли, и сказалъ: «это мое»! былъ истиннымъ основателемъ гражданскаго общества. Въ такомъ основаніи Руссо видѣлъ общественное грѣхопаденіе, отъ котораго проистекли всѣ бѣдствія для рода человѣческаго. Руссо остался вѣренъ этой основной мысли и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ: воспитаніе и политическія учрежденія должны имѣть цѣлію возвращеніе человѣка къ первобытной простотѣ отношеній.

Кромѣ вліянія, какое имѣли сочиненія Руссо на послѣдующія явленія французской исторіи, кромѣ вліянія, какое имѣли его мысли о воспитаніи на все европейское общество, сочиненія Руссо имѣютъ то важное историческое значеніе, что въ нихъ рѣзко высказалась реакція господствовавшему стремленію достигнуть торжества разума человѣческаго, отрѣшиться какъ можно скорѣе и безвозвратнѣе отъ первой половины народной жизни, въ которой преобладаетъ чувство надъ разумомъ. Руссо,

какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ реакціяхъ, перегнулъ дугу въ противоположную сторону, утверждая, что состояніе размышленія противоестественно и человѣкъ размышляющій есть человѣкъ испорченный. Но несмотря на справедливыя возраженія противъ Руссо, противъ его крайностей, софизмовъ, искусственнаго, фантастическаго объясненія общественныхъ явленій, искусственнаго, невозможнаго построенія человѣческихъ отношеній, несмотря на стремленія приблизиться къ естественнымъ отношеніямъ, — несмотря на все это, Руссо совершенно справедливо указалъ въ извѣстномъ отношеніи на односторонность господствовавшаго стремленія. Человѣку пріятно увлекаться мыслію о прогрессѣ, но внимательный взглядъ на явленія въ природѣ и обществѣ заставляетъ убѣдиться, что абсолютнаго прогресса нѣтъ, нѣтъ золотого вѣка впереди, а есть извѣстное движеніе, которое мы называемъ развитіемъ, причемъ все, переходя въ извѣстный возрастъ или моментъ развитія, можетъ пріобрѣтать выгодныя стороны, но вмѣстѣ съ тѣмъ утрачиваетъ выгодныя стороны оставленнаго позади возраста. Пріобрѣтается плодъ, теряется цвѣтъ; лѣто, несмотря на свои выгодныя стороны, лишено прелестей весны; человѣкъ вполнѣ развитой, въ полномъ обладаніи умственныхъ силъ и крѣпкій опытомъ жизни жалѣетъ о прелестяхъ юности и даже дѣтства, прелестяхъ для него невозвратимыхъ. Вотъ почему подлѣ похвалы успѣхамъ настоящаго времени, при надеждахъ на большіе успѣхи въ будущемъ законно существуетъ похвала доброму старому времени. Обѣ эти похвалы ведутъ обыкновенно къ безконечному и ожесточенному спору, потому что обѣ основаны на односторонности, примиреніе заключается въ признаніи развитія и его законовъ; а возможно здоровое состояніе общества зависитъ отъ умѣнья, при переходѣ въ извѣстный возрастъ, не отдаваться безотчетно господствующему въ этотъ возрастъ началу, а умѣрять его другими необходимыми для жизненнаго равновѣсія началами, не утверждать, вмѣстѣ съ Руссо, что состояніе размышленія есть состояніе противоестественное для человѣка, и въ то же время признавать основное, зиждительное значеніе чувства.

Но Руссо, при господствѣ въ его характерѣ страстности и фантазіи, не могъ хотя сколько-нибудь сдержать отрицательное

направленіе литтературы, напротивъ подкатилъ къ стѣнамъ полуразрушенной крѣпости новый опасный таранъ. Успѣхи осаждающихъ условливались впрочемъ не ихъ стѣнобитными орудіями, а преимущественно плохою защитою гарнизона. Духовенство оказывалось несостоятельнымъ въ борьбѣ словомъ и дѣломъ, представляя противоположность между своимъ поведеніемъ и тѣмъ нравственнымъ идеаломъ, которое было выставлено христіанствомъ. Государство, въ сильныхъ финансовыхъ затрудненіяхъ, обратилось къ духовенству, владѣвшему громадными имѣніями и доходами, и потребовало свѣдѣнія обо всѣхъ имуществахъ и доходахъ церковныхъ. Духовенство отказалось дать это свѣдѣніе, причемъ обратилось къ королю съ такими словами: «Самомалѣйшія новизны въ правилахъ и обычаяхъ религіозныхъ подвергаютъ религію великой опасности; сосѣднія государства представляютъ гибельныя тому доказательства, и никогда эти примѣры не могли насъ болѣе устрашить, какъ въ настоящее время. Гнусная философія распространилась какъ смертельный ядъ и изсушила корень вѣры почти во всѣхъ сердцахъ; скандалъ нечестія, гордаго числомъ и качествомъ своихъ приверженцевъ, не знаетъ болѣе мѣры. Государь, вы должны оказать теперь религіи самое сильное покровительство, потому что она никогда еще не подвергалась такимъ сильнымъ нападеніямъ». Вольтеръ не остался въ долгу; онъ нанесъ духовенству ударъ, прикрывшись щитомъ свѣтской власти: «Правительство тогда только хорошо, когда оно едино; не должно быть двухъ властей въ одномъ государствѣ. Употребляютъ во зло различіе между властію духовною и свѣтскою. У меня въ домѣ развѣ признаютъ двоихъ хозяевъ: меня и наставника моихъ дѣтей, которому я плачу жалованье? Я желаю, чтобъ уважали наставника моихъ дѣтей, но я вовсе не желаю, чтобъ онъ имѣлъ хотя малѣйшую власть въ моемъ домѣ. Во Франціи, гдѣ разумъ усиливается съ каждымъ днемъ, этотъ разумъ научаетъ насъ, что церковь должна участвовать въ государственныхъ тяжестяхъ по соразмѣрности съ своими доходами, и что сословіе, долженствующее особенно учить справедливости, должно первое подать примѣръ справедливости. Такое правительство будетъ готтентотское, при которомъ можно будетъ извѣстному числу людей сказать: кто работаетъ, тотъ пусть и платитъ, мы не должны ничего платить,

потому что мы ничего не дѣлаемъ. То правительство оскорбитъ Бога и людей, при которомъ граждане могли бы сказать: государство намъ дало все, а мы должны за него только молиться. Разумъ внушаетъ намъ, что когда государь захочетъ уничтожить какое-нибудь злоупотребленіе, народъ долженъ ему въ этомъ содѣйствовать, хотя бы злоупотребленіе считало за собою давность 4000 лѣтъ. Разумъ насъ научаетъ, что государь долженъ быть полновластнымъ распорядителемъ всей церковной полиціи. Великое счастіе для государя, когда много философовъ, ибо философы, не имѣя частнаго интереса, могутъ говорить только въ пользу разума и блага общественнаго. Величайшее счастіе для людей, когда государь философъ: государь-философъ знаетъ, что чѣмъ болѣе силы беретъ въ его государствѣ разумъ, тѣмъ менѣе производятъ зло суевѣріе, споры и ссоры богословскія».

«Гнусная философія изсушила корень вѣры почти во всѣхъ сердцахъ», говорило французское духовенство; но было много людей во Франціи, въ сердцахъ которыхъ корень вѣры не былъ изсушенъ: доказательствомъ служило то, что они за отцовскую вѣру терпѣли страшныя притѣсненія, работали на галерахъ, покидали отечество: то были протестанты. Католическое духовенство, неспособное предохранить сердца своей паствы отъ вліянія философіи, поддерживало гоненіе на протестантовъ и тѣмъ давало врагамъ своимъ, философамъ лучшій случай вооружаться противъ религіи, во имя которой производилось гоненіе. Католическое духовенство оказывалось несостоятельнымъ въ борьбѣ съ философіею, отъ него не было слова и дѣла назиданія, и люди, въ сердцахъ которыхъ корень вѣры не былъ изсушенъ философіею, для того чтобъ дать питаніе этому корню, обращались къ мнимо-религіознымъ явленіямъ, которыя прямо переносили въ браминскую Индію и не имѣли ничего общаго съ христіанствомъ. Въ Великую Пятницу 1759 года публика сходилась смотрѣть, какъ распинали сестру Франциску, начальницу конвульзіонерокъ, какъ желѣзными гвоздями прибивали ко кресту ея руки и ноги, какъ пронзали копьемъ лѣвый бокъ.... Какъ обыкновенно бываетъ, зрители раздѣлялись во мнѣніяхъ: одни вполнѣ вѣрили въ дѣйствительность явленія; другіе утверждали, что это ловкое фокусничество; третьи говорили, что хотя тутъ и есть обманъ, но есть и явленія необъяснимыя. Во вся-

комъ случаѣ представленія конвульзіонерокъ служили новымъ предлогомъ къ нападкамъ на христіанство.

Съ другой стороны народъ былъ свидѣтелемъ страшныхъ зрѣлищъ: во Франціи, считавшейся центромъ европейской цивилизаціи, преступника разрывали шестью лошадьми. Исполнители приговора заботились объ одномъ, чтобъ какъ-нибудь не сократить мученій; отецъ, жена, дѣти преступника изгонялись изъ отечества. Легко понять, какую силу получали голоса, возстававшіе противъ такихъ ужасовъ, требовавшіе уничтоженія всѣхъ этихъ обычаевъ добраго стараго времени; легко понять, какъ эти голоса являлись благовѣстіемъ будущаго золотого вѣка.

Страна изнемогала подъ тяжестію налоговъ; а между тѣмъ у Людовика XV шелъ однажды такой разговоръ съ министромъ герцогомъ Шуазелемъ: Король: «Какъ вы думаете, сколько стоитъ моя карета?» — Шуазель: я бы заплатилъ за нее 5 или 6000 франковъ; но такъ какъ ваше величество платите по-королевски, то она можетъ стоить и 8000. — Король: вы жестоко ошиблись: карета стоитъ мнѣ 30,000 франковъ. — Шуазель: Такія возмутительныя злоупотребленія невыносимы, необходимо положить имъ предѣлъ, и я вызываюсь на это, если вашему величеству угодно будетъ поддержать меня. — Король: любезный другъ! воровство въ моемъ домѣ громадное, но нѣтъ никакой возможности прекратить его: слишкомъ много людей, и, главное слишкомъ много людей сильныхъ здѣсь заинтересовано; всѣ мои министры мечтали привести въ порядокъ расходы двора, но, испуганные препятствіями при исполненіи, бросали дѣло. Кардиналъ Флери былъ очень силенъ, былъ полновластнымъ хозяиномъ Франціи, и умеръ, не посмѣвши привести въ исполненіе ни одной изъ идей, какія имѣлъ относительно этого предмета. И потому успокойтесь и не трогайте порока неизлѣчимаго». Легко понять, какъ подобныя явленія усиливали отрицательное направленіе въ обществѣ и литтературѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ ждали царства разума. Но среди побѣдныхъ кликовъ въ честь разума, имѣющаго избавить отъ всѣхъ золъ, наслѣдникъ Людовика XV, заплатившій преждевременною смертію за тяжкую жизнь, проведенную въ мысляхъ о будущемъ, писалъ: «Новая философія, оправдывая своеволіе народовъ, даетъ въ тоже время государямъ право торжествовать, если они захотятъ

ею руководствоваться, ибо если интересъ настоящей минуты и личный интересъ считаются единственнымъ правиломъ всѣхъ нашихъ дѣйствій, государь будетъ имѣть не меньшее искушеніе употреблять во зло свою власть, какъ и народы свергнуть иго авторитета. Что страсти только внушаютъ, тому наши философы учатъ. Если законъ интереса будетъ принятъ и заставитъ забыть законъ Божій, тогда всѣ идеи справедливаго и несправедливаго, добродѣтели и порока, нравственнаго добра и зла уничтожатся, троны поколеблются, подданные станутъ непослушны и мятежны, государи немилостивы и нечеловѣколюбивы. Народы будутъ всегда или въ возмущеніи или подъ гнетомъ». Французскіе историки, указывая на свои революціи и царствованіе Наполеоновъ, говорятъ, что дофинъ былъ пророкомъ.

Въ такомъ положеніи находилась страна—представительница Западной Европы, западно-европейской цивилизаціи, когда русскіе люди въ своей новой исторіи перешли уже въ другой періодъ своего развитія. Отъ Петра Великаго до Елисаветы, на первыхъ порахъ своего знакомства съ Западною Европою, собственно въ школьное время, они учились тамъ въ разныхъ мѣстахъ, перенимали то или другое нужное знаніе какъ дѣти по заданному уроку, иногда, часто по неволѣ. Со временъ Елисаветы отношенія русскихъ людей къ Западной Европѣ стали болѣе сочувственны, болѣе пристрастны, въ то же время отношенія къ просвѣщенію вообще стали болѣе свободны и самостоятельны; русскіе люди съ жадностію бросаются не на то или другое знаніе, спеціально имъ нужное, но на европейскую литтературу, которая представлялась тогда французскою литтературою, упиваются новымъ, широкимъ міромъ идей, легкостію французской мысли, съ какою она перелетала отъ одного предмета на другой, вскрывала новыя отношенія между ними; восхищаются ея остротою, съ какою она подтачивала такъ называемые предразсудки; русскіе люди читали, переводили, создавали свою литтературу, которая не могла не находиться подъ сильнымъ вліяніемъ образцовой литтературы французской. Страсть къ чтенію, которая овладѣла въ это время русскими людьми, видна изъ всѣхъ мемуаровъ времени. Чтеніе это, какъ обыкновенно бываетъ, производило различное впечатлѣніе на читающихъ. Въ однихъ, вліяніе прочитаннаго не было сильно; знакомство съ

литтературою служило имъ для внѣшнихъ только цѣлей, для наведенія лоска; обычное въ переходныя времена двувѣріе, поклоненіе новымъ богамъ безъ покинутія старыхъ видимъ и здѣсь; въ другихъ, отрицательное направленіе модной Французской литтературы поколебало религіозныя и нравственныя убѣжденія; въ третьихъ, произошла борьба, окончившаяся рано или поздно торжествомъ религіозныхъ убѣжденій; четвертые съ наслажденіемъ читали блестящія остроуміемъ произведенія отрицательной литтературы, не слѣпо имъ вѣрили, но находили много правды и успокоивались тѣмъ, что отрицалось не свое, а чужое, нападки сыпались на католицизмъ, католическое духовенство. Наконецъ, какъ обыкновенно бываетъ при господствѣ извѣстнаго направленія, переходящемъ большею частію въ деспотизмъ и употребляющемъ своего рода терроръ, мало находится людей, которые бы прямо высказали свои убѣжденія, свое неодобреніе господствующему направленію, неодобреніе тому или другому его представителю: такъ и въ Россіи въ описываемое время люди и несочувствующіе, напримѣръ Гельвецію, съ уваженіемъ отзывались о его книгѣ; не хотѣлось явиться обскурантомъ, казалось, что давши неодобрительный отзывъ о знаменитой книгѣ, тѣмъ самымъ дѣлаютъ выходку вообще противъ просвѣщенія.

Мы уже видѣли, что при Елисаветѣ между даровитыми и чуткими къ общественнымъ явленіямъ людьми, которые упивались чтеніемъ произведеній французской литтературы, находилась и великая княгиня Екатерина. Сильный умъ молодой женщины высказался здѣсь въ томъ, что она отдала свое предпочтеніе Монтескьё, вполнѣ того заслуживавшему. Но слишкомъ ученый, серіозный и охранительный Монтескьё сіялъ вдали спокойнымъ свѣтомъ; болѣе близкія, доступныя свѣтила блистали ярче, производили большее впечатлѣніе, раздраженіе, и между ними царилъ Вольтеръ. Съ этимъ новымъ могуществомъ считали нужнымъ завести сношеніе и представители старыхъ государствъ, но которые хотѣли прославиться новою дѣятельностію, сообразною съ провозглашенными потребностями времени. Еще въ началѣ царствованія Елисаветы, въ 1745 году Вольтеръ, жадный къ извѣстности, почестямъ и отличіямъ всякаго рода, чрезъ извѣстнаго французскаго министра въ Петербургѣ, Дальона, началъ добиваться, чтобъ петербургская академія наукъ избрала его въ

свои почетные члены. Дальонъ хлопоталъ въ академіи, хлопоталъ у канцлера Бестужева, и Вольтеръ былъ избранъ. Но въ то же время Вольтеръ предложилъ русскому правительству написать исторію Петра Великаго, прося сообщенія источниковъ [123]. Побужденія понятны: при своей впечатлительности Вольтеръ не могъ не быть пораженъ величіемъ преобразователя Россіи и, главное, его просвѣтительною дѣятельностію. Въ памяти Вольтера и его современниковъ запечатлѣлись три царственныхъ образа, стоявшіе на первомъ планѣ въ первой четверти столѣтія, и подобныхъ которымъ послѣдующее время не представляло: Людовикъ XIV, Карлъ XII, Петръ Великій, и Вольтеръ хотѣлъ быть историкомъ всѣхъ троихъ, что ему и удалось исполнить. Но начало царствованія Елисаветы было неблагопріятно для его попытки получить согласіе и помощь русскаго правительства: литтературное движеніе, знакомство съ французскою литтературою только еще начинались; канцлеръ Бестужевъ принадлежалъ къ поколѣнію, которое не могло быть подъ обаяніемъ Вольтера, а вражда къ Франціи не могла расположить его въ пользу французскаго писателя, за котораго хлопоталъ Дальонъ. Бестужевъ отозвался, что написаніе исторіи Петра Великаго лучше поручить петербургской академіи наукъ, чѣмъ иностранцу. Обратились къ президенту академіи наукъ, Вольтеръ изъявилъ желаніе самъ пріѣхать въ Петербургъ; но Разумовскій отклонилъ и то и другое.

Вольтеръ не долго дожидался. Вліяніе литтературы, во главѣ которой стоялъ онъ, усиливалось все болѣе и болѣе въ Россіи, и одинъ изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ литтературнаго движенія сталъ самымъ вліятельнымъ лицомъ при дворѣ Елисаветы: то былъ Ив. Ив. Шуваловъ. При его посредствѣ дѣло скоро уладилось (1757 г.). Вольтеръ сталъ писать исторію Петра Великаго; изъ Россіи обязались доставлять ему матеріалы. Но какъ было это сдѣлать? Кто тогда въ Россіи имѣлъ понятіе о матеріалахъ исторіи Петра Великаго? Кто изучилъ ихъ настолько, чтобъ могъ составить сколько-нибудь удовлетворительное извлеченіе для писателя иностранца? Шуваловъ обратился за помощію къ знатокамъ. Ломоносовъ, не историкъ по призванію и приготовленію, смотрѣвшій на дѣло преимущественно съ литтературной точки зрѣнія, отвѣчалъ: «Къ сему дѣлу, по

правдѣ, г. Вольтера никто не можетъ быть способнѣе, только о двухъ обстоятельствахъ нѣсколько подумать должно. Первое, что онъ человѣкъ опасный и подалъ въ разсужденіи высокихъ особъ худые примѣры своего характера [124]. Второе, хотя довольно можетъ получить отъ насъ записокъ, однако переводъ ихъ на языкъ, ему знакомый, великаго труда и времени требуетъ. Что до сего надлежитъ, то принимаю смѣлость предложить слѣдующее: во первыхъ долженъ онъ себѣ сдѣлать краткій планъ, который можетъ сочиненъ быть изъ сокращеннаго описанія дѣлъ государевыхъ, которое я имѣю, къ чему онъ и сочиненный мною панегирикъ не безъ пользы употребить можетъ, ежели на французскій языкъ переведенъ будетъ. По сочиненіи плана и его сюда сообщеніи, думаю, что лучше къ нему посылать переводы съ записокъ по частямъ, какъ порядокъ въ планѣ покажетъ, а не всѣ вдругъ. И такъ станетъ онъ сочинять начало, между тѣмъ прочій переводъ поспѣвать можетъ, и такъ сочиненіе скорѣе начаться и къ окончанію приходить имѣетъ. Ускореніе сего дѣла для престарѣлыхъ лѣтъ Вольтеровыхъ весьма надобно. У меня сколько есть записокъ о трудахъ великаго нашего монарха, всѣ для сего предпріятія готовы». Извѣстій о Петрѣ, по увѣренію современниковъ, было переслано много къ Вольтеру; но когда ему хотѣлось уяснить какой-нибудь вопросъ по источникамъ, ему должны были отказывать въ средствахъ или по самой обширности ихъ, или и по другимъ побужденіямъ. Такъ Вольтеръ требовалъ присылки посольскихъ дѣлъ; Шуваловъ обратился къ Мюллеру, и тотъ отвѣчалъ: «Правда, что дипломатическія сношенія входятъ въ исторію государя, но царствованіе Петра Великаго было такъ продолжительно, что почти невозможно привести всѣ переговоры, развѣ написать громадную исторію въ фоліантахъ, что кажется не по генію г. Вольтера». Но еслибы было по генію г. Вольтера написать множество фоліантовъ объ исторіи Петра, то какъ бы тогда поступили относительно пересылки посольскихъ дѣлъ? Вольтеру хотѣлось уяснить по русскимъ источникамъ любопытный для Западной Европы вопросъ о степени участія Петра въ намѣреніяхъ Герца возстановить Стюартовъ въ Англіи. Мюллеръ отвѣчалъ, что есть напечатанные мемуары, представленные по этому поводу англійскому правительству русскими министрами въ Лондонѣ, Веселов-

скимъ и Бестужевымъ, и что «негодится историку противорѣчить такимъ подлиннымъ актамъ». Цензура посылаемаго Вольтеру принадлежала Шувалову; такъ Ломоносовъ писалъ ему: «Сокращенное описаніе самозванцевъ и стрѣлецкихъ бунтовъ еще переписавъ, имѣю честь подать вашему превосходительству. Сами можете отмѣтить, что вамъ не разсудится за благо перевести на французскій языкъ. Сокращеніе о житіи государей царей Михаила, Алексѣя и Өеодора стараюсь привести къ окончанію подобнымъ образомъ».

Въ 1759 году вышла первая часть Исторіи Петра Великаго. Въ Петербургѣ она не удовлетворила ожиданіямъ, потому что эти ожиданія были очень велики. Упрекали автора въ краткости изложенія, указывая на количество извѣстій, ему пересланныхъ; упрекали за то, что онъ не воспользовался многими изъ этихъ извѣстій, и вмѣсто того внесъ свои мнѣнія и сужденія. Но Мюллеръ справедливо замѣтилъ, что несообразно было съ геніемъ Вольтера писать громадные фоліанты. Вольтеръ сдѣлалъ все что могъ, и несмотря на всѣ недостатки, ошибки и промахи, книга его въ свое время была вовсе не лишняя не только на западѣ, но и въ Россіи, и стоила тѣхъ шубъ, которыя были отправлены за нее автору. Фридрихъ II былъ страшно раздраженъ тѣмъ, что первый писатель времени посвятилъ свой талантъ прославленію великаго русскаго царя; раздраженіе понятное: Фридрихъ сладилъ бы и съ Австрійцами и съ Французами, но Россія приводила его на край погибели, и средства ей для этого даны были Петромъ. «Скажите, мнѣ пожалуйста, писалъ онъ Вольтеру [125], съ чего это вы вздумали писать исторію волковъ и медвѣдей сибирскихъ? И что вы еще можете разсказать о царѣ, чего нѣтъ въ жизни Карла XII? Я не буду читать исторіи этихъ варваровъ; мнѣ бы даже хотѣлось вовсе не знать, что они живутъ на нашемъ полушаріи». Вольтеръ по поводу этого наивнаго письма писалъ Даламберу: «Люкъ (Luc — такъ Вольтеръ звалъ Фридриха II въ насмѣшку) мнѣ пишетъ, что онъ немножко скандализованъ, что я, по его выраженію, пишу исторію волковъ и медвѣдей: впрочемъ они вели себя въ Берлинѣ медвѣдями очень благовоспитанными» [126]. Но Вольтеръ не обращалъ большаго вниманія на выходки Фридриха и былъ очень доволенъ, что заслужилъ благосклонность русской государыни. Нѣтъ сомнѣнія,

что у него при этомъ были особые виды: при союзѣ Россіи съ Франціею, Елисавета могла упросить Людовика XV снять опалу съ Вольтера, позволить ему возвратиться въ Парижъ, по которомъ Вольтеръ не переставалъ тосковать. Вотъ почему смерть Елисаветы сильно его огорчила: «Моя императрица русская умерла, писалъ онъ племянницѣ (Флоріанъ), и по странности моей звѣзды выходитъ, что я потерпѣлъ чрезвычайно большую потерю» [127].

Черезъ полгода въ Петербургѣ опять перемѣна. Екатерина давно уже сознавала важное значеніе, пріобрѣтенное литтературою, то руководительное значеніе, какое получили литтературные вожди и патріархъ ихъ Вольтеръ. Теперь она вступила на престолъ при такихъ обстоятельствахъ, которыя заставляли ее внутри и внѣ искать союзниковъ, приверженцевъ, оправдателей, хвалителей. Понятно, что обращаясь на западъ, желая тамъ внушить уваженіе къ себѣ, довѣріе къ своей силѣ и прочности своего престола, она не могла не остановиться на Вольтерѣ; понятно ея раздраженіе, когда ей шепнули, что Ив. Ив. Шуваловъ, находившійся въ перепискѣ съ Вольтеромъ, внушаетъ царю философовъ невыгодное о ней представленіе [128]. Какъ только Бретёйль возвратился въ Петербургъ, императрица велѣла спросить его, знакомъ ли онъ съ Вольтеромъ, и не можетъ ли внушить ему болѣе правильныя представленія о роли, которую играла кн. Дашкова въ событіяхъ 28 іюня [129]. А между тѣмъ изъ петербургскаго дворца уже шли къ Вольтеру письма съ оправданіями этихъ событій: ихъ писалъ его знакомый, женевецъ Пиктэ, принятый Екатериною для иностранной переписки [130]. Вольтеръ, не имѣвшій ни малѣйшихъ побужденій жалѣть о Петрѣ III-мъ, въ письмахъ къ Шувалову выражалъ свое удовольствіе относительно перемѣны 28 іюня, называя Екатерину Семирамидою [131]. Сначала Екатерина и Вольтеръ обмѣнивались комплиментами въ письмахъ Пиктэ, а потомъ, неизвѣстно съ точностію когда, начинается между ними и непосредственная переписка. По крайней мѣрѣ въ іюлѣ 1763 года, въ письмѣ къ одному пріятелю, Вольтеръ обнаруживаетъ сильное сочувствіе къ императрицѣ и заботу о ея участи: «Неужели правда, что огонь тлѣетъ подъ пепломъ въ Россіи, что существуетъ большая партія въ пользу императора Ивана? что моя дорогая им-

ператрица будетъ низвергнута и у насъ будетъ новый предметъ для трагедіи?» Опасенія скоро разсѣялись, и Екатерина пріобрѣла въ патріархѣ философовъ самаго ревностнаго приверженца, готоваго защищать ее противъ всѣхъ, противъ Турокъ и Поляковъ, готоваго указывать ей самыя блестящія цѣли: едва ли Вольтеръ не первый сталъ толковать о томъ, что Екатерина должна взять Константинополь, освободить и возсоздать отечество Софокла и Алкивіада, такъ что Екатерина должна была сдерживать его слишкомъ разыгравшуюся фантазію.

Но кромѣ желанія пріобрѣсти такихъ сильныхъ союзниковъ, кромѣ желанія пріобрѣсти высокое мѣсто покровительницы европейскаго просвѣщенія, кромѣ этихъ собственно *политическихъ* цѣлей, у Екатерины были и другія побужденія, заставлявшія ее сближаться съ самыми видными изъ философовъ. Она была дочь своего вѣка; чуткая въ сильной степени къ высшимъ интересамъ человѣка, она страстно слѣдила за умственнымъ движеніемъ столѣтія, и не сочувствуя здѣсь всему, преклонялась однако вообще предъ движеніемъ, и, ставши самовластною государынею, хотѣла примѣнить его результаты къ устройству народной жизни. Въ одномъ изъ первыхъ писемъ къ Вольтеру Екатерина писала: «Правда, что мы многаго не понимаемъ изъ того, что къ намъ приходитъ съ юга. Мы изумляемся, читая произведенія, дѣлающія честь роду человѣческому и видя, съ другой стороны, какъ мало пользуются ими. Мой девизъ — пчела, которая летая съ растенія на растеніе, собираетъ медъ для своего улья, и надпись: *полезное*. У васъ низшіе научаютъ, и легко высшимъ пользоваться этимъ наставленіемъ; у насъ наоборотъ». Въ другомъ письмѣ читаемъ: «Я должна отдать справедливость своему народу: это превосходная почва, на которой хорошее сѣмя быстро возрастаетъ; но намъ также нужны аксіомы, неоспоримо признанныя за истинныя; благодаря этимъ аксіомамъ, правила, долженствующія служить основаніемъ новымъ законамъ, получили одобреніе тѣхъ, для кого они были составлены. Я думаю вамъ бы понравилось сидѣть за столомъ, гдѣ сидятъ вмѣстѣ православный, еретикъ и мусульманинъ, спокойно слушаютъ голосъ идолопоклонника и всѣ четверо совѣщаются о томъ, чтобъ ихъ мнѣніе могло быть принято всѣми. Они такъ хорошо забыли обычай поджаривать другъ друга, что еслибъ кто-нибудь пред-

ложилъ депутату сжечь своего сосѣда въ угоду Высшему Существу, то отвѣчаю, что не было бы ни одного, который бы не отвѣтилъ: онъ человѣкъ какъ и я, а по первому параграфу инструкціи ея императорскаго величества, мы должны дѣлать другъ другу какъ можно больше добра, и никакого зла. Увѣряю васъ, что дѣла идутъ буквально такъ какъ я вамъ говорю: еслибы понадобилось подтвержденіе, у меня бы нашлось 640 подписей съ подписью епископа впереди. На югѣ быть можетъ скажутъ: какія времена, какіе нравы! но сѣверъ поступитъ какъ луна, которая идетъ своей дорогой». Вольтеръ въ своемъ письмѣ выражалъ удивленіе предъ государынею, которая умѣла сдѣлать духовенство полезнымъ и послушнымъ [132].

Еще прежде чѣмъ началась переписка съ Вольтеромъ, Екатерина обратилась къ Даламберу съ приглашеніемъ пріѣхать въ Россію для содѣйствія воспитанію наслѣдника престола цесаревича Павла Петровича [133]. Даламберъ отказался; Екатерина продолжала настаивать; она писала ему: «Я понимаю, что вамъ какъ философу, не стоитъ ничего презрѣть величіе и почести міра сего; вы рождены или призваны содѣйствовать счастію и даже просвѣщенію цѣлаго народа, и отказаться отъ этого, по моему мнѣнію, значитъ отказаться дѣлать добро, которому вы такъ преданы; ваша философія основана на человѣколюбіи, такъ позвольте же мнѣ вамъ сказать, что не отдать себя ему въ служеніе, когда это возможно, значитъ уклониться отъ своей цѣли. Я знаю вашу высокую честность, и потому не могу приписать вашего отказа тщеславію: я знаю, что причина заключается въ любви къ спокойствію, въ желаніи посвятить все свое время литтературѣ и дружбѣ; но что же мѣшаетъ? Пріѣзжайте со всѣми вашими друзьями, я обѣщаю вамъ и имъ всѣ удовольствія и удобства, отъ меня зависящія, и быть можетъ вы найдете здѣсь больше свободы и спокойствія, чѣмъ у васъ». Но Даламберъ рѣшительно отказался. «Еслибы дѣло шло о томъ только, чтобъ сдѣлать изъ великаго князя хорошаго геометра, писалъ онъ, порядочнаго литтератора, быть можетъ посредственнаго философа, то я бы не отчаялся въ этомъ успѣть; но дѣло идетъ вовсе не о геометрѣ, литтераторѣ, философѣ, а о великомъ государѣ, а такого лучше васъ, государыня, никто не можетъ воспитать». Нѣтъ сомнѣнія, что одна изъ главныхъ причинъ отказа

заключалась въ томъ, что не было увѣренности въ прочности положенія Екатерины.

Отказъ не повелъ къ ссорѣ; переписка продолжалась; Даламберъ жаловался на гоненія, жаловался, что за сочиненіе его объ «Уничтоженіи іезуитовъ», сочиненіе одинаково полезное религіи и государству, у него отняли пенсію, которая слѣдовала ему отъ академіи наукъ; при этомъ, писалъ Даламберъ, утѣшеніемъ служило ему то, что король не зналъ объ этой несправедливости. Екатерина отвѣчала: «У васъ во Франціи должно быть большое количество великихъ людей, если ваше правительство не считаетъ себя обязаннымъ покровительствовать тѣмъ, которыхъ генію удивляются въ странахъ самыхъ отдаленныхъ. Вы находите для себя утѣшеніе въ томъ, что король французскій не знаетъ объ оказанной вамъ несправедливости: я нахожу, что это вовсе не утѣшительно для него; вѣроятно окружающіе его по деликатности не даютъ ему знать объ этомъ. На сѣверѣ, (безъ сомнѣнія климатъ тому причиною, здѣсь чувства не такъ утонченны), на сѣверѣ государямъ не позволяютъ не знать объ отличныхъ умахъ, имѣющихъ право на ихъ милости. Они обязаны поощрять таланты, иначе заподозрятъ, что у нихъ самихъ нѣтъ талантовъ».

Не забытъ былъ и третій знаменитый философъ, имя котораго неразлучно съ именемъ Вольтера и Даламбера, Дидро. Екатерина купила у Дидро его библіотеку за 15,000 ливровъ, оставила ее у него въ пожизненное пользованіе и назначила ему еще 1000 франковъ, какъ хранителю ея книгъ. Вольтеръ писалъ въ восторгѣ: «Кто бы могъ вообразить, 50 лѣтъ тому назадъ, что придетъ время, когда Скиѳы будутъ такъ благородно вознаграждать въ Парижѣ добродѣтель, знаніе, философію, съ которыми такъ недостойно поступаютъ у насъ [134]?»—«Вся литтературная Европа рукоплещетъ отличному знаку уваженія и милости, какой ваше императорское величество оказали Дидро; онъ достоинъ его во всѣхъ отношеніяхъ по своимъ добродѣтелямъ, талантамъ, сочиненіямъ и положенію», писалъ Даламберъ императрицѣ. Екатерина отвѣчала: «Я не предвидѣла, что покупкою библіотеки Дидро пріобрѣту себѣ столько похвалъ. Было бы жестоко разлучить ученаго съ его книгами; мнѣ часто случалось бояться, чтобъ меня не разлучили съ моими книгами, поэтому въ старину

было у меня правило никогда не говорить о моихъ чтеніяхъ. Мой собственный опытъ запретилъ мнѣ доставлять это огорченіе другому» [135]. Мы не знаемъ, во сколько справедливо, что Екатерина, будучи великою княгинею, могла опасаться, что ее разлучатъ съ книгами; по крайней мѣрѣ она не говоритъ объ этомъ въ своихъ мемуарахъ.

Новая литтературная сила была привлечена; но одновременно съ этою силою въ Парижѣ явилась другая сила. Литтераторы имѣли нужду собираться вмѣстѣ; кромѣ того явилась надобность въ посредствующихъ мѣстахъ, гдѣ бы литтераторы могли сходиться съ представителями старой силы, представителями знати, высшаго общества. Человѣкъ, могшій, умѣвшій собирать въ своей гостиной отборное по уму, талантамъ и положенію общество, естественно получалъ большую силу, важное значеніе, и нѣтъ ничего удивительнаго, что это значеніе было пріобрѣтено тремя женщинами, записавшими свои имена въ исторіи умственнаго движенія XVIII вѣка; эти имена: Дюдеффанъ, Лепинассъ и Жоффрэнъ. Преимущественно послѣдняя обладала въ высшей степени способностію «держать литтературную гостиную». Выдающійся талантъ, обширная ученость могли только мѣшать въ этомъ дѣлѣ, они давили бы общество, не давали ему простора, а между тѣмъ хозяину литтературной гостиной нельзя также исчезнуть нравственно; онъ долженъ держать связь, посредничать, онъ долженъ разгадать извѣстную трудную загадку—царствовать, а не управлять. Г-жа Жоффрэнъ разгадала эту загадку. Она вовсе не была ученая женщина и имѣла тактъ нисколько не скрывать недостатковъ своего образованія, доходившихъ до незнанія ороографіи; но своимъ здравымъ смысломъ и вмѣстѣ женскою мягкостію умѣла внушать своимъ даровитымъ и ученымъ посѣтителямъ чрезвычайное къ себѣ уваженіе и привязанность; между ними и ею устанавливались родственныя отношенія; она становилась матерью, готовою помочь каждому и словомъ и дѣломъ, а извѣстно, что дѣти съ большею охотою обращаются за помощію къ матерямъ, чѣмъ къ отцамъ. Благодаря этимъ качествамъ г-жа Жоффрэнъ стала знаменитою держательницей литтературной гостиной, стала силой; ни одинъ значительный путешественникъ не оставлялъ Парижа, не добившись чести быть представленнымъ г-жѣ Жоффрэнъ, въ слѣдствіе чего извѣст-

ность ея скоро перешла границы Франціи; съ одинакимъ уваженіемъ относились къ ней при вѣнскомъ и петербургскомъ дворахъ, и Екатерина сочла нужнымъ войти съ нею въ непосредственную переписку.

Мы видѣли, въ какомъ непріятномъ положеніи находилась Екатерина лѣтомъ и осенью 1764 года по поводу шлюссельбургскаго происшествія. Когда прошло первое безпокойство относительно важности и обширности заговора, являлся неотвязчивый и мучительный вопросъ: что скажутъ? особенно что скажутъ на этомъ западѣ, гдѣ о русскихъ дѣлахъ имѣютъ такъ мало понятія, не хотятъ и не могутъ вникать въ ихъ подробности, судятъ по первому впечатлѣнію и судятъ обыкновенно криво, зложелательно? Повѣрятъ ли, что Мировичъ дѣйствовалъ по собственному побужденію? Дѣйствительно, на западѣ поспѣшили засудить безъ суда, и пошли недоброжелательные толки на счетъ участія Екатерины въ дѣлѣ. Вольтеръ и Даламберъ толковали въ этомъ же смыслѣ: первый горячился, второй отзывался цинически [136]. Но когда эти господа позволяли себѣ относиться къ дѣлу съ женскою легкостію и страстью къ сплетнѣ, Жоффрэнъ отнеслась къ нему съ мужскою серіозностію и спокойствіемъ: она желала одного, чтобы дѣлу была дана полная гласность. Екатерина писала ей: «Мое дурное расположеніе духа прошло; извиняюсь, что писала вамъ въ эти минуты, когда это гнусное дѣло такъ меня печалило и давило. Я исполнила ваши желанія, велѣла вести дѣло со всевозможною обстоятельностію, разборъ процесса былъ сдѣланъ публично, приговоръ произнесенъ открыто, въ которомъ я ничего не перемѣнила; все будетъ напечатано. Завистники мои воспользуются случаемъ, чтобъ позлословить; но я успокоиваюсь на искренности и правдивости моего поведенія и презираю тѣхъ, которые ошибутся относительно моей души» [137]. Но Жоффрэнъ была недовольна тѣмъ, зачѣмъ Екатерина издала манифестъ съ изложеніемъ дѣла; она писала Станиславу Понятовскому: «Оставляя въ сторонѣ факты, находятъ, что она (Екатерина) издала смѣшные манифесты, особенно манифестъ о смерти Ивана: она вовсе не была обязана что-нибудь говорить объ этомъ; процессъ Мировича былъ совершенно достаточенъ, въ немъ дѣло являлось просто и ясно. Думаю, что я ее хорошо знаю, и думаю, что она нуждается въ

руководителѣ. Боюсь, чтобъ ея умъ и страсть къ остроумію не увлекли бы ее когда-нибудь» [138]. Мы видѣли, что сама Екатерина сознавала въ себѣ эту страстность, заставлявшую ее принимать слишкомъ быстрыя рѣшенія; сама сознавала необходимость человѣка, который бы ее сдерживалъ.

Жоффрэнъ написала самой Екатеринѣ свое мнѣніе о манифестѣ. Та разгорячилась, и въ горячности написала неудачную защиту, не удержавшись и отъ нѣкоторыхъ рѣзкостей: «Вы разсуждаете о манифестѣ, какъ слѣпой о цвѣтахъ. Онъ былъ сочиненъ вовсе не для иностранныхъ державъ, а для того, чтобъ увѣдомить россійскую имперію о смерти Ивана; надобно было сказать какъ онъ умеръ, болѣе ста человѣкъ были свидѣтелями его смерти и покушенія измѣнника, не было поэтому возможности не написать обстоятельнаго извѣстія; не сдѣлать этого— значило подтвердить злонамѣренные слухи, распускаемые министрами дворовъ завистливыхъ и враждебныхъ ко мнѣ; шагъ былъ деликатный; я думала, что всего лучше сказать правду. У васъ болтаютъ о манифестѣ, но у васъ болтали и о Господѣ Богѣ, и здѣсь также болтаютъ иногда о Французахъ. Вѣрно то, что здѣсь этотъ манифестъ и голова преступника прекратили всякую болтовню. Слѣдовательно цѣль была достигнута манифестомъ, *ergo* онъ былъ хорошъ».

Императрица описывала Жоффрэнъ свой день, свои занятія: «Я встаю въ 6 часовъ постоянно, читаю и пишу одна до осьми». Екатерина открыла Жоффрэнъ, что она писала отъ 6 до 8 часовъ утра: это была знаменитая законодательная работа, изданная потомъ подъ именемъ «Наказа коммиссіи объ Уложеніи». Постоянно работая головою, питая ее обильною пищею посредствомъ чтенія, Екатерина рано начала записывать свои мысли; но это записываніе не было безцѣльнымъ занятіемъ. «Я желаю только добра странѣ, куда Богъ меня привелъ», писала Екатерина, будучи великою княгинею: «Богъ мнѣ въ этомъ свидѣтель. Слава страны составляетъ мою собственную. Вотъ мой принципъ; была бы я очень счастлива, еслибъ мои идеи могли этому способствовать». Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ идей, которыя записала Екатерина: «Противно христіанской религіи и правосудію обращать въ рабство людей (которые всѣ родятся свободными). Церковный соборъ освободилъ всѣхъ крестьянъ въ Гер-

маніи, Франціи, Испаніи и т. д. Такой переворотъ теперь въ Россіи не былъ бы средствомъ пріобрѣсть любовь землевладѣльцевъ, исполненныхъ упорства и предразсудковъ. Но вотъ легкій способъ: постановить, чтобъ впредь при продажѣ имѣнія крестьяне освобождались; въ теченіи ста лѣтъ всѣ или, по крайней мѣрѣ, большая часть земель мѣняетъ господъ—и вотъ народъ свободный. — Свобода—-душа всѣхъ вещей! безъ тебя все мертво. Я хочу, чтобъ повиновались законамъ, а не рабовъ. Хочу общей цѣли — сдѣлать счастливыми, а не каприза, ни странностей, ни жестокости. Когда правда и разумъ на нашей сторонѣ, должно выставить ихъ предъ глаза народу, сказать: такая-то причина привела меня къ тому-то, разумъ долженъ говорить за необходимость. Будьте увѣрены, что онъ возьметъ верхъ въ глазахъ толпы: сдаются истинѣ, но рѣдко сдаются рѣчамъ тщеславнымъ. Миръ необходимъ этой обширной имперіи; мы нуждаемся въ населеніи, а не въ опустошеніяхъ; наполните жителями наши обширныя пустыни, если возможно. Для этого я не думаю, чтобы полезно было принуждать пашихъ инородцевъ къ принятію христіанства; многоженство полезнѣе для увеличенія народонаселенія. Вотъ правила для внутренней политики. Относительно внѣшней миръ доставитъ намъ больше значенія, чѣмъ случайности войны, всегда разорительной. Власть безъ довѣрія народнаго ничего не значитъ для того, кто хочетъ быть любимымъ и славнымъ; этого легко достигнуть: примите за правило вашихъ дѣйствій и уставовъ благо народное и правосудіе, неразлучныя другъ съ другомъ. Изданіе новаго закона есть дѣло сопряженное со множествомъ неудобствъ, оно требуетъ самаго напряженнаго размышленія и благоразумія; единственное средство узнать — хорошо или дурно ваше постановленіе — это распространить о немъ слухъ на рынкѣ и велѣть доносить вамъ, что объ немъ говорятъ; но кто вамъ донесетъ о послѣдствіяхъ въ будущемъ? — Больше всего остерегайтесь издать законъ и потомъ отмѣнить его; въ этомъ обнаружится ваше неблагоразуміе и слабость и вы лишитесь довѣрія народнаго, если только это не будетъ законъ временный: въ такомъ случаѣ объявить сначала объ этомъ, обозначить причины и срокъ, по истеченіи котораго можно возобновить его или отмѣнить. Я желаю ввести, чтобъ изъ лести мнѣ говорили истину;

даже придворный пойдетъ на это, когда увидитъ, что вы это любите и что это путь къ милости. Кто не уважаетъ заслугъ, самъ ихъ не имѣетъ; кто не старается отыскать заслуги и не открываетъ ее, тотъ недостоинъ и неспособенъ царствовать. Самый варварскій и достойный Турокъ обычай — сначала наказать, а потомъ производить слѣдствіе. Если вы найдете человѣка виновнымъ, что̀ вы будете дѣлать? онъ уже наказанъ. Будете ли вы имѣть жестокость наказать его два раза? А если онъ невиненъ, то чѣмъ вознаградите его за несправедливый арестъ, за безчестіе, лишеніе должности и проч.? Всего больше ненавижу я конфискацію имущества виновныхъ; ибо кто на землѣ можетъ отнять у дѣтей и всѣхъ нисходящихъ наслѣдство, которое они получаютъ отъ самого Бога? Не знаю, мнѣ кажется всю мою жизнь я буду чувствовать отвращеніе къ чрезвычайнымъ суднымъ коммиссіямъ, особенно секретнымъ. Зачѣмъ отнимать у обыкновенныхъ судовъ, дѣла, подлежащія ихъ вѣдѣнію? Быть *стороною* и назначать еще судей—значитъ показывать, что боишься имѣть правосудіе и законы противъ себя. Пускай знатный человѣкъ судится сенатомъ, какъ въ Англіи; во Франціи перъ судится перами. Не будетъ больше опасности позволить нашимъ молодымъ людямъ заграничное путешествіе (часто боятся, чтобъ они не ушли совсѣмъ), когда сдѣлаютъ имъ отечество *любезнымъ;* я заключаю великій смыслъ въ этомъ словѣ. Государство не много потеряетъ, если лишится двухъ или трехъ пустыхъ головъ, и если отечество будетъ таково, какимъ я желаю его видѣть, то мы будемъ имѣть больше *новобранцевъ*, чѣмъ *бѣглецовъ;* издалека приходили бы за нашими дѣвушками и приводили бы своихъ къ намъ; разъ дѣло пойдетъ такимъ образомъ, то просвѣщеніе распространится нѣсколькими поколѣніями ранѣе и тамъ, гдѣ его теперь нѣтъ. Снисхожденіе, примирительный духъ государя сдѣлаютъ болѣе, чѣмъ милліоны законовъ и политическая свобода дастъ душу всему. Часто лучше внушать преобразованія, чѣмъ вводить ихъ властію» [139]. Изъ этихъ замѣтокъ видно, какъ мысль Екатерины давно уже работала надъ законодательными вопросами, подъ вліяніемъ прочитаннаго изъ западной современной литтературы, и преимущественно подъ вліяніемъ книги Монтескье. Въ письмахъ къ Даламберу и г-жѣ Жоффрэнъ видно, какъ Екатерина относилась

къ этой книгѣ. Обѣщая прислать свой Наказъ, Екатерина пишетъ Даламберу: «Вы увидите, какъ для пользы своей имперіи я обобрала президента Монтескье, не называя его: надѣюсь, что если съ того свѣта онъ видитъ мою работу, то проститъ этотъ литтературный грабежъ для блага двадцати милліоновъ людей, какое изъ того должно послѣдовать. Онъ такъ любилъ человѣчество, что не будетъ формализировать, его книга—это мой молитвенникъ [140]». Упрекая Жоффренъ въ странномъ мнѣніи, что въ Россіи дѣти наслѣдуютъ отцамъ только съ соизволенія государя, Екатерина писала: «Правда, что до меня конфискація производилась слишкомъ легко, но я это уничтожила во многихъ случаяхъ и законодательство въ этомъ отношеніи будетъ совершенно измѣнено. Имя президента Монтескье, упомянутое въ вашемъ письмѣ, вырвало у меня вздохъ; еслибъ онъ былъ живъ, я бы не пощадила..... Но нѣтъ, онъ бы отказался какъ и....... (Даламберъ). Его Духъ Законовъ есть молитвенникъ государей, если только они имѣютъ здравый смыслъ [141]».

Въ одномъ изъ писемъ къ Жоффрэнъ Екатерина говоритъ вообще о вліяніи новой философской литтературы на сочиненіе Наказа: «Прошу васъ сказать Даламберу, что я скоро пришлю ему тетрадь, изъ которой онъ увидитъ, къ чему могутъ служить сочиненія геніальныхъ людей, когда хотятъ дѣлать изъ нихъ употребленіе; надѣюсь, что онъ будетъ доволенъ этимъ трудомъ; хотя онъ и написанъ перомъ новичка, но я отвѣчаю за исполненіе на практикѣ [142]». Въ іюнѣ Екатерина писала той же Жоффрэнъ: «64 страницы о законахъ готовы, остальное явится по возможности; я отошлю эту тетрадь г. Даламберу; я все здѣсь сказала и послѣ этого не скажу ни слова всю жизнь; всѣ тѣ, которые видѣли мою работу, единодушно говорятъ, что это верхъ совершенства, но мнѣ кажется, что еще надобно почистить; я не хотѣла, чтобъ кто-нибудь мнѣ помогалъ, боюсь, чтобъ помощники не нарушили единства [143]». Сходно съ этимъ Екатерина говоритъ о Наказѣ въ своей запискѣ о томъ, въ какомъ состояніи она нашла Россію при своемъ воцареніи: «Всѣ требовали и желали, чтобъ законодательство было приведено въ лучшій порядокъ. Я начала читать, потомъ писать Наказъ коммиссіи уложенія. Два года я и читала и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова, но слѣдуя единственно уму и сердцу

своему съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы, чести и счастія имперіи и чтобъ довести до высшей степени благополучіе всякаго рода живущихъ въ ней, какъ всѣхъ вообще, такъ и каждаго особенно. Предуспѣвъ, по мнѣнію моему, довольно въ сей работѣ, я начала казать по частямъ статьи мною заготовленныя людямъ разнымъ, всякому по его способностямъ и, между прочими, князю Орлову и графу Никитѣ Панину. Сей послѣдній мнѣ сказалъ: «Ce sont des axiomes á renverser des murailles» (это аксіомы способныя разрушить стѣны). Князь Орловъ цѣны не ставилъ моей работѣ и требовалъ часто, чтобъ тому или другому оную показать. Но я болѣе одного листа или двухъ не показывала вдругъ» [144]. Мы еще обратимся въ своемъ мѣстѣ къ этому произведенію Екатерины.

Даламберъ не поѣхалъ въ Россію содѣйствовать воспитанію великаго князя, и это воспитаніе производилось своими домашними средствами. Главнымъ руководителемъ оставался по прежнему Ник. Ив. Панинъ; изъ его помощниковъ въ дѣлѣ воспитанія рѣзко выдѣлялся молодой офицеръ, учитель математики, Семенъ Андреевичъ Порошинъ, воспитанникъ кадетскаго корпуса. Родившійся въ годъ восшествія на престолъ Елисаветы, Порошинъ принадлежалъ къ тому поколѣнію даровитыхъ русскихъ людей, которые съ жаромъ примкнули къ начавшемуся тогда литтературному движенію; знаніе иностранныхъ языковъ, давая возможность удовлетворить жаждѣ къ чтенію, расширило его умственный горизонтъ; онъ съ уваженіемъ относился къ вождямъ такъ называемаго просвѣтительнаго движенія на западѣ, но уваженіе не переходило въ увлеченіе; подобно Екатеринѣ Порошинъ принялъ за образецъ пчелу, которая изъ разныхъ растеній высасываетъ только то, что ей надобно. Порошинъ умѣлъ остаться русскимъ человѣкомъ, горячимъ патріотомъ, имѣвшимъ прежде всего въ виду пользу и славу Россіи. Съ этимъ-то высокимъ значеніемъ образованнаго человѣка и горячаго патріота явился Поршинъ среди людей, призванныхъ участвовать въ воспитаніи наслѣдника престола, и, разумѣется, немедленно же обратилъ на себя вниманіе и пріобрѣлъ болѣе другихъ вліянія надъ ребенкомъ. Главная цѣль Порошина при воспитаніи будущаго государя состояла въ томъ, чтобъ внушить ему горячую, безпредѣльную любовь къ Россіи, уваженіе къ

русскому народу, къ знаменитымъ дѣятелямъ его исторіи. При этомъ Порошинъ долженъ былъ бороться съ большими трудностями, часто испытывать горькую досаду. Десятилѣтній великій князь постоянно слышалъ вокругъ себя о процвѣтаніи наукъ и искусствъ на западѣ, слышалъ постоянныя похвалы тамошнему строю быта вообще, отзывы о тамошнемъ богатствѣ, великолѣпіи, о томъ какъ Россія отстала отъ западной Европы во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, причемъ нѣкоторые позволяли себѣ отзываться о русскомъ и русскихъ даже съ презрѣніемъ. Порошинъ считалъ своею обязанностію уничтожить впечатлѣніе, производимое подобными разговорами на великаго князя. Разумѣется, Петръ Великій съ своею небывалою въ исторіи дѣятельностію, заставившею западную Европу съ уваженіемъ обратиться къ Россіи, выручалъ здѣсь Порошина: за то съ какимъ же благоговѣніемъ относился онъ къ преобразователю, къ его сподвижникамъ и птенцамъ! Но и тутъ искушеніе. Времена Петра Великаго были еще въ свѣжей памяти, а между тѣмъ прошло уже царствованіе Елисаветы, отучившее отъ крови, произведшее посредствомъ литтературныхъ вліяній переворотъ въ нравственныхъ понятіяхъ; по мѣркѣ этихъ новыхъ понятій время Петра являлось уже грубымъ и жестокимъ. Не было исторіи, но было множество анекдотовъ, которые своими живыми красками производили особенно сильное впечатлѣніе. Порошинъ, не имѣя поддержки въ несуществовавшей тогда исторической наукѣ, разумѣется долженъ былъ обращаться къ общему разсужденію, что всякій человѣкъ, какъ бы великъ ни былъ, имѣетъ недостатки; но представленіе великаго человѣка настоящимъ, живымъ человѣкомъ съ великими качествами, великими страстями и неразлучными съ человѣческою природою ошибками, такое представленіе мало доступно ребенку, да и не ребенку только; и взрослый съ великимъ трудомъ достигаетъ до такого по возможности цѣльнаго представленія; ему гораздо легче представлять историческихъ дѣятелей сплошными, окрашенными въ одинъ цвѣтъ, бѣлый— такъ весь бѣлый, черный—такъ весь черный.

Порошинъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что однажды «говорили о нашемъ факторѣ, который въ Ливорнѣ, что его весьма тамъ хорошо принимаютъ. Его высочество спросить изволилъ: а кто таковъ этотъ факторъ? На сей русскій вопросъ отвѣтствовалъ

тутъ нѣкто, не сказавъ о его имени: c'est un russe, Monseigneur. Il est pourtant un homme assez entendu. «Я желалъ бы (слова Порошина), чтобъ въ уши великаго князя меньше такихъ выраженій входило; въ такомъ бы случаѣ лучше соблюли мы пользу свою. Когда Всевышній обрадуетъ насъ и сподобитъ увидѣть государя цесаревича въ совершенномъ возрастѣ, тогда по остротѣ своей конечно самъ онъ увидитъ, какіе есть въ нашемъ народѣ недостатки. Но разность тутъ такую я предвижу, что ежели вложена въ него будетъ любовь и горячность къ народу, то, усматривая народныя слабости, будетъ усматривать, какія есть въ немъ достоинства и добродѣтели, и объ отвращеніи тѣхъ слабостей, такъ какъ чадолюбивый отецъ, пещись и стараться будетъ; а что ежели напротивъ того отъ неосторожныхъ рѣчей или ненавистныхъ внушеній получитъ отвращеніе и презрѣніе къ народу, то будетъ видѣть въ немъ одни только пороки и слабости, не видя его добродѣтелей, пренебрегать, а не исправлять ихъ, гнушаться именемъ Россіянина. А отъ сего какія для отечества и для него самого произойтить могутъ слѣдствія, всякой подумавъ назадъ кое о чемъ (т. е. о Петрѣ III), легко разсудитъ». Въ другое время за обѣдомъ разговаривали о придворныхъ маскарадахъ. «Говорили, что ежели такъ продолжаться будетъ, то немногіе современемъ станутъ и ѣздить: стола нѣтъ, пить ничего не допросишься кромѣ кислыхъ щей, игры нѣтъ. Иные говорили тутъ, что та бѣда, что у насъ на даровое падки, и еслибъ вседавать, такъ изошло бы много. Сіе примѣчаніе, сказанное при его высочествѣ, весьма мнѣ не понравилось; ибо такіе разговоры вкоренить въ него могутъ худую идею о характерѣ нашей публики, скорѣе нежели бъ прямо кто ругать ее при немъ сталъ».

Однажды великій князь хвалилъ письменный столъ, сдѣланный русскими ремесленниками, и прибавилъ: «такъ то нынѣ Русь умудрися!» Порошинъ не упустилъ случая сказать, что «нынѣ у насъ много весьма добрыхъ мастеровыхъ людей; что все это заведеніе его прадѣдушки, государя Петра Великаго; что то, что имъ основано, можно бы довесть и до совершенства, еслибъ не пожалѣть трудовъ и размышленія».

Но скоро послѣ этого другой разсказъ: «Пострадалъ я сего дня за столомъ ужасно. И какъ не страдать, когда вотъ что про-

исходило: разговорились мы о государѣ Петрѣ Великомъ; нѣкто, прешедъ молчаніемъ всѣ великія качества сего монарха, о томъ только твердить разсудилъ за благо, что государь часто напивался до пьяна и билъ министровъ своихъ палкою. Потомъ какъ зачалъ онъ выхвалять Карла XII, короля шведскаго, и я сказалъ ему, что Вольтеръ пишетъ, что Карлъ XII достоинъ быть въ арміи государя Петра Великаго первымъ солдатомъ, то спросилъ у него его высочество: неужели это такъ? На сіе говорилъ онъ его высочеству, что можетъ быть и написано, однако то крайнее ласкательство; наконецъ какъ я говорилъ о письмахъ государевыхъ, которыя онъ изъ чужихъ краевъ писалъ сюда къ своимъ министрамъ, и упоминалъ, что для лучшаго объясненія его исторіи, надобно непремѣнно имѣть и тѣ письма; что я многія у себя имѣю и прочее, то первый нѣкто никакого болѣе на то примѣчанія не изволилъ сдѣлать, какъ только, какъ смѣшны эти письма тѣмъ, что государь въ нихъ писывалъ иногда: Мингеръ адмиралъ, и подписывалъ: Питеръ. Признаюсь, что такія рѣчи жестоко меня тронули, и много труда мнѣ стоило скрыть свое неудовольствіе и удержать запальчивость. Я всему разумному и безпристрастному свѣту отдаю на разсужденіе, пристойно ли, чтобы престола россійскаго наслѣдникъ и государя Петра Великаго родной правнукъ такимъ недоброхотнымъ разговорамъ былъ свидѣтель? Чьи дѣла большее въ немъ возбудить вниманіе, сильнѣйшее произвесть въ немъ дѣйствіе и для свѣдѣнія его нужнѣе быть могутъ, какъ дѣла Петра Великаго? Они по всей подсолнечной громки и велики, превозносятся съ восторгомъ сыновъ россійскихъ устами. Если бы не было никогда на россійскомъ престолѣ такого несравненнаго мужа, тобъ полезно было и вымыслить таково, его высочеству для подражанія. Мы имѣемъ толь преславнаго героя, и что дѣлается? Я не говорю, чтобъ государь Петръ Великій совсѣмъ никакихъ не имѣлъ недостатковъ. Но кто изъ смертныхъ не имѣлъ ихъ?» Порошинъ счелъ нужнымъ читать своему воспитаннику Вольтерову исторію Петра Великаго, и при всякомъ удобномъ случаѣ самъ разсказывалъ о Петрѣ что зналъ; очень былъ доволенъ, когда и другіе говорили «съ должными похвалами». Когда однажды зашелъ разговоръ, что большая разница между дерзостью и неустрашимостію, то Порошинъ «говорилъ о государѣ Петрѣ Великомъ, что

онъ отъ природы, какъ сказываютъ, не весьма храбръ былъ, но что слабость свою преодолѣвалъ разсужденіемъ, и въ безчисленныхъ случаяхъ показывалъ удивительное мужество, что не токмо не умаляетъ его великости, но еще утверждаетъ ее». Легко понять, какъ сочувствовалъ Порошинъ людямъ, одинаково съ нимъ смотрѣвшимъ на Петра; такъ читаемъ въ его запискахъ: «Говоря о предпріятіяхъ сего государя, сказалъ графъ Иванъ Григорьевичъ (Чернышевъ) съ нѣкоторымъ восхищеніемъ и слезы на глазахъ имѣя, это истинно Богъ былъ на земли во времена отцовъ нашихъ. Для многихъ причинъ несказанно радъ я былъ такому восклицанію».

Не одинъ разъ графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ доставлялъ счастливыя минуты Порошину. «Никита Ивановичъ (Панинъ) и гр. Иванъ Григорьевичъ разсуждали, что еслибъ въ другихъ мѣстахъ жить такъ оплошно, какъ мы здѣсь живемъ, и такъ открыто, тобъ давно все у насъ перекрали и насъ бы перерѣзали. Причиною такой у насъ безопасности, полагали Никита Ивановичъ и графъ Иванъ Григорьевичъ, добродушіе и основательность нашего народа вообще. Графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ сказалъ къ тому: «Повѣрьте мнѣ, это только глупость. Нашъ народъ есть то, чѣмъ хотятъ, чтобъ онъ былъ. Его высочество на сіе послѣднее изволилъ сказать ему: А чтожь, развѣ это худо, что нашъ народъ таковъ, какимъ хочешь, чтобъ былъ онъ? Въ этомъ мнѣ кажется худобы еще нѣтъ. Поэтому и стало, что все отъ того только зависитъ, чтобъ тѣ хороши были, кому хотѣть надобно, чтобъ онъ былъ таковъ или инаковъ. Разговаривая о полицмейстерахъ, сказалъ графъ Александръ Сергѣичъ: «Да гдѣжь у насъ возьмешь такого человѣка, чтобъ данной большой ему власти во зло не употребилъ? Государь съ нѣкоторымъ сердцемъ изволилъ на то молвить: Чтожь, сударь, такъ развѣ честныхъ людей совсѣмъ у насъ нѣтъ? Замолчалъ онъ тутъ. Послѣ стола, отведши великаго князя, хвалилъ его графъ Иванъ Григорьичъ за доброе его о здѣшнихъ гражданахъ мнѣніе и за сдѣланный отвѣтъ графу Александру Сергѣичу».

Порошинъ разсказывалъ великому князю, что во время пожара, бывшаго у него въ сосѣдствѣ, четверо какихъ-то офицеровъ гвардіи напали на одного человѣка, который шелъ по улицѣ въ малиновомъ платьѣ съ позументомъ. Цесаревичъ сказалъ на это:

«человѣкъ-отъ въ малиновомъ кафтанѣ ужъ конечно былъ Нѣмецъ». Порошинъ не вытерпѣлъ: «По какой причинѣ изволили вы молвить, что въ малиновомъ кафтанѣ былъ Нѣмчинъ? ежели то было въ такомъ мнѣніи, будто бы русскій человѣкъ не могъ имѣть столько мужества и предпріимчивости, то весьма изволите въ томъ ошибаться: храбрость россійскаго народа и многія изящныя его дарованія какъ по исторіи извѣстны, такъ и на нашей памяти въ послѣднюю войну всему свѣту доказаны и отъ самихъ непріятелей нашихъ признаны. Сверхъ того такіе вашего величества отзывы весьма вамъ могутъ быть вредны: можете расхолодить сердца, которыя нынѣ всѣ единодушно горятъ къ вамъ усердіемъ и вѣрностію».—«Государь цесаревичъ, говоритъ Порошинъ, самъ очень былъ тронутъ и божился мнѣ, что ему подумалось, что въ малиновомъ кафтанѣ человѣкъ началъ ссору, и что ему кажется, что всегда въ малиновыхъ кафтанахъ Нѣмцы по трактирамъ ходятъ и забіячества начинаютъ». Когда такимъ образомъ внушалось постоянно объ умственныхъ и нравственныхъ достоинствахъ русскаго народа, дававшихъ ему способность къ успѣхамъ впередъ на всѣхъ поприщахъ, то легко было говорить прямо о томъ, какъ въ настоящее время Россія отстала отъ западной Европы въ матеріальномъ отношеніи. Ник. Ив. Панинъ разсказывалъ, что онъ ѣхалъ изъ Швеціи въ Россію черезъ городъ Торнео. «Каковъ этотъ городъ? спросилъ великій князь: хуже нашего Клину или лучше»? Панинъ отвѣчалъ: «Ужъ Клину-то нашего конечно лучше. Намъ, батюшка, нельзя еще о чемъ бы то ни было разсуждать въ сравненіи съ собою. Можно разсуждать такъ, что это тамъ дурно, это хорошо, отнюдь къ тому не примѣняя, что у насъ есть. Въ такомъ сравненіи мы вѣрно всегда потеряемъ».

По печальному опыту предшествовавшаго царствованія считали нужнымъ предупредить въ великомъ князѣ развитіе привязанности къ иностранному владѣнію, наслѣдованному отъ отца. Порошинъ разсказываетъ подъ 26 числомъ августа 1765 года: «На сихъ дняхъ получено извѣстіе о кончинѣ цесаря (Франца 1-го). Долго говорили между прочимъ его высочеству, что сія кончина ему, какъ принцу нѣмецкой имперіи, болѣе всѣхъ должна быть чувствительна: каковъ-то милостивъ будетъ къ нему новый цесарь и проч. Никита Ивановичъ и графъ Захаръ

Григорьевичъ (Чернышевъ) пристали такожъ къ сей шуткѣ и надъ великимъ княземъ шпыняли. Онъ изволилъ все отвѣчать: что вы ко мнѣ пристали? Какой я нѣмецкій принцъ! я великій князь россійскій. Графъ Иванъ Григорьевичъ (Чернышевъ) подкрѣплялъ его».

Тотъ же печальный опытъ заставлялъ при воспитаніи великаго князя относиться съ большою осторожностію къ военнымъ упражненіямъ. Порошинъ оставилъ намъ по этому поводу такое разсужденіе: «Его императорское высочество пріуготовляется къ наслѣдію престола величайшей въ свѣтѣ Имперіи россійской; многочисленное и преславное воинство ждать будетъ его мановенія, науки и художества просить себѣ проницанія его и покровительства, коммерція и мануфактуры неутомимаго попеченія и вниманія, пространныя рѣки удобнаго соединенія требовать будутъ; словомъ сказать, обширное государство неисчетные пути откроетъ, гдѣ можетъ поработать ученіе, остроуміе и глубокомысліе великое, и по которымъ истинная слава во всей вселенной промчится и въ роды родовъ не умолкнетъ. Такія ли огромныя дѣла оставляя, пуститься въ офицерскія мелкости? Я не говорю, чтобъ государю совсѣмъ не упоминать про дѣло военное. Никакъ! въ томъ опять сдѣлано было бы упущеніе; но надобно влагать въ мысли его такія свѣдѣнія, которыя составляютъ великаго полководца, а неисправнаго капитана или прапорщика. Сверхъ сего въ бездѣльи пускаться весьма опасно. Онѣ и такого человѣка, который совсѣмъ къ нимъ не склоненъ, притянуть къ себѣ могутъ. Лѣности нашей то весьма угодно, а тщеславіе не преминетъ уже стараться прикрыть все видомъ пользы и необходимости. Легче въ бездѣлкахъ упражняться, нежели въ дѣлахъ великихъ. Такимъ образомъ пораздумавшись, положилъ я себѣ твердо, чтобъ государю къ этимъ и тому подобнымъ мелочамъ отнюдь вкусу не давать, а стараться какъ можно пріучить его къ дѣламъ генеральнымъ и государскія великости достойнымъ». Вотъ почему Порошинъ съ восторгомъ упоминаетъ объ одномъ военномъ разговорѣ, происходившемъ въ присутствіи великаго князя. «Обѣдали у насъ графы: Захаръ Григорьевичъ и Иванъ Григорьевичъ Чернышевы, Петръ Ив. Панинъ, вице-канцлеръ кн. Александръ Мих. Голицынъ, Мих. Мих. Философовъ, Александръ Ѳед. Талызинъ и кн. Петръ Вас. Хо-

ванскій. Говорили по большей части графъ Захаръ Григор. и Петръ Ивановичъ о военной силѣ россійскаго государства, о способахъ, которыми войну производить должно въ ту или другую сторону предѣловъ нашихъ, о послѣдней войнѣ прусской и о бывшей въ то время экспедиціи на Берлинъ подъ главнымъ предводительствомъ графа Захара Григорьевича. Всѣ сіи разговоры такого рода были и столь основательными наполнены разсужденіями, что я внутренно несказанно радовался, что въ присутствіи Его Высочества изъ устъ россійскихъ, на языкѣ россійскомъ, текло остроуміе и обширное знаніе».

Религіозное образованіе наслѣдника было поручено ученому монаху и знаменитому тогда проповѣднику Платону (Левшину), бывшему въ послѣдствіи московскимъ митрополитомъ. Порошинъ отзывается о Платонѣ постоянно съ великимъ уваженіемъ. 20 сентября 1764 года, въ день рожденія великаго князя, Платонъ говорилъ проповѣдь на текстъ: «въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша».—«Сею проповѣдью, говоритъ Порошинъ, ея величество приведена была въ слезы и многіе изъ слушателей плакали, когда проповѣдникъ на концѣ предлагалъ о терпѣніи ея величества въ понесеніи трудовъ для пользы и безопасности отечества, о успѣхахъ его высочества въ преподаваемыхъ ему наукахъ и о слѣдующей оттуда надеждѣ россійской». Въ другой разъ Платонъ говорилъ проповѣдь на текстъ: «будьте милосерды якоже и Отецъ вашъ небесный милосердъ есть». Порошинъ слышалъ отзывъ Екатерины по поводу этой проповѣди: «Отецъ Платонъ сердитъ сегодня былъ; однакожъ очень хорошо сказывалъ. Удивительный даръ слова имѣетъ». Порошинъ записалъ и другой отзывъ Екатерины по поводу проповѣди Платона: «Отецъ Платонъ дѣлаетъ изъ насъ все что хочетъ; хочетъ онъ, чтобъ мы плакали, мы плачемъ; хочетъ, чтобъ мы смѣялись, мы смѣемся». Никита Ив. Панинъ восхищался здравыми мыслями, ясною головою Платона, и говорилъ: «Дай Богъ только, чтобъ этотъ человѣкъ духовный у насъ не испортился, обращаясь между прочими, въ числѣ которыхъ всякихъ довольно». Но когда потребовалось отъ Панина позволеніе напечатать катихизисъ отца Платона, то авторъ долженъ былъ долго объ этомъ стараться, не потому, говоритъ Порошинъ, чтобъ Никита Ив. на печатаніе не соглашался, но что книга у его превосходительства

заложена была въ бумагахъ далеко, отыскать времени не доходило.»

Къ сентябрю 1765 года великій князь окончилъ съ отцомъ Платономъ первую часть Богословія, и былъ экзаменъ въ присутствіи императрицы. «Его высочество, говоритъ Порошинъ, весьма хорошо и смѣло изволилъ отвѣтствовать. Никита Ив. поднесъ государынѣ отвѣты, писанные рукою его высочества на богословскіе вопросы отца Платона. Въ сихъ вопросахъ между прочимъ одинъ есть, чтобы доказать примѣромъ, какъ страсти наши противъ разума воюютъ. Его высочество изволилъ написать тутъ: напримѣръ, разумъ говоритъ: не ѣзди гулять, дурна погода; а страсти говорятъ: нѣтъ, ничего, что дурна погода; поѣзжай, утѣшь насъ! Его величество не изъ чужихъ страстей примѣръ себѣ выбрать изволилъ! При экзаменѣ были графъ Мих. Лар. Воронцовъ, графъ Александръ Борис. Бутурлинъ и множество придворныхъ. Во время экзамена старикъ Александръ Борисовичъ, подошедъ ко мнѣ, говорилъ: «Слава Богу, что отъ такихъ лѣтъ Его Высочество духомъ страха Божія наполняется. Сожалительно, что покойная императрица Елисавета Петровна не дожила до того удовольствія, чтобы въ такомъ состояніи его видѣть». Послѣ экзамену ея величество долго изволила разговаривать съ его преподобіемъ отцомъ Платономъ о раскольникахъ, о разныхъ ихъ ересяхъ и о способахъ къ ихъ обращенію. Удивился я тутъ между прочимъ, услышавъ, что ея величество книгу «Увѣтъ Духовный» читывать изволила.

Порошинъ замѣтилъ о великомъ князѣ: «Вообще справедливость ему отдать должно, что онъ обыкновенно службѣ Божіей съ благочиніемъ и усердіемъ внимать изволитъ. Да укрѣпитъ его Господь и впредь во благочестіи и въ православной вѣрѣ нашей непоколебимо!» Описывая, какъ проводилъ великій князь день Успенія Богородицы, Порошинъ говоритъ: «Одѣвшись, изволилъ читать съ отцомъ Платономъ св. Писаніе. Потомъ разбирали мы книжку, въ которой служба на сегодняшній праздникъ, и пѣли оттуда стихъ: «Побѣждаются естества уставы въ тебѣ, Дѣва чистая» и проч.

И одновременно съ этимъ постоянно замѣчается сильное вліяніе господствующаго литтературнаго направленія. Такъ однажды великій князь вздумалъ сочинить описаніе публичнаго

маскарада; Порошинъ сохранилъ это сочиненіе; здѣсь первую группу составляли петиметры, вторую докторъ съ больными, третью комедіанты, ужинающіе съ знатными господами, которые обходятся съ ними за панибрата, четвертую педанты: «Идутъ четыре человѣка педантовъ; разсуждаютъ объ наукахъ все неправильно и не кстати, и сердятся на новыхъ философовъ, которые разуму послѣдуютъ». Есть и группа раскольниковъ: «Идутъ раскольники и бранятъ нашихъ священниковъ, для чего они по старымъ книгамъ не служатъ и на семи просвирахъ не поютъ обѣдни». Въ запискахъ Порошина находимъ слѣдующій разговоръ его съ великимъ княземъ: «За чаемъ разговорились мы о сочиненіяхъ г. Монтескьё, о которомъ вчерась читали. Спрашивалъ у меня его высочество, какія онъ писалъ книги? О чемъ я доносилъ ему подробно. Потомъ спросить изволилъ: а книгу Esprit кто писалъ, и о чемъ она, скажи мнѣ пожалуй хорошенько? Сказывалъ я великому князю о Гельвеціусѣ, сочинителѣ сей книги, и толковалъ, въ чемъ состоитъ его сочиненіе, стараясь, сколько могъ, подать его высочеству не во многихъ, но сильныхъ словахъ настоящее о томъ понятіе. Разговорились мы и вообще о книгахъ. Его высочество изволилъ сказать: куды какъ книгъ-то много, ежели всѣ взять сколько ни есть ихъ; а все-таки пишутъ да пишутъ. Говорилъ я его высочеству, что для того все пишутъ да пишутъ, что много еще есть вещей и дѣлъ совсѣмъ неоткрытыхъ и неизвѣстныхъ, которыя мало-по-малу открываются, и что многія извѣстныя и открытыя требуютъ объясненія и дополненія; что чтеніе человѣку, чѣмъ онъ выше надъ прочими, тѣмъ полезнѣе; но что между множествомъ книгъ весьма много есть дурныхъ и посредственныхъ, для чего надобенъ необходимо выборъ: первое, чтобъ книги были самыя лучшія; второе, чтобы онѣ съ тѣмъ состояніемъ соотвѣтствовали, въ которомъ упражняющійся въ чтеніи находится; что хотя и говорятъ, что «ремесла за плечьми не носятъ», однако одно другого можетъ быть нужнѣе и необходимѣе; что со всѣмъ тѣмъ есть такія книги, которыя для всякаго состоянія къ просвѣщенію разума необходимы; что въ числѣ такихъ книгъ почитаю я и сочиненія г. Монтескьё и Esprit Гельвеціусовъ; что такихъ книгъ не такъ много, чтобы въ нихъ очесться было можно». Наслышавшись о Генріадѣ Вольтера, маленькій великій князь за-

ставилъ Порошина принести себѣ эту книгу и слушалъ ее со вниманіемъ.

Относительно воспитанія великаго князя Порошинъ долженъ былъ выдержать любопытный споръ съ однимъ изъ своихъ товарищей. «Я нѣсколько поспорилъ съ Тимоѳеемъ Ив. Остервальдомъ. Онъ говоритъ, что надобно, чтобы у великаго князя на половинѣ всякую недѣлю два раза были куртаги, дабы публика его узнала и онъ бы къ обхожденію привыкалъ. Я съ симъ мнѣніемъ не былъ согласенъ и говорилъ, что еще начинать нынѣ рано, предлагая тому слѣдующія причины: великій князь безъ того всякое воскресенье ходитъ на ту половину на куртагъ, по вечерамъ иногда бываетъ у государыни; если дозволить всѣмъ съѣзжаться къ нему каждую недѣлю по два раза, то сіе можетъ разбить вниманіе его къ ученью; родится неминуемо отъ людей, которые къ нему уже такъ какъ къ великому князю пріѣзжать будутъ, ласкательство, отъ чего предлагаемая послѣ нами ему правда черства будетъ казаться и непріятна; видя себя такъ часто большимъ, не мило будетъ послѣ идти въ меньшіе и слушаться; теперь хотя и узнаетъ его публика, какой отъ того ждать прибыли? Онъ дитя еще, не имѣетъ довольно знаній, чтобы блистать могъ; лучше стараться украсить его достоинствами и разными знаніями, и потомъ допустить узнать его».

Но мы видѣли, что къ столу великаго князя, по распоряженію Панина, приглашались гости, разговоры которыхъ приводятся у Порошина, приводится и объ участіи великаго князя въ этихъ разговорахъ. Для насъ эти разговоры очень любопытны кромѣ того, что показываютъ взгляды дѣятелей того времени: эти люди хорошо помнятъ недавнюю старину, хорошо помнятъ первую половину вѣка; но они уже прожили время, измѣнившее во многомъ ихъ понятія и они относятся отрицательно къ хорошо знакомой имъ старинѣ; еслибъ не было этого отрицательнаго отношенія, то они бы не стали говорить объ извѣстныхъ явленіяхъ, считая ихъ дѣломъ обыкновеннымъ. Такимъ образомъ, благодаря Порошину, мы присутствуемъ при столкновеніи взглядовъ двухъ поколѣній, двухъ половинъ XVIII вѣка. Никита Ив. Панинъ однажды разсказывалъ, какъ одинъ генералъ сказывалъ о себѣ въ большой компаніи, что онъ смолоду не чистъ былъ на руку, и что какъ одинъ разъ у Бориса Петровича Шереметева что-то

тяпнулъ, и Шереметевъ его послѣ отдулъ батожьемъ, то съ тѣхъ поръ какъ рукой сняло. Тотъ же генералъ, бывъ въ одно время у гетмана (Разумовскаго), разсуждалъ, «какія недотыки нынѣ люди стали: нельзя выбранить, а бывало-де палочьемъ дуютъ, дуютъ, да и слова сказать не смѣешь». Другой разсказъ: «Пришолъ съ той половины изъ-за стола ея величества князь Сергѣй Вас. Гагаринъ. Шутилъ съ нимъ Никита Ив. и разговаривалъ о прежней жизни, какъ они еще унтеръ-офицерами были, разсказывалъ, какъ тогда гвардіи майоръ Шепелевъ у князя Сергѣя Вас. отнялъ табакерку, и послѣ его же хотѣлъ батожьемъ высѣчь». Никита Ив. Панинъ говорилъ Порошину, что онъ собралъ отовсюду рапорты, гдѣ какіе колодники содержатся, и по какимъ дѣламъ, въ разныя правленія разосланные. «Изволилъ говорить, что превеликая у него теперь о томъ книга; что вчера читалъ ее и съ удивленіемъ видѣлъ, что люди за такія вины кнутьями сѣчены и въ ссылки посылаемы были, за которыя бы выговоромъ только строгимъ наказать было достойно; что потому можно нѣкоторымъ образомъ разсуждать о нравахъ тѣхъ временъ». Изъ разговоровъ за столомъ у наслѣдника узнаемъ, что въ царствованіе Елисаветы прекратился обычай держать шутовъ, и прекратился именно въ слѣдствіе отвращенія къ нему этой государыни. «Разсказывалъ Никита Ив. о шутѣ Балакиревѣ, также и о графѣ Апраксинѣ, которые оба во время государыни Анны Іоанновны были. О Балакиревѣ сказывалъ съ похвалою, что шутки его никогда никого не язвили, но еще многихъ часто и рекомендовали. Графъ Апраксинъ, напротивъ того, несносный былъ шутъ, обижалъ часто другихъ и за это часто битъ бывалъ. Г. Салдернъ и я (Порошинъ) говорили Никитѣ Ив., что въ тогдашнее время вездѣ мода была на дураковъ, и у всѣхъ почти дворовъ ихъ держали; но что нынѣ совсѣмъ этотъ обычай миновался. Соглашался на то и его превосходительство, сказывая при томъ, что покойная государыня Елисавета Петровна терпѣть не могла, чтобъ у кого въ домѣ такой шутъ былъ». Въ другомъ мѣстѣ Порошинъ разсказываетъ: «Говорили, какъ покойный государь (Петръ Великій) въ Парижѣ былъ. О Биронѣ, о Бутурлинѣ и прочіе анекдоты; также анекдоты царства Анны Іоанновны: шуты на яицахъ сидѣли, куры Богу молились въ образной». Обычай миновался; но корень его еще не совсѣмъ

былъ вырванъ; ибо оставалась въ обществѣ значительная доля дѣтскости, неразвитости. Доказательство приводитъ самъ Порошинъ: «Пришелъ къ намъ Никита Ив., и пошли въ садъ гулять. Тамъ присталъ къ намъ графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ. До приходу еще его высочества въ саду, попался графу Ив. Григорьевичу тутъ на встрѣчу какой-то просвирнинъ сынъ, малый лѣтъ уже тринадцати, но весьма простой и глупый; одѣтъ странно, въ сапогахъ, въ порткахъ, въ лебяжьей фуфайкѣ и въ колпакѣ. Этого дурака сыскали и привели къ великому князю. Съ полчаса съ нимъ стояли: его высочество, Никита Ив. и мы всѣ дѣлали ему разные вопросы, и его высочество глупымъ его отвѣтамъ очень много изволилъ смѣяться. Графъ Ив. Григорьевичъ между тѣмъ, гладя его по головѣ, приговаривалъ: «отвѣчай, другъ мой Иванушка, не бойся, отвѣчай Иванъ Петровичъ». Подлинно, что сцена была смѣшная». Хотѣлось бы, къ чести Порошина, предположить, что въ послѣднихъ словахъ его заключается иронія. Но это не одинъ случай; въ дневникѣ Порошина часто встрѣчаемъ извѣстія, изъ которыхъ видно, что надъ молодымъ княземъ Куракинымъ, неразвитымъ и трусливымъ, потѣшались у наслѣдника какъ надъ шутомъ, напримѣръ: «Никита Ив. (Панинъ) самъ Куракина повелъ въ темныя сѣни къ Строганову и, попугавъ, возвратился. Прочіе повели Куракина къ Строганову. Тамъ Строгановы слуги наряжались въ бѣлую рубашку и парикъ. Куракинъ жестоко трусилъ».

Иногда разсказывалось и о настоящихъ, вовсе не смѣшныхъ явленіяхъ. «Сѣли мы за столъ. Разсказывалъ государь, что онъ сегодня отъ ея величества слышать изволилъ, что недавно пойманъ на разбоѣ въ Московской губерніи одинъ дворянинъ, за которымъ душъ около 400 было. Дворянинъ сей былъ въ отпуску изъ службы, просрочилъ долго, къ полку не смѣлъ явиться и пошелъ въ разбой».

Мы еще не разъ будемъ имѣть случай обращаться къ драгоцѣннымъ запискамъ Порошина. Веденіе этихъ записокъ авторъ считалъ своею обязанностію, имѣя при этомъ воспитательную цѣль. Онъ ихъ читалъ великому князю, «который несказанно былъ доволенъ и съ крайнимъ вниманіемъ изволилъ слушать. Говорилъ только о нѣкоторыхъ касающихся до него правдахъ, нельзя ли ихъ выпустить». Порошинъ отвѣчалъ со смѣхомъ, что

есть пословица: изъ пѣсни слова не выкинешь. Къ несчастію записки Порошина обнимаютъ только два года 1764 и 1765-й. Въ концѣ послѣдняго года изъ записокъ видимъ, что противъ автора ихъ уже ведется интрига. Порошинъ говоритъ очень темно объ интригѣ, лицъ не называетъ. Можно видѣть только, что, выдаваясь слишкомъ рѣзко изъ толпы своими достоинствами, отличаясь добросовѣстностію, желаніемъ быть какъ можно чаще съ наслѣдникомъ и служить ему своими совѣтами и свѣдѣніями, Порошинъ пріобрѣлъ сильное вліяніе на впечатлительнаго ребенка. Нашлись люди, которымъ это не понравилось, и которые постарались произвести холодность между великимъ княземъ и Порошинымъ. Мы видѣли, какъ Порошинъ отнесся къ предложенію завести куртаги у наслѣдника; какъ видно, онъ находилъ что великій князь и безъ того имѣетъ много разсѣяній, вредныхъ для серіозныхъ занятій; такъ въ запискѣ занесено: «У меня очень дурно учился, такъ что я, бросся бумаги, взялъ шляпу и домой уѣхалъ. Причины дурному сегодняшнему ученію иной я не нахожу, какъ ту, что учиться онъ началъ нѣсколько поздно, а послѣ моихъ лекцій оставалося еще фехтовать и сходить за ширмы подтянуть чулки и идти на концертъ. И такъ боялся и нетерпѣливствовалъ, чтобъ не опоздать». Встрѣчаемъ и такія жалобы Порошина на своего воспитанника: «Говорилъ все о штрафахъ, и я бранилъ его за то: «съ лучшими намѣреніями въ мірѣ вы заставите ненавидѣть себя, государь». «Очень сталъ вѣтренъ». Въ концѣ мѣсяца Порошинъ записалъ: «На меня все-таки сердитъ». А ребенокъ жаловался, что ему мало развлеченій, зачѣмъ въ вольный маскарадъ его не водятъ, жилище свое въ горести называлъ монастыремъ Павловскимъ, Никиту Ив. Панина настоятелемъ, а себя вѣчно дежурнымъ монахомъ. Съ другой стороны, завистливые кавалеры указывали Панину, что Порошинъ забралъ себѣ слишкомъ много вліянія на великаго князя. Порошинъ разсказываетъ такой любопытный случай: «Я не былъ сегодня дежурнымъ; однако государь цесаревичъ просилъ меня, чтобы пришелъ я къ нему и поговорилъ съ нимъ о чемъ-нибудь, или бы что прочиталъ ему. Его высочество откушалъ у себя въ опочивальнѣ одинъ. Пошли мы за Никитою Ив., за большой столъ обѣдать; съ великимъ княземъ остался дежурный кавалеръ, мой товарищъ. Изъ-за стола хотѣлъ было я итить къ го-

сударю цесаревичу, дабы оный дежурный могъ отойтить обѣдать; но вмѣсто меня кавалеръ, который былъ поддежурный, захотѣлъ самъ итить къ его высочеству, такъ какъ ему и слѣдовало. Не противорѣчилъ я въ томъ ни мало, не хотя изъ такой бездѣлицы сдѣлать другому огорченіе; такъ и сдѣлалось. Пошелъ онъ другова смѣнить, а тотъ на ево мѣсто пришелъ обѣдать. Какъ обѣдъ нашъ совсѣмъ кончился, пришли мы всѣ за Никитою Ив. къ его высочеству въ опочивальню. Лишь вошелъ я, то примѣтилъ, что его высочество весьма раздраженъ и на вышеупомянутова поддежурнова кавалера смотрѣлъ очень косо. Подошедъ, спрашивалъ я государя цесаревича, что онъ такъ гнѣвенъ! Изволилъ отвѣчать мнѣ, указывая на онаго кавалера: «вотъ дуракъ-отъ на меня сердится, что я тебя люблю». До того дошло, что его высочество жаловался Никитѣ Ивановичу на поддержурнова оного кавалера, что онъ на него сердится. Кавалеръ поддежурной, къ немалому моему удивленію, совсѣмъ изъ себя выступя, говорилъ его превосходительству, что какъ скоро пришелъ онъ изъ-за стола къ вел. князю смѣнить другова, то его высочество осердясь сказалъ ему: «за чѣмъ тебя чертъ принесъ, для чего не пришелъ ко мнѣ Порошинъ»? Еще въ жару своемъ продолжалъ оный кавалеръ, что его высочество по большей части изволитъ всегда разговаривать со мною (т. е. съ Порошинымъ), что гнѣвается, когда другой подойдетъ тутъ, что изволитъ говорить, что они всѣ меня ненавидятъ за то, что онъ меня любитъ, что изволитъ браниться и говорить, что какъ бы они меня ни ненавидѣли, онъ еще больше любить меня будетъ на зло имъ, что и самъ-де Никита Ивановичъ приказываетъ ему (Порошину) давать мнѣ (великому князю) наставленія, а мнѣ его слушаться и пр. Никита Ивановичъ кричалъ на великаго князя, для чего онъ такъ неучтиво съ кавалеромъ своимъ обходится; что ежели онъ такъ поступаетъ, то его превосходительство запрещаетъ, чтобъ съ нимъ одинъ на одинъ никто не оставался, что очень дурно его высочеству такъ изъясняться, *а что и того дурнѣе, ежели оныя ево рѣчи происходятъ отъ какихъ внушеній*. Подъ 8 ноябремъ 1765 года записанъ любопытный разговоръ: «Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только Иванъ Перфильевичъ Елагинъ. Какъ я между прочимъ подшпынялъ надъ его высочествомъ, что онъ на блюдо трески

изволитъ смотрѣть съ крайнимъ аппетитомъ, а можетъ быть кушать ея не дадутъ, то будучи тѣмъ нѣсколько тронутъ, изволилъ онъ говорить: «ну, пусть это такъ: теперь позволь же мнѣ и про тебя нѣчто сказать. Знаете ли, сударь Никита Ивановичъ, что вы ему больше досады сдѣлать не можете, какъ ежели зачнете говорить съ нимъ по-нѣмецки; на смерть этого языка не любитъ». Говорилъ я на то, что не люблю мнѣ его не для чего, а что рѣдко говорю, это отъ того, что случаевъ къ тому мало имѣю. Иванъ Перфильевъ примолвилъ къ тому: «для чего ему не любить нѣмецкаго языка? Онъ въ немъ очень силенъ и по-нѣмецки говорить великій мастеръ». На сіе сказалъ я Ивану Перфильевичу, что бываютъ часы, когда и никакимъ языкомъ говорить не хочется. Никита Ивановичъ очень въ сіе вслушался, чего мнѣ и хотѣлось, потому что съ тѣмъ намѣреніемъ и сказалъ я то».

Интрига достигла своей цѣли. Спустя нѣсколько времени встрѣчаемъ въ запискахъ жалобу Порошина на холодность великаго князя и на придворныя шутки, а подъ 3 декабремъ записано: «Когда я дежурный, то прежде нежели чай сберутъ, изволитъ его высочество обыкновенно самъ входить ко мнѣ и разговоривать со мною. Сего утра того не было, и какъ я вошелъ къ государю цесаревичу, то онъ, принявши меня очень холодно и долго бывши въ молчаніи, изволилъ наконецъ самъ перервать сіе молчаніе и спросить меня: а что это значитъ, что я передъ чаемъ не вошелъ къ тебѣ? Отвѣтствовалъ я, что лучше о томъ надобно знать его высочеству; что я вижу, что его высочество на меня сердится, а за что—подлинно не знаю. На сіе изволилъ мнѣ говорить государь цесаревичъ съ нѣкоторымъ жаромъ: ты это заслуживаешь: знаю я теперь, что все то значило, что ты прежде ни говорилъ со мною, и я уже обо всемъ расказалъ Никитѣ Ивановичу». Разсказано было и о запискахъ. «Во время оныхъ перетолкованій его высочеству рѣчей моихъ и разсужденій, на справедливости и усердіи основанныхъ, говоритъ Порошинъ, привели государя цесаревича, что и о журналѣ моемъ разсказать онъ изволилъ (хотя прежде и обѣщался, чтобы никому объ оныхъ не сказывать, и донынѣ ненарушимо хранилъ свое обѣщаніе), думая, что и то будетъ служить мнѣ въ предосужденіе и въ обличеніе коварныхъ моихъ, какъ они называли, умысловъ;

и въ самомъ дѣлѣ, и о сихъ запискахъ увѣрили его высочество, что онѣ современемъ будутъ только служить къ его стыду и посрамленію». Панинъ потребовалъ записки. Если онъ и прежде, по извѣстнымъ внушеніямъ, перемѣнилъ свой взглядъ на Порошина, то записки окончательно должны были оттолкнуть его отъ ихъ автора. Въ нихъ на первомъ планѣ великій князь и Порошинъ; о Панинѣ говорится съ уваженіемъ, но нравственное значеніе его не выдается впередъ. Нѣкоторыя изъ лицъ, посѣщавшихъ великаго князя, выставлены безпощадно съ точки зрѣнія автора записокъ, что не могло не обезпокоить Панина, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ этихъ лицъ были очень крупны, и Порошинъ назначалъ записки для чтенія великому князю; могло показаться опаснымъ и непріятнымъ, что малѣйшее слово всѣхъ посѣщавшихъ наслѣдника, слово, сказанное невзначай (въ томъ числѣ и каждое слово самого Панина), было записано и будетъ потомъ возобновлено въ памяти великаго князя, а можетъ быть передастся и кому-нибудь другому. Панинъ былъ откровененъ съ Порошинымъ въ своихъ отзывахъ о лицахъ высокопоставленныхъ, и все это было записано, напримѣръ: «Никита Ивановичъ изволилъ долго разговаривать со мною о нынѣшнемъ генералъ-прокурорѣ кн. Вяземскомъ и удивляться, какъ Фортуна его въ это мѣсто поставила: упоминаемо тутъ было о разныхъ случаяхъ, которые могутъ оправдать сіе удивленіе».

Подъ 28 декабремъ 1765 года Порошинъ записалъ: «хотя и была у меня съ его высочествомъ экспликація, однако послѣ тѣхъ интрижекъ и наушничествъ все еще не примѣчаю я къ себѣ со стороны его высочества той довѣренности, той горячности и тѣхъ отличностей, которыя прежде были. Отъ Никиты Ивановича поднесенныхъ ему тетрадей записокъ не получилъ я еще, и никакого объ нихъ мнѣнія, ни худого ни добраго, не слыхалъ отъ его превосходительства. При такихъ обстоятельствахъ продолженіе сего журналу становится мнѣ скучнымъ и тягостнымъ. Если они не перемѣнятся, то принужденъ буду его покинуть, дабы употребить это время на то, что авось либо болѣе къ спокойствію моему послужитъ».

Въ началѣ 1766 года Порошинъ вдругъ былъ удаленъ отъ двора великаго князя и получилъ приказаніе отправиться на

службу въ Малороссію. Въ письмѣ Фонъ-Визина къ сестрѣ находится приписка: «Порошинъ удаленъ отъ двора за невѣжливость, оказанную имъ дѣвицѣ Шереметевой». Вотъ все, что мы знаемъ о предлогѣ удаленія. Въ страшной, неожиданной бѣдѣ, которая отнимала у него все будущее, все будущее его семейства, пятнала безчестною опалою, прогнаніемъ отъ двора, Порошинъ обратился съ просьбою о защитѣ къ графу Григор. Григор. Орлову, о недоброжелательствѣ котораго къ Панину постоянно твердили современники. Но Орловъ, несмотря на всю свою силу, не могъ ничего сдѣлать. Панинъ въ это время пользовался неограниченнымъ довѣріемъ императрицы, она считала его непогрѣшительнымъ и потому необходимымъ въ дѣлахъ внѣшней политики и не могла позволить сдѣлать ему какую-нибудь непріятность. Мы видѣли отношенія Екатерины къ Панину въ письмѣ ея къ нему по поводу письма Станислава Понятовскаго къ Фридриху II-му о таможнѣ. Приведемъ еще любопытный документъ. Русскій посолъ въ Варшавѣ, князь Репнинъ, въ письмѣ своемъ къ Панину изъявлялъ безпокойство по поводу какой-то неизвѣстнаго рода опасности, грозившей Панину. Послѣдній отвѣчалъ ему (12 февраля 1765 г.): «Я сколь сердечно чувствую ваше дружеское обо мнѣ смятеніе, столь и сожалѣю, что скаредный случай извѣстнаго лѣкаря вамъ оное воспричинствовалъ. Пожалуй, мой другъ сердечный, будь спокоенъ и увѣренъ, что все, кромѣ моего презрѣнія, ничего не заслуживаетъ». Екатерина приписала къ этимъ строкамъ: «А я Екатерина говорю, что Панину боятся ничего» (т. е. бояться нечего). Никита Ивановичъ, въ пріятномъ убѣжденіи, что ему бояться нечего, позабылъ объ императорскомъ совѣтѣ, и однажды, когда говорили о казни Лопухиныхъ, также о временахъ Анны Іоанновны, дѣлалъ такую рефлекцію, что «ежели бы и теперь ихъ братьи боярамъ дать волю и ихъ слушаться, тобъ другъ друга и нынче сѣчь и головы рубить зачали. И такъ въ иныхъ строгостяхъ винили министерство».

Несмотря на то, что Орловъ не могъ ничего сдѣлать для Порошина, тотъ полагалъ на него большую надежду въ будущемъ, и передъ отъѣздомъ писалъ ему: «Хотя по великодушному и милостивому вашего сіятельства за меня заступленію желаемаго нынѣ и не послѣдовало; но благодарность моя за ваши ко мнѣ

благодѣянія столь же велика, какъ бы я и получалъ все, о чемъ ваше сіятельство предстательствовали. Я болѣе утруждать ея императорское величество уже не осмѣливаюсь. Конечно, я прежними повторительными за меня великодушныхъ людей прошеніями еще большій гнѣвъ на себя обратилъ.... Клянуся сердцевѣдцемъ Богомъ и честію, что кромѣ моего проступка, о коемъ ваше сіятельство вѣдать изволите, ни малѣйшаго преступленія за собой не знаю; а видно, что по какимъ-либо внушеніямъ донесено ея величеству что-нибудь большее.... Вы великодушнымъ своимъ предстательствомъ, хотя нѣсколько времени спустя, доставить можете возмущенному моему духу спокойство. Не предайте меня забвенію».

На дорогѣ къ мѣсту новаго назначенія, въ Москвѣ, 3 мая Порошинъ написалъ другое письмо къ Орлову: «Имѣя нынѣ вѣрный случай писать, не могъ я преминуть, чтобъ не писать къ вашему сіятельству. Перемѣна моего состоянія, будучи мнѣ столь тягостна и чувствительна, безпрестанно побуждаетъ меня озираться на прошлыя дѣла свои и разбирать, какія бъ между ими могли быть причиною сего несчастнаго въ жизни моей происшествія. Вижу и слышу, что о поступкахъ моихъ при государѣ цесаревичѣ сдѣлано такое описаніе, отъ коего теперь я стражду: размышляя о нихъ, сужу себя безъ всякаго самолюбія и потворства, и повторяя стократно грустное таковое упражненіе, не нахожу ничего, что бъ могло служить къ моему предосужденію. Съ самаго моего вступленія ко двору его императорскаго высочества обратилъ и посвятилъ я на то всѣ свои силы, чтобъ быть государю великому князю полезнымъ и тѣмъ бы, сколько отъ меня зависѣло, споспѣшествовать высокоматернимъ намѣреніямъ ея императорскаго величества и сладчайшему упованію всего россійскаго общества. При его высочествѣ служилъ я около четырехъ лѣтъ. Во все сіе время былъ при немъ почти безотлучно и, съ ущербомъ собственныхъ своихъ забавъ и удовольствій, на которыя влекли меня и лѣта мои и безчисленные случаи, старался не упустить изъ виду онаго своего предмету. По сему побужденію испросилъ я самъ для себя должность, чтобъ предлагать государю великому князю нужныя для военнаго искусства математическія науки, писалъ для его высочества особый курсъ, въ которомъ заключались: ариѳметика, гео-

метрія, начальныя основанія механики и гидравлики, фортификація съ атакою и обороною крѣпостей, артиллерія и правила тактики. Ариѳметику государь великій князь всю почти съ доказательствами у меня окончилъ и въ геометріи сдѣлалъ начало. Оный курсъ намѣренъ я былъ вмѣстѣ съ учебными математическими тетрадями руки его высочества поднесть ея императорскому величеству. Кромѣ сего пріуготовлялъ я сочиненіе, названное мною: «Государственный механизмъ». Въ ономъ хотѣлось мнѣ для его высочества вывесть и показать разныя части, коими движется государство, изъяснить напримѣръ, сколько надобенъ солдатъ, сколько земледѣлецъ, сколько купецъ и проч. и какою кто долею споспѣшествуетъ всеобщему благоденствію, что не можетъ государство быть никоимъ образомъ благополучно, когда одинъ какой чинъ процвѣтаетъ, а прочіе въ небреженіи. Расположеніе сего сочиненія было уже у меня и сдѣлано. Онымъ же главнымъ своимъ намѣреніемъ упражняясь, началъ я съ нѣкоторымъ человѣкомъ (Платономъ?) почтеннымъ отъ всѣхъ за его ученіе и превящныя дарованія, переписку о разныхъ нравоучительныхъ и историческихъ матеріяхъ, которую сбирались мы напечатать и поднесть его высочеству. Сверхъ всего сего вѣдая, что въ дѣтскихъ его высочества лѣтахъ не всегда пріятно и весело слушать формально предлагаемыя истины и знанія, старался вмѣшивать и доводить до него оныя, сколько смыслилъ, во всѣхъ моихъ повсядневныхъ съ нимъ обращеніяхъ и разговорахъ, иногда такъ, чтобъ и самому его высочеству то непримѣтно было, дабы не навесть скуки и отвращенія. Въ таковыхъ случаяхъ, кромѣ всякихъ историческихъ свѣдѣній и анекдотовъ, кромѣ многихъ правилъ о красотѣ россійскаго языка, которые нечувствительно тщился я подавать государю цесаревичу, наблюдалъ, чтобъ въ его высочествѣ осталось за законъ и основаніе, чтобъ разсматривать и отличать прямыя достоинства, не ослѣпляясь блистательною и часто обманчивою наружностью, чтобъ любить народъ россійскій, отдавая потомъ справедливость каждому достойному изъ чужестранныхъ, чтобъ тверду и непоколебиму быть въ глубокомъ почтеніи туды, куды онымъ его высочество долженъ. Во всѣхъ таковыхъ своихъ упражненіяхъ то имѣлъ за единственное себѣ ободреніе и утѣшеніе, чтобъ заслужить современемъ высочайшее благоволеніе всемилости-

вѣйшей и премудрой самодержицы. Теперь истинно не могу удержать слезъ своихъ, что посреди таковаго тихаго и, какъ бы казалось, не непохвальнаго теченія вверженъ въ наилютѣйшее безпокойство, приведенъ подъ гнѣвъ у ея императорскаго величества. Ударъ сей тѣмъ мнѣ несноснѣе, что пораженъ имъ незапно и нечаянно и по оному своему поведенію могъ ли ожидать того, примите въ милостивое разсужденіе! Правда, что и прежде сего по онымъ всегдашнимъ моимъ съ государемъ цесаревичемъ обращеніямъ будучи я отъ его высочества почтенъ особливою склонностью и милостію, видѣлъ, что то завистливому невѣжеству непріятно было и принужденъ былъ сносить иногда отъ онаго нѣкоторыя притѣсненія, кои однакожь презиралъ я и ни во что ставилъ. Случилось напримѣръ нѣкогда, что его высочество, увѣряя меня съ отмѣнною горячностію, что онъ меня жалуетъ, услышалъ, что я ему говорю, что тому не вѣрю, потому что изволитъ говорить, что жалуетъ, а когда въ излишности его увеселеній или въ невниманіи при ученьи уговаривать станешь, такъ иногда не изволитъ и слушать. Самъ государь великій князь такъ былъ тронутъ, что изволилъ дать мнѣ слово, чтобъ всегда меня слушаться. И подлинно, долгое время отъ сего успѣхъ я видалъ: какъ скоро объ ономъ потомъ договорѣ напомяну ему, то вѣрно изволитъ послушаться и отстать отъ той неприличности, въ коей его оговаривалъ. Сіе безвинное и почти шуточное для его жъ высочества пользы положенное условіе было перетолковано такъ, что будто я хочу, чтобъ только великій князь меня одного слушался и мнѣ бъ только слѣдовалъ, и однимъ словомъ, чтобъ дѣлалъ все то только, чего я ни захочу. Были тутъ прибавлены и другіе тому подобные перетолки и низости, какіе только маленькій и темный духъ пакостникъ вымыслить можетъ. Но о всемъ томъ тогда жъ изъяснялся я съ его высокопревосходительствомъ нашимъ главнокомандующимъ, и онъ изволилъ мнѣ тогда дать знать, что входитъ въ мои изъясненія. А нынѣ что такое на меня взведено, ей-ей обстоятельно ни отъ кого не слыхалъ и клянусь вашему сіятельству честью и всѣмъ что есть святаго на свѣтѣ, что ничего не знаю. Защитите меня, милостивый государь, многомощнымъ ходатайствомъ вашимъ. Лишенному всего ваше сіятельство можете все доставить и тѣмъ обязать меня на вѣки. Не-

винность моя за меня будетъ вамъ поборствовать. На васъ, милостивый государь, единственная моя несомнѣнная надежда. Несчастіемъ своимъ гублю я своихъ родителей, гублю сестеръ своихъ и брата, кои отъ меня только всей себѣ помощи ожидали. Войдите въ бѣдственное мое состояніе. На сихъ дняхъ поѣду я въ Ахтырку. Но откуда бъ не могла достать меня помощная рука ваша?» [145].

Въ правителѣ Малороссіи, Румянцевѣ, Порошинъ встрѣтилъ человѣка, который съумѣлъ оцѣнить его способности. Въ 1768 году онъ былъ назначенъ командиромъ Старооскольскаго пѣхотнаго полка, съ которымъ въ слѣдующемъ году выступилъ въ походъ противъ Турокъ; въ этомъ походѣ Порошинъ заболѣлъ. Болѣзнь была незначительная, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что вторая армія, къ которой принадлежалъ Старооскольскій полкъ, переходитъ подъ начальство Петра Ив. Панина. Это извѣстіе поразило Порошина какъ громомъ, онъ потерялъ память, такъ что когда Румянцевъ пріѣхалъ къ нему проститься передъ отъѣздомъ, то больной послѣ спрашивалъ брата, что графъ съ нимъ говорилъ. Вскорѣ послѣ этого Порошина не стало [146]. Исчезъ одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ русскихъ образовъ второй половины XVIII вѣка; начато было хорошее слово, хорошее дѣло, и порвано въ самомъ началѣ.

Въ Запискахъ Порошина встрѣчаемъ отзывы о современныхъ дѣятеляхъ русскаго просвѣщенія. Ломоносовъ занимаетъ первое мѣсто: «Говорилъ я его высочеству, записалъ Порошинъ, что это стихотворецъ вѣку блаженныя памяти бабки его Елисаветы Петровны. Дай Боже, продолжалъ я, чтобъ въ вѣкъ вашего высочества такіе были. Эдакіе люди не ростутъ какъ грибки изъ земли; надобно для того хорошія учрежденія, одобреніе и покровительство. А головъ годныхъ много въ Россіи, хотя такія головы, какъ Ломоносова, и рѣденьки нѣсколько». Въ послѣднія шесть лѣтъ царствованія Елисаветы Ломоносовъ принималъ дѣятельное участіе въ управленіи академіею и учрежденіями, входившими въ ея составъ. Въ 1757 году онъ былъ назначенъ присутствующимъ въ академической канцеляріи вмѣстѣ съ Шумахеромъ; но такъ какъ послѣдній былъ уже старъ и дряхлъ, то въ товарищи Ломоносову назначенъ былъ еще унтеръ-библіотекарь Таубертъ, зять Шумахера. Таубертъ, также какъ

и тесть его, смотрѣлъ на свое мѣсто только со стороны его выгоды, и потому у него немедленно же начинается борьба съ Ломоносовымъ, который велъ ее съ обычною своею страстностію. Ломоносовъ потребовалъ необходимыхъ преобразованій, указывалъ на то, что академія загромождена безполезными ремесленными заведеніями, а учрежденія необходимыя въ упадкѣ. Онъ писалъ: «Для умноженія книгъ россійскихъ, чѣмъ бы удовольствовать требующихъ охотниковъ, недостаетъ становъ, переводчиковъ, а больше всего, что нѣтъ россійскаго собранія, гдѣ бъ обще исправлять грубыя погрѣшности тѣхъ, которые по своей упрямкѣ худыя употребленія въ языкѣ вводятъ. Университетъ и гимназія весьма въ худомъ состояніи и требуютъ, чтобъ канцелярія больше къ нимъ прилежала». Намекая на Шумахера и Тауберта, Ломоносовъ продолжалъ: «Въ канцеляріи желающіе рекомендовать себя художествами, то есть за великій меритъ почитающіе то, когда чужихъ трудовъ что-нибудь поднесутъ знатнымъ людямъ, сіи всякими мѣрами желаютъ и стараются науки унизить, говоря: 1) что университетъ здѣсь (въ Петербургѣ) ненадобенъ и что все, до того надлежащее, уступить московскому университету; 2) такое недоброхотное мнѣніе дѣломъ оказалось, когда лучшіе ученики изъ гимназіи въ монетную канцелярію отданы были». Ломоносовъ добился, что средства гимназіи были усилены; но тщетно настаивалъ, чтобъ всѣ диссертаціи переводить на русскій языкъ и на немъ печатать. «Черезъ сіе, писалъ онъ, избѣжимъ роптаній и общество россійское не останется безъ пользы. И сверхъ того студенты, коихъ я на то назначу, будутъ привыкать къ переводамъ и сочиненіямъ диссертацій съ профессорскихъ примѣровъ». Составляя уставъ и штатъ университета и гимназіи, Ломоносовъ полагалъ имѣть 60 гимназистовъ и 30 студентовъ; противъ этого возражали Таубертъ и академикъ Фишеръ. Ломоносовъ такъ описывалъ свой споръ съ ними: «Фишеръ, принявъ Таубертовы совѣты, спорилъ противъ числа студентовъ и гимназистовъ, точно его слова употребляя: «что куда-де столько студентовъ и гимназистовъ? Куда ихъ дѣвать и употреблять будетъ? Сіи слова часто твердилъ Таубертъ Ломоносову въ канцеляріи, и хотя отвѣтствовано, что у насъ нѣтъ природныхъ россіянъ ни аптекарей, да и лѣкарей мало, также механиковъ искусныхъ, гор-

ныхъ людей, адвокатовъ и другихъ ученыхъ и ниже своихъ профессоровъ въ самой академіи и въ другихъ мѣстахъ; но не внимая сего, всегда твердилъ и другимъ внушалъ Таубертъ: куда со студентами?» Ломоносовъ добился, что президентъ академіи Разумовскій, конечно подъ вліяніемъ И. И. Шувалова, поручилъ «учрежденіе и весь распорядокъ университета и гимназіи одному Ломоносову, по сочиненнымъ отъ него регламентамъ», и въ началѣ 1760 года было объявлено въ вѣдомостяхъ, что графъ Разумовскій втрое умножилъ число содержащихся на казенномъ счету гимназистовъ, а потому родители приглашаются отдавать своихъ дѣтей для опредѣленія къ гимназическимъ наукамъ. Удаляя инспектора гимназіи Модераха, въ которомъ «не усмотрѣвъ болѣе охоты заботиться о молодыхъ людяхъ», Ломоносовъ высказалъ мнѣніе, что «инспекторомъ долженъ быть 1) природный россіянинъ для того, чтобы вопервыхъ имѣлъ о учащихся усердное попеченіе, какъ о своихъ свойственникахъ или дѣтяхъ; 2) чтобы главный командиръ больше имѣлъ повиновенія и не всегда бы чинилъ для малѣйшихъ причинъ отговорки, ссылаясь на свой контрактъ и угрожая требованіемъ абшида (увольненія); 3) чтобы зная россійскій языкъ и обряды совершенно и бывъ самъ здѣшнимъ и въ чужихъ краяхъ студентомъ, зналъ бы съ порученными ему поступать съ умѣренною строгостью».

29 апрѣля 1757 года именнымъ указомъ велѣно находящихся какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ въ частныхъ домахъ иностранныхъ учителей въ ихъ наукахъ свидѣтельствовать и экзаминовать въ Петербургѣ въ Десьянсъ-Академіи, а въ Москвѣ въ императорскомъ университетѣ, и безъ такого свидѣтельства и аттестатовъ никому въ домы не принимать и до содержанія школъ не допускать. Ломоносовъ нашелъ, что въ Десьянсъ-Академіи испытанія производятся слабо и предписалъ экзаминовать строже.

Но при этой дѣятельности совѣтника академической канцеляріи продолжалась дѣятельность ученая и литтературная. Въ 1756 году Ломоносовъ въ публичномъ собраніи Академіи говорилъ на русскомъ языкѣ «слово о происхожденіи свѣта, новую теорію о цвѣтахъ представляющее». Болѣе значенія спеціалисты приписываютъ послѣдующимъ его трудамъ: Слову о рожденіи металловъ отъ трясенія земли (1757 года), въ которомъ находятъ

драгоцѣнныя замѣчанія, и «разсужденіе о большей точности морскаго пути» (1759 года). Въ томъ же 1759 году Ломоносовъ исходатайствовалъ у сената разсылку по всѣмъ губерніямъ составленныхъ имъ вопросовъ для собранія географическихъ извѣстій о Россіи. Нельзя оставить безъ вниманія, что Ломоносовъ два раза предлагалъ послать хорошаго живописца въ старинные русскіе города, «чтобъ имѣющихся въ церквахъ изображеній государскихъ иконописною и фресковою работою, на стѣнахъ или гробницахъ состоящихъ, снять точныя копіи величиною и подобіемъ. А сіе учинить бы для того: 1) дабы отъ съѣдающаго времени отнять лики и память нашихъ владѣтелей и сохранить для позднѣйшихъ потомковъ; 2) чтобъ показать и въ другихъ государствахъ россійскія древности и тщаніе предковъ нашихъ; 3) чтобъ санктпетербургская академія художествъ имѣла случай употребить свое искусство, какъ бы изобразить ихъ надлежащею живописью въ приличныхъ положеніяхъ со стариннаго манеру, не теряя подлиннаго подобія». Въ послѣдній годъ елисаветинскаго царствованія, по поводу прохожденія Венеры чрезъ солнце, Ломоносовъ написалъ сочиненіе объ этомъ явленіи, гдѣ первый указалъ на существованіе атмосферы около Венеры.

Литтературная дѣятельность Ломоносова выражалась по прежнему въ одахъ на торжественные случаи, важныхъ для насъ по указанію на современныя событія. Такъ въ одѣ 1757 года на день рожденія великой княжны Анны Петровны Ломоносовъ говоритъ о борьбѣ двухъ союзныхъ императрицъ противъ Фридриха II-го:

Присяжны преступивъ союзы,
Поправши нагло святость правъ,
Царямъ повергнуть тщится узы
Желаніе чужихъ державъ.
Творецъ, воззри въ концы вселенны,
Воззри на земли утѣсненны,
На помощь страждущимъ возстань,
Позволь для общаго покою,
Подъ сильною твоей рукою
Воздвигнуть противъ брани брань.
Сіе рекла Елисавета . . . .
Противныя страны трепещутъ,
Вопль, шумъ вездѣ, и кровь и звукъ,

Ужасные перуны мещутъ
Размахи сильныхъ россиихъ рукъ.
О ты союзна героиня
И сродна съ нашею богиня!
По васъ поборникъ вышній Богъ.
Онъ правду вашу защищаетъ,
Обиды наглыя отмщаетъ,
Надъ злобою возвысилъ рогъ.

Въ той же одѣ Ломоносовъ не прямо благодаритъ Елисавету за свое назначеніе совѣтникомъ академической канцеляріи:

Правители, судьи внушите,
Услыши вся словесна плоть,
Народы съ трепетомъ внемлите:
Сіе глаголетъ вамъ Господь:
Храните праведны заслуги,
И милуйте сиротъ и вдовъ;
Сердцамъ нелживымъ будьте други
И бѣднымъ истинный покровъ;
Присягу сохраняйте вѣрно,
Пріязнь къ другимъ нелицемѣрно;
Отверзите просящимъ дверь;
Давайте страждущимъ отраду,
Трудамъ законную награду,
Взирайте на Петрову дщерь.

Успѣхи русскаго оружія въ Семилѣтней войнѣ разумѣется должны были найти глашатая въ Ломоносовѣ; но, входя совершенно въ настроеніе духа своей героини, онъ заставляетъ Елисавету послѣ побѣдъ молить Бога мира о мирѣ:

Парящей слыша шумъ орлицы,
Гдѣ пышный духъ твой, Фридерикъ?
Прогнанный за свои границы,
Еще ли мнишь, что ты великъ?
Ещель смотря на рокъ Саксоновъ,
Всеобщимъ дателемъ законовъ
Слывешь въ желаніи своемъ?
Лишенный собственныя власти,
Ещель стремишься въ буйной страсти
Вселенной наложить яремъ? . . .
Чтобъ жить союзникамъ свободнымъ,
Жалѣя, двигнулась войной,

Узрѣвъ растерзанны союзы,
Наверженныя скиптрамъ узы,
Рекла: какъ злыхъ не укрочу?
Алчбѣ ихъ свѣта не достанетъ:
Пускай на гордыхъ гнѣвъ мой грянетъ!
О честь россійскаго народа,
Въ дни наши воиновъ примѣръ,
Что силой перваго похода
Двукратно сопостатовъ стеръ! (Солтыковъ)
Тебѣ тотъ лавры уступаетъ,
Кто прочимъ храбро исторгаетъ,
Кто внѣ привыкнулъ побѣждать;
При дверяхъ домъ свой защищая
И крайнѣ силы напрягая,
Не могъ противъ тебя стоять.....
Съ верховъ цвѣтущаго Парнаса,
Смотря на рвеніе сердецъ,
Мы ждемъ желаемаго гласа:
Еще побѣда и конецъ,
Конецъ губительныя брани"!
О Боже, мира Богъ, возстани,
Всеобщу къ намъ любовь пролей,
По имени Петровой дщери
Военны запечатай двери,
Питай насъ тишиной твоей!
Иль мало смертны мы родились,
И должны удвоять свой тлѣнъ?
Ещель мы мало утомились
Житейскихъ тягостью бременъ?
Воззри на плачъ осиротѣвшихъ,
Воззри на слезы престарѣвшихъ,
Воззри на кровь рабовъ твоихъ!
Къ тебѣ, любовь и радость свѣта,
Въ сей день зоветъ Елисавета;
Низвергни брань съ концовъ земныхъ!

Когда дни Елисаветы были уже сочтены, когда въ послѣдній разъ праздновалось восшествіе ея на престолъ, раздалась послѣдняя ода Ломоносова «дщери Петровой». Въ послѣдній разъ достойнымъ образомъ онъ высказалъ значеніе знаменитаго царствованія, заставивъ Елисавету говорить при восшествіи своемъ на престолъ:

На отческій престолъ всхожу
Спасти отъ злобы утѣсненныхъ

И щедрой властью покажу
Свой родъ, умножу просвѣщенныхъ.
Моей державы кротка мочь
Отвергнетъ смертной казни ночь,
Владѣть хочу зефира тише.

Вѣрно и очень поэтично выставляетъ здѣсь Ломоносовъ значеніе войны:

Необходимая судьба
Во всѣхъ народахъ положила,
Дабы военная труба
Унылыхъ къ бодрости будила,
Чтобъ въ нѣдрахъ мягкой тишины
Не зацвѣли водамъ равны,
Что въ кругъ защищены горами,
Дубровой, неподвижны спятъ
И подъ лѣнивыми листами
Презрѣнный производятъ гадъ.
Война плоды свои ростить,
Героевъ въ міръ рождаетъ славныхъ,
Обширныхъ областей есть щитъ,
Могущество крѣпитъ державныхъ.
Воззримъ на древни времена:
Россійска повѣсть тѣмъ полна.

Но если война имѣетъ такое значеніе, то все же міръ выше, и Елисавета

... въ сердцѣ держатъ сей совѣтъ
Размножить миромъ нашу славу,
И выше, чѣмъ военный звукъ,
Поставить красоту наукъ.

Къ концу царствованія Елисаветы Ломоносовъ окончилъ часть задачи, которую онъ самъ и другіе лучшіе люди представляли священною и славною обязанностію перваго таланта времени; написаны были двѣ первыя пѣсни поэмы «Петръ великій». Вмѣстѣ съ этою обязанностію Ломоносовъ хотѣлъ выполнить и другую — отблагодарить И. И. Шувалова, которому посвятилъ поэму и подъ посвященіемъ подписалъ 1 ноября, день рожденія мецената. Сомнѣніе, будетъ ли окончена поэма, естественно должно было закрадываться въ грудь Ломоносова, и потому онъ говоритъ между прочимъ въ посвященіи:

И если въ полѣ семъ прекрасномъ и широкомъ
Преторжется мой вѣкъ недоброхотнымъ рокомъ,
Цвѣтущимъ младостью останется умамъ,
Что мной проложеннымъ послѣдуютъ стопамъ.
Довольно таковыхъ родитъ сыновъ Россія,
Лишь были бъ завсегда защитники такіе,
Каковъ ты промысломъ въ сей день произведенъ,
Для счастія наукъ въ отечествѣ рожденъ.

Въ это время Виргиліева Энеида служила образцомъ или, лучше сказать, правиломъ для эпическихъ поэмъ. Вольтеръ въ своей Генріадѣ заставляетъ героя поэмы, Генриха Наварскаго ѣхать въ Англію, чтобъ разсказать королевѣ Елисаветѣ исторію религіозной борьбы во Франціи, какъ Эней разсказываетъ Дидонѣ о разрушеніи Трои. Неудивительно, что и въ поэмѣ Ломоносова Петръ, претерпѣвши бурю, разсказываетъ соловецкому архимандриту о стрѣлецкихъ бунтахъ. Но у знаменитаго Помора было тутъ еще другое побужденіе: ему хотѣлось привести своего героя на берега родного сѣвернаго моря и вложить въ его уста пророчество о будущемъ великомъ значеніи этого моря:

Тогда пловущимъ Петръ на полночь указалъ,
Въ спокойномъ плаваньи сіи слова сказалъ:
Какая похвала россійскому народу
Судьбой дана пройти покрыту льдами воду!
Хотя тамъ кажется поставленъ плыть предѣлъ;
Но бодрость подаютъ примѣры славныхъ дѣлъ.
Полденный свѣта край обшелъ отважный Гама
И солнцева достигъ, что мнила древность храма.
Герои на моряхъ Колумбъ и Магелланъ
Коль много обрѣли безвѣстныхъ прежде странъ!
Подвигнуты хвалой, исполненны надежды,
Которой лишены пугливые невѣжды,
Презрѣли робость ихъ, роптанье и упоръ,
Что въ нихъ произвели болѣзни, голодъ, моръ.
Иное небо тамъ и новыя свѣтила,
Тамъ полдень въ сѣверѣ, ина въ магнитѣ сила.
Бездонной океанъ травой какъ лугъ покрытъ;
Погибель въ ночь и въ день со всѣхъ сторонъ грозитъ.
Опасенъ вихрей бѣгъ, но тишина страшнѣе,
Что портитъ въ жилахъ кровь свирѣпыхъ ядовъ злѣе,
Лишаетъ долгій зной здоровья и ума.
А стужа въ сѣверѣ ничтожитъ вредъ сама.

Самъ ледъ, что кажется толь грозенъ и ужасенъ,
Отъ оныхъ лютыхъ бѣдъ дастъ ходъ намъ безопасенъ.
Колумбы росскіе, презрѣвъ угрюмый рокъ,
Межь льдами новый путь отворятъ на востокъ,
И наша досягнетъ въ Америку держава.

Сильный умъ, развитой самою многообразною дѣятельностію, не могъ не останавливаться на разныхъ поразительныхъ общественныхъ явленіяхъ, а сильное патріотическое чувство заставляло умъ искать средствъ для устраненія зла въ родной странѣ. Этимъ объясняется письмо Ломоносова къ И. И. Шувалову о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа, которое должно было быть только первымъ изъ 8 писемъ, относящихся къ разнымъ подобнымъ предметамъ; но къ сожалѣнію до насъ дошло одно это первое письмо. Въ описываемое время въ литтературѣ западной Европы шли сильные толки о необходимости умноженія народонаселенія. Это, разумѣется, не могло остаться безъ вліянія на русскихъ читающихъ людей, тѣмъ болѣе, что въ Россіи эти толки имѣли полную законность: съ начала русской исторіи обширность страны и относительная ничтожность народонаселенія полагали сильное препятствіе общественному развитію и важнымъ государственнымъ мѣрамъ. Екатерина, подъ вліяніемъ взглядовъ, господствовавшихъ въ западной литтературѣ и находившихъ сильный отголосокъ въ Россіи, дошла до того, что считала нужнымъ охраненіе магометанства на окраинахъ, ибо эта религія, дозволяя многоженство, способствуетъ усиленію народонаселенія. Ломоносовъ до этого не дошелъ; но готовъ былъ требовать отъ русской церкви чрезвычайныхъ мѣръ, которыя, по его мнѣнію, способствовали размноженію и сохранію народонаселенія. Для насъ теперь сочиненіе Ломоносова особенно важно по указанію на нѣкоторые обычаи. Такъ Ломоносовъ указываетъ на вредный обычай женить мальчиковъ на взрослыхъ дѣвицахъ, такъ что часто жена могла быть по лѣтамъ матерью мужа; потомъ супружество насильное: ибо гдѣ любви нѣтъ, ненадежно и плодородіе. Для той же цѣли умноженія народонаселенія Ломоносовъ считаетъ нужнымъ разрѣшеніе четвертаго и даже пятаго брака, разрѣшеніе духовенству втораго брака и запрещеніе молодымъ постригаться въ монахи. Очень живо описываетъ Ломоносовъ вредъ отъ невоздержанія

во время заговѣнья и розговѣнья: «Паче другихъ временъ пожираютъ у насъ Масляница и св. Недѣля великое множество народа однимъ только перемѣннымъ употребленіемъ питья и пищи. Легко разсудить можно, что готовясь къ воздержанію Великаго поста во всей Россіи много людей такъ загавливаются, что и говѣть времени не остается. Мертвые по кабакамъ, по улицамъ и по дорогамъ и частыя похороны доказываютъ то ясно. Разговѣнье тому жъ подобно. Приближается Свѣтлое Христово Воскресеніе, всеобщая христіанская радость; тогда, хотя почти безпрестанно читаютъ и многократно повторяются страсти Господни, однако мысли наши уже на св. Недѣлѣ. Наконецъ заутреню въ полночь начали и обѣдню до свѣту отпѣли. «Христосъ воскресе!» только въ ушахъ и на языкѣ, а въ сердцѣ какое ему мѣсто, гдѣ житейскими желаніями и самыя малѣйшія скважины всѣ наполнены. Какъ съ привязу спущенныя собаки, какъ накопленная вода съ отворенной плотины, какъ изъ облака прорвавшіеся вихри—рвутъ, ломятъ, валятъ, опровергаютъ, терзаютъ; тамъ разбросаны разныхъ мясъ раздробленныя части, разбитая посуда, текутъ пролитые напитки; тамъ лежатъ безъ памяти отягченные объяденіемъ и пьянствомъ, тамъ валяются обнаженные и блудомъ утомленные недавніе строгіе постники. Неоспоримое есть дѣло, что неравное теченіе жизни и круто перемѣненное питаніе тѣла не только вредно человѣку, но и смертоносно, такъ что вышеписанныхъ строгихъ постниковъ, притомъ усердныхъ и ревностныхъ празднолюбцевъ самоубійцами почесть можно».

Немалый ущербъ, по словамъ Ломоносова, причиняется народу убійствами въ дракахъ и отъ разбойниковъ. Драки происходятъ между сосѣдями, особенно между помѣщиками за землю и ничѣмъ кромѣ межеванія, прекратить ихъ нельзя. Какъ самую дѣйствительную мѣру противъ разбойниковъ, Ломоносовъ предлагаетъ укрѣпленіе городовъ, куда бы разбойники не могли пробираться для продажи награбленныхъ вещей. «Многія мѣста есть въ Россіи глухія, на 500 и больше верстъ безъ городовъ, прямыя убѣжища разбойникамъ и всякимъ бѣглымъ и безпаспортнымъ людямъ: примѣромъ служить можетъ лѣсистое пространство около рѣки Ветлуги, которая на 700 верстъ теченіемъ отъ вершинъ до устья простираясь, не имѣетъ при себѣ ни единаго

города. Туда съ Волги укрывается великое множество зимою бурлаковъ, изъ коихъ не малая часть разбойники. Крестьяне содержатъ ихъ во всю зиму за полтину человѣка, а буде онъ что работаетъ, то кормятъ и безъ платы, не спрашивая пашпорта. По такимъ мѣстамъ должно основать и поставить города, давъ знатнымъ селамъ гражданскія права, учредить ратуши и воеводствы и оградивъ надежными укрѣпленіями и осторожностями отъ разбойниковъ». Ломоносовъ, разумѣется, не могъ пропустить убавки народонаселенія отъ заграничныхъ побѣговъ: «Побѣги бываютъ болѣе отъ помѣщичьихъ отягощеній крестьянамъ и отъ солдатскихъ наборовъ. И такъ мнѣ кажется лучше пограничныхъ съ Польшею жителей облегчить податьми и снять солдатскіе наборы, расположивъ ихъ по всему государству. Для расколу много уходитъ россійскихъ людей на Ветку: находящихся тамъ бѣглецовъ не можно ли возвратить при нынѣшнемъ военномъ случаѣ? Мѣсто бѣглецовъ за границы удобно наполнить можно пріемомъ иностранныхъ. Нынѣшнее въ Европѣ несчастное военное время принуждаетъ не только одинокихъ людей, но и цѣлыя разоренныя семейства оставлять свое отечество и искать мѣстъ отъ военнаго насильства удаленныхъ. Пространное владѣніе великой нашей монархини въ состояніи вмѣстить въ свое безопасное нѣдро цѣлые народы и довольствовать всякими потребами».

Забавою, отдохновеніемъ отъ ученыхъ и литтературныхъ трудовъ служила Ломоносову его мозаичная фабрика. Въ журналѣ сената 14 ноября 1757 года записано слѣдующее: «Впущенъ былъ канцеляріи академіи наукъ членъ коллежскій совѣтникъ Ломоносовъ и подалъ отъ той канцеляріи доношеніе, при которомъ внесены составленныя имъ, Ломоносовымъ, на его заводахъ мозаичныя живописныя вещи со удостоинствомъ отъ академіи. Приказали въ канцелярію академіи наукъ послать указъ, что сенатъ, видя таковые его во изобрѣтеніи мозаики полезные успѣхи, ибо та мозаика какъ добротою матерій, такъ крѣпостію и видомъ живописныхъ вещей, по признанію академіи, какъ римской, такъ и другихъ земель, не уступаетъ, гдѣ оная въ нѣсколько сотъ лѣтъ едва происходить могла, съ удовольствіемъ похваляетъ, и въ канцелярію строеній и въ прочія мѣста, гдѣ публичныя зданія съ украшеніемъ строятся, послать указы, чтобъ

его, Ломоносова, для убранія оныхъ, гдѣ потребно будетъ, мозаикою за надлежащую цѣну призывать».

Неудивительно, что занятія Ломоносова мозаикою подвергались насмѣшкамъ, когда враги его въ стихахъ и прозѣ позволяли себѣ не находить въ немъ никакого достоинства и указывать только на одну извѣстную его слабость и низкое происхожденіе! Для образчика, что позволяли себѣ враги Ломоносова писать противъ него, приведемъ Тредіаковскаго «Имнъ пьяной головѣ»:

Голова въ казнѣ доходы
Уменьшаетъ по вся годы;
Пьяницамъ любезный братъ,
Взявши годовой окладъ,
Безполезно пропиваетъ
И безпутство причиняетъ.
Не дадутъ когда вина,
Сходитъ онъ тогда съ ума!
Не напрасно онъ дерзаетъ;
Пользу въ томъ свою считаетъ,
Чтобъ обманствомъ вѣкъ прожить,
Общество чтобъ обольстить
Либо мозаикомъ ложнымъ,
Или бисеромъ подложнымъ.
Съ хмѣлю безобразенъ тѣломъ
И всегда въ умѣ незрѣломъ,
Ты, преподло бывъ рожденъ,
Хоть чинами и почтенъ;
Но безмѣрное піянство,
Бѣшенство, обманъ и чванство
Всѣхъ когда лишатъ чиновъ,
Будешь пьяный рыболовъ.

Брань посыпалась на Ломоносова особенно по поводу его шуточнаго стихотворенія: «Гимнъ бородѣ». Духовенство сочло себя оскорбленнымъ, и синодъ въ мартѣ 1757 года подалъ императрицѣ жалобу на автора «ругательнаго пашквиля». Тредіаковскій воспользовался случаемъ и явился съ своими стихотворными и прозаическими пашквилями на Ломоносова. Жалоба синода не имѣла дѣйствія, благодаря конечно Шувалову, и Ломоносовъ заплатилъ Тредіаковскому стихами:

Безбожникъ и ханжа, подметныхъ писемъ враль!
Твой мерзкій складъ давно и смѣхъ намъ и печаль:
Печаль, что ты языкъ россійскій развращаешь,
А смѣхъ, что ты тѣмъ зломъ затмить достойныхъ чаешь.
Но плюемъ мы на срамъ твоихъ поганыхъ вракъ;
Уже за тридцать лѣтъ ты записной дуракъ.
Давно изгага всѣмъ читать твои синички,
Дорогу некошну, вонючія лисички.
Хоть ложной святостью ты бородой скрывался,
Пробинъ, на злость твою взирая, улыбался:
Ученія его, и чести, и труда
Не можешь повредить ни ты, ни борода.

Тредіаковскому досталось не отъ одного Ломоносова. По вліянію духа времени, не могли равнодушно сносить словъ Тредіаковскаго, что людей, осмѣливающихся ругаться надъ предметами всеобщаго уваженія, дѣльно сжигать въ струбахъ, и явились стихи:

Пронесся слухъ: хотятъ кого-то будто сжечь;
Но время то прошло, чтобъ наше мясо печь.
Спаси, о Боже! насъ отъ звѣрскаго ихъ гнѣва.
Забыли то они, какъ ближняго любить;
Лишь мыслятъ, какъ его удобнѣй погубить,
И именемъ Твоимъ стремятся только твердо
По прихотямъ людей разить немилосердо.

Самая легкость побѣды надъ Тредіаковскимъ, особенно въ послѣднемъ случаѣ, когда профессоръ элоквенціи заявилъ себя болѣе, чѣмъ съ смѣшной стороны и не могъ не вызвать защитниковъ Ломоносову, — все это должно было уменьшать раздраженіе. Не то было въ борьбѣ съ Сумароковымъ, который язвилъ глубже, потому что былъ даровитѣе Тредіаковскаго. Послѣдній не могъ сильно раздражать, потому что своимъ неуклюжимъ стихомъ возбуждалъ улыбку, оружіе было слишкомъ тупо; Сумароковъ стихомъ своимъ возбуждалъ также улыбку, но улыбка эта относилась не къ нему, а ко врагу его, противъ котораго былъ направленъ стихъ. Сумароковъ писалъ удачныя пародіи на торжественныя оды Ломоносова; Ломоносовъ зналъ, какъ въ глазахъ толпы проигрываетъ предметъ серіозный, высокій, когда ловкая насмѣшка коснулась его формы, и раздражался. Вотъ образчикъ пародіи, или *вздорной* оды, какъ называлъ сумароковскія пародіи Ломоносовъ:

Громъ, молніи и вѣчны льдины,
Моря и озера шумятъ,
Везувій мещетъ изъ средины
Въ подсолнечну горящій адъ.
Съ востока вѣчно дымъ восходитъ,
Ужасны облака возводитъ
И тьмою кроетъ горизонтъ.
Ефесъ горитъ, Дамаскъ пылаетъ,
Тремя Церберъ гортаньми лаетъ,
Средьземный возжигаетъ понтъ....... .
Весь ротъ я, Музы, разѣваю
И столько хитро воспѣваю,
Что пѣсни не пойму и самъ.

Раздраженіе между Ломоносовымъ и Сумароковымъ доходило до высшей степени. Сумарокова подавляло ученое значеніе Ломоносова; но онъ не хотѣлъ преклониться предъ этимъ значеніемъ, считая себя не только равнымъ, но и выше Ломоносова по таланту поэтическому; это мнѣніе страшно оскорбляло Ломоносова; но ему приходилось считаться съ Сумароковымъ, который имѣлъ многихъ почитателей, былъ принимаемъ въ домахъ сильныхъ людей и могъ вредить Ломоносову своими отзывами о немъ. И. И. Шуваловъ стоялъ между двумя огнями: онъ высоко ставилъ Ломоносова, но не могъ принести въ жертву такую литтературную знаменитость, такого заслуженнаго писателя, какимъ являлся для современниковъ Сумароковъ. Для Шувалова, разумѣется, было бы всего пріятнѣе, еслибъ Ломоносовъ и Сумароковъ примирились, признали значеніе другъ друга и дѣйствовали бы заодно, какъ, напр. дѣйствовали энциклопедисты во Франціи. Но вотъ какое однажды письмо получилъ Шуваловъ отъ Ломоносова: «Никто въ жизни меня больше не изобидилъ, какъ ваше высокопревосходительство. Призвали вы меня сегодня къ себѣ. Я думалъ, можетъ быть какое-нибудь обрадованіе будетъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ. Вдругъ слышу: помирись съ Сумароковымъ! т.-е. сдѣлай смѣхъ и позоръ. Свяжись съ такимъ человѣкомъ, который ничего другого не говоритъ, какъ только всѣхъ бранитъ, себя хвалитъ, и бѣдное свое риѳмичество выше всего человѣческаго знанія ставитъ. Я забываю всѣ его озлобленія, и мстить не хочу никоимъ образомъ, и Богъ мнѣ не далъ злобнаго сердца; только дружиться и обхо-

диться съ нимъ никоимъ образомъ не могу, испытавъ чрезъ многіе случаи и зная, каково въ крапиву.... Не хотя васъ оскорбить отказомъ при многихъ кавалерахъ, показалъ я вамъ послушаніе; только васъ увѣряю, что въ послѣдній разъ. И ежели, несмотря на мое усердіе, будете гнѣваться, я полагаюсь на помощь Всевышняго, который мнѣ былъ въ жизни защитникъ и никогда не оставилъ, когда я пролилъ передъ нимъ слезы въ моей справедливости. Ваше высокопревосходительство, имѣя нынѣ случай служить отечеству спомоществованіемъ въ наукахъ, можете лучшія дѣла производить, нежели меня мирить съ Сумароковымъ. Зла ему не желаю; мстить за обиды и не думаю, и только у Господа прошу, чтобы мнѣ съ нимъ не знаться. Будь онъ человѣкъ знающій и искусный, пускай дѣлаетъ онъ пользу отечеству, я по малому таланту также готовъ стараться; а съ такимъ человѣкомъ обхожденіе имѣть не могу и не хочу, который всѣ прочія знанія позоритъ, которыхъ и духу не смыслитъ. И сіе есть истинное мое мнѣніе, кое безъ всякія страсти нынѣ вамъ представляю. Не токмо у стола знатныхъ господъ или у какихъ земскихъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ. Г. Сумароковъ, привязавшись ко мнѣ на часъ, столько всякаго вздора наговорилъ, что на весь мой вѣкъ станетъ, и радъ, что его Богъ отъ меня унесъ. Ежели вамъ любезно распространеніе наукъ въ Россіи; ежели мое къ вамъ усердіе не исчезло въ памяти, постарайтесь о скоромъ исполненіи моихъ справедливыхъ для пользы отечества прошеній, а о примиреніи меня съ Сумароковымъ, какъ о мелочномъ дѣлѣ, позабудьте».

Шуваловъ не могъ гнѣваться на Ломоносова въ слѣдствіе того представленія, какое имѣлъ о немъ и какое выразилъ въ подписи къ его портрету, приложенному къ полному собранію сочиненій Ломоносова 1757 года:

Московскій здѣсь Парнасъ изобразилъ витію,
Что чистый слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію,
Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ,
Открылъ натуры храмъ богатымъ словомъ Россовъ
Примѣръ ихъ остроты въ наукахъ Ломоносовъ.

Изъ этой подписи оказывается, что Шуваловъ не былъ поэтомъ; но значеніе Ломоносова въ исторіи русской науки и литтературы указано вѣрно; особенно замѣчателенъ послѣдній стихъ: для русскаго патріота было утѣшительно думать, что способность русскаго народа занять почетное мѣсто среди просвѣщенныхъ народовъ доказана явленіемъ Ломоносова.

При такомъ отношеніи Шувалова къ Ломоносову, послѣднее время царствованія Елисаветы, т.-е. *время* Шувалова, было самымъ счастливымъ для Ломоносова. Послѣ этого легко понять, какимъ тяжкимъ ударомъ поразила его смерть Елисаветы. Отъ ея преемника трудно было ожидать добра для Россіи; но по крайней мѣрѣ въ первые дни царствованія Петра III-го не выходило наружу еще ничего такого, что бы могло остановить Ломоносова написать оду на восшествіе на престолъ Петра, и, разумѣется, совѣтъ и уговариванія могли исходить отъ того же Шувалова, также отъ Воронцова. Ода слаба тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о Петрѣ, возвышается—гдѣ идетъ рѣчь о Елисаветѣ, которая на первомъ планѣ; Петръ обязанъ всѣмъ Елисаветѣ, онъ будетъ силенъ только ея благословеніемъ, когда будетъ подражать ей. Елисавета, отходя въ вѣчность, говоритъ Петру:

Владѣй, храни, возвысь народъ,
Моей опасностью спасенный,
Увѣрь всѣхъ мной благословенный,
Что ты Петровъ и Аннинъ плодъ.

И въ этой одѣ Ломоносовъ высказалъ свою любимую мысль о сѣверномъ пути въ Восточный океанъ:

Тамъ мерзлыми шумитъ крилами
Отецъ густыхъ снѣговъ борей,
И отворяетъ ходъ межъ льдами,
Давъ волѣ путь въ востокъ твоей;
Чтобъ Хины, Инды и Японы
Подверглись подъ твои законы.

Ломоносовъ не позволилъ себѣ подлаживаться, въ угоду новому императору, подъ такія отношенія, которыя не могъ считать правильными и полезными для Россіи. Онъ не могъ не знать о разладѣ между Петромъ и Екатериною, и однако въ одѣ Петръ Великій, исчисляя заслуги Елисаветы, говоритъ:

Но больше чту сію заслугу,
Что ты, усердствуя къ нему (Петру III),
Достойную дала супругу,
Любезну отчеству всему.

Но очень скоро оказалось, что добрыя желанія неисполнимы. Любопытно, что и относительно Ломоносова высказался тотъ же характеръ Петра III-го, который замѣчается во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. 29 января сенатъ получилъ указъ императора: фарфоровую фабрику, находившуюся въ вѣдомствѣ кабинета, поручить въ вѣдомство коллежскому совѣтнику Ломоносову, а 25 февраля эта фабрика взята отъ Ломоносова опять въ вѣдомство кабинета. Легко понять, какое тяжкое время переживалъ Ломоносовъ въ первую половину 1762 года, онъ, истый русскій человѣкъ, уже очень ясно опредѣлившій свои отношенія къ чуждому элементу; этого тяжелаго положенія нельзя не поставить если не причиною, то въ числѣ причинъ опасной болѣзни, которая продержала его внѣ ученой дѣятельности февраль и мартъ мѣсяцы. 30 іюня, на другой день Петрова дня, именинъ государя, назначено было торжественное засѣданіе академіи; Ломоносовъ долженъ былъ говорить рѣчь; въ концѣ рѣчи, по обычаю, должно было помѣстить похвалу царствующему государю; Ломоносовъ помѣстилъ краткую похвалу въ общихъ, сухихъ выраженіяхъ. Но засѣданія не было: 28 іюня вошла на престолъ Екатерина, и Ломоносовъ написалъ оду, напомнившую лучшія его оды, ибо событіе давало полный просторъ его патріотическому чувству, онъ могъ прославлять государыню, которая:

И отъ презрѣнія избавитъ
Возлюбленный россійскій родъ.....

Ломоносовъ спрашиваетъ:

Слыхалъ ли кто изъ въ свѣтъ рожденныхъ,
Чтобъ торжествующій народъ
Предался въ руки побѣжденныхъ?
О стыдъ, о странный оборотъ!

Петръ Великій встаетъ изъ гроба и говоритъ:

Я мертвъ терплю несносу рану!
На то ли вселюбезну Анну

Въ супружество я поручилъ,
Дабы чрезъ то моя Россія
Подъ игомъ области чужія
Лишилась власти, славы, силъ?
На толь, чтобъ всѣ труды несчетны
И пріобрѣтенны плоды
Разрушились и были тщетны,
И новы возрасли бѣды?
Натоль воздвигъ я градъ священный,
Дабы врагами населенный
Россіянамъ ужасенъ былъ,
И вмѣсто радостной столицы
Тревожилъ дальныя границы,
Которыя распространилъ?

По поводу судьбы Петра III-го Ломоносовъ дѣлаетъ такое обращеніе къ державнымъ главамъ:

Услышьте, судіи земные
И всѣ державныя главы:
Законы нарушать святые
Отъ буйности блюдитесь вы
И подданныхъ не презирайте,
Но ихъ пороки исправляйте
Ученьемъ, милостью, трудомъ,
Вмѣстите съ правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу:
То Богъ благословитъ вашъ домъ.
О коль велико, какъ прославятъ
Монарха вѣрные раби!
О коль опасно, какъ оставятъ
Отъ тѣсноты своей въ скорби!
Внимайте нашему примѣру,
Любите ихъ, любите вѣру:
Она свирѣпости узда,
Сердца народовъ сопрягаетъ
И вамъ ихъ вѣрно покоряетъ
Твердѣе всякаго щита.

Ломоносовъ не утерпѣлъ чтобъ не сдѣлать обращенія къ иностранцамъ:

А вы, которымъ здѣсь Россія
Даетъ уже отъ древнихъ лѣтъ
Довольство вольности златыя,

Какой въ другихъ державахъ нѣтъ,
Храня къ своимъ сосѣдямъ дружбу,
Позволила по вѣрѣ службу
Безпреткновенно приносить!
На то ль склонились къ вамъ монархи
И согласились іерархи,
Чтобъ древній нашъ законъ вредить?
И вмѣсто, чтобъ вамъ быть межъ нами
Въ предѣлахъ должности своей,
Считать насъ вашими рабами
Въ противность истины вещей.
Искусство нынѣшне доводомъ,
Что было надъ россійскимъ родомъ
Умышлено отъ вашихъ главъ
Къ попранью нашего закона,
Россійскаго къ паденью трона,
Къ рушенію народныхъ правъ.
Обширность нашихъ странъ измѣрьте,
Прочтите книги славныхъ дѣлъ,
И чувствамъ собственнымъ повѣрьте:
Не вамъ подвергнуть нашъ предѣлъ!
Исчислите тьму сильныхъ боевъ,
Исчислите у насъ героевъ
Отъ земледѣльца до царя,
Въ судѣ, въ полкахъ, въ моряхъ и въ селахъ,
Въ своихъ и не чужихъ предѣлахъ,
И у святаго алтаря.

Говорятъ, что въ первое время царствованія Екатерины, отличавшееся особенною щедростію на награды и деньгами и чинами, первый русскій писатель былъ забытъ, быть можетъ не безъ намѣренія, какъ старинный почитатель ненавистныхъ государынѣ Шуваловыхъ. На это замѣтимъ, что щедро были награждены только люди болѣе или менѣе участвовавшіе въ переворотѣ. Но не включая Ломоносова въ число этихъ лицъ, Екатерина не могла позволить себѣ выразить свое неудовольствіе противъ перваго писателя, противъ знаменитаго патріота, въ то время какъ всѣми силами старались придать перевороту патріотическое значеніе. Очень можетъ быть, что отношенія Ломоносова къ Шуваловымъ не нравились, ибо въ этихъ отношеніяхъ нельзя было не признавать заслуги Шувалова, его права на славу, на вѣчную славу, а это признаніе было непріятно; но — «тамъ

были очень умны, тамъ», и остерегались высказывать подобныя непріятныя чувства; знали, напримѣръ, что Шуваловъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ Вольтеромъ; но вмѣсто того, чтобъ сердиться на Вольтера, поспѣшили сблизиться съ нимъ. Другое дѣло Разумовскій, Тепловъ и подобные имъ господа: они могли мстить Ломоносову за то, что онъ въ послѣднее время, вопреки имъ и благодаря Шувалову, получилъ первенствующее значеніе въ академіи; они могли съ наслажденіемъ сейчасъ же поднять Тауберта надъ Ломоносовымъ, дать первому чинъ статскаго совѣтника, могли съ удовольствіемъ говорить дурное про Ломоносова при императрицѣ или вовсе не говорить, что вѣрнѣе вело къ цѣли. Но и при такихъ обстоятельствахъ, и въ такое хлопотливое для Екатерины время, мы видимъ, что она исполняетъ желанія Ломоносова. 8 іюля 1762 года въ журналѣ сената записано: по указу ея императорскаго величества, по представленію Ломоносова объ успѣхахъ находящагося при мозаичномъ дѣлѣ Гамбурца Цилха, дать ему чинъ коллежскаго регистратора. Милость важная — сдѣлать чиновникомъ мастерового, ибо этотъ мастеровой былъ братъ жены Ломоносова.

Но Ломоносовъ не могъ равнодушно перенести возвышенія Тауберта надъ нимъ, и здѣсь нельзя видѣть одного оскорбленнаго честолюбія; въ возвышеніи Тауберта надъ собою онъ видѣлъ знакъ паденія того, за что ратовалъ во все продолженіе своей академической службы. Ломоносовъ опять заболѣлъ, и въ упадкѣ нравственныхъ и физическихъ силъ рѣшился оставить службу; но по своей природѣ онъ не могъ этого сдѣлать молча, и въ прошеніи на имя императрицы высказалъ все, что у него лежало на сердцѣ: «Въ службѣ вашего императорскаго величества состоя тридцать одинъ годъ, обращался я въ наукахъ со всякимъ возможнымъ раченіемъ и въ нихъ пріобрѣлъ толь великое знаніе, что по свидѣтельству разныхъ академій и великихъ людей ученыхъ принесъ я ими знатную славу отечеству во всемъ ученомъ свѣтѣ, чему показать могу подлинныя свидѣтельства. И таковымъ ученіемъ, одами, публичными рѣчьми и диссертаціями пользовалъ и украшалъ я вашу академію передъ всѣмъ свѣтомъ двадцать лѣтъ. 2) Моими сочиненіями стиль россійскій несравненно вычистился передъ прежнимъ и много способнѣе сталъ къ выраженію идей трудныхъ, въ чемъ свидѣтельствуетъ общая

апробація моихъ сочиненій и во всякихъ письмахъ употребляемыя изъ нихъ слова и выраженія, что къ просвѣщенію народа много служитъ. 3) Присутствуя въ канцеляріи академіи членомъ, отправлялъ я должность мою по положеннымъ на меня департаментамъ со всякимъ раченіемъ такъ, что гимназія, университетъ и географическій департаментъ пришли во много лучшее передъ прежнимъ состояніе. 4) Помянутою моею ревностною и вѣрною службою и многими трудами пришло мое здоровье въ великую слабость, и частый ломъ въ ногахъ и раны не допускаютъ меня больше къ исправленію должности, такъ что прошлой зимы и весны лежалъ я 12 недѣль въ смертной постели и нынѣ тяжко боленъ. 5) Не взирая на мои вышеупомянутые труды и ревностную и безпорочную службу для приращенія наукъ въ отечествѣ близъ 12 лѣтъ въ одномъ чину, оставленъ я произвожденіемъ и обойденъ многими меня молодшими въ статскихъ чинахъ, которымъ при семъ реестръ сообщается, и тѣмъ приведенъ въ великое уныніе, которое болѣзнь мою сильно умножаетъ. И дабы благоволено было сіе мое прошеніе принять и меня для вышепомянутой болѣзни уволить отъ службы вашего императорскаго величества вовсе; а за понесенные мною сверхъ моей профессіи труды и для того что я многократно многими въ произвожденіи молодшими безъ всякой моей прослуги обойденъ, наградить меня произведеніемъ въ статскіе дѣйствительные совѣтники съ ежегодною пенсіею по 1800 рублевъ по мою смерть». Намъ нельзя съ улыбкою отзываться о чинолюбіи знаменитаго ученаго. Всякое явленіе объясняется изъ положенія страны, общества въ извѣстное время. Если въ извѣстной странѣ всѣ ходятъ вооруженные — вѣрный знакъ, что тамъ нѣтъ общественной безопасности; въ описываемое время въ Россіи значительный чинъ былъ тотъ же револьверъ, необходимый для извѣстной безопасности. Ломоносовъ вполнѣ объясняетъ, почему ему и собратіямъ его нужны были чины: знаменитый, но безчиновный ученый долженъ былъ дожидаться въ передней у Теплова и толкаться вмѣстѣ съ подъячими въ канцеляріи. Отъ этого и ученые иностранные, сколько-нибудь извѣстные, отвѣчали отказомъ на приглашенія академіи.

На просьбу Ломоносова отвѣта не было. Отложить докладъ по ней было легко: императрица уѣзжала въ Москву на коро-

націю и пробыла тамъ долго, при чемъ не было недостатка въ большихъ заботахъ и непріятностяхъ. Разумовскій былъ силенъ и не могъ забыть, какъ во время его президентства громче всѣхъ раздавался голосъ Ломоносова о безпорядкахъ въ академіи, какъ съ небольшимъ за шесть мѣсяцевъ до смерти Елисаветы въ самомъ сенатѣ повторены были обычныя жалобы Ломоносова на эти безпорядки, которые приписаны, изъ учтивости, долгому отсутствію президента изъ Петербурга и рѣшено было ходатайствовать о назначеніи ему товарища. 5 іюля 1761 года правительствующій сенатъ имѣли разсужденіе о состояніи здѣшней академіи наукъ и нашли, что оная, получая на содержаніе свое изъ штатсъ-конторы превеликую денежную сумму, чрезъ толь долгое время не приноситъ никакой пользы государству: не имѣетъ по сіе время довольнаго числа изъ россійскихъ людей профессоровъ, адъюнктовъ, переводчиковъ и студентовъ; что студенты и ученики академическіе, по причинѣ недостатка нужныхъ для ученія ихъ профессоровъ и за нечтеніемъ лекцій напрасно теряютъ свои лѣта и казенную сумму; что выписанные чужестранные профессоры отъ слабаго надъ ними смотрѣнія по контрактамъ не читаютъ лекцій и напрасно получаютъ великое жалованье, да уже и въ контрактахъ своихъ выписываемые изъ иностранныхъ земель профессоры включаютъ, чтобъ имъ лекцій не читать, а дѣлать бы только диссертаціи, кои можно доставить и за малыя деньги или получать отъ почетныхъ академіи членовъ; что художества при академіи въ худомъ состояніи и изъ россійскихъ людей по сіе время хорошихъ мастеровъ нѣтъ; что библіотека въ превеликомъ безпорядкѣ и не имѣетъ весьма многихъ нужныхъ для академіи книгъ, хотя на приращеніе оныя ежегодно дается довольная денежная сумма; что кунсткамера никакого приращенія не имѣетъ; что во всѣхъ оныхъ департаментахъ безпорядокъ, безполезность и напрасная трата казенной суммѣ; что многія при академіи должности, которыя бы могли россійскими подданными быть отправляемы, иностраннымъ поручаются съ большимъ жалованіемъ, и что сіе не отъ чего иного происходитъ, какъ отъ того, что академіи президентъ, находясь въ долговременномъ отсутствіи, не можетъ самъ своею особою надсматривать, а члены, коимъ онъ въ отсутствіи своемъ поручилъ надъ академіею смотрѣніе, вмѣсто надлежащаго отправ-

ленія своея должности и равнодушнаго (т. е. покойнаго, безпристрастнаго) объ академіи попеченія, непрестанно ссорясь и изъ одного несогласія выводя другое, одинъ другому въ полезныхъ предпріятіяхъ препятствуютъ и, стараясь одинъ передъ другимъ преимуществовать, возбудили себѣ отъ всѣхъ своихъ подкомандныхъ презрѣніе, такъ что многіе изъ профессоровъ, презирая членовъ, не дѣлаютъ никакого уваженія посылаемымъ изъ канцеляріи о дѣлахъ къ пользѣ служащихъ ордерамъ, и какъ по онымъ не чинятъ исполненія, такъ и по заключеннымъ съ академіею контрактамъ не поступаютъ, и наконецъ несогласіемъ своимъ до того довели, что прав. сенатъ, по причинѣ президентскаго отсутствія, принужденъ былъ дѣла академическія брать въ свое разсмотрѣніе, что нигдѣ и ни въ чемъ оная не наблюдаетъ ни мало экономіи; сумма, опредѣленная на содержаніе академіи, 53,000 слишкомъ рублей и при томъ также получаемая великая сумма отъ книжной лавки не только вся исходитъ, но еще сверхъ того на всякія починки и строенія академическія всегда особливыя суммы академіею отъ правительствующаго сената требуются, а книжная лавка никогда должнымъ порядкомъ не считается, и куда деньги употребляются, о томъ ревизіонъ-коллегія не знаетъ. Того ради правительствующій сенатъ опредѣлилъ ея императорскому величеству поднесть докладъ, не соблаговолитъ ли указать для лучшаго распорядка при академіи быть гофмаршалу двора великаго князя камергеру графу Головкину, котораго правительствующій сенатъ признаетъ къ тому способнымъ, смотря по его наукамъ, а когда президентъ сюда прибудетъ, то Головкину быть при немъ товарищемъ.

Теперь уже никто не назначалъ товарища Разумовскому, хотя по прежнему не онъ управлялъ академіею. Ломоносовъ продолжалъ болѣть; но это положеніе его не стѣсняло его враговъ. Разумовскій подписалъ предложеніе взять изъ-подъ его вѣдѣнія географическій департаментъ. Больной левъ не далъ себя лягнуть; онъ подалъ въ академическую канцелярію представленіе: «Мое о новомъ россійскомъ атласѣ раченіе не токмо географическому департаменту и академической канцеляріи, но и правительствующему сенату довольно извѣстно, ибо 1) моимъ хожденіемъ истребованы отъ сената указы, во всѣ города россійскаго государства разосланные съ запросами географическими

и получаются довольные отвѣты. 2) Получено отъ сената позволеніе и опредѣлены требованныя вспоможенія для географическихъ экспедицій по моему жъ представленію. 3) Изъ камеръ-коллегіи истребованы и присылаются реестры душъ мужеска полу для великой надобности къ сочиненію россійскаго атласа моимъ же стараніемъ. 4) Сочинено 9 россійскихъ ландкартъ къ новому россійскому атласу подъ моею же дирекціею. 5) Геодезисты и студенты географическаго департамента, кои прежде ландкарты только копировали, нынѣ же уже сами отъ себя ихъ сочиняютъ чрезъ мое попеченіе. 6) Сочинена экстрактомъ топографія тѣхъ городовъ, изъ коихъ присланы довольные отвѣты подъ моимъ стараніемъ. Вмѣсто награжденія за неусыпное мое о географическомъ департаментѣ стараніе и успѣхи вижу себѣ горестное наказаніе, ибо что можетъ быть несноснѣе, какъ моимъ раченіемъ исходатайствованные и расположенные къ полезному успѣху способы видѣть отъ меня по ложнымъ причинамъ отнятые съ поношеніемъ за благодареніе!» Ломоносовъ удержалъ за собою географическій департаментъ.

Несмотря на ослабленіе силъ, Ломоносовъ не переставалъ заботиться объ академической гимназіи, и о томъ, чтобъ русскимъ ученымъ даны были всѣ средства заниматься наукою, просилъ прибавить по 12 рублей на содержаніе гимназиста: «ей, писалъ онъ, по нынѣшней дороговизнѣ 36 рублями содержать невозможно». Просилъ о доступности для профессора Попова обсерваторіи, также для адъюнкта Красильникова, геодезистовъ и студентовъ: «ибо оная для того и построена, чтобы пользоваться природнымъ Россіянамъ къ пользѣ отечества». Къ этому же времени относится любопытныя для исторіи русскаго просвѣщенія записка Ломоносова о трудахъ его по академическому университету и гимназіи. «По врученіи ему, Ломоносову, въ единственное смотрѣніе университета соединилъ онъ студентовъ въ общежитіи, снабдивъ довольнымъ столомъ, приличнымъ платьемъ и прочими надобностями; учредилъ порядочныя лекціи и издавалъ ихъ каталоги, какъ въ университетахъ ведется. Въ гимназіи хотя не мало было гимназистовъ, однако въ весьма бѣдномъ и безполезномъ состояніи, затѣмъ что: 1) жалованье имъ давалось въ руки, которое брали себѣ ихъ родители или свойственники и держали больше на себя, нежели на школьни-

ковъ, такъ что въ школы приходили въ бѣдныхъ рубищахъ, претерпѣвали наготу и стужу и стыдно было ихъ показать посторонним людямъ. Притомъ же пища ихъ была весьма бѣдная и единъ иногда хлѣбъ съ водою. Въ такихъ обстоятельствахъ наука мало шла имъ въ голову. 2) Да и времени имъ къ тому не было, затѣмъ что дома должны были служить отцу и матери для бѣдности, и въ гимназію ходя по дальнему разстоянію, теряли лучшіе часы и всегда случай имѣли рѣзвиться и отъ школъ отгуливать. И такъ не дивно, что чрезъ семь лѣтъ не было произведено изъ гимназіи въ университетскіе студенты ни единаго человѣка. Но послѣ порученія оной гимназіи совѣтнику Ломоносову въ единственное смотрѣніе, всѣ оныя неудобства отвращены и пресѣчены, ибо гимназисты соединены, какъ и студенты, въ общежитіе, снабдены приличною одеждою и общимъ довольнымъ столомъ по мѣрѣ опредѣленнаго имъ жалованья; не теряютъ времени ни ходьбою на дома, ни службою родителямъ, ниже заочною рѣзвостію, будучи у инспектора гимназіи и у нарочныхъ надзирателей передъ глазами въ одномъ домѣ».

Только весною 1763 года въ Москвѣ узнали или начали думать о просьбѣ Ломоносова. 23 апрѣля императрица писала Олсуфьеву: «Я чаю Ломоносовъ бѣденъ; сговоритесь съ гетманомъ, не можноль ему пенсіонъ дать и скажи мнѣ отвѣтъ». 2 мая данъ былъ именной указъ сенату о вѣчной отставкѣ Ломоносова съ оставленіемъ по смерть половиннаго жалованья и съ производствомъ въ статскіе совѣтники; но 13 мая указъ былъ вытребованъ назадъ изъ сената, по какимъ побужденіямъ—неизвѣстно. Быть можетъ успѣли внушить, что причиною просьбы Ломоносова объ отставкѣ была не болѣзнь, но неудовольствіе, обида, что нельзя жертвовать Ломоносовымъ какому-нибудь Тауберту. Трудно было не поразиться мыслію, что въ академіи уже не будетъ болѣе Ломоносова; употреблялись всѣ усилія, чтобъ вызвать знаменитыхъ иностранныхъ ученыхъ въ академію, и въ то же время лишали академію своей признанной знаменитости! У современниковъ была привычка дурно отзываться объ академіи, говорить, что она наполнена иностранцами, безполезна для Россіи; повторяли обыкновенно слова Ломоносова и забывали о самомъ Ломоносовѣ, забывали, что въ академіи находится

русскій ученый, который одинъ стоитъ многихъ и многихъ другихъ и котораго знаменитая дѣятельность тѣсно, неразрывно была соединена съ академіею. Ломоносовъ безъ академіи, академія безъ Ломоносова были немыслимы. Ломоносова оставили въ академіи, и въ концѣ года дали ему чинъ статскаго совѣтника и назначили жалованья 1875 рублей.

Въ это время академія спѣшила изданіемъ въ свѣтъ «Древней Россійской Исторіи» Ломоносова, заказанной ему, какъ мы видѣли, Шуваловымъ. Понятно, что Шуваловъ и современные ему лучшіе русскіе люди хотѣли имѣть русскую исторію, написанную достойнымъ образомъ, и при этомъ не могли не обратить взоровъ на перваго писателя времени, съ такимъ успѣхомъ испробовавшаго свои силы на разныхъ поприщахъ. Ломоносовъ не родился историкомъ, не былъ приготовленъ къ занятію исторіею, какъ наукою вообще, тѣмъ менѣе къ занятію русскою исторіею, которая и для него, какъ для всѣхъ его современниковъ, была доступна менѣе всѣхъ другихъ знаній. Историческая наука была только въ зародышѣ на западѣ. Въ Россіи задачу историка поставили, повидимому, просто, разумѣя краснорѣчивое описаніе дѣяній предковъ. Ломоносовъ говоритъ: «Всякъ кто увидитъ въ россійскихъ преданіяхъ равныя дѣла и героевъ, греческимъ и римскимъ подобныхъ, унижать насъ предъ оными причины имѣть не будетъ; но только вину полагать долженъ на бывшій нашъ недостатокъ въ искусствѣ, каковымъ греческіе и латинскіе писатели своихъ героевъ въ полной славѣ предали вѣчности». Не сознавалось, что историческое изложеніе находится въ полной зависимости отъ научнаго, философскаго и политическаго пониманія описываемаго, какъ у историка, такъ и у цѣлаго народа, въ зависимости отъ научнаго и политическаго развитія этого народа, отъ его характера и способностей, отъ всего строя его жизни; хотѣли (и долго потомъ продолжали хотѣть и даже теперь хотятъ) отдѣлить отъ всего этого такъ называемое краснорѣчивое, художественное изложеніе, которое само по себѣ имѣло будто бы возможность дать жизнь и красоту историческимъ лицамъ и событіямъ,—и получали пышную, ходульную и мертвую фразу, въ которой не было ни образа, ни подобія древней жизни.

Не имѣя возможности изучить вполнѣ русскую исторію, Ломоносовъ, разумѣется, не могъ уяснить себѣ ея хода, характера главныхъ явленій, опредѣляющихъ эпохи; поэтому онъ не могъ представить никакой системы и удовольствовался, какъ выражается самъ, «нѣкоторымъ общимъ подобіемъ въ порядкѣ дѣяній россійскихъ съ римскими, гдѣ находитъ владѣніе первыхъ королей соотвѣтствующее числомъ лѣтъ и государей самодержавству первыхъ самовластныхъ великихъ князей россійскихъ; гражданское въ Римѣ правленіе подобно раздѣленію нашему на разныя княженія и на вольные городы, нѣкоторымъ образомъ гражданскую власть составляющему; потомъ единоначальство кесарей представляетъ согласнымъ самодержавству государей московскихъ».

Но ясность смысла, какою обладалъ отецъ русской науки, видна и въ самомъ слабомъ его сочиненіи, именно въ рѣшеніи нѣкоторыхъ частныхъ приготовительныхъ вопросовъ. Напримѣръ онъ говоритъ: «Славяне и Чудь по нашимъ, Сарматы и Скиѳы по внѣшнимъ писателямъ, были древніе обитатели въ Россіи. Единородство Славянъ съ Сарматами, Чуди со Скиѳами для многихъ ясныхъ доказательствъ неоспоримо. Имя Скиѳъ по старому греческому произношенію со словомъ Чудь весьма согласно; не происходитъ отъ греческаго и безъ сомнѣнія отъ Славянъ взято». О составленіи народовъ встрѣчаемъ слѣдующее замѣчаніе: «Сихъ народовъ, положившихъ по разной мѣрѣ участіе свое въ составленіи Россіянъ, должно пріобрѣсти обстоятельное по возможности знаніе, дабы увидать оныхъ древность, и сколь много ихъ дѣла до нашихъ предковъ и до насъ касаются. Разсуждая о разныхъ племенахъ, составившихъ Россію, никто не можетъ почесть ей въ уничиженіе. Ибо ни о единомъ языкѣ утвердить невозможно, чтобъ онъ сначала стоялъ самъ собою безъ всякаго примѣшенія. Большую часть оныхъ видимъ военными неспокойствами, преселеніями и странствованіями въ такомъ между собою сплетеніи, что разсмотрѣть почти невозможно, коему народу дать вящшее преимущество».

Послѣ такихъ любопытныхъ и правильныхъ замѣчаній тѣмъ непріятнѣе для читателя перейти къ разсказу Ломоносова о событіяхъ русской исторіи. Въ расположеніи извѣстій оставлена нетронутою безсвязность лѣтописца; но простота и характери-

стическія черты времени, отличающія лѣтописный разсказъ, исчезли подъ цвѣтами новѣйшаго краснорѣчія, подъ странными опредѣленіями и объясненіями; нѣкоторыя извѣстія лѣтописца, въ слѣдствіе ходульной постановки, совершенно затемнены. По поводу призванія троихъ князей братьевъ и занятія ими трехъ разныхъ областей, Ломоносовъ говоритъ: «Такимъ образомъ по единой крови и по общей пользѣ согласные между собою государи въ разныхъ мѣстахъ утвердясь, шатающіеся разномысленныхъ народовъ члены крѣпкимъ союзомъ единодушнаго правленія связали. *Роптать пріобыкшіе Новгородцы* страшились Синеусова вспоможенія Рюрику; ибо онъ обладалъ сильнымъ бѣлозерскимъ чудскимъ народомъ, называемымъ Весью. Труворъ, пребывая въ близости прежняго жилища, скоро могъ поднять Варяговъ къ собственному и братій своихъ защищенію. И такъ имѣя отовсюду взаимную подпору, неспокойныхъ головъ, которыя на избраніе Рюриково не соглашались, принудили къ молчанію и къ оказанію совершенной покорности, такъ что хотя Синеусъ по двулѣтномъ княженіи скончался, и Труворъ послѣ того жилъ недолго, однако Рюрикъ въ Великій Новгородъ преселился и надъ Волховымъ обновилъ городъ».

Битва Ольгина войска съ Древлянами, въ которой маленькій Святославъ началъ дѣло, описывается такъ: «Для вящшаго ободренія своихъ войскъ пріемлетъ (Ольга) въ участіе военачальства сына своего Святослава, *младостію и бодростію процвѣтающаго.* Пришедшихъ на Искорость встрѣтили Древляне вооруженною рукою; и какъ обѣихъ сторонъ полки сошлись къ сраженію, Святославъ кинулъ копье въ непріятеля, и пробилъ тѣмъ коня сквозь уши». (Въ лѣтописи: «сунулъ копьемъ Святославъ на Древлянъ, и копье пролетѣло между ушами коня, ударило въ ноги коню, потому что Святославъ былъ ребенокъ»). Разсказъ о крещеніи Владиміра начинается словами: «Примѣтили во Владимірѣ окрестные народы богопочитательный духъ древняго законодавца римскаго Нумы». Ломоносовъ довелъ свою россійскую исторію до смерти Ярослава I.

Но во время печатанія «Россійской исторіи» Ломоносовъ издалъ «Первыя основанія металлургіи или рудныхъ дѣлъ» и чрезвычайно усердно занимался предпріятіемъ, которое постоянно лежало у него на сердцѣ, и отъ котораго онъ ждалъ великой

славы и пользы для Россіи. Въ день рожденія великаго князя Павла Петровича, 20 сентября 1763 года Ломоносовъ поднесъ ему, какъ генералъ-адмиралу, сочиненіе свое: «Краткое описаніе разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ и показаніе возможнаго проходу Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію». Въ посвященіи Ломоносовъ говорилъ: «Сѣверный океанъ есть пространное поле, гдѣ подъ вашего императорскаго высочества правленіемъ усугубиться можетъ россійская слава, соединенная съ безпримѣрною пользою, чрезъ изобрѣтеніе восточно-сѣвернаго мореплаванія въ Индію и Америку». Сочиненіе достигло цѣли: въ маѣ 1764 года состоялось высочайшее повелѣніе о снаряженіи экспедиціи, какъ видно въ слѣдствіе особеннаго старанія графа Ивана Чернышева, патріотизмомъ котораго такъ восхищался Порошинъ. Несмотря на двукратную неудачу экспедиціи, отправлявшейся уже по смерти Ломоносова, вопросъ воскресаетъ въ наше время и вмѣстѣ воскресаетъ память о горячемъ участіи въ немъ знаменитаго Помора.

Въ 1764 году замѣтно вообще особенно милостивое расположеніе императрицы къ Ломоносову: можетъ быть это явленіе совпадаетъ съ неловкимъ положеніемъ при дворѣ Разумовскаго въ слѣдствіе извѣстныхъ малороссійскихъ событій. Въ 48 нумерѣ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей читали слѣдующее извѣстіе: «Монаршее благоволеніе къ наукамъ и художествамъ есть нѣкоторое божественное одушевленіе оныхъ. Снисхожденіе величества подобно живительной силѣ, которую благорастворенный воздухъ вливаетъ въ животныя и произрастающія отъ нѣдръ земныхъ творенія. Таковымъ несравненнымъ и въ самыхъ издавна благоустановленныхъ народахъ рѣдко слыханнымъ примѣрамъ предшествовалъ въ Россіи безсмертныя памяти государь Петръ Великій, посѣщая не токмо знатныя ученыя общества, но и приватные домы въ наукахъ и художествахъ людей искусныхъ и рачительныхъ. Таковымъ прехвальнымъ подражаніемъ ему послѣдуетъ достойная дѣлъ его преемница, всемилостивѣйшая самодержица наша». Послѣ этого вступленія слѣдуетъ извѣстіе, что 7 іюня, въ четвертомъ часу пополудни, императрица пріѣзжала въ домъ къ Ломоносову съ нѣкоторыми знатнѣйшими придворными особами, смотрѣла производимыя Ломоносовымъ работы мозаичнаго художества для монумента Петра Великаго, также и

новоизобрѣтенные имъ физическіе инструменты и нѣкоторые физическіе и химическіе опыты. Екатерина уѣхала въ концѣ шестого часа.

Очень вѣроятно, что такое выраженіе особенной милости императрицы помогло вскорѣ послѣ этого Ломоносову одержать побѣду надъ своимъ соперникомъ Таубертомъ. Послѣдній купилъ изъ академическихъ доходовъ отъ книжной продажи домъ Строгановыхъ для помѣщенія книжныхъ складовъ, анатомическаго театра, типографскихъ служителей, гравера и т. п. Но инспекторъ академической гимназіи представилъ въ канцелярію, что домъ, гдѣ помѣщается гимназія, никуда негодится по своей ветхости: «Учители, говорилось въ представленіи, въ зимнее время даютъ лекціи въ классахъ, одѣвшись въ шубу, разминаясь вдоль и поперекъ по классу, а ученики, не снабженные теплымъ платьемъ, не имѣя свободы встать съ своихъ мѣстъ, дрогнутъ и заболѣваютъ и принуждены бываютъ оставить хожденіе въ классы. Чего ради не дивно, ежели успѣхи ученическіе не соотвѣтствуютъ приложенному старанію учителей». Ломоносовъ немедленно представилъ объ отдачѣ подъ гимназію вновь купленнаго строгановскаго дома, доказывая, что книжный торгъ и ремесла до академіи не принадлежатъ, а между тѣмъ изъ восьми занимаемыхъ ею домовъ не находится ни одного подъ помѣщеніемъ университета и гимназіи, «которые два департамента суть наинужнѣйшіе къ приращенію наукъ въ отечествѣ, откуду не токмо сама академія должна производить природныхъ своихъ членовъ, но и во все государство своихъ юриспрудентовъ, медиковъ, аптекарей, металлурговъ, механиковъ, астрономовъ, коихъ всѣхъ принуждена и понынѣ Россія заимствовать изъ другихъ земель не безъ нареканія нашему народу». Президентъ велѣлъ отдать строгановскій домъ подъ университетъ и гимназію «для прописанныхъ въ представленіи г. статскаго совѣтника Ломоносова резоновъ».

Любопытно, что въ то время, какъ императрица оказывала знаки своей милости Ломоносову, въ запискахъ Порошина мы не встрѣчаемъ ни разу, чтобъ знаменитѣйшій русскій ученый и писатель былъ приглашенъ къ наслѣднику престола, тогда какъ нерѣдко приглашался соперникъ Ломоносова—Сумароковъ. Предлоги къ такому исключенію, разумѣется, могли быть найдены;

но можно находить и причину въ томъ, что человѣкъ, завѣдывавшій воспитаніемъ великаго князя, не могъ преодолѣть нерасположенія своего къ знаменитости, такъ близкой къ Шуваловымъ и Воронцовымъ. Какъ видно великій князь получилъ нѣкоторыя внушенія противъ Ломоносова; это видно изъ слѣдующихъ строкъ въ запискахъ Порошина: «Разговорились мы (съ великимъ княземъ) о г. Ломоносовѣ и о г. Сумароковѣ, и потомъ вообще о людяхъ ученыхъ. Говорилъ я его высочеству, какъ принимать ихъ и какое почтеніе отдавать имъ должно для ободренія наукъ и покровительства. При семъ и то разсужденіе кстати пришло, что о людяхъ никогда вдругъ по наружному ихъ виду разсуждать и о достоинствахъ ихъ судить не должно». Порошинъ, по своему направленію, разумѣется не пропускалъ случая внушать своему воспитаннику уваженіе къ Ломоносову. «Пришло мнѣ, говоритъ онъ, не знаю какъ-то въ голову изъ Ломоносова похвальнаго слова государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ то мѣсто, гдѣ написано: «Ты едина истинная наслѣдница, ты дщерь моего просвѣтителя» (слова сіи прибѣгнувшая Россія говоритъ государынѣ). И какъ я это выговорилъ, то его высочество смѣючись изволилъ сказать: *это конечно уже изъ сочиненіевъ дурака Ломоносова*. Хотя онъ сіе и шутя сказать изволилъ, однако же говорилъ я ему на то: «желательно, милостивый государь, чтобы много такихъ дураковъ у насъ было. А вамъ, мнѣ кажется, неприлично такимъ образомъ о такомъ россіянинѣ отзываться, который не только здѣсь, но и во всей Европѣ ученіемъ своимъ славенъ. Вы великій князь россійскій. Надобно вамъ быть и покровителемъ музъ россійскихъ. Какое для молодыхъ учащихся Россіянъ будетъ ободреніе, когда они примѣтятъ или услышатъ, что уже человѣкъ такихъ великихъ дарованій, какъ Ломоносовъ, пренебрегается? Чего имъ тогда ожидать останется, изъ которыхъ природа конечно немногихъ Ломоносовыми сдѣлала? Правда, что Ломоносовъ имѣетъ многихъ завистниковъ; но сіе самое доказываетъ его достоинство. Великія дарованія всегда возбуждаютъ зависть. До того испорчено человѣческое сердце, что по большей части хулятъ такихъ, которые хвалы достойны, а хвалятъ такихъ, которые хулу заслуживаютъ. Не много такихъ людей, чтобы всѣмъ отдавали справедливость».

Въ самомъ началѣ 1765 года сенатъ слушалъ донесеніе Ломоносова, что мозаическая картина полтавской баталіи, назначавшаяся для надгробнаго памятника Петру Великому въ Петропавловскомъ соборѣ, готова и съ рамою, и что сумма, на нее отпущенная изъ казны, издержана и Ломоносовъ затратилъ свои деньги. Сенатъ рѣшилъ осмотрѣть картину, и по осмотрѣ нашелъ, что «картина изрядствомъ мозаичной работы, пристойно изобрѣтеннымъ изображеніемъ, равно и рѣдкостью можетъ быть употреблена для украшенія монумента по надлежащемъ въ исправности рисунка и въ чемъ бы еще потребно было исправленіи, толь наипаче, что по собственному его, Ломоносова, объявленію то сдѣлано быть можетъ». Планъ монумента сенатъ рѣшилъ передать Бецкому на разсмотрѣніе архитекторовъ; рѣшилъ также выдать Ломоносову затраченныя имъ деньги 999 рублей.

Это извѣстіе послѣднее: 4 апрѣля, въ понедѣльникъ на Святой недѣлѣ Ломоносовъ скончался. Густая толпа народа проводила гробъ его въ Невскій монастырь. Въ бумагахъ Ломоносова осталась собственноручная записка, гдѣ, между прочимъ, читаемъ: «За то терплю, что стараюсь защитить трудъ Петра Великаго, чтобъ выучились Россіяне, чтобы показали свое достоинство. Я не тужу о смерти: пожилъ, потерпѣлъ и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣютъ» [147]. Порошинъ разсказываетъ о впечатлѣніи какое произвела вѣсть о смерти Ломоносова на великаго князя Павла Петровича, который несмотря на приведенное выше замѣчаніе, сдѣланное ему Порошинымъ, повторилъ прежнюю шутку: «Что о дуракѣ жалѣть, казну только разорялъ и ничего не сдѣлалъ». Ребенокъ забылъ замѣчаніе наставника, что о людяхъ, подобныхъ Ломоносову, негодится употреблять бранныхъ словъ, даже придавая имъ противоположный смыслъ; но въ настоящемъ случаѣ былъ любопытенъ цѣлый отзывъ, который великій князь отъ кого-нибудь да слышалъ, что Ломоносовъ перебралъ много денегъ у казны и ничего не сдѣлалъ, т.-е. относительно мозаики.—Далѣе Порошинъ разсказываетъ, что пріѣхалъ законоучитель, архимандритъ Платонъ, пошла опять рѣчь о Ломоносовѣ: Платонъ жалѣлъ о его кончинѣ, возбуждая такое же сожалѣніе и въ великомъ князѣ.

Не долго пережилъ Ломоносова русскій сочленъ его по академіи, имя котораго часто печальнымъ образомъ соединяется съ

его именемъ, Тредіаковскій. Положеніе Тредіаковскаго было незавидное и прежде, какъ мы видѣли, и въ описываемое время ухудшалось все болѣе и болѣе. Причина заключалась въ несоотвѣтствіи его дарованій и заслугъ съ тѣмъ мнѣніемъ, какое онъ самъ имѣлъ о своихъ дарованіяхъ и заслугахъ. Потомство не станетъ отрицать его заслугъ, его трудолюбія, пользы его переводовъ для своего, да и для позднѣйшаго времени, признаетъ правильность нѣкоторыхъ его мыслей, даже найдетъ у него значительное количество сносныхъ стиховъ; и еслибы Тредіаковскій удовольствовался значеніемъ недаровитаго, но трудолюбиваго ученаго, неутомимаго переводчика неоспоримо полезныхъ книгъ, то думаемъ, что и современники не отказали бы ему въ своемъ уваженіи. Но Тредіаковскій, при своихъ небольшихъ средствахъ, хотѣлъ играть роль первостепенную, хотѣлъ имѣть значеніе первокласнаго ученаго и писателя, и видя что этого значенія достигнуть ему невозможно, сталъ терзаться завистью къ людямъ, достигшимъ этого значенія, сталъ искать случаевъ высказывать всякими средствами свое раздраженіе противъ нихъ. Борьба была неравная; враги не были великодушны, они задавили слабаго Тредіаковскаго своими насмѣшками, отдали его на позоръ толпѣ, и Тредіаковскій все болѣе и болѣе поникалъ во мнѣніи общества даже въ то время, когда люди, приглядывавшіеся къ явленіямъ на западѣ, считали долгомъ порядочнаго человѣка уважать ученаго, писателя.

Мы видѣли, какъ въ царствованіе Анны поступилъ съ Тредіаковскимъ Волынскій, раздраженный насмѣшливыми стихами его; но и въ царствованіе Елисаветы, несмотря на смягченіе нравовъ и на иныя отношенія къ литтературѣ и писателямъ, Тредіаковскій подвергся сильнымъ непріятностямъ, какимъ не подвергался ни одинъ изъ его товарищей, опять за подметный пасквиль, и подвергся непріятностямъ именно потому, что оскорбленный могъ свободно излить свою желчь на человѣка, который не пользовался уваженіемъ. Въ 1755 году Тредіаковскій подкинулъ пасквиль на президента академіи, на Мюллера и другихъ иностранныхъ ея членовъ, на Сумарокова; но болѣе всего досталось Теплову. Насъ непріятно поражаютъ страстныя выходки тогдашнихъ дѣятелей науки и литтературы; но выходки эти происходили въ явной борьбѣ; а тутъ былъ подметный

пасквиль, и конечно такое средство борьбы не могло усилить уваженія къ Тредіаковскому. Тепловъ написалъ жалобу, въ которой доказывалъ, что пасквиль сочиненъ именно Тредіаковскимъ. «Въ многорѣчіи своемъ, пишетъ Тепловъ, которое есть истинное Тредіаковскаго, по всей пьесѣ отъ начала до конца, онъ столь особливъ же, что едва ли можно въ родѣ человѣческомъ быть другому Тредіаковскому. Школьныя фигуры реторическія онъ употребляетъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ и не кстати, и почти безпрерывно, которыми и сію пьесу начинилъ. Эпитеты его обыкновенные, репетиція безпрестанная, амплификація также, за которую отъ многихъ уже битъ не единожды. Шутки въ словахъ, которыя у него за bon mot пріемлются, неизбѣжны во всѣхъ его сочиненіяхъ, а и въ сей его пьесѣ суть такія же, напримѣръ: трикъ, тракъ, трекъ и на фра, фре, фри, система чесноколукская, съ копылье сбился авторъ и проч.... На всякаго сочинителя толкъ безбожія наводитъ изъ маловажныхъ словъ: и то же самое въ семъ пасквилѣ находится по многимъ страницамъ. На г. полковника Сумарокова писалъ критику и подалъ въ синодъ доношеніе, а въ академію извѣтъ: въ той же силѣ изблевалъ свой ядъ и въ сей скаредной подметной тетрадкѣ неоднократно. Про себя говоритъ, что онъ за то ненавидимъ, что грековѣръ, и Ролленовъ переводъ для того не печатается, что въ немъ добродѣтель предпочтена порокамъ. Тому уже болѣе года, какъ Тредіаковскій началъ жалобы и письменныя, и словесныя разносить, что онъ изнуренъ трудами, оставя въ Астрахани домъ и не безприбыльный садъ виноградный, странствуетъ для наукъ; Роллена вторично перевелъ и остается безъ награжденія. Но потому, что служба его всегда состояла въ негодномъ и стыдъ академіи приносящемъ трудѣ, т.-е. въ гнусномъ стихосложеніи, въ пусторѣчіи латыни, а къ тому въ переводѣ Роллена, который имъ еще въ Невскомъ монастырѣ прежде профессорства его оконченъ; въ сочиненіи псалмовъ Давидовыхъ нескладными и безразумными стихами; въ сложеніи Ѳеопты, и ко всѣмъ симъ негоднымъ и неприличнымъ для академіи трудамъ въ приписаніи пелѣпыхъ предисловій, то все сіе удерживаемо было, кромѣ Ролленова переводу, и не допускаемо въ печать для убѣжанія стыда академіи». Тредіаковскій клялся, что не онъ сочинилъ пасквиль; но его клятвамъ не вѣрили.

«Сіе подозрѣніе, говоритъ Тредіаковскій, толь мнѣ дорого стало, что едва я себя съ отчаянія добровольной не предалъ смерти. Да и какъ было терпѣть! Г. Тепловъ, призваннаго меня въ домъ его графскаго сіятельства (Разумовскаго), не обличивъ и не доказавъ ни чѣмъ, да и не чѣмъ пустымъ, ругалъ какъ хотѣлъ м...... и грозилъ шпагою заколоть. Тщетная моя была тогда словесная жалоба: и какъ я на другой день принесъ письменное прошеніе его графскому сіятельству, то одинъ изъ лакеевъ, увидѣвъ меня въ прихожей, сказалъ мнѣ, что меня пускать въ камеры не велѣно. А понеже я съ природы не имѣю нахальства, смѣю похвалиться, то услышавъ такое запрещеніе отъ лакея, тотчасъ вонъ побѣжалъ, чтобъ скорѣе уйти домой, и съ собой унесть свой стыдъ, а о прошеніи уже моемъ, хотя и законномъ, позабылъ я помышлять».

Прошеніе подалъ онъ въ академію не прямо на Теплова, а на Мюллера, за то, что тотъ помѣстилъ въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ стихи Сумарокова о беззаконной любви, также гимнъ въ прославленіе «прескверной изъ богинь б........, которой имя Венера» и проч. «Отъ наглости и гордости его (Мюллера) виситъ безъ сомнѣнія надъ нами, академиками, множество напастей. Сіи два его порока суть подобны вихрю: они станутъ нашимъ согласіемъ кутить и мутить; они, чтобъ изъяснить себѣ лучше, производить между нами будутъ раздоры. Прошу мнѣ безъ малѣйшаго сомнѣнія вѣрить, что лишимся мы всѣ нашего покоя, когда вы за благо не разсудите сію, сошедшуюся надъ нашими головами бурю отогнать и усмирить предосторожно и ревностно. Самъ же я не могу ѣздить къ его сіятельству г. президенту и не могу представлять ни словесно, ни письменно: ибо совѣтникъ Тепловъ, живущій въ его домѣ, и нынѣ чрезмѣрнымъ премѣненіемъ весьма доброжелательствующій похабственному Мюллеру, котораго за нѣсколько лѣтъ ненавидѣлъ крайне,—Тепловъ, говорю, ругалъ меня поносными браньми безъ всякаго права» и проч.

Такъ всюду Тредіаковскій трудился чтобъ подкопать всякое уваженіе къ себѣ, и когда онъ объявилъ, что будетъ въ 1757 году диктовать студентамъ правила краснорѣчія и толковать Горація, то канцелярія академіи постановила представить президенту объ увольненіи Тредіаковскаго отъ лекцій, и опре-

дѣленіи его исключительно къ переводамъ, или если уже допустить его до преподаванія, то развѣ поручить толкованіе древней и новой исторіи, что онъ можетъ дѣлать и на русскомъ языкѣ. Такое рѣшеніе понятно; у всякаго былъ готовъ вопросъ: какъ можетъ преподавать краснорѣчіе человѣкъ, пишущій какъ Тредіаковскій? Къ несчастію для Тредіаковскаго многіе и многіе въ словахъ Теплова, что служба Тредіаковскаго всегда состояла въ негодномъ и стыдъ академіи приносящемъ трудѣ, не видали преувеличенія, не видали только бранчивой выходки раздраженнаго человѣка.

Но Тредіаковскій былъ глубоко оскорбленъ тѣмъ, что у него отняли должность профессора элоквенціи, которою онъ такъ гордился. Онъ пересталъ ходить въ академію, и когда въ слѣдующемъ году президентъ велѣлъ потребовать отъ него объясненія причинъ этого нехожденія, то Тредіаковскій отвѣчалъ длинною жалобою: «Ненавидимый въ лице, презираемый въ словахъ, уничтожаемый въ дѣлахъ, охуждаемый въ искусствѣ, прободаемый сатирическими рогами, изображаемый чудовищемъ, еще и во нравахъ оглашаемый, все жъ то или по злобѣ, или по ухищренію, или по чаянію отъ того пользы, или наконецъ его собственной потребности, чтобъ употребляющаго меня праведно и съ твердымъ основаніемъ *и* въ окончаніяхъ прилагательныхъ множественныхъ мужескихъ цѣлыхъ, всемѣрно низвергнуть въ пропасть безславія, всеконечно уже изнемогъ я въ силахъ къ бодрствованію: чего ради и настала мнѣ нужда уединиться». Тредіаковскій объявлялъ, что несмотря на болѣзнь, онъ продолжаетъ переводъ Роллена и сочинилъ три большія диссертаціи: первую о первенствѣ славянскаго языка предъ тевтоническимъ, вторую о родоначаліи Россовъ, третью о Варягахъ Руссахъ словенскаго званія, рода и языка. Но этимъ не удовольствовались и потребовали, чтобъ онъ ходилъ въ академію и должность свою отправлялъ по прежнему, иначе не будетъ получать жалованья. Тогда Тредіаковскій подалъ просьбу объ отставкѣ и получилъ ее въ 1759 году, продолжая однако называться членомъ академіи. Такъ назвался онъ и при изданіи знаменитой «Тилемахиды», вышедшей въ 1766 году. Тредіаковскій умеръ въ 1769 году, и уже по смерти его изданы упомянутыя подъ 1758 годомъ три историческія диссертаціи, подъ

заглавіемъ: «Три разсужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ». Вопросъ о происхожденіи Варяговъ Руси Тредіаковскій разрѣшаетъ такъ, что Варяги суть «предварители» (отъ варяю, предваряю), т.-е. аборигены, а Русь—ружане померанскіе. Такимъ образомъ впервые было научно высказано знаменитое мнѣніе о рюгенскомъ отечествѣ Рюрика, мнѣніе, котораго такъ сильно держатся поборники славянскаго происхожденія Варяговъ-Руси, хотя при этомъ стараются прикрывать себя болѣе славнымъ именемъ Ломоносова; но Ломоносовъ выводилъ Рюрика изъ Пруссіи, а Пруссовъ дѣлалъ Славянами [148].

Поборникъ противнаго мнѣнія о происхожденіи Варяговъ-Руси, Мюллеръ былъ послѣднія пять лѣтъ царствованія Елисаветы заваленъ трудами, не относившимися къ главному его занятію—русскою исторіей. Въ сентябрѣ 1762 года онъ писалъ: «Здѣсь мой Опытъ Новой Русской Исторіи не встрѣтилъ вовсе благосклоннаго отзыва, почему я долженъ былъ отложить его въ ожиданіи лучшихъ временъ, что мнѣ легко при большомъ запасѣ архивныхъ рукописей. Теперь, кажется, наступило благопріятное время, потому что ея императорское величество, нынѣшняя всемилостивѣйшая государыня наша, высказываетъ милостивое удовольствіе къ моимъ трудамъ. Жаль только, что у меня слишкомъ много другихъ академическихъ занятій. Протоколы засѣданій, внѣшняя и внутренняя переписка, изданія въ свѣтъ Комментарій и русскаго журнала (Ежемѣсячныя сочиненія), надъ которыми я, не имѣя помощниковъ, работаю осьмой уже годъ, отнимаютъ у меня чрезвычайно много времени, а между тѣмъ силы меня покидаютъ, и я едва въ состояніи выносить работу до 12 и до часу ночи. Историкъ страны, о которой еще такъ мало писано, долженъ быть занятъ одною этою работою».

Этотъ «Опытъ Новой Русской Исторіи», о которомъ говоритъ здѣсь Мюллеръ, представляетъ замѣчательный трудъ; на немъ мы должны остановиться. *Опытъ* начинается съ правленія Бориса Годунова. Причину, почему сочиненіе начато съ этого времени, авторъ объясняетъ такъ: «Труды покойнаго тайнаго совѣтника Татищева извѣстны не только въ Россіи, но и за границею. Хотя сочиненная имъ русская исторія еще не издана: однако кто не пожелаетъ видѣть ее напечатанною? Его тридцатилѣтнее прилежаніе заслуживаетъ, чтобъ воздали ему эту

справедливость. Татищевъ заблагоразсудилъ окончить свою исторію смертію царя Θеодора Іоанновича, какъ послѣдняго изъ варяжской династіи. Мнѣ показалось приличнымъ начать тамъ, гдѣ онъ кончилъ, и такимъ образомъ довершить зданіе россійской исторіи». Въ началѣ разсказа о событіяхъ насъ останавливаетъ опредѣленіе характера Бориса Годунова, потому что это опредѣленіе надолго осталось въ русской исторіи. «Борисъ Годуновъ, по остротѣ ума и необыкновенному искусству въ дѣлахъ правленія, долженъ быть включенъ въ число величайшихъ людей своего времени. Но его нравственный характеръ не соотвѣтствовалъ достоинствамъ умственнымъ, отъ чего и происходитъ, что объ немъ обыкновенно слышится мало хорошаго.... Борисъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые для достиженія верховной власти считаютъ всѣ средства позволенными.... Это былъ другой Сеянъ, и разнился отъ послѣдняго только тѣмъ, что не было Тиверія, который могъ бы покарать его злодѣянія». Произнося этотъ общій приговоръ, Мюллеръ, однако, не позволилъ себѣ быть неразборчивымъ относительно всѣхъ извѣстій о преступленіяхъ Годунова, встрѣчаемыхъ у разныхъ писателей, особенно иностранныхъ: онъ подвергаетъ эти извѣстія критикѣ и отвергаетъ тѣ изъ нихъ, которыя ея не выдерживаютъ. Съ такою же осторожностію поступаетъ Мюллеръ и относительно другихъ извѣстій, передаваемыхъ иностранными писателями, вносившими въ свои сочиненія все, чо слышали, безъ разбору; заслуга Мюллера, какъ критика, видна особенно изъ того, что послѣдующіе писатели уже только сообразуются съ его приговорами. Вообще, какъ легко замѣтить, Мюллеровъ «Опытъ Новой Русской Исторіи» послужилъ для позднѣйшихъ писателей образцомъ при изображеніи тѣхъ же временъ: характеръ Годунова, характеръ его правленія, рѣшеніе вопроса о происхожденіи самозванца, выведенное изъ критическаго разсмотрѣнія иностранныхъ извѣстій, опредѣленіе характера лжедимитріева,—все это перешло изъ книги Мюллера и въ сочиненія первой половины XIX вѣка.

Въ 1765 году послѣдовала перемѣна въ судьбѣ Мюллера: онъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ получилъ мѣсто главнаго надзирателя (директора) воспитательнаго дома: обѣщаніе, данное ему Панинымъ и Бецкимъ, поручить ему современемъ въ завѣды-

ваніе московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ служило важнымъ побужденіемъ для Мюллера къ такой перемѣнѣ рода службы.

Еще въ 1762 году Мюллеръ выписалъ себѣ помощника: то былъ Августъ Людвигъ Шлёцеръ.

Германская наука въ первой половинѣ XVIII вѣка дала русской наукѣ, для обработки русской исторіи, двухъ ученыхъ: Байера и Мюллера. Байеръ явился въ Россіи уже ученымъ пріобрѣтшимъ извѣстность; но поприще его здѣсь не было продолжительно, а незнаніе языка русскаго позволяло ему касаться только немногихъ вопросовъ, при рѣшеніи которыхъ онъ могъ довольствоваться одними иностранными языками. Мюллеръ пріѣхалъ въ Россію 20-ти лѣтъ, и всѣ силы своей долгой молодости посвятилъ Россіи: отъ береговъ Невы до береговъ Амура, въ архивѣ московскомъ и въ областныхъ архивахъ по сю и по ту сторону Уральскаго хребта, неутомимый Мюллеръ черпалъ извѣстія о судьбахъ необозримой страны, такъ недавно еще открытой для Европы, собиралъ, сводилъ матеріалы, безпрерывно развлекаемый вопросами, сыпавшимися на него со всѣхъ сторонъ; архиваріусъ, профессоръ, академикъ, исторіографъ, путешественникъ, географъ, статистикъ, журналистъ, Мюллеръ былъ неутомимымъ работникомъ при громадной, тяжко, медленно двигавшейся машинѣ русской цивилизаціи. Мюллеръ работалъ неутомимо надъ отысканіемъ, собираніемъ и разработкою матеріаловъ изъ разныхъ эпохъ русской исторіи, для объясненія той или другой стороны въ настоящей жизни русскаго народа; а между тѣмъ въ его старомъ отечествѣ, въ Германіи, наука шла впередъ; и когда утомленный Мюллеръ потребовалъ у Германіи себѣ помощника, который бы трудился подобно ему, содѣйствовалъ ему въ отыскиваніи и собираніи матеріаловъ, въ приведеніи ихъ въ порядокъ, въ составленіи каталоговъ,—Германія выслала ему Шлёцера, представителя новой науки. Мюллеръ не понималъ уже, чего хотѣлъ Шлёцеръ; требованія Мюллера Шлёцеръ считалъ странными, унизительными для себя, и двое ученыхъ, хотѣвшіе жить и дѣйствовать вмѣстѣ, скоро растолкнулись двумя враждебными силами, изъ которыхъ одна называется *старымъ*, а другая *новымъ*.

Шлёцеръ, родившійся въ 1735 году, лишился отца, сельскаго пастора на пятомъ году жизни, и ранняя нужда закалила характеръ безпомощнаго сироты, который самъ долженъ былъ пробивать себѣ дорогу въ жизни. Десятилѣтнимъ ребенкомъ онъ уже сталъ давать уроки, и когда все вокругъ его уже спало, маленькій Шлёцеръ сидѣлъ надъ мелкимъ шрифтомъ изданій классиковъ и пріобрѣлъ навсегда сильную близорукость. Въ Геттингенскомъ университетѣ Шлёцеръ встрѣтилъ профессора, начинавшаго своимъ преподаваніемъ новую эпоху въ исторической наукѣ: то былъ знаменитый Михаелисъ, который, при изученіи еврейскихъ древностей, впервые началъ требовать критики текста, изслѣдованія точнаго значенія словъ, знакомства съ родственными еврейскому языками, съ обычаями Востока и его поэзіею. Подъ вліяніемъ чтеній Михаелиса опредѣлился навсегда характеръ ученой дѣятельности Шлёцера. Онъ издѣтства питалъ страсть къ путешествіямъ; чтеніе Михаелиса дало опредѣленную цѣль пламеннымъ мечтамъ молодого человѣка и путешествіе на библейскій Востокъ сдѣлалось завѣтною думой Шлёцера, наполнившею всю его молодость.

Но такое далекое путешествіе и въ то время было невозможно безъ значительныхъ средствъ, которыхъ у Шлёцера не было. Надобно было прежде накопить денегъ. Шлёцеръ ѣдетъ домашнимъ учителемъ въ Швецію, становится корреспондентомъ политической газеты, что сильно развиваетъ въ немъ любовь къ политикѣ; занимается въ купеческой конторѣ, пишетъ книги: «Исторію торговли и мореплаванія»; «Біографіи знаменитыхъ шведскихъ людей»; «Исторію шведской литтературы».

Въ декабрѣ 1760 года геттингенскій профессоръ Бюшингъ вызванъ былъ въ Петербургъ для занятія мѣста пастора при тамошней нѣмецкой церкви св. Петра. При этомъ случаѣ Бюшингъ получилъ просьбу отъ своего родственника и друга Мюллера пріискать ему помощника для ученыхъ занятій и вмѣстѣ домашняго учителя. Бюшингъ обратился съ этою просьбой къ Михаелису, и тотъ, зная задушевную мысль Шлёцера, предложилъ мѣсто ему: Михаелисъ представлялъ Шлёцеру, что изъ Россіи онъ можетъ ѣхать на Востокъ, и новость пути придастъ этой поѣздкѣ большой интересъ; путешествіе можетъ быть совершено покойнѣе и безопаснѣе: безъ сомнѣнія, русская академія,

а можетъ быть и само правительство, будутъ ему покровительствовать.—«Совершить далекое путешествіе, имѣя въ виду еще дальнѣйшее—кого больше меня могло прельстить подобное предложеніе? говоритъ самъ Шлёцеръ. Предложеніе Мюллера быть у него домашнимъ учителемъ за сто рублей въ годъ считалъ я для себя столь же мало унизительнымъ, какъ мало унизительнымъ считалъ для себя въ романахъ молодой маркизъ находиться въ услуженіи у отца своей возлюбленной дамы». Но здѣсь уже видимъ мы начало тѣхъ недоразумѣній, которыя необходимо должны были повести къ столкновеніямъ между Мюллеромъ и Шлёцеромъ: Мюллеръ вызывалъ студента, домашняго учителя, который долженъ былъ также помогать ему въ ученыхъ занятіяхъ, дѣлать то, что онъ ему укажетъ, и который будетъ въ восторгѣ, если со временемъ Мюллеру удастся пристроить его какъ-нибудь къ академіи. Но Шлёцеръ не считалъ себя студентомъ; онъ гордился обширнымъ ученымъ приготовленіемъ, какого въ его глазахъ не имѣлъ Мюллеръ и его ровестники; Шлёцеръ считалъ себя уже извѣстнымъ писателемъ, котораго знали и уважали ученыя знаменитости Германіи; онъ смотрѣлъ на мѣсто у Мюллера какъ на средство для достиженія своей завѣтной цѣли; видѣлъ, что условія для него унизительны, а между тѣмъ принималъ ихъ.

Шлёцеръ въ Петербургѣ, у Мюллера, который имѣлъ большой каменный домъ на Васильевскомъ островѣ, на набережной; въ домѣ все обличало не роскошь, но довольство; у Мюллера былъ хорошій нѣмецкій столъ, былъ свой экипажъ. Самъ Мюллеръ имѣвшій 56 лѣтъ отъ роду, во время первой встрѣчи съ Шлёцеромъ (въ 1761 году), былъ очень красивый мужчина, поразительно высокаго роста и крѣпости. Нравственный характеръ Мюллера Шлёцеръ описываетъ такъ: «Это былъ остроумный, находчивый человѣкъ; изъ маленькихъ его глазъ выглядывалъ сатиръ. Въ образѣ мыслей его было какое-то величіе, справедливость, благородство. Горой стоялъ онъ за честь Россіи, несмотря на то, что тогда держали его еще въ черномъ тѣлѣ; въ сужденіяхъ о правительствѣ былъ чрезвычайно воздерженъ. Достоинства Мюллера не были какъ должно оцѣнены, потому что, вопервыхъ, онъ не могъ пресмыкаться; вовторыхъ, ему чрезвычайно много вредила по службѣ его горячность. Онъ на-

жилъ себѣ множество враговъ между товарищами отъ властолюбія, между подчиненными—отъ жесткости въ обращеніи. Будучи самъ неутомимо трудолюбивъ и точенъ во всемъ, требовалъ и отъ другихъ обоихъ этихъ качествъ въ одинакой степени».

Расположившись у Мюллера, Шлёцеръ задалъ себѣ задачу—изучить русскую исторію по источникамъ, читать лѣтописи, для чего нужно было предварительное изученіе русскаго и церковно-славянскаго языка. Шлёцеръ признается, что русскій языкъ достался ему гораздо труднѣе, чѣмъ всѣ пятнадцать языковъ, которые онъ изучалъ прежде; но ему помогала «охота за корнями», какъ онъ выражается: зная сто корней въ какомъ-нибудь языкѣ, Шлёцеръ уже легко усвоивалъ себѣ 400 производныхъ словъ, и изъ десяти коренныхъ словъ почти всегда девять было такихъ, какія можно было найти и въ другомъ какомъ-нибудь языкѣ. Время словопроизводствъ, основанныхъ на одномъ только внѣшнемъ сходствѣ звуковъ,—словопроизводствъ, которыми прославились Рудбекъ за границею, Тредіаковскій у насъ, проходило; сравнительная этимологія только-что начиналась. Мюллеръ смѣялся надъ Рудбекомъ, и не имѣлъ понятія о тѣхъ способахъ словопроизводства и словосравненія, которыя употреблялъ Шлёцеръ, и удивлялся, какъ самъ прежде не замѣтилъ, что Славянинъ идею нахожденія выражаетъ точно также какъ Римлянинъ: *in-venio на-ити.* Шлёцеръ приставалъ къ Мюллеру съ вопросомъ: что означаютъ вообще русскія окончанія—*ость, тель, ивъ, шій*; тотъ не понималъ вопроса, потому что, говоритъ Шлёцеръ, въ его студенческіе годы еще не существовала философія языка.

Когда успѣшныя занятія русскимъ и церковно-славянскимъ языкомъ дали Шлёцеру возможность заглянуть въ русскія лѣтописи, то ученая жалчность его была возбуждена въ высшей степени: передъ нимъ было нетронутое поле, которое онъ первый долженъ былъ обработать; другіе, по своимъ ученымъ средствамъ, не въ состояніи этого сдѣлать; онъ одинъ имѣетъ возможность получить честь перваго издателя, перваго объяснителя лѣтописей народа, перваго по своему могуществу въ Европѣ (таково было представленіе о русскомъ народѣ послѣ Семилѣтней войны!).

Страсть къ занятіямъ и умѣнье заниматься, обнаруженныя Шлёцеромъ, заставили Мюллера еще въ 1762 году толковать о помѣщеніи своего домашняго учителя въ академію въ качествѣ адъюнкта. Но каково же было его удивленіе, когда вмѣсто выраженія благодарности, онъ услыхалъ отъ Шлецера отвѣтъ, что это мѣсто низко для него. Шлёцеръ такъ разсуждалъ о своихъ достоинствахъ: «Я долженъ былъ заниматься русскими лѣтописями, критикою ихъ. Что были за люди, которые славились тогда своими познаніями въ русской исторіи? Люди безъ всякаго ученаго образованія, люди, которые читали только свои лѣтописи, не зная, что внѣ Россіи существовала исторія. Но я, по крайней мѣрѣ, былъ ученый критикъ, четыре года учился въ школѣ Геснера, Михаелиса, Ире; я былъ въ этомъ отношеніи единственный человѣкъ въ Россіи; я уже съ 1755 года былъ авторомъ, и мои сочиненія не подверглись ни одной неблагосклонной рецензіи. Большая часть тогдашнихъ членовъ санктпетербургской академіи конечно не могла стыдиться моего товарищества». Адъюнктъ получалъ триста рублей жалованья: Шлёцеръ объявилъ, что и жалованья этого для него мало. Мюллеръ возражалъ: «Я началъ съ двумя стами рублей». Шлёцеръ отвѣчалъ: «Вы начали на двадцатомъ году жизни, а мнѣ ужь скоро будетъ 27 лѣтъ; я уже давно началъ и не на русскія деньги». Мюллеръ предполагалъ, что Шлёцеръ, имѣя въ виду заниматься русскою исторіей, дастъ обязательство не оставлять никогда русской службы, потому что ученому, занимающемуся русскою исторіей, могутъ быть ввѣрены государственныя тайны, и нельзя потомъ позволить ему уѣхать за границу и обнародовать ихъ; Мюллеръ самъ былъ связанъ такимъ обязательствомъ. Но Шлёцеръ не хотѣлъ заключать съ академіею и обычнаго контракта съ условіемъ оставаться въ ней пять лѣтъ. Къ причинамъ отказа должна была присоединяться и та, что адъюнктская должность предполагала зависимость отъ Мюллера въ ученыхъ занятіяхъ, а Шлёцеръ, считавшій себя выше Мюллера, не хотѣлъ подчиниться его руководству.

Мюллеръ разсердился на упрямца, не хотѣвшаго, по его мнѣнію, собственнаго счастія, и, говоря съ нимъ въ послѣдній разъ объ адъюнктствѣ въ академіи, кончилъ такъ: «Ну такъ ничего не остается больше вамъ дѣлать, какъ съ первымъ кораблемъ отпра-

виться назадъ въ Германію». Шлёцеръ, у котораго была потребность поссориться съ Мюллеромъ, призналъ эти слова неблагородными, несправедливыми. Шлёцеру не хотѣлось такъ рано уѣхать изъ Россіи, ибо въ такомъ случаѣ пребываніе его въ Россіи не окупалось; капиталъ, скопленный для восточнаго путешествія, не увеличился. Шлёцеръ нашелъ въ Россіи кладъ— лѣтописи, изданіемъ которыхъ въ Германіи онъ могъ пріобрѣсти большую ученую извѣстность; но для полнаго приготовленія къ этому дѣлу надобно было еще остаться въ Россіи. Шлёцеръ обратился къ могущественному Тауберту, и тотъ устроилъ ему мѣсто адъюнкта при академіи на *неопредѣленное* время и помѣстилъ его учителемъ при дѣтяхъ президента графа Разумовскаго на всемъ готовомъ содержаніи. При этомъ понадобился Мюллеръ: онъ написалъ президенту академіи просьбу о назначеніи Шлёцера адъюнктомъ для занятій русскою исторіей, расхваливъ своего кандидата какъ нельзя больше. Шлёцеръ страшно разсердился на Мюллера, какъ онъ смѣлъ сказать, что выписалъ на свой счетъ его изъ Геттингена! Но главная вина Мюллера состояла въ томъ, что въ своей просьбѣ онъ представилъ Шлёцера, какъ молодого человѣка, который подъ его руководствомъ долженъ заниматься изданіемъ собранныхъ имъ историческихъ и географическихъ извѣстій о Россіи. Шлёцеръ поспѣшилъ показать Мюллеру, какъ онъ будетъ заниматься подъ его руководствомъ. Послѣ присяги въ академической канцеляріи Шлёцеръ съ Мюллеромъ поѣхали вмѣстѣ домой, и дорогою старикъ началъ говорить: «Ну вотъ теперь вы начнете свои адъюнктскія занятія, прежде всего составите реестръ къ послѣднему тому Русскаго Историческаго Сборника (Sammlung russischer Geschichte)». Шлёцеръ отвѣчалъ: «Составлять реестры слишкомъ унизительно для адъюнкта императорской академіи». Съ этихъ поръ Мюллеръ не безпокоилъ болѣе Шлёцера, и тотъ могъ заниматься русскою исторіей совершенно независимо. Результатомъ этихъ занятій былъ выводъ, что для успѣшнаго занятія русскими лѣтописями необходимо изученіе византійской литтературы и славянскихъ нарѣчій.

Но кромѣ этихъ занятій источниками русской исторіи, занятій важныхъ, потому что впервые производились чисто научнымъ способомъ, мы не можемъ оставить безъ вниманія и другой дѣ-

ятельности Шлецера, педагогической. Мы видѣли, что Шлёцеръ, благодаря Тауберту, получилъ мѣсто домашняго учителя при дѣтяхъ графа Разумовскаго. Графъ Кирилла, говоритъ Шлёцеръ, былъ хорошій человѣкъ, и потому хотѣлъ дать сыновьямъ своимъ хорошее воспитаніе; въ средствахъ не было недостатка, потому что онъ получалъ 600,000 годового дохода. Но главное препятствіе къ хорошему воспитанію гетманскихъ дѣтей представляла маменька: тогда какой-то ученый человѣкъ присовѣтовалъ отцу удалить дѣтей отъ маменьки, не высылая ихъ изъ Петербурга. Совѣтъ былъ принятъ, наняли большой домъ на Васильевскомъ островѣ, въ 10 линіи, и здѣсь поселились трое молодыхъ графовъ Разумовскихъ: Алексѣй, Петръ и Андрей, да еще три мальчика—Тепловъ, Олсуфьевъ и Козловъ. Гувернеромъ при дѣтяхъ былъ Бурбье, французскій лакей, но образованный лакей, умѣвшій писать по-французски безъ ошибокъ, потому что много читалъ. При немъ были три учителя, жившіе въ домѣ, и двое изъ нихъ адъюнкты академіи — Румовскій математикъ и Шлёцеръ; другіе учителя пріѣзжали давать уроки. Содержаніе института стоило графу ежегодно 10,000 рублей, и содержался онъ великолѣпно, по словамъ Шлёцера. Общій планъ преподаванія составленъ былъ безъ Шлёцера и онъ не нашелъ въ немъ—географіи! Шлёцеръ потребовалъ немедленно географіи отъ Тауберта, инспектора института; мало того, онъ представилъ необходимость другой науки, необходимость *познанія отечества:* такъ онъ назвалъ русскую статистику. Первый урокъ начался вопросами: «Какъ велика Россія сравнительно съ Германіею и Голландіею? Что такое юстицъ-коллегія? Какимъ товаромъ производитъ торговлю русскій человѣкъ? Откуда получаетъ онъ свое золото и серебро»? Понятно, что самъ учитель только тутъ началъ заниматься статистикою Россіи, и при добываніи свѣдѣній съ нимъ случилось слѣдующее происшествіе: осенью 1763 года спросилъ онъ въ одной купеческой компаніи, почему нынѣшнею весною вывезено было пеньки гораздо менѣе, чѣмъ прежде, и означилъ цифру вывоза; тутъ одинъ маклеръ отвелъ его въ сторону и просилъ не давать впередъ подобныхъ вопросовъ и не обнаруживать такихъ опасныхъ знаній: «Васъ могутъ принудить, сказалъ онъ, объявить, отъ кого вы получили это извѣстіе, и вы сдѣлаете чрезъ это человѣка несчаст-

нымъ». Сначала Шлёцеръ преподавалъ своимъ воспитанникамъ русскую статистику по иностраннымъ, исполненнымъ ошибокъ, источникамъ; но скоро Таубертъ, по знакомству съ президентами и членами коллегій, началъ доставлять ему оффиціальные источники, изъ которыхъ Шлёцеръ дѣлалъ извлеченія, потомъ о каждомъ предметѣ составлялъ маленькія рукописныя книжки и раздавалъ ихъ своимъ воспитанникамъ; на книжкахъ была надпись: «à l'usage de l'Académie de la X ligne» (для употребленія въ академіи X-й линіи, т.-е. Васильевскаго острова). Русская географія явилась въ такомъ же маленькомъ форматѣ и быстро распространилась; многіе домашніе учителя списывали ее, по ней преподавалась русская географія и въ акедемической гимназіи. Всеобщую исторію преподавали сначала по учебнику Curas съ вопросами и отвѣтами, переведенному на русскій языкъ съ прибавкою русской исторіи; но Шлёцеръ не хотѣлъ преподавать по этому учебнику, началъ составлять свой, и при этомъ составленіи напалъ на тѣ мысли, которыя послѣ развивалъ на лекціяхъ въ Гёттингенѣ. Въ Петербургѣ, приноравливаясь къ потребностямъ русскихъ учениковъ своихъ, Шлёцеръ пришелъ къ мысли, что надобно ввести въ исторію цѣлые народы, едва прежде извѣстные въ ней по имени: калмыки или монголы, думалъ онъ, потрясавшіе вселенную, гораздо важнѣе Ассиріянъ или Лонгобардовъ. Но если, по мнѣнію Шлёцера, для русскихъ учениковъ важнѣе было знать подробности монгольской исторіи, чѣмъ лонгобардской, то зачѣмъ же онъ послѣ перенесъ это уваженіе къ монголамъ въ Гёттингенъ, гдѣ преподавалъ Нѣмцамъ, для которыхъ конечно подробности лонгобардской исторіи были важнѣе подробностей монгольской. Это объясняется изъ матеріальности стремленій Шлёцера: въ исторіи своей онъ поражается только матеріальнымъ величіемъ, пренебрегая проявленіями духовныхъ силъ человѣка и народовъ: въ его глазахъ Мильтіадъ—деревенскій староста въ сравненіи съ Аттилою или Тамерланомъ; гёттингенскіе слушатели Шлёцера помнятъ, какъ горячо защищалъ онъ съ каѳедры права внѣшней жизни или матеріальные интересы противъ духовныхъ требованій. Мы конечно не можемъ сочувствовать этому взгляду Шлёцера; мы очень хорошо знаемъ, что для счастія и спокойствія человѣческихъ обществъ матеріальныя стремленія должны быть сдержи-

ваемы, а не защищаемы, не поощряемы, ибо они всегда и вездѣ могущественно обнаруживаются безо всякой защиты и поощренія; мы знаемъ, что они должны быть поставлены въ служебное отношеніе къ духовнымъ требованіямъ; въ исторіи мы видимъ осязательно истину священнаго изреченія: «Духъ есть иже живитъ, плоть ничтоже пользуетъ». Мы знаемъ, когда являются Аттилы, Тамерланы и другіе потрясатели вселенной, когда являются внѣшніе или внутренніе разрушители общественнаго строя и цивилизаціи: когда общество презритъ духовную жизнь, духовные интересы, духовныя силы, когда предастся чувственности, матеріальнымъ стремленіямъ, когда воздвигнетъ алтари Молоху и золотому тельцу, тогда и являются на историческую сцену вожди нечистыхъ силъ, чтобъ овладѣть запродавшеюся имъ добычею. Заслуга Шлёцера состоитъ не въ установленіи вѣрныхъ взглядовъ на явленія всемірной исторіи: его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ ввелъ строгую критику, научное изслѣдованіе частностей, указалъ на необходимость полнаго, подробнаго изученія вспомогательныхъ наукъ для исторіи; благодаря шлецеровой методѣ, науки стали на твердыхъ основаніяхъ, ибо онъ предпослалъ изученію исторической физіологіи занятіе исторической анатоміей.

Наступилъ 1764-й годъ. Шлёцеръ приближался къ тридцатому году своей жизни. Ему было хорошо въ Петербургѣ; но его безпокоило будущее: «До сихъ поръ, писалъ онъ Михаелису, перекочевывалъ я, какъ номадъ, изъ одной науки въ другую, не по юношеской вѣтрености, но увлекаемый теченіемъ обстоятельствъ. Многоразличныя свѣдѣнія, которыя я чрезъ это пріобрѣлъ, должны быть мнѣ полезны, когда я наконецъ остановлюсь на чемъ-нибудь одномъ». О путешествіи на Востокъ уже нечего было больше думать; Шлёцеръ началъ думать о томъ, слѣдуетъ ли ему оставаться въ петербургской академіи, издавать русскія лѣтописи, создавать русскую статистику, распространять въ великомъ русскомъ народѣ познанія о другихъ народахъ. Первое, изученіе русскихъ лѣтописей было для него очень привлекательно.

Но Шлёцеръ, по природѣ своей, не былъ способенъ къ страстнымъ привязанностямъ, не былъ способенъ забывать все для любимаго предмета занятій; до тридцати лѣтъ этого любимаго

предмета онъ еще не нашелъ, кочевалъ отъ одной науки въ другую. По своей расчетливой природѣ онъ при началѣ каждаго труда спрашивалъ: а что я за него получу, какія пріобрѣту матеріальныя выгоды? Такъ и теперь спрашивалъ онъ себя: какая мнѣ будетъ награда, если я, прекративъ кочеванье, остановлюсь на русской исторіи? Мѣсто ординарнаго профессора съ 860 рублями жалованья! Но въ Петербургѣ этимъ жить нельзя, особенно если жениться. Шлёцеръ началъ думать, что надобно оставить Россію и въ Германіи издать свои Rossica, т.-е. пріобрѣтенные матеріалы по русской исторіи и статистикѣ. Весною 1764 года Шлёцеръ подалъ доношеніе въ академію, гдѣ, вопервыхъ, просилъ объ отпускѣ въ Германію на три года, вовторыхъ просилъ, что если академія одобряетъ его дѣятельность и считаетъ достойнымъ оставаться при ней, то чтобъ соблаговолила сообщить ему свое рѣшеніе до его отъѣзда, причемъ онъ желаетъ представить планъ занятій, которыя онъ намѣренъ предпринять въ будущемъ для пользы наукъ вообще и для распространенія ихъ въ русской публикѣ. Планъ распадался на два: первый заключалъ указанія, какъ изучать отечественные памятники критически, грамматически и исторически, и какъ изучать иностранные памятники, заключающіе извѣстія о русской исторіи. Второй планъ касался распространенія свѣдѣній въ русскомъ народѣ. Милліоны русскихъ людей, представлялъ Шлёцеръ, могутъ читать и писать, сотни тысячъ могутъ читать книги и страстно стремятся къ пріобрѣтенію свѣдѣній. Но иностранные языки извѣстны не многимъ, слѣдовательно надобно помогать большинству въ пріобрѣтеніи познаній посредствомъ переводовъ; кто же долженъ помогать? Разумѣется, академія, столь богатая средствами; ея призваніе состоитъ не въ томъ только, чтобъ дѣлать открытія по наукамъ для цѣлаго міра; ея русскій міръ къ ней ближе. Но что она сдѣлала? Байеръ и другіе издали очень хорошіе, самостоятельные, непереводные учебники для молодого императора Петра II; но съ 1736 по 1764 печальное затишье, и ни одного самостоятельнаго сочиненія, все одни переводы. Латинскіе комментаріи академіи заключали въ себѣ конечно важныя статьи, но русскіе не читали ихъ, русскіе считали большія суммы, которыя шли на академію, и громко говорили, что за такія суммы народъ получаетъ только календарь; отъ этого

уменьшается уваженіе къ иностранцамъ, изъ которыхъ преимущественно состоитъ академія. Послѣдняя, по мнѣнію Шлёцера, должна была распространять въ русскомъ народѣ свѣдѣнія въ малыхъ пріемахъ, римскую исторію, напримѣръ, издать не въ 26 томахъ (намекъ на Тредіаковскаго), а въ одномъ или двухъ; многотомныя классическія сочиненія иностранныхъ писателей не издавать; даже легкія, всѣмъ доступныя иностранныя сочиненія должно не переводить, а передѣлывать. Шлёцеръ предлагалъ свои услуги при составленіи учебниковъ или народныхъ книгъ по предметамъ, ему извѣстнымъ, по исторіи, географіи и статистикѣ; онъ предлагалъ или передѣлывать уже существующія иностранныя сочиненія, или изъ девяти хорошихъ сочиненій составлять десятое.

Противъ продолженія дѣятельности Шлёцера въ академіи съ обычною своею страстностію вооружился Ломоносовъ. Его подозрительность къ нѣмцамъ, къ ихъ властолюбивымъ, вреднымъ замысламъ была возбуждена въ высшей степени. До сихъ поръ иностранцы, вызывавшіеся въ академію, занимались каждый своею наукою; Мюллеръ занимался русскою исторіею, былъ русскимъ исторіографомъ, и за то Ломоносовъ зорко слѣдилъ за каждымъ его шагомъ въ самостоятельной дѣятельности по русской исторіи, не проводитъ ли иностранецъ какихъ-нибудь нехорошихъ мыслей, не оскорбляетъ ли величія русскаго народа, постоянно придирался, постоянно протестовалъ. Но вотъ теперь является нѣмецъ, который едва пріѣхалъ въ Петербургъ, едва успѣлъ познакомиться съ русскимъ языкомъ, съ русскими древними письменными памятниками, какъ уже хочетъ распоряжаться полновластнымъ хозяиномъ и въ области русской исторіи и въ области русскаго языка. Дерзость неимовѣрная! Но понятно, что самъ онъ не могъ дойти до такой степени дерзости: это все Таубертъ: онъ принялъ Шлёцера подъ свое покровительство, когда тотъ разсорился съ Мюллеромъ, заплативъ ему черною неблагодарностію; онъ приставилъ Шлёцера учителемъ къ гетманскимъ дѣтямъ, ввелъ его въ академію, и теперь хочетъ противопоставить ему, Ломоносову и въ занятіяхъ русскою исторіею, и даже русскимъ языкомъ: Шлёцеръ, по настоянію Тауберта, уже написалъ русскую грамматику. Самую сильную выходку сдѣлалъ Ломоносовъ противъ этой грамматики: «Хотя всякъ рос-

сійскому языку искусный легко усмотрѣть можетъ, сколь много нестерпимыхъ погрѣшностей въ сей безпорядочной грамматикѣ находится, показующихъ сочинителевы великіе недостатки въ таковомъ дѣлѣ; но больше удивится его неразсудной наглости, что зная свою слабость и вѣдая искусство, труды и успѣхи въ словесныхъ наукахъ природныхъ Россіянъ, не обинуясь приступилъ къ этому, и какъ бы нѣкоторый пигмей поднялъ альпійскія горы. Но больше всего оказывается не токмо незнаніе, но и сумазбродство въ произведеніи словъ россійскихъ». Приводя нѣсколько словопроизводствъ, Ломоносовъ заключаетъ: «Изъ сего заключить можно, какихъ гнусныхъ пакостей не наколобродитъ въ россійскихъ древностяхъ такая допущенная въ нихъ скотина». Мюллеръ въ своемъ отзывѣ нисколько не отрицалъ достоинствъ Шлёцера; онъ настаивалъ на одно, что этотъ ученый непроченъ академіи и Россіи: «Если онъ обяжется служить два, три, пять, положимъ десять лѣтъ, то чѣмъ долговременнѣе будетъ его пребываніе въ Россіи, тѣмъ больше онъ добудетъ въ свои руки извѣстій о ней, которыми, по возвращеніи въ Германію, онъ воспользуется съ большою для себя выгодою: но я не вижу, что же выйдетъ изъ этого для чести и пользы Россіи»?

Шлёцеръ подалъ просьбу самой императрицѣ объ отпускѣ за границу, и въ концѣ просьбы испрашивалъ всемилостивѣйшаго соизволенія продолжать начатые труды «подъ собственнымъ ея величества покровительствомъ, въ безопасности отъ притѣсненій и всякаго рода препятствій, обработать прагматически древнюю русскую исторію отъ начала монархіи до пресѣченія Рюрикова дома, по образцу всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ, согласно съ вѣчными законами исторической истины и добросовѣстно какъ слѣдуетъ вѣрнѣйшему ея величества подданному. Въ случаѣ же, если онъ, Шлёцеръ не будетъ имѣть счастія достигнуть этого лучшаго изъ своихъ желаній, да удостоится онъ и по отъѣздѣ своемъ пребывать въ связи съ академіею ея величества въ качествѣ иностраннаго члена пансіонера». Просьба была подана чрезъ генералъ-рекетмейстера Козлова, котораго сынъ учился у Шлёцера въ академіи X-й линіи, и перешла на разсмотрѣніе къ Теплову, котораго сынъ учился тамъ же. Оба, и Козловъ, и Тепловъ имѣли полную возможность убѣдительно представить Екатеринѣ блестящія способности и богатыя

ученыя средства Шлёцера, необходимость удержать такого человѣка на пользу русскаго просвѣщенія, и слѣдствіемъ было то, что Шлёцеръ былъ сдѣланъ ординарнымъ профессоромъ русской исторіи съ жалованьемъ по 860 рублей и съ условіемъ, что свои работы онъ долженъ представлять ея императорскому величеству, или кому отъ ея величества разсмотрѣніе оныхъ поручено будетъ [149].

Если мы теперь отъ старой относительно академіи наукъ съ ея постоянною борьбою между русскими и иностранными членами, перейдемъ къ новорожденному университету московскому, то насъ здѣсь остановитъ любопытное явленіе: только двое профессоровъ русскихъ, Поповскій и Барсовъ, начавшіе свое образованіе въ московскихъ духовныхъ школахъ и окончившіе его при академіи наукъ, послѣ къ нимъ присоединился магистръ Савичъ; всѣ остальные иностранцы. Поповскій преподавалъ философію и краснорѣчіе и сталъ извѣстенъ преимущественно переводомъ (съ французскаго) знаменитой въ свое время поэмы Попе: «Опытъ о человѣкѣ». Поповскій, трудясь надъ переводомъ «Опыта» и люди, дававшіе важное значеніе переводу и ставившіе его въ большую заслугу Поповскому, платили дань вѣку. «Опытъ о человѣкѣ» есть написанное гладкими стихами длинное разсужденіе, гдѣ изложено ученіе англійскихъ поклонниковъ разума, ученіе, которое французскіе писатели, Вольтеръ съ товарищами, распространили по всей Европѣ. О человѣкѣ изъ поэмы Попе можно было узнать, что въ дѣтскомъ возрастѣ для человѣка нужны игрушки, въ зрѣломъ мундиры и орденскія ленты, а въ старческомъ молитвенники — и все это имѣетъ одно и то же значеніе. Развитіе человѣка начинается съ подражанія животнымъ, которыя учатъ его искусствамъ, а религіозное чувство есть произведеніе страха. Деспотизмъ и свобода имѣютъ одинъ источникъ—себялюбіе; въ человѣческой природѣ господствуютъ два начала—себялюбіе и разумъ: себялюбіе побуждаетъ, а разумъ сдерживаетъ. Синодальная цезура передѣлала много стиховъ въ переводѣ Поповскаго, не заботясь о цензурѣ. Эти стихи напечатаны были крупнымъ шрифтомъ. Второй трудъ Поповскаго былъ также переводъ Локковой книги о воспитаніи. Другой русскій профессоръ, Барсовъ началъ преподаваніемъ математики, а

кончилъ преподаваніемъ русской словесности; Савичъ преподавалъ географію.

Съ 1756 года начали наѣзжать въ Москву иностранные профессора, такъ что университетъ для ихъ помѣщенія выхлопоталъ себѣ право имѣть собственную гостинницу [150]. Московская публика знакомилась съ новымъ учрежденіемъ посредствомъ публичныхъ актовъ, которые бывали довольно часто: передъ началомъ и концомъ курса и въ высокоторжественные дни. На этихъ актахъ кромѣ чтенія рѣчей профессорами, устраивались диспуты между студентами подъ руководствомъ профессоровъ. Такъ 17 декабря 1758 года на актѣ былъ диспутъ изъ натуральной теологіи на латинскомъ языкѣ подъ руководствомъ профессора теологіи Фромана [151]. Наконецъ публика могла входить въ связь съ университетомъ посредствомъ публичныхъ курсовъ (которые тогда назывались приватными, а университетскіе курсы для студентовъ назывались публичными). Профессоръ Дильтей немедленно по пріѣздѣ своемъ въ 1756 году объявилъ приватныя лекціи о правѣ натуральномъ на французскомъ языкѣ съ обѣщаніемъ весь курсъ окончить въ полгода. Въ 1761 году Дильтей читалъ публичныя лекціи о естественномъ правѣ, геральдикѣ, исторіи и географіи; цѣна каждому курсу была 12 рублей, съ неимущихъ же никакого платежа не требовалось. Въ 1762 году Дильтей объявилъ что начнетъ приватныя историческія лекціи на французскомъ языкѣ и обучать будетъ универсальной исторіи и хронологіи отъ сотворенія свѣта до Р. Х. Но чтобъ не терять времени въ писаніи оныхъ уроковъ, то онъ сочинилъ и перевелъ свои историческія лекціи и издалъ ихъ въ печать по два рубля экземпляръ. А ежели любители наукъ сею книжкою пользоваться пожелаютъ, не слушая толкованія, то оные имѣютъ прислать два рубля въ домъ помянутаго профессора съ изъявленіемъ своего имени и ранга, почему немедленно получатъ три первые листа. Дильтей сначала составлялъ одинъ весь юридическій факультетъ, и только съ 1764 года видимъ другого профессора юриста Лангера. Въ 1765 году Дильтей имѣлъ большія непріятности въ университетѣ; отъ него хотѣли избавиться, наряжено было слѣдствіе, причемъ главный упрекъ состоялъ въ нерадѣніи. Дильтей, съ своей стороны, указывалъ, что въ послѣднее время у него былъ одинъ только студентъ, что для успѣш-

наго преподаванія русской юриспруденціи необходимо прежде положить основанія въ изученіи права естественнаго и римскаго, и русскіе законы расположить въ какой-нибудь системѣ, причемъ излагать ихъ должны русскіе профессора на русскомъ языкѣ. Дѣло дошло до императрицы Екатерины, которая именнымъ указомъ велѣла оставить Дильтея въ университетѣ.

Въ медицинскомъ факультетѣ сначала былъ также одинъ профессоръ Керштенсъ, читавшій врачебное веществословіе; въ 1764 году поступилъ Эразмусъ, первый открывшій каѳедру анатоміи, хирургіи и повивальнаго искусства; для его лекцій былъ устроенъ анатомическій театръ; но полиція не хотѣла исполнять требованій университетскаго начальства, не доставляла труповъ.

Въ 1757 году читался въ университетѣ на французскомъ языкѣ курсъ экспериментальной физики аббатомъ Франкози: «Собраніе было немалое любителей наукъ, между которыми находились и дамскія персоны» [152].

Въ обѣихъ гимназіяхъ было 36 учителей: 16 русскихъ и 20 иностранцевъ. О преподаваніи въ этихъ гимназіяхъ мы имѣемъ нѣсколько извѣстій въ запискахъ Фонъ-Визина, бывшаго однимъ изъ первыхъ учениковъ университета. Здѣсь, для уразумѣнія словъ Фонъ-Визина, надобно замѣтить, что гимназіи были слиты съ университетомъ и объ ученикѣ, проходившемъ гимназическій курсъ, говорилось, что онъ учится въ университетѣ. «Самая справедливость, говоритъ Фонъ-Визинъ, велитъ мнѣ предварительно признаться, что нынѣшній (т.-е. позднѣйшій) университетъ уже не тотъ какой при мнѣ былъ. Учители и ученики совсѣмъ нынѣ другихъ свойствъ, и сколько тогдашнее положеніе сего училища подвергалось осужденію, столь нѣнѣшнее похвалы заслуживаетъ. Я скажу въ примѣръ бывшій намъ экзаменъ въ нижнемъ латинскомъ классѣ. Накапунѣ экзамена дѣлаютъ приготовленіе; вотъ въ чемъ оно состоитъ: учитель нашъ пришелъ въ кафтанѣ, на коемъ было пять пуговицъ, а на камзолѣ четыре; удивленный сею странностію, спросилъ я учителя о причинѣ. «Пуговицы мои вамъ кажутся смѣшны, говорилъ онъ, но онѣ суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтанѣ значутъ пять склоненій, а на камзолѣ четыре спряженія; и такъ, продолжалъ онъ, ударя по столу рукою, извольте слушать всѣ, что говорить стану. Когда станутъ спрашивать о какомъ-нибудь

имени, какого склоненія, тогда примѣчайте, за которую пуговицу я возьмусь: если за вторую, то смѣло отвѣчайте: втораго склоненія. Съ спряженіями поступайте, смотря па мои камзольныя пуговицы, и никогда ошибки не сдѣлаете. Вотъ каковъ былъ экзаменъ нашъ! Тогдашній нашъ инспекторъ покровительствовалъ одного Нѣмца, который принятъ былъ учителемъ географіи. Учениковъ у него было только трое. Но какъ учитель нашъ былъ тупѣе прежняго латинскаго, то пришелъ на экзаменъ съ полнымъ партищемъ пуговицъ, и мы слѣдственно экзаменованы безъ всякаго приготовленія. Товарищъ мой спрошенъ былъ: Куда течетъ Волга? «Въ Черное море», отвѣчалъ онъ; спросили о томъ же другаго моего товарища: «въ Бѣлое», отвѣчалъ тотъ; сей же самый вопросъ сдѣланъ былъ мнѣ: «не знаю», сказалъ я съ такимъ видомъ простодушія, что экзаменаторы единогласно мнѣ медаль присудили. Какъ бы то ни было, я долженъ съ благодарностію воспоминать университетъ. Ибо въ немъ, обучась полатыни, положилъ основаніе нѣкоторымъ моимъ знаніямъ. Въ немъ научился я довольно нѣмецкому языку; и паче всего въ немъ получилъ я вкусъ къ словеснымъ наукамъ.... Въ бытность мою въ университетѣ учились мы весьма безпорядочно. Ибо съ одной стороны причиною тому была ребяческая лѣность, а съ другой—нерадѣніе и пьянство учителей. Ариѳметическій нашъ учитель пилъ смертную чашу, латинскаго языка учитель былъ примѣръ злонравія, пьянства и всѣхъ подлыхъ пороковъ; но голову имѣлъ преострую, и какъ латинскій, такъ и россійскій языкъ зналъ очень хорошо». У Фонъ-Визина встрѣчаемъ также извѣстіе о курсѣ Шадена, бывшаго ректоромъ гимназіи: «Сей ученый мужъ имѣетъ отмѣнное дарованіе преподавать лекціи и изъяснять такъ внятно, что успѣхи наши были очевидны». Шаденъ преподавалъ логику на латинскомъ языкѣ [153].

Фонъ-Визинъ поминаетъ университетъ добромъ за то, что выучился въ немъ хорошо по-латыни и *довольно* нѣмецкому языку. Но другіе воспитанники университета не могли похвалиться послѣднимъ. Когда генералъ-поручикъ Корфъ, управлявшій во время Семилѣтней войны завоеванною провинціею Пруссіею, потребовалъ присылки къ нему молодыхъ людей, которые могли бы служить при немъ переводчиками французскаго, нѣ-

мецкаго и польскаго языковъ, то правительство обратилось въ университетъ, и тотъ выслалъ въ Кёнигсбергъ четырехъ студентовъ и шесть человѣкъ учениковъ. Но когда они пріѣхали въ Кёнигсбергъ, то Корфъ нашелъ, что въ переводчики они не годятся да и ни къ какимъ должностямъ опредѣлить ихъ нельзя по незнанію нѣмецкаго языка, притомъ же ученики несовершеннолѣтніе и только начали учиться. Губернаторъ назадъ отсылать ихъ не заблагоразсудилъ, и распорядился такимъ образомъ: «пріемля въ разсужденіе, что оные студенты и ученики какъ уже нѣсколько лѣтъ обучались и на то не малый коштъ употребленъ, приказалъ обучаться имъ наукамъ въ Кёнигсбергѣ во всемъ какъ и прочіе тамъ студенты и ученики употребляются, и жалованья давалось студентамъ по 90, а ученикамъ по 50 рублей въ годъ» [154].

Сравнительно университетъ стоялъ высоко, несмотря на свою юность; лучшіе молодые люди изъ окончившихъ курсъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ отсылались въ университетъ для дальнѣйшаго образованія: такъ въ 1756 году сенатъ приказалъ кадетскаго корпуса капралу Кожину, за хорошее его обученіе противъ прочихъ выпущенныхъ изъ корпуса капраловъ, дать чинъ подпоручика и отослать въ московскій университетъ по требованію куратора Шувалова [155]. Университетъ долженъ былъ увеличить число приготовленныхъ молодыхъ людей русскихъ для такихъ занятій, для какихъ до сихъ поръ употреблялись иностранцы. Въ 1761 году медицинская канцелярія напечатала въ газетахъ приглашеніе иностранцамъ отдавать дѣтей своихъ для обученія хирургіи: сенатъ велѣлъ призвать главнаго доктора въ медицинской канцеляріи Лерха и секретаря и внушить имъ, что объявленіе въ вѣдомостяхъ сдѣлано очень неосновательно и чтобъ впередъ въ такихъ дѣлахъ поступали осторожно, ибо для обученія хирургіи можно сыскать довольно и русскихъ людей, какъ-то изъ Московскаго университета, изъ академіи наукъ, изъ семинарій и другихъ училищъ, гдѣ преподается латинскій языкъ [156]. До сихъ поръ каждая коллегія имѣла свою школу, образовывала для себя молодыхъ людей, носившихъ названіе юнкеровъ. Въ 1763 году вышелъ указъ: въ сенатѣ и прочихъ мѣстахъ юнкеровъ не имѣть, а наличныхъ всѣхъ изъ дворянъ помѣстить въ сухопутный и морской корпуса, а не изъ дворянъ въ мо-

сковскій университетъ, а другихъ, которые по лѣтамъ не могутъ ученія продолжать, въ военную и гражданскую службу по способностямъ [157].

Но чтобъ университетъ какъ можно скорѣе могъ удовлетворить потребностямъ разныхъ мѣстъ имѣть образованныхъ русскихъ людей, считали необходимымъ увеличивать льготами число воспитанниковъ университета. Многимъ родителямъ препятствовала отдавать дѣтей въ университетъ мысль, что въ то время когда молодой человѣкъ будетъ заниматься науками, ровесники его, поступя прямо на службу, опередятъ его чинами. Поэтому на другой же годъ по основаніи университета, 17 мая 1756 года состоялся указъ, которымъ позволено недорослямъ изъ шляхетства, бывшимъ въ указные сроки на смотрахъ, учиться въ университетѣ до 16 лѣтъ, и по склонности къ наукамъ и до 20; успѣвшихъ въ наукахъ повелѣно опредѣлять въ штатскіе чины, по достоинствамъ ихъ, и давать имъ ранги оберъ-офицеровъ арміи; о принимаемыхъ въ ученіе сноситься съ герольдіею; записаннымъ въ военную и гражданскую службу дозволялось въ одно и то же время учиться и числиться на службѣ съ производствомъ чиновъ; о тѣхъ же, которые сверхъ 20 лѣтъ желали изучать высшія науки, повелѣно представлять сенату. Въ 1761 году встрѣчаемъ случай, что сенатъ, прямо въ видахъ поощренія молодыхъ людей заниматься въ университетѣ, беретъ отличнаго студента къ себѣ въ канцелярію, что считалось особенно почетнымъ: «приказали: студенту Бражникову, за обученіе въ Московскомъ университетѣ на своемъ коштѣ наукъ и юриспруденціи и дабы другіе находящіеся въ томъ университетѣ студенты въ обученіи наукъ прилежаніе свое имѣть могли, дать чинъ коллежскаго регистратора и быть ему при дѣлахъ въ канцеляріи прав. сената» [158].

Университетъ снабженъ былъ библіотекой, которая была отворена для всѣхъ каждую среду и субботу отъ 2 до 5 часовъ. При университетѣ заведены были типографія и книжная лавка; синоду предписано было всю гражданскую часть духовной типографіи со всѣми ея инструментами и книгами, напечатанными гражданскою печатью, передать московскому университету. Книжная лавка, тотчасъ послѣ своего открытія, объявила, что она получила не малое число иностранныхъ книгъ. Кромѣ книгъ,

преимущественно учебныхъ, въ университетской книжной лавкѣ продавались математическіе инструменты англійской работы, микроскопы, телескопы, глобусы, камеръ-обскуры, рисовальныя книги, ландкарты и проч. Привилегированными университетскими *книгосодержателями* были Школярій и Веверъ. Съ 26 апрѣля 1756 года университетъ началъ издавать Московскія Вѣдомости.

Явились и частныя пожертвованія, Демидовыхъ и другихъ. Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1757 года встрѣчаемъ извѣстіе: «Мы живемъ въ такія счастливыя времена, въ которыя не только мужескій полъ, но и дамы крайнюю склонность показываютъ къ наукамъ. Примѣръ сему показала покойнаго дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Наумова супруга, Марья Михайловна, которая подарила въ университетъ 1000 рублевъ» [159].

Мы присутствовали при слабыхъ, бѣдныхъ зачаткахъ учрежденія, которому суждено было имѣть важное значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія; мы видѣли истокъ большой рѣки въ видѣ ничтожнаго болотнаго ручейка; мы слышали свидѣтельство одного изъ самыхъ даровитыхъ воспитанниковъ новорожденнаго учрежденія о недостаточности, о безпорядкахъ преподаванія въ немъ; но этотъ самый свидѣтель въ то же самое время говоритъ, что, несмотря на всѣ недостатки и безпорядки, онъ выучился двумъ языкамъ, древнему и новому, что̀ послужило средствомъ пріобрѣтенія другихъ познаній, слѣдовательно время ученія не прошло даромъ. Тотъ же Фонъ-Визинъ, говоря о пользѣ, полученной имъ отъ университета, прибавляетъ: «А паче всего въ немъ я получилъ вкусъ къ словеснымъ наукамъ». Мы еще обратимся въ послѣдствіи къ той роли, какую игралъ университетъ въ литтературномъ движеніи; но для насъ чрезвычайно важны слова Фонъ-Визина, что во время составленія его записокъ университетъ былъ уже не тотъ, какой былъ вначалѣ, «и сколько тогдашнее положеніе сего училища подвергалось осужденію, столь нынѣшнее похвалы заслуживаетъ». Для насъ важна эта способность и быстрота совершенствованія. Условія успѣха зависѣли отъ времени, въ какое былъ основанъ университетъ. Мы видѣли, что это было время, когда Россія пришла въ себя, заговорила, когда явилась литтература, страсть къ чтенію, къ театру, къ наукѣ; живые, даровитые люди наполнили университетъ, учрежденный въ чрезвычайно удобной мѣстности по ея

центральному положенію: отцы, подъ вѣяніемъ новаго духа, не медлили ни минуты отдавать туда своихъ сыновей, въ которыхъ усматривали способности. Легко понять, какое значеніе должно было имѣть это сосредоточеніе даровитой, возбужденной молодежи въ одномъ тѣсномъ кругу. Нѣкоторые, и не послѣдніе по дарованіямъ (Потемкинъ, Новиковъ), не выдержали до конца, при искушеніи, въ которое вводила самая безпорядочность преподаванія; но возбужденіе умственной дѣятельности осталось и выразилось разнымъ образомъ на различныхъ поприщахъ жизни. Что же касается возможности совершенствованія университета, совершенствованія преподаванія, то не надобно забывать, что Московскій университетъ былъ основанъ подъ вліяніемъ мысли, которой Ломоносовъ былъ такимъ неутомимымъ провозгласителемъ, мысли, что все въ Россіи должно существовать для русскихъ, для развитія русскихъ силъ, каждое учрежденіе должно какъ можно скорѣе наполняться русскими дѣятелями и снабжать ими другія младшія учрежденія. Отсюда, какъ только окажется даровитый и трудолюбивый студентъ, его отправляютъ въ заграничные университеты, чтобъ по возвращеніи на родину могъ быть профессоромъ, замѣнить иностранца-наемника. Въ 1765 году число русскихъ профессоровъ увеличилось воспитанниками Московскаго университета, возвратившимися изъ-за границы—Веніаминовымъ и Зыбелинымъ: оба читали на медицинскомъ фокультетѣ; двое другихъ—Десницкій и Третьяковъ, приготовлялись за границею къ занятію юридическихъ каѳедръ; Афонинъ для естественныхъ наукъ; Савичъ былъ отправленъ въ Казань, въ званіи профессора, командующаго гимназіями; но уже выдавались двое молодыхъ русскихъ ученыхъ, которые въ послѣдствіи заняли каѳедры при университетѣ—Аничковъ и Чеботаревъ. Иностранцы, несмотря на то, что составляли большинство, не имѣли силъ противодѣйствовать этому направленію, ибо оно настойчиво шло сверху. Шуваловъ внимательно наблюдалъ за тѣмъ, чтобъ въ его университетѣ не повторилось явленіе, за которое такъ сильно упрекали академію наукъ. Большинство иностранцевъ въ конференціи или совѣтѣ сдерживалось ближайшею властью директора, необходимаго именно въ слѣдствіе этого большинства иностранцевъ, и между директорами не было ни одного Шумахера или Тауберта. Иностран-

цы, несмотря на свое большинство вначалѣ, не были на своей почвѣ въ Москвѣ, а Русскіе, несмотря на меньшинство, были у себя дома, были родныя дѣти, хозяева.

Кромѣ двухъ гимназій въ Москвѣ, въ 1758 году открыта была, по настоянію Ив. Ив. Шувалова, гимназія въ Казани, самомъ важномъ городѣ восточной Россіи. О преподаваніи въ московскихъ гимназіяхъ мы привели свидѣтельство Фонъ-Визина; о преподаваніи въ Казанской гимназіи приведемъ свидѣтельство другой литтературной знаменитости, Державина. Но для сравненія начнемъ съ разсказа Державина о его образованіи въ Оренбургѣ до поступленія въ гимназію. По седьмому году онъ отданъ былъ учиться нѣмецкому языку къ сосланному за какую-то вину въ каторжную работу Іосифу Розѣ, у котораго учились мальчики и дѣвочки, дѣти лучшихъ людей, служившихъ въ Оренбургѣ. «Сей наставникъ, говоритъ Державинъ, кромѣ того, что нравовъ развращенныхъ, жестокъ, наказывалъ своихъ учениковъ самыми мучительными, но даже и неблагопристойными штрафами, о коихъ разсказывать было бы отвратительно, былъ самъ невѣжда, не зналъ даже грамматическихъ правилъ, а для того и упражнялъ только дѣтей твerженіемъ наизусть вокаболъ и разговоровъ и списываніемъ оныхъ». Въ Казанской гимназіи, по словамъ Державина, «преподавалось ученіе языкамъ: латынскому, французскому, нѣмецкому, ариѳметикѣ, геометріи, танцованію, музыкѣ, рисованію и фехтованію; однакоже, по недостатку хорошихъ учителей, едва ли съ лучшими правилами какъ и прежде (т.-е. у Розы). Болѣе жъ всего старались, чтобъ научить читать, писать и говорить сколько-нибудь по грамматикѣ, и быть обходительнымъ, заставляя сказывать на каѳедрахъ сочиненныя учителемъ и выученныя наизусть рѣчи; также представлять на театрѣ бывшія тогда въ славѣ Сумарокова трагедіи, танцовать и фехтовать въ торжественныхъ собраніяхъ при случаѣ экзаменовъ,—что сдѣлало питомцевъ хотя въ наукахъ неискусными, однакоже доставило людскость и нѣкоторую розвязь въ обращеніи» [160].

Что касается старыхъ учебныхъ заведеній, то для сухопутнаго кадетскаго корпуса въ 1765 году были изданы высочайше утвержденные пункты, въ которыхъ говорилось: «Всѣхъ тѣхъ воспитанниковъ, которымъ отъ роду 20 лѣтъ и болѣе, а при-

томъ добропорядочнаго поведенія, выпустить по ихъ достоинствамъ: которые кончили геометрію, могутъ переводить съ какого-нибудь языка, изучили хотя нѣкоторыя спеціальныя карты въ географіи, въ исторіи дошли до половины или до седьмого періода, умѣютъ на манежѣ школу ѣздить, фехтовать въ контру, такихъ выпустить прапорщиками. Которые изучили пять степеней высшихъ наукъ—тѣхъ выпускать подпоручиками, а которые изучили болѣе семи степеней, тѣхъ поручиками. Которые, по слабости здоровья, военной службы нести не могутъ, или сами пожелаютъ, выпускать въ гражданскую тѣми же чинами. Которые хорошаго поведенія, но не будутъ имѣть изъ предписанныхъ знаній и двухъ степеней, такихъ исключить изъ корпуса кадетами, званіе выше унтеръ и ниже оберъ-офицерскаго. Всякія тѣлесныя наказанія кадетамъ въ корпусѣ отрѣшить; наказаніе должно состоять въ пониженіи изъ разряда лучшихъ кадетъ въ разрядъ худшихъ; лучшимъ кадетамъ дать большее отличіе въ одеждѣ,пищѣ и выпускать съ высшими офицерскими чинами [161].

Учебныхъ заведеній было немного; но и въ этихъ немногихъ чувствовался недостатокъ въ учителяхъ, что видно изъ публикацій морского корпуса. Въ 1763 году онъ напечаталъ въ вѣдомостяхъ патріархальную публикацію: «Желающимъ опредѣлиться въ морской шляхетный кадетскій корпусъ въ учителя для преподаванія въ ономъ географіи, генеалогіи, французскаго языка и другихъ наукъ; также поставить на шитье гардемеринамъ епанечь синяго сукна, каразеи, подкладочнаго холста и синихъ гарусныхъ пуговицъ, явиться немедленно въ канцелярію означеннаго корпуса». Въ 1764 году новая публикація: «Въ морской кадетскій шляхетный корпусъ потребны: навигацкихъ наукъ профессоръ 1, корабельной архитектуры учитель 1, подмастерья 1, механикъ 1, подмастерье 1; для обученія словеснымъ наукамъ, философіи, географіи, генеалогіи, реторики и проч. учителей 3, дацкаго языка учитель 1, шведскаго учитель же 1, подмастерьевъ нѣмецкаго, французскаго, англійскаго, дацкаго и шведскаго языковъ, къ каждому языку по одному, переводчиковъ 2, танцмейстеръ 1, геодезіи учитель 1, геодезистовъ 3».

При Елисаветѣ, графъ Петръ Ив. Шуваловъ устроилъ въ Петербургѣ соединенную артиллерійскую и инженерную школу, и

въ 1760 году подалъ донесеніе въ сенатъ: «Въ 1745 году велѣно содержать въ Оренбургѣ инженерныхъ учениковъ 10 человѣкъ, и по обученіи въ тамошней школѣ производятся они въ кондукторы, въ которомъ чинѣ состоя съ прочими по списку наряду, производятся въ оберъ-офицеры; а такъ какъ въ тамошней школѣ обучаютъ только ариѳметикѣ, геометріи и части фортификаціи, въ учрежденной же имъ, Шуваловымъ, въ Петербургѣ соединенной артиллерійской и инженерной школѣ учатъ нѣмецкому и французскому языкамъ, исторіи, географіи, ариѳметикѣ, геометріи простой, алгебрѣ, коническимъ сѣченіямъ, механикѣ, гидравликѣ, эрометріи, архитектурѣ гражданской, географіи математической, химіи, основанію экспериментальной физики, натуральной гисторіи, военной экзерциціи, танцованію, артиллеріи, фортификаціи и фейерверочному искусству, то оренбургскіе съ петербургскими учениками никакъ сравниться не могутъ и первые съ обидою знающимъ производятся, слѣдовательно оренбургскихъ надобно опредѣлить въ здѣшнюю соединенную школу, дабы оные могли начатыя науки окончить и прочимъ обучиться». Сенатъ согласился [162].

Относительно воспитанниковъ духовныхъ училищъ въ 1765 году была принята любопытная мѣра: оберъ-прокуроръ синода, бывшій передъ тѣмъ директоромъ Московскаго университета, Мелиссино, предложилъ св. синоду высочайшую волю, состоявшую въ томъ, чтобы изъ обучающихся въ семинаріяхъ учениковъ, которые дошли уже до реторики и подаютъ хорошую надежду *въ понятіи* и предъ прочими взяли преимущество въ честныхъ поступкахъ, избрать десять человѣкъ для отправленія ихъ въ Англію, чтобы въ университетахъ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ, въ пользу государства, могли научиться высшимъ наукамъ и восточнымъ языкамъ, не выключая и богословія. А чтобъ они въ порядкѣ себя содержали, избрать инспекторами двухъ человѣкъ, которымъ бы можно было поручить попеченіе объ этихъ студентахъ. Нашлось болѣе 10 способныхъ учениковъ и охотниковъ изъ учителей, и одни изъ нихъ были отправлены въ Оксфордъ, другіе въ Гёттингенъ, третьи въ Лейденъ. Въ инструкціи посланнымъ въ Англію говорилось: «Обучаться вамъ греческому, еврейскому и французскому языкамъ; не упоминается о латинскомъ и англинскомъ, ибо латинскому уже обучились, въ

которомъ должны себя разговорами и чтеніемъ книгъ экзерцировать, а аглинскому языку самое обращеніе, а притомъ и преподаваемыя лекціи научать должны. Нѣмецкій языкъ и другіе восточные діалекты оставить всякому по произволенію. Всѣмъ обучаться моральной философіи, гисторіи, наипаче церковной, географіи и математическимъ принципіямъ, также и не пространной богословіи. Инспектору наблюдать, чтобъ ежедневно читаны были поутру утреннія, а ввечеру на сонъ грядущихъ молитвы. Въ воскресные и великихъ праздниковъ дни (понеже отъ церкви въ удаленіи будутъ) читать и пѣть нѣсколько псалмовъ, также прочесть того дня Апостолъ и Евангеліе. Въ сіи же дни читать на иностранныхъ языкахъ по порядку нѣсколько главъ изъ Ветхаго Завѣта по разсужденію инспектора, съ возможнымъ изъясненіемъ. Сего богослуженія должность тѣмъ съ большимъ усердіемъ совершать обязаны студенты, что они отсюду отправляются наибольше съ тѣмъ, чтобъ желаемою пользою услужить св. церкви. Дважды въ годъ, а по крайней мѣрѣ однова, на праздники Рождества Христова или св. Пасхи, ѣздить въ лондонскую грекороссійскую церковь для исповѣди и св. причастія, и ни мало не мѣшкая возвращаться. Всѣмъ вообще ходить на публичные диспуты и другія ученыя университетскія собранія, также и на проповѣди, прислушиваясь къ чистотѣ ихъ языка и проповѣдническаго штиля. При слушаніи тамошней богословіи могутъ случаться догматы, нашей церкви противные: инспектору надлежитъ заблаговременно ихъ лекціи разсмотрѣть, и ежелибъ такія противности случились, о томъ студентовъ въ осторожность съ истолкованіемъ увѣдомить, дабы слушаніе оныхъ имъ также служило впредь единымъ нужнымъ пастырскимъ свѣдѣніемъ разницы догматовъ между христіанскими исповѣданіями» [163].

Мы говорили до сихъ поръ объ училищахъ, учрежденныхъ государствомъ и находившихся подъ его надзоромъ. Но было еще ученіе домашнее, гдѣ недостатокъ надзора со стороны необразованныхъ родителей и недостатокъ учителей должны были вести къ очень печальнымъ явленіямъ. Въ Оренбургѣ, по свидѣтельству Державина, каторжникъ Роза училъ мальчиковъ и дѣвочекъ по-нѣмецки и обращался съ ними варварски; но такъ было не въ одномъ Оренбургѣ; въ обѣихъ столицахъ, не только

въ областяхъ, брали къ дѣтямъ или отдавали дѣтей въ частные пансіоны всякому иностранцу, безъ возможности повѣрки его знанія и нравственности. Правительство должно было вмѣшаться въ дѣло, и по указу 5 мая 1757 года иностранцы, желавшіе поступать въ домашніе учителя или заводить частныя школы, должны были держать экзаменъ въ Петербургѣ въ Академіи наукъ, а въ Москвѣ — въ университетѣ. Чтобъ показать, кто и чему училъ въ частныхъ школахъ, приведемъ нѣсколько объявленій объ открытіи такихъ школъ въ обѣихъ столицахъ. Въ Петербургѣ въ 1757 году г. де-Лаваль объявилъ, что съ женою своею намѣрены принимать къ себѣ дѣвицъ для обученія французскому языку, географіи, исторіи, рисованію и ариѳметикѣ. Тогда же два ученыхъ Француза съ однимъ Нѣмцемъ, безъ означенія своихъ именъ, объявили, что принимаютъ къ себѣ дѣтей для обученія французскому и нѣмецкому языкамъ и наукамъ совсѣмъ новымъ, легкимъ и краткимъ способомъ, а жены ихъ служанокъ обучаютъ мыть, шить и экономіи. Содержатель школы Сосеротте объявилъ, что получилъ отъ академіи наукъ аттестатъ въ искусствѣ и способности обучать людей публично исторіи, географіи, употребленію глобуса, митологіи, геральдикѣ, французскому штилю, начальнымъ основаніямъ въ латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ и ариѳметики. У него для начинающихъ учиться будутъ въ классахъ подмастерья; притомъ онъ также для желающихъ составлять будетъ на всѣхъ тѣхъ трехъ языкахъ просительныя и другія письма. Въ 1758 году двѣ француженки, не говоря своихъ именъ, объявили, что намѣрены содержать французскую школу для женщинъ, которыя притомъ обучаемы быть имѣютъ правоученію, исторіи, географіи, также ежели кто пожелаетъ, ариѳметикѣ, музыкѣ, танцованію, рисованію, доброму домостроительству и прочему, что требуется къ воспитанію честныхъ женщинъ. Французскій комедіантъ Пьеръ Рено объявилъ, что принимаетъ къ себѣ молодыхъ людей для обученія французскому языку, танцованію и пѣнію. Француженка Риншаръ объявила, что принимаетъ къ себѣ дѣвицъ для обученія французскому и нѣмецкому языкамъ, исторіи, географіи, ариѳметикѣ и прочему и что касается до добраго воспитанія. Въ 1761 году находимъ такое объявленіе: «На Петербургской сторонѣ, за инженернымъ корпусомъ, въ домѣ Розен-

баума обучаются дѣвицы нѣмецкому и французскому языкамъ, также домосодержанію и что къ тому принадлежитъ, за что съ нихъ берется платы напередъ по 100 рублевъ съ каждой». Отъ русскихъ встрѣчаемъ только два объявленія: Въ 1760 году знаменитаго Тредіаковскаго, который объявилъ, что намѣренъ принимать къ себѣ дѣтей въ пансіонъ и безъ пансіона, для обученія французскому и латинскому языкамъ и переводить съ оныхъ на россійскій, также праву натуральному, исторіи и географіи, о чемъ охотники съ нимъ самимъ обстоятельнѣе изъясниться могутъ. А въ 1763 году объявилъ Московскаго университета учитель, Антонъ Любанскій, что намѣренъ обучать юношество приватно ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи и алгебрѣ, также латинскому языку, россійскому правописанію и географіи. Въ томъ же году встрѣчаемъ такія объявленія: «У учителя Стиллау имѣются для продажи разныя иностранныя книги; оный же учитель принимаетъ на свое содержаніе дѣвицъ для обученія французскому и нѣмецкому языкамъ, также шить и кружева плесть».— Учитель Шарль Мовэ обучаетъ пенсіонеровъ обоего пола нѣмецкому, латинскому и французскому языкамъ, также ариѳметикѣ, геометріи, исторіи, рисовать и играть на клавирѣ.

Въ Москвѣ въ 1758 году мадамъ де Мога объявила: если кто пожелаетъ отдать своихъ дѣтей дѣвицъ на ея содержаніе для обученія французскаго языка и географіи, то она не преминетъ удовольствовать, показывая притомъ благородные поступки, пристойные къ ихъ природѣ. Въ 1760 году мадамъ Сиринъ начала обучать малыхъ дѣтей обоего пола французскому и нѣмецкому языкамъ, читать, писать, рисовать, также убирать на головѣ и другимъ приличнымъ къ воспитанію женскаго пола вещамъ. Въ 1761 году французскій учитель Эрье намѣренъ былъ обучать дворянство по-французски, географіи, политикѣ, ариѳметикѣ, геометріи, фортификаціи, архитектурѣ.

Одна академическая гимназія въ Петербургѣ, три или четыре военныхъ училища, двѣ гимназіи въ Москвѣ и одна въ Казани, вотъ всѣ средства, которыми располагало свѣтское образованіе въ Россіи. Больше училищъ завести было нельзя, ибо прежде всего негдѣ было взять для нихъ учителей, и нужда заставляла частныхъ людей обращаться къ первому иностранцу, который объявилъ себя способнымъ чему-нибудь выучить дѣтей ихъ.

Но тутъ была еще другая сторона: во всѣхъ приведенныхъ нами объявленіяхъ ни одинъ педагогъ не заявлялъ, что въ его школѣ будетъ преподаваться законъ Божій по ученію православной церкви. Церковь должна была обратить на это вниманіе. Въ 1764 году сенатъ, слушавъ вѣдѣніе синода, напоминавшее что Елисаветинскими указами 1743 и 1744 годовъ велѣно дворянамъ и разнаго званія людямъ обучать дѣтей своихъ прежде обученія русскимъ книгамъ, букварю и катехизису и упражнять въ чтеніи церковныхъ книгъ, дабы узнавъ чрезъ это христіанскую должность и догматы православной вѣры, могли право поступать и охранять себя отъ иновѣрныхъ развратниковъ, и если кто въ назначенное время явится не искусенъ въ толкованіи букваря и катехизиса, такихъ, пока не обучатся, не повышать въ чины, а родителей и опекуновъ штрафовать. Сенатъ отвѣчалъ: «Понеже нынѣ между многими другими, о пользѣ народной неусыпными стараніями, воспослѣдовали новыя наиполезнѣйшія о воспитаніи и обученіи россійскаго юношества учрежденій, въ коихъ главнымъ пунктомъ положено вселять ученіемъ страхъ Божій, законъ Его и благочестіе купно съ любовію къ добродѣтелямъ и похвальному житію, и таковыя воспитательныя училища сверхъ прежнихъ какъ въ С.-Петербургѣ при академіи художествъ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, такъ и во всѣхъ губерніяхъ учредить, и данною ея императорскимъ величествомъ духовной коммиссіи инструкціею особо повелѣно во всякой епархіи при домахъ архіерейскихъ имѣть училищные домы и учредить въ двухъ или трехъ монастыряхъ каждой епархіи малыя гимназіи съ тѣмъ, дабы о семъ, яко главномъ дѣлѣ Божіи и первомъ способѣ къ насажденію плодовъ духовныхъ всеприлежнѣйше подумать и когда соотвѣтствующими сему стараніями святѣйшаго правительствующаго синода безъ сомнѣнія желанные въ томъ успѣхи послѣдуютъ, то тѣмъ самымъ вышеписанное святѣйшаго синода богоугодное намѣреніе совершенно исполнится».

Ловко отписались. Но въ концѣ того же года пришло напоминовеніе о томъ же предметѣ не отъ синода, а отъ свѣтскаго учрежденія, и пришло изъ тѣхъ мѣстъ, откуда явился Ломоносовъ. Архангельскій губернскій магистратъ прислалъ въ сенатъ доношеніе гражданина Василья Крестинина, опредѣленнаго магистратомъ наблюдать за исполненіемъ указа 743 года о обу-

ченіи всякаго чина дѣтей грамотѣ, букварю и катехизису. Крестининъ указывалъ на необходимость заведенія малыхъ школъ, въ которыхъ обучались бы всякаго чина и обоего пола дѣти въ городѣ, всѣ безъ исключенія, достаточные вносили бы извѣстную сумму денегъ за обученіе, а за бѣдныхъ долженъ платить учителямъ жалованье магистратъ. Архангельскій магистратъ, признавая предложеніе Крестинина полезнымъ, просилъ сенатъ, чтобъ въ слѣдующемъ 1765 году начать по всѣмъ городамъ россійскаго отечества обученіе катехизису. Сенатъ рѣшилъ поднести императрицѣ докладъ съ представленіемъ: 1) Такія малыя школы учредить на первый разъ въ городѣ Архангельскѣ, а для примѣра прочимъ городамъ публиковать объ этомъ съ пристойною похвалою архангельскому магистрату и Крестинину, чтобъ и другіе магистраты и граждане были поощрены. 2) Сочиненіе Өеофана Прокоповича «Краткое ученіе» напечатать, и азбуку сочиня такую, какую предлагаетъ Крестининъ, напечатать же отъ святѣйшаго синода, а къ ней приложить правила Ивана Гартунга, изданныя въ Кёнигсбергѣ, равно какъ и выбранныя ректоромъ Гибнеромъ библейскія священныя исторіи перевести на русскій языкъ въ академіи наукъ и отослать для освидѣтельствованія въ святѣйшій синодъ и немедленно по напечатаніи разослать въ школы. 3) Для учителей сочинить общее наставленіе [164].

Сенатъ въ отвѣтѣ своемъ синоду указывалъ на вновь учрежденное училище въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ Петербургѣ. Это было женское училище, извѣстное подъ именемъ Смольнаго монастыря, учрежденное въ 1764 году. Училище раздѣлялось такимъ образомъ: первый возрастъ отъ 6 до 9 лѣтъ; здѣсь учебные предметы: 1) исполненіе закона и катехизисъ, 2) всѣ части воспитанія и благонравія, 3) россійскій, 4) иностранные языки, 5) ариөметика, 6) рисованіе, 7) танцованіе, 8) музыка вокальная и инструментальная, 9) шитье и вязанье всякаго рода. Второй возрастъ отъ 9 до 12 лѣтъ; предметы занятій: продолженіе всего прежняго и сверхъ того: географія, исторія, нѣкоторая часть экономіи или домостроительства. Третій возрастъ: отъ 12 до 15 лѣтъ: продолженіе всего прежняго, притомъ словесныя науки, къ коимъ принадлежитъ чтеніе историческихъ и нравоучительныхъ книгъ, 2) часть архитектуры и геральдики;

3) зачинаютъ дѣйствительно вступать въ экономію по очереди. Четвертый возрастъ отъ 15 до 18 лѣтъ: 1) знаніе совершенное закона, 2) всѣ правила добраго воспитанія, благонравія, свѣтскаго обхожденія и учтивости, 3) повтореніе всего прежняго, въ чемъ совершеннаго знанія еще не имѣютъ. 4) Во всѣ части экономіи дѣйствительно вступаютъ по очереди.

Роль Ив. Ив. Шувалова относительно просвѣщенія, заведенія училищъ, при новой императрицѣ перешла къ Ивану Ивановичу Бецкому, имя котораго уже нѣсколько разъ нами упоминалось. Долгое пребываніе Бецкаго за границею, наблюденіе тамошнихъ учрежденій для просвѣщенія, а главное — преданность такъ называемому просвѣтительному движенію на западѣ, дружба съ его вождями, между прочимъ съ знаменитою Жоффрэнъ дали ему большое значеніе въ Петербургѣ по возвращеніи его изъ-за границы. Главный директоръ канцеляріи строеній при Петрѣ III, Бецкій, естественно приближался, дѣлался домашнимъ человѣкомъ при Екатеринѣ II-й, такъ любившей поговорить съ бывалымъ на западѣ, образованнымъ человѣкомъ, какихъ около нея было немного. Бецкій подалъ мысль объ учрежденіи въ Москвѣ воспитательнаго дома на пожертвованія частныхъ людей; это учрежденіе отдано въ его главное завѣдываніе, равно какъ и Смольный монастырь. Екатерина въ письмахъ къ Жоффрэнъ, такъ говоритъ объ отношеніяхъ своихъ къ Бецкому и о его дѣятельности при описаніи своего дня: «Я встаю всегда въ 6 часовъ утра, читаю и пишу одна до 8; потомъ приходятъ ко мнѣ съ докладами, и это продолжается до 11 часовъ и болѣе, послѣ чего я одѣваюсь. По воскресеньямъ и праздникамъ я хожу къ обѣднѣ, а въ другіе дни выхожу въ пріемную комнату, гдѣ обыкновенно дожидается меня цѣлая толпа людей; поговоривъ съ ними полчаса или три четверти, сажусь за столъ, а по выходѣ изъ-за него является *гадкій генералъ* (Бецкій) для моего наученія, беретъ книгу, а я свою работу. Наше чтеніе, если не прервется приходомъ писемъ или другими препятствіями, продолжается до пяти часовъ съ половиною, затѣмъ я иду въ театръ, или играю въ карты или болтаю съ кѣмъ-нибудь до ужина, который оканчивается до 11 часовъ, когда я ложусь спать. Не сердитесь на генерала (Бецкаго), котораго вы такъ браните (вѣроятно за то, что не пишетъ): дѣйствительно, онъ страшно за-

нятъ не только служебными дѣлами (по канцеляріи строеній), но еще множествомъ новыхъ учрежденій и проектовъ, мы его зовемъ дѣтскимъ магазиномъ». На этомъ письмѣ Жоффрэнъ написала: «Императрица называетъ гадкимъ генераломъ (le vilain général) генерала Бецкаго, своего любимца: это очень любезный человѣкъ, который часто пріѣзжалъ въ Парижъ и подолгу здѣсь оставался. Онъ мой другъ».

Въ другомъ письмѣ, благодаря Жоффрэнъ за присылку маленькаго столика, Екатерина говоритъ, что и онъ будетъ заваленъ бумагами и всякими вещами, какъ и всѣ другіе, и болѣе всѣхъ виноватъ въ этомъ генералъ (Бецкій): «Онъ начнетъ съ того, что положитъ на столъ свою книгу и увеличительное стекло, потомъ какой-нибудь планъ, нѣсколько свертковъ, конверты, письма, наконецъ камни граненые и неграненые, часто кладетъ вещи, которыя нашелъ на улицѣ, и онъ же потомъ мнѣ говоритъ: «Ахъ, государыня, никогда у васъ не найдешь уголка, гдѣ бы можно положить что-нибудь».

Частыя поѣздки за границу и долгое пребываніе тамъ, какъ видно, оказали вліяніе на Бецкаго: русскимъ людямъ не нравилось пристрастіе Бецкаго къ иностранному; многое въ его учрежденіяхъ находили не серіознымъ, мелочнымъ, бьющимъ на внѣшность. Порошинъ, въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ, говоритъ: «Никита Ивановичъ ѣздилъ сего вечера въ воспитательное училище при академіи художествъ; тамъ былъ экзаменъ или какія-то игрушки мнимаго россійскаго Кольберта»[165]. Сумароковъ, по своему характеру, выражался рѣзче: «Александръ Петровичъ, пишетъ тотъ же Порошинъ, разговорясь съ Никитою Ивановичемъ (Панинымъ) о г. Кювильи, говорилъ, что онъ такая бестія и такая невѣжа, какой другой нѣтъ въ Россіи. Какъ Никита Ивановичъ сказалъ ему, что Ив. Ив. Бецкій г. Кювильи очень доволенъ и увѣряетъ, что онъ въ новыхъ его учрежденіяхъ весьма много ему споспѣшествуетъ, то Александръ Петровичъ говорилъ на то: «Таковы-то вотъ и учрежденія! Вы конечно о нихъ, какъ разумный человѣкъ, по одной наружности судить не будете. Кювильи надобно метлами отсюда вонъ выгнать, а Бецкова подъ присмотромъ прямо разумнова и основательнаго человѣка опредѣлить на мѣсто Кювильи, смотрѣть, чтобъ мальчики хорошо были одѣты и комнаты у нихъ вычищены». Еще примолвилъ

Александръ Петровичъ: «Есть де нѣкто г. Таубертъ: онъ смѣется Бецкому, что робятъ воспитываетъ на французскомъ языкѣ. Бецкій смѣется Тауберту, что онъ робятъ въ училищѣ, которое недавно заведено при академіи, воспитываетъ на языкѣ нѣмецкомъ; а мнѣ кажется, и Бецкій и Таубертъ оба дураки: должно дѣтей въ Россіи воспитывать на языкѣ россійскомъ» [166].

Сумароковъ былъ по прежнему на первомъ планѣ какъ драматическій писатель. Но онъ не довольствовался этою дѣятельностію, и въ описываемое время является какъ журналистъ. Въ 1759 году въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ появилось объявленіе: «Отъ начала сего 1759 года по прошествіи каждаго мѣсяца будетъ выходить журнальная книжка на четырехъ листахъ. Цѣна въ годъ по два рубля съ полтиною. Продаваться будетъ въ Милліонной у книгопродавца Миллера. Инако продаваны не будутъ какъ тѣмъ, которые подпишутся на весь годъ, заплативъ деньги. Журналъ сей называется *Трудолюбивая Пчела*». Издателемъ былъ Сумароковъ. Содержаніемъ журнала служили оригинальныя и переводныя стихотворенія; переводы изъ классиковъ, особенно изъ Овидія, причемъ стихи часто переводятся прозою; разсужденія, напримѣръ о пользѣ миѳологіи, о двухъ главныхъ добродѣтеляхъ, которыя писателю исторіи имѣть необходимо должно, т.-е. объ искренности и несуевѣрномъ богопочитаніи. Пропущены еще кой-какія главныя качества, и слѣдствіе этого пропуска представила сама «Трудолюбивая Пчела» въ своихъ историческихъ разсказахъ, которыми поучала своихъ невинныхъ читателей. Одинъ разсказъ носитъ названіе: «О первоначаліи и созданіи Москвы», и заключаетъ въ себѣ извѣстіе о пустынникахъ Подонѣ и Сарѣ, отъ которыхъ крутицкіе архіереи въ Москвѣ назывались Сарскими и Подонскими. Въ томъ же духѣ самъ Сумароковъ написалъ статейку подъ названіемъ «Россійскій Виѳлеемъ», подъ которымъ разумѣлъ село Коломенское, гдѣ будто бы родился Петръ Великій; авторъ говоритъ, что городъ Коломна назывался прежде Колонна и построена итальянскимъ выходцемъ, членомъ знаменитой фамиліи Колонна.

Но гораздо выгоднѣе выставляется передъ нами издатель въ статьяхъ другого рода, къ которому у него было больше призванія. Такова его статья «О истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка». «Восприятіе чужихъ словъ, а особливо безъ не-

обходимости, говоритъ Сумароковъ, есть не обогащеніе, но порча языка. Честолюбіе возвратитъ насъ когда-нибудь съ сего пути несумнѣннаго заблужденія; но языкъ нашъ толико сею зараженъ язвою, что и теперь уже вычищать его трудно, а ежели сіе мнимое обогащеніе еще нѣсколько лѣтъ продлится, такъ совершеннаго очищенія не можно будетъ больше надѣяться. Сказывано мнѣ, что нѣкогда Нѣмка московской нѣмецкой слободы говорила: «*Mein* мужъ *kam* домой, *stieg* черезъ заборъ *und fiel ins* грязь». Это смѣшно, да и это смѣшно: «Я въ дистракціи и дезеспере, аманта моя сдѣлала мнѣ инфиделите, а я ку сюръ противъ риваля своего буду реванжироваться». Въ другой статьѣ Сумароковъ говоритъ: «Правописаніе наше подъячіе и такъ уже совсѣмъ испортили. А что до порчи касается языка—Нѣмцы насыпали въ него словъ нѣмецкихъ, петиметры французскихъ, предки наши татарскихъ, педанты латинскихъ, переводчики св. писанія греческихъ. Нѣмцы складъ нашъ по нѣмецкой учредили грамматикѣ. Но что еще больше портитъ языкъ нашъ? худые переводчики, худые писатели, а паче всего худые стихотворцы». Любопытна статья «О несправедливыхъ основаніяхъ», въ которой авторъ возстаетъ противъ нѣкоторыхъ понятій и обычаевъ времени. «Много знать слыветъ у невѣжъ—знать попедантски или по школьному. Мало знать или, погрубѣе выговорить, ничего не знать—слыветъ у нихъ: знать по-кавалерски. Ктожъ педанты и кто кавалеры? Педанты, по ихъ мнѣнію, суть профессоры и прочіе ученые люди, которые, не по моему мнѣнію, а по справедливости, ежели они достойны своего званія, суть люди перваго въ обществѣ класса. А имя кавалера обыкновенно дается дворянамъ; и такъ знать по-кавалерски есть знать по-дворянски, знать столько, сколько благородному человѣку пристойно, т.-е. мало и неосновательно, чтобъ умѣть начинать говорить о всемъ и не умѣть окончить иночемъ, скакать изъ матеріи въ матерію, показываясь, будто все знаешь, хотя этому кромѣ такихъ же невѣжъ и никто не повѣритъ, доказывать не попедантски доводами, но по-дворянски крикомъ, изо всей мочи хохотать, и потомъ, ежели самымъ лучшимъ и благороднѣйшимъ образомъ рѣчь окончить т.-е. по-петиметрски, такъ надлежитъ запѣть французскую пѣсню, или кто не знаетъ французскаго языка, хотя и русскую, только чтобъ не было въ ней ни склада,

ни лада, въ каковыхъ пѣсняхъ нѣтъ недостатка. Многіе думаютъ, что нѣтъ нужды воину въ наукахъ кромѣ инженерства и артиллеріи: ежели мы возьмемъ рядоваго солдата, такъ ему и въ томъ нѣтъ нужды: ему только надобно выучиться владѣть ружьемъ. Но обрѣтающійся въ военной службѣ дворянинъ или офицеръ уповаетъ на высшія восходить степени, а иногда быть и полководцемъ, которому знаніе наукъ, а ими чистое просвѣщеніе разума не меньше профессора потребно, и всѣ почти въ древности знатнѣйшіе полководцы были люди ученые. Въ новѣйшія времена такожъ; а гдѣ недоставало знанія наукъ или любленія оныхъ, тамо слѣдовала погибель».

Сумароковъ, прославившійся нападками на недостатки тогдашняго русскаго суда въ своихъ комедіяхъ, помѣстилъ злыя выходки противъ подъячихъ и въ своемъ журналѣ. Въ статьѣ, подъ названіемъ: *Письмо* говорится: «Утѣсненная Истина пришла нѣкогда предъ Юпитера и, жалуясь на приказныхъ служителей, просила, чтобъ онъ истребилъ изъ нихъ тѣхъ, которые до взятокъ охотники, ради народнаго спокойства. Ударилъ Юпитеръ, повалились подъячіе. Народное рукоплесканіе громче юпитерова удара было. Обрадовалась Истина; но въ какое смятеніе пришла она, когда увидѣла, что самые главные злодѣи изъ приказныхъ служителей остались цѣлы. Что ты сдѣлалъ, о Юпитеръ! главныхъ ты пощадилъ грабителей! вскричала она. И когда она на нихъ указывала, Юпитеръ извинялся невѣдѣніемъ и говорилъ ей: кто могъ подумать, что это подъячіе? я сихъ богатыхъ и великолѣпныхъ людей почелъ изъ знатнѣйшихъ людьми родовъ. Ахъ! говорила она: отцы сихъ богатыхъ и великолѣпныхъ людей ходили въ чиркахъ, дѣды въ лаптяхъ, а прадѣды босикомъ». Противъ этого же общественнаго зла направлены письма: О нѣкоторой заразительной болѣзни, о думномъ дьякѣ, къ подъячему самого Сумарокова.

Сумароковъ не долго издавалъ свою Трудолюбивую Пчелу, поссорившись съ академіею наукъ за цензуру и за типографскіе счеты. Онъ отомстилъ за это академіи статьями «Блохи» и «Сонъ», напечатанными въ журналѣ: «Праздное время, въ пользу употребленное», который издавался въ Петербургѣ въ 1760 г. Въ статьѣ: «Блохи» Сумароковъ говоритъ: «Кто блохъ терпѣть не можетъ, тотъ не можетъ быть авторомъ. Ежели кто авто-

ромъ быти способность имѣетъ, и въ томъ упражняться станетъ, того во всю его жизнь блохи безпокоятъ, а кто сей способности не имѣя, авторомъ станетъ противъ воли музъ и Аполлона, оный самъ блоха будетъ и вѣчно другихъ станетъ безпокоить... Предки нынѣшнихъ блохъ не такъ жестоки были, какъ ихъ потомки, ибо въ прежнія времена меньше было школъ и слѣдственно меньше невѣжества; такова главная причина нашего заблужденія. О ежели бы меньше школъ и больше хорошихъ учителей, меньше учениковъ и больше разумныхъ учениковъ было, и чтобы Виргилій, Овидій, Цицеронъ, Титъ Ливій не за то почитаемы были, что писали по-латински, а за то, что хорошо писали! Блохъ, досаждающихъ авторамъ, два рода: переученыя и недоученыя. Переученыя блохи во всей Европѣ называются блохи латинскія, а недоучеными называются по имени страны той, въ которой онѣ рождаются. Еще въ нашемъ государствѣ есть блохи, которыя нѣмецкими называются, а я ставлю гадинъ сихъ блохами финскими, и онѣ только въ сихъ мѣстахъ держатся, гдѣ Ингрія съ Финляндіею граничитъ, ибо во всей Германіи нѣтъ и подобія блохъ сихъ, и что кромѣ Петербурга ихъ нѣтъ нигдѣ, ни въ самой Финляндіи, и потому должно ихъ называть блохами невскими».

Въ другой статьѣ: *Сонъ* приводится челобитная Мельпомены русской Палладѣ (императрицѣ Елисаветѣ): «Великая и премудрая богиня! бьетъ челомъ тебѣ россійская Мельпомена и всѣ съ нею россійскія музы, а о чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты: 1) Призваны мы на россійскій парнассъ отцемъ твоимъ великимъ Юпитеромъ ради просвѣщенія сыновъ россійскихъ, и отъ того времени просвѣщаемъ мы россіянъ по крайней нашей возможности. 2) Прекрасный и всѣхъ европейскихъ языковъ, по исполненіи нашей должности, способнѣйшій языкъ россійскій отъ иноплеменническихъ нарѣчій и отъ иноплеменническаго склада часъ отъ часу въ худшее приходитъ состояніе, а они о томъ только пекутся, чтобъ мы, россійскія музы, въ нашемъ искусствѣ никакого не имѣли успѣха, чтобъ они учеными, а сыны россійскіе невѣжами почитались, хотя они сами о словесныхъ наукахъ, на которыхъ зиждется вся премудрость, и понятія не имѣютъ. 3) Властвуя они здѣшнимъ парнассомъ, помоществуемы иноплеменниками Хамова колѣна, храмъ

мой оскверняютъ и весь парнассъ россійскій въ крайнее приводятъ замѣшательство, и, оставивъ парнасскія дѣла, пишутъ только справки и выписки, въ которыхъ на парнассѣ ни малѣйшей нѣтъ нужды и что парнасскому уставу совсѣмъ противно, и сверхъ того нѣкоторые Хамова колѣна берутъ и взятки и безграмотныхъ писцовъ въ грамотныя посвящаютъ, а грамотныхъ они въ безграмотныя пишутъ, не взирая на мнѣнія аполлоновыхъ любимцевъ, у которыхъ тѣ писцы обучаются. 4) Россійскимъ авторамъ дѣлаютъ иноплеменники всякое препятствіе; да и работы свои авторамъ издавати едва возможно, ибо печатаніе книгъ по предложенію и по основанію недоброжелательныхъ иноплеменниковъ несносно дорого. А учинено оное ради того, чтобы въ Россіи авторовъ было меньше, и чтобы Россіяне въ чужіе вперялись языки, а свой бы позабывали и, не зная красоты онаго, имъ бы гнушались, какъ имъ, отъ ненависти, они гнушаются, что отчасти нѣкоторыя безмозглыя головы уже и дѣлаютъ. 5) О заведеніи ученаго въ словесныхъ наукахъ собранія, въ которомъ бы старались искусные писатели о чистотѣ россійскаго языка и о возращеніи россійскаго краснорѣчія иноплеменники, наблюдая собственное свое прибыточество и вражду къ россійскому парнассу, никогда и недумывали, хотя такія собранія необходимо нужны. Подъ игомъ иноплеменниковъ науки успѣховъ имѣти не могутъ. И нигдѣ, посреди своего отечества, писатели отъ иноплемемниковъ не зависятъ, не только отъ иноплеменниковъ невѣждъ; также и храмы музъ состоятъ подъ надзираніемъ сыновъ отечества».

Литтературное движеніе обнаружилось и въ Москвѣ скоро послѣ основанія университета. Фонъ-Визинъ благодаритъ университетъ больше всего зато, что въ немъ получилъ онъ вкусъ къ словеснымъ наукамъ. Въ концѣ 1759 года въ Московскихъ Вѣдомостяхъ было объявлено, что съ 1760 года университетъ будетъ издавать періодическое сочиненіе, каждую недѣлю по одному листу. То былъ журналъ: «Полезное увеселеніе». Издавалъ его служившій при университетскомъ управленіи Херасковъ, неутомимый стихослагатель, подражавшій Ломоносову; сотрудниками были: жена Хераскова, Сумароковъ, Поповскій, братья Фонъ-Визины и другіе менѣе извѣстные писатели. Здѣсь же впервые встрѣчается имя Богдановича; въ 1761 году онъ

помѣстилъ въ журналѣ стихотвореніе: «Законъ», направленное противъ—закона!

«Покровомъ быть въ бѣдахъ вдовамъ и сиротамъ
Безъ всѣхъ гражданскихъ правъ удобно можно намъ».

Университетъ издалъ это стихотвореніе безъ протеста со стороны юридическаго факультета, т.-е. Дильтея. Въ московскомъ университетѣ не было тѣхъ препятствій, на которыя жаловался Сумароковъ въ Петербургѣ: не было строгой цензуры ученыхъ, не было и противодѣйствія со стороны иноплеменниковъ. Въ Москвѣ иноплеменники не шли прямо противъ русскаго парнасса; но иностранныхъ профессоровъ было много, а русскихъ очень мало, и это затрудняло литтературное дѣло. «Полезное увеселеніе» издавалось только три года. Профессоръ Рейхель въ 1762 году вздумалъ издавать журналъ: Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія или смѣшанная библіотека о разныхъ физическихъ, экономическихъ, такожъ до мануфактуръ и до коммерціи принадлежащихъ вещахъ. Журналъ не пошелъ; издатель сложилъ вину на переводчиковъ, между которыми встрѣчаемъ опять обоихъ братьевъ Фонъ-Визиныхъ. Рейхель писалъ Миллеру: «Въ переводчикахъ недостатка не было; хороши ли они были, про то знаютъ боги; но это племя испорченное. Они не хотятъ переводить то, что имъ предлагаютъ, но выбираютъ сами, и выборъ ихъ падаетъ обыкновенно на особаго рода вещи. Еслибы я съ этими людьми не взялъ возжей въ руки, то изъ моего изданія вышла бы помойная яма». Хорошъ былъ также издатель, который по незнанію русскаго языка, предоставлялъ богамъ рѣшить, хороши ли были переводчики. Но журналы съ русскими издателями не переводились при университетѣ: въ 1763 году Херасковъ издавалъ «Свободные часы», а Богдановичъ «Невинное упражненіе»; въ 1764 году студентъ Санковскій издавалъ «Доброе намѣреніе».

Кромѣ участія въ журналахъ, воспитанники университета занимались переводами отдѣльныхъ сочиненій, которыя продавали содержателямъ университетской книжной лавки; тѣ охотно брали рукописи переводовъ и печатали ихъ, надѣясь на хорошій сбытъ при усиливавшейся охотѣ къ чтенію въ обществѣ. Чѣмъ иногда книгопродавцы платили молодымъ переводчикамъ за ихъ

труды, разскажетъ намъ Фонъ-Визинъ. «Въ университетѣ, говоритъ онъ, былъ тогда книгопродавецъ, который услышалъ отъ моихъ учителей, что я способенъ переводить книги. Сей книгопродавецъ предложилъ мнѣ переводить Гольберговы басни; за труды обѣщалъ чужестранныхъ книгъ на 50 рублей. Сіе подало мнѣ надежду имѣть со временемъ нужныя книги за одни мои труды. Книгопродавецъ сдержалъ слово и книги на условленныя деньги мнѣ отдалъ. Но какія книги! Онъ, видя меня въ лѣтахъ бурныхъ страстей, отобралъ для меня цѣлое собраніе книгъ соблазнительныхъ, украшенныхъ скверными эстампами, кои развратили мое воображеніе и возмутили душу мою». Въ Петербургѣ также хлопотали о переводахъ. Въ 1761 году синодъ одобрилъ къ напечатанію переведенную Волчковымъ всеобщую исторію Боссюэта (Рѣчь на универсальную исторію епископа мозанскаго Босвета). Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ сенатъ слушалъ доношеніе надворнаго совѣтника Волчкова: въ 1757 году по указу сената велѣно ему перевесть книгу Гугона Гроція о мирномъ и военномъ правѣ въ 2 томахъ и за переводъ опредѣлено по 300 рублевъ на годъ, а перевесть обязался онъ въ 5 лѣтъ, и нынѣ первый томъ подноситъ. Приказали: отослать въ св. синодъ для цензуры и требовать непродолжительнаго освидѣтельствованія, дабы книги скорѣе напечатаны и въ народную пользу употреблены быть могли, а притомъ требовать, чтобъ синодъ о имѣющихся въ своемъ вѣдомствѣ на иностранныхъ языкахъ непереведенныхъ духовныхъ книгахъ сенату сообщилъ краткій реестръ, почему сенатъ не преминетъ взять попеченіе, дабы оныя позволеннымъ всякому переводомъ съ пристойнымъ награжденіемъ скорѣе для общей пользы народу выданы были, и чтобъ изъ академіи наукъ такой же реестръ немедленно въ сенатъ былъ поданъ. Синодъ продержалъ Гуго-Гроція три года; въ 1764 году Волчковъ представилъ второй томъ и просилъ отыскать и первый томъ, посланный въ синодъ въ 1761 году [167]. Въ 1761 году въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ читалось объявленіе: «Симъ объявляется, чтобъ имѣющіе у себя исправно переведенныя на россійскій языкъ книги, которыя бы для народной пользы могли быть напечатаны, объявили оныя въ академической книжной лавкѣ, за что чинено будетъ имъ пристойное награжденіе деньгами или равномѣрно нѣкоторымъ числомъ

экземпляровъ по напечатаніи той книги. Ежели кто пожелаетъ въ свободное время переводить книги изъ платы, то оныя даны будутъ ему изъ оной же книжной лавки, выбирая такія матеріи, къ которымъ кто наибольше склонности и способности имѣть будетъ. — Разумѣется переводы серіозныхъ книгъ расходились не очень быстро, и потому, чтобъ побудить заниматься ими, правительство предлагало вознагражденіе; гораздо быстрѣе расходились переводные романы; въ Петербургѣ и Москвѣ публиковалось о продажѣ такихъ книгъ: Повѣсть о княжнѣ Живанѣ, королевѣ мексиканской, Любовь безъ успѣха—испанская повѣсть, Любовь сильнѣе дружбы, Геройскій духъ и любовныя прохлады Густава Вазы, короля шведскаго, Приключенія Зелиндовы, Любовный вертоградъ, Несчастная Флорентинка, Побочный сынъ короля наварскаго, Двѣ любовницы—гишпанская повѣсть и проч. Сумароковъ въ Трудолюбивой Пчелѣ возставалъ противъ романовъ: «Романовъ столько умножилось, что изъ нихъ можно составить половину библіотеки цѣлаго свѣта. Пользы отъ нихъ мало, а вреда много. Хорошіе романы хотя и содержатъ нѣчто достойное въ себѣ, однако изъ романовъ въ пудъ вѣсомъ спирту одного фунта не выйдетъ, чтеніемъ онаго больше употребится времени на безполезное, нежели на полезное».

Въ концѣ описываемаго времени, именно въ 1764 году, явилось въ Москвѣ литтературное произведеніе особаго рода на французскомъ и русскомъ языкахъ: каталогъ книгъ дѣйствительно существующихъ или вымышленныхъ, сочинителями которыхъ были выставлены извѣстныя лица, большею частію высокопоставленныя, причемъ заглавіе книги соотвѣтствовало какому-нибудь качеству этихъ лицъ или событію въ нхъ жизни, обыкновенно въ насмѣшливомъ смыслѣ. Каталогъ начинался ласкательнымъ отзывомъ о самой императрицѣ и великомъ князѣ: «Увѣнчанная добродѣтель, соч. г-жи».... (Екатерина). «Искусство и средство нравиться, соч. ея сына» цесаревичъ (Павелъ), «Энциклопедія, соч. г. Панина».—«Торжество Вакха, соч. г. Бутурлина» (извѣстный фельдмаршалъ). «Графъ Тюфьеръ, соч. г. Елагина» (насмѣшка надъ чванствомъ Елагина). «Исторія прошедшаго времени, соч. г. Шувалова». «Польза путешествій, соч. Канцлера» (Воронцова). «Затмѣніе, соч. княгини Дашковой» (указаніе на немилость къ ней императрицы). «Никогда обо всемъ не подумаешь,

соч. графа Девьера» (намекъ не извѣстное порученіе, принятое имъ отъ Петра III относительно Кронштадта), и т. д. [168] Главнокомандующій въ Москвѣ, графъ Солтыковъ донесъ императрицѣ объ этомъ сочиненіи въ такихъ выраженіяхъ: «Развращенное здѣсь на Москвѣ между молодыми людьми своевольство и наглость до такой высокой степени возрасли, что нѣкоторые изъ нихъ, не устрашась высокомонаршаго правосуднаго гнѣва и забывъ всякую честь и честность, дерзнули по всему городу потаенно разсѣять ругательныя сочиненія, состоящія въ каталогахъ на французскомъ и русскомъ языкахъ, въ которыхъ до 300 человѣкъ и больше какъ наизнатнѣйшихъ, такъ и прочихъ фамилій, въ томъ числѣ дамы и дѣвицы, не взирая ни на чины, ни на достоинство наичувствительнѣйшими и язвительнѣйшими выраженіями обезчещены и обижены» Солтыковъ требовалъ, чтобъ пасквили были сожжены рукою палача, и Екатерина приказала исполнить это требованіе. [169] Въ Петербургѣ въ 1765 году появился «Сонъ» Эмина, заключавшій въ себѣ сатиру на управленіе академіею наукъ, новыми воспитательными заведеніями Бецкаго и сухопутнымъ кадетскимъ корпусомъ: «Во снѣ видѣлъ я сухощавую старуху. Она завезла меня на нѣкоторый островъ. Тамъ разныя собранія и сообщество находятся, и старуха моя повела меня въ ученое собраніе (академіи наукъ), котораго главный членъ (Разумовскій) былъ ужасный медвѣдь, ничего незнающій и только въ томъ упражняющійся, чтобы вытаскивать медъ изъ чужихъ ульевъ и присвоивать чужія пасѣки къ своей норѣ; онъ же слово «науки» разумѣлъ разно: то почиталъ оное за званіе города, то за званіе села; совѣтникъ сего собранія былъ прожорливый волкъ (Таубертъ) и ненавидѣлъ тамошнихъ звѣрей, ибо онъ былъ не того лѣсу звѣрь и потому называли его чужелѣснымъ... Въ томъ собраніи былъ третій членъ (Ломоносовъ), который совсѣмъ не походилъ на тамошнихъ звѣрей и имѣлъ видъ и душу человѣческую; онъ былъ весьма разуменъ и всякаго почтенія достоинъ, но всѣмъ собраніемъ ненавидимъ за то, что родился въ тамошнемъ лѣсу, а прочіе онаго собранія ученые скоты, ищучи своей паствы, зашли на оный островъ по случаю.—Старуха моя завезла меня въ новозаведенное собраніе (академіи художествъ), гдѣ разнымъ художествамъ разныхъ животныхъ обучали. Изъ нихъ многіе были уже весьма

искусны и умѣли ставить и зажигать плошки въ праздничные дни; многіе изъ нихъ учились быть комедіантами, чему я весьма удивившись, спросилъ у своей старухи: «Что это за новый обычай я здѣсь вижу? У насъ художникъ съ комедіантомъ весьма различныя твари: одни любятъ праздность и роскошь, другіе трудъ и безпрестанную работу; одни уронъ обществу причиняютъ, а другіе пользу». На что мнѣ такъ отвѣчала старуха: «Этого собранія главный членъ (Бецкій) чуднаго сложенія и дѣлаетъ учрежденія по своему вкусу; правда, что онъ родился въ здѣшнихъ лѣсахъ, однако своихъ животныхъ не любитъ и весьма пристрастенъ къ чужелѣснымъ, потому что не знаетъ числа своихъ отцовъ и думаетъ, что въ рожденіи его могли имѣть большое участіе чужелѣсныя животныя, какъ здѣсь очень въ модѣ, и проч.» [170].

Авторъ сатиры, какъ видно, былъ послѣдователь Руссо, отвергалъ пользу театра; но сильное большинство русскихъ сколько-нибудь образованныхъ людей не раздѣляло его мнѣнія. Мы видѣли приготовленія къ учрежденію публичнаго русскаго театра. Въ октябрѣ 1756 года было объявлено, что «ея императорское величество изволила указать для умноженія драматическихъ сочиненій, кои на россійскомъ языкѣ при самомъ началѣ справедливую хвалу отъ всѣхъ имѣли, установить россійскій театръ, котораго дирекція поручена бригадиру Сумарокову». Но Сумароковъ пробылъ директоромъ только до 1761 года. Есть извѣстіе, что онъ удаленъ въ слѣдствіе какой-то ссоры съ актрисами; но какъ бы то ни было, Ив. Ив. Шуваловъ умѣлъ придать этому удаленію самый благовидный характеръ. Придворная контора донесла сенату: «Въ сообщеніи, присланномъ отъ Ив. Ив. Шувалова, написано: ея императорское величество изволила указать г. бригадира Сумарокова, имѣющаго дирекцію надъ россійскимъ театромъ, по его желанію отъ сей должности уволить, жить ему гдѣ пожелаетъ, а за его труды въ словесныхъ наукахъ, которыми онъ довольно сдѣлалъ пользы и за установленіе россійскаго театра производить жалованье, каковое онъ нынѣ имѣетъ. Г. Сумароковъ, пользуясь высочайшею милостію, будетъ стараться, имѣя свободу отъ должностей, усугубить свое приложеніе въ сочиненіяхъ, которыя сколько ему чести, столь всѣмъ любящимъ чтеніе удовольствія при-

носить будутъ». [171] Въ Москвѣ Шуваловъ тѣсно соединилъ театръ съ университетомъ: въ 1760 году въ университетѣ на казенномъ содержаніи было 30 студентовъ, и четверо изъ нихъ готовились для театра. Въ 1757 году въ Московскихъ Вѣдомостяхъ было объявлено: «Женщинамъ и дѣвицамъ, имѣющимъ способность и желаніе представлять театральныя дѣйствія, также пѣть и обучать тому другихъ, явиться въ канцелярію университета»; и въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1761 года вызовъ былъ сдѣланъ такъ: «Знающія грамотѣ дѣвицы, желающія опредѣлиться въ службу ея императорскаго величества при придворномъ театрѣ явиться могутъ у перваго придворнаго россійскаго театра актера Ѳедора Волкова». Директоръ университета повезъ лучшихъ воспитанниковъ московскаго университета въ Петербургъ для представленія куратору Шувалову; въ числѣ этихъ воспитанниковъ былъ и Фонъ-Визинъ, который описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него театромъ: «Ничто въ Петербургѣ такъ меня не восхищало, какъ театръ, который я увидѣлъ въ первый разъ отъ роду. Играли русскую комедію (т.-е. переведенную на русскій языкъ) *Генрихъ и Пернилла*. Тутъ видѣлъ я Шумскаго, который шутками своими такъ меня смѣшилъ, что я, потерявъ благопристойность, хохоталъ изо всей силы. Дѣйствія, произведеннаго во мнѣ театромъ, почти описать невозможно; комедію, видѣнную мною, довольно глупую, считалъ я произведеніемъ величайшаго разума, а актеровъ великими людьми, коихъ знакомство, думалъ я, составило бы мое благополучіе. Я съ ума было сошелъ отъ радости, узнавъ, что сіи комедіанты вхожи въ домъ дядюшки моего, у котораго я жилъ. И дѣйствительно, чрезъ нѣкоторое время познакомился я тутъ съ Ѳедоромъ Григорьевичемъ Волковымъ, мужемъ глубокаго разума, наполненнаго достоинствами, который имѣлъ большія знанія и могъ бы быть человѣкомъ государственнымъ. Тутъ познакомился я съ славнымъ нашимъ актеромъ Иваномъ Аѳанас. Дмитревскимъ, человѣкомъ честнымъ, умнымъ, знающимъ». По два поколѣнія порознились во взглядахъ. Когда послѣ въ 1763 году Фонъ-Визинъ написалъ изъ Петербурга сестрѣ, что у него былъ актеръ Дмитревскій съ женой, то отецъ Фонъ-Визина написалъ сыну, что это предосудительно [172].

Но не всѣ раздѣляли восхищеніе молодого Фонъ-Визина относительно русскихъ актеровъ; охотники до французскаго театра, существовавшаго при дворѣ, не очень благосклонно отзывались о русскихъ актерахъ, и эти отзывы повторялъ маленькій великій князь. Однажды онъ сказалъ Порошину, что Дмитревскій въ чужіе края ѣдетъ смотрѣть англійскаго и французскаго театра. Когда Порошинъ спросилъ, скоро ли Дмитревскій ѣдетъ и на долго ли, то великій князь отвѣчалъ: «я, братецъ, въ подробности о комедіантахъ не вхожу, а особливо о русскихъ».— «Для чегожъ бы о русскихъ комедіантахъ не входить въ подробности»? спросилъ Порошинъ.—«Для того, что они дурно играютъ», отвѣчалъ великій князь [173].

Кромѣ русскаго и французскаго театровъ въ Петербургѣ была опера, которая находилась подъ дирекціею италіанца Локателли. Въ концѣ декабря 1757 года въ вѣдомостяхъ читалось объявленіе, что 8 декабря на большомъ театрѣ близь лѣтняго дворца представлена будетъ для публики новоприбывшимъ комической оперы директоромъ Локателліемъ на италіанскомъ языкѣ опера: «Убѣжище боговъ», съ котораго переводъ на россійскій языкъ продается въ академической книжной лавкѣ. Иногда опера сопровождалась двумя балетами; *съ смотрителей* бралось по рублю; послѣ представленія оперы въ оперномъ же домѣ сожигали фейерверкъ. Въ сентябрѣ 1759 года было объявлено, что 10 числа представлена будетъ новая опера: «Нощной барабанщикъ или графъ Карамелла», причемъ новая пѣвица и новый пѣвецъ пѣть будутъ. Также объявляется, что впредь сколь часто представлена будетъ новая опера или новые балеты, за первый и за второй разъ положено брать за входъ по одному рублю, а за слѣдующіе послѣ того представленія по полтинѣ. Въ оперномъ же театрѣ происходили и русскія представленія. Въ вѣдомостяхъ печатались и отзывы объ игрѣ артистовъ. Такъ въ 1764 году читали: «Октября 24 на придворномъ театрѣ представлена была опера Карлъ Великій, причемъ пѣвица г-жа Колонна съ превосходнымъ искусствомъ представляла первую роль и пріятнымъ своимъ голосомъ не токмо высочайшую ея императорскаго величества получила апробацію, но и всѣхъ слушателей привела въ восхищеніе. Потомъ представленъ былъ балетъ, Аполлонъ и Дафна, въ которомъ танцовщица г-жа Фузи столь же

рѣдкое оказала проворство, что ея императорское величество изволила изъявить всевысочайшее свое о томъ удовольствіе, а всѣ смотрители часто повторяемымъ біеніемъ въ ладон засвидѣтельствовали, коликой она достойна похвалы».

На другой годъ по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, въ апрѣлѣ 1758 года Локателли получилъ право завести и въ Москвѣ оперный домъ «на своемъ коштѣ» [174]. Въ 1759 году встрѣчаемъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ объявленіе, что 16 іюля на оперномъ московскомъ театрѣ представлена будетъ новая опера графъ Карамелла, начало въ половинѣ седьмого. Въ октябрѣ объявлялось, что въ оперномъ театрѣ Локателли будетъ первый публичный маскарадъ. И въ Москвѣ въ оперномъ домѣ у Локателли давались русскія представленія, которыми завѣдывалъ директоръ университета; къ этому директору сохранился любопытный ордеръ куратора Ив. Ив. Шувалова: «Я слышалъ, что наши комедіанты, когда хотятъ играютъ, а когда не хотятъ, то изполовина начатой комедіи или трагедіи перестаютъ и такъ, не докончавъ, оставляютъ, причиною представляя холодъ, изъ которыхъ непорядковъ нельзя ожидать ни плода ни прибыли, и тѣмъ самымъ отгоняютъ охотниковъ къ спектаклямъ, почему народъ съѣзжается гораздо прежняго менѣе» [175]. Связь университета съ театромъ высказывалась въ университетскихъ праздникахъ, которые такъ описываются въ вѣдомостяхъ: послѣ акта съ рѣчами, вечеромъ знатныя персоны и дворянство приглашены были отъ университета въ оперный домъ на италіанскую интермедію, послѣ которой въ университетскомъ домѣ для оныхъ же персонъ у г. директора былъ ужинъ. Театръ былъ основанъ для умноженія драматическихъ сочиненій; но русскія драматическія сочиненія умножались медленно, и для поддержки театра нужно было передѣлывать и переводить иностранныя. Изъ переводчиковъ иностранныхъ драматическихъ произведеній особенно потрудились: Иванъ Кропотовъ, переведшій лучшія комедіи Мольера; Андрей Нартовъ, сынъ извѣстнаго токаря Петра Великаго, и Ельчаниновъ.

Кромѣ актеровъ, оперныхъ пѣвцовъ и балетчиковъ западная Европа высылала въ Петербургъ и Москву также людей, могшихъ занять вниманія русскихъ людей и другими средствами. Въ Петербургѣ, на Милліонной улицѣ показывались восковыя

персоны въ натуральной величинѣ и въ изрядномъ платьѣ, всякіе же восковыя фрукты и кушанья. Притомъ мальчикъ 11 лѣтъ скакалъ, кувыркался, баланцировалъ и волтижировалъ, а не большая обезьяна, наряженная въ платье, дѣлала многія штуки и возила собаку на телѣжкѣ по канату; знатныя персоны платили по ихъ изволенію, а прочія за восковыя фигуры платили по 25 коп., а вмѣстѣ съ мальчикомъ и обезьяною по 50. Голландскій ташеншпилеръ Рейманъ объявлялъ, что досталъ новыя штуки, также и разныхъ звѣрей показываетъ, кто желаетъ смотрѣть его штуки или имъ учиться, тѣ могли призывать его въ свои дома; онъ также раздаетъ книжки, по которымъ можно выучиться ташеншпилерскому искусству, наконецъ онъ же продаетъ спиртъ, которымъ можно выводить пятна на платьѣ. Въ Москвѣ французскій механикъ Дюмолинъ показывалъ курьезныя самодѣйствующія машины, канарейку, которая такъ натурально пѣла, какъ живая. Показывалась птица струсъ, которая больше всѣхъ птицъ въ свѣтѣ, ѣстъ сталь, желѣзо, разнаго рода деньги и горящіе угольи. За смотрѣніе каждый изъ благородныхъ могъ заплатить по своему изволенію, съ купечества бралось по 25 копѣекъ, а простому народу цѣна объявлялась при самомъ входѣ. Но среди этихъ заморскихъ диковинъ, дѣланныхъ канареекъ, русскіе люди сохраняли свою старую охоту къ пѣвчимъ птицамъ, и въ Петербургѣ объявлялось о продажѣ московскихъ соловьевъ, которые были свистами и пѣніемъ колепасты съ раскатами; также сѣрыхъ дроздовъ съ изрядными колѣнами, а черныхъ съ курантами и ямскимъ свистомъ.

Учрежденный въ 1755 году, Московскій университетъ въ 1757 году подалъ доношеніе въ сенатъ объ учрежденіи академіи художествъ. «Щедротою ея императорскаго величества, говорилось въ доношеніи, подъ ея покровительствомъ науки въ Москвѣ приняли свое начало и тѣмъ ожидается желанная польза отъ ихъ успѣховъ; но чтобъ оныя въ совершенство приведены были, то необходимо должно установить академію художествъ, которой плоды когда приведутся въ состояніе, не только будетъ славою здѣшней имперіи, но и великою пользою казеннымъ и партикулярнымъ работамъ, за которыя иностранныя посредственнаго знанія, получая великія деньги, обогатясь, возвращаются, не оставя по сіе время ни одного русскаго ни въ какомъ

художествѣ, который бы умѣлъ что дѣлать. Причина тому, что многіе молодые люди, имѣя великую склонность, а болѣе природное дарованіе, не имѣютъ знанія въ иностранныхъ языкахъ, почему бы толкованіе своего мастера разумѣли, а еще меньше основаній наукъ, необходимыхъ къ художеству. Если правительствующій сенатъ также какъ и о учрежденіи университета оное представленіе принять изволитъ и сіе апробовать, то нѣкоторое число взявши способныхъ изъ университета учениковъ, которые уже и опредѣлены учиться языкамъ и наукамъ, принадлежащимъ не художеству, можно ими скоро доброе начало и успѣхъ видѣть. Сія академія будетъ учреждена въ С.-Петербургѣ по причинѣ, что лучшіе мастера не хотятъ въ Москву ѣхать какъ въ надеждѣ имѣть отъ двора работы, такъ и для лучшаго довольствія иностранныхъ здѣшней жизни» [176].

Представленіе было принято и немедленно приведено въ исполненіе, потому что представленіе университета значило представленіе Ив. Ив. Шувалова. Университетъ остался за Шуваловымъ и по удаленіи его за границу; но академія художествъ передана была Бецкому: «въ отсутствіи генералъ-поручика Шувалова говорилъ указъ, принять въ правленіе академію художествъ генералъ-поручику Бецкому, а какъ оная академія сообщена была къ университету, по причинѣ что помянутый Шуваловъ въ обоихъ сихъ мѣстахъ дирекцію имѣлъ, нынѣ ея императорское величество за полезно разсудила оную академію совсѣмъ отъ университета отдалить и правленіе особливое въ ней учредить» [177]. Порошинъ оставилъ намъ описаніе торжественнаго засѣданія въ академіи художествъ. «Поѣхали въ академію художествъ. Встрѣтилъ тамъ государя цесаревича Ив. Ив. Бецкій совсѣмъ своимъ собраніемъ. Все весьма было чинно и церемоніально. Извѣстно, что Ив. Ив., располагать церемоніи и глазамъ дѣлать увеселеніе весьма искусенъ. Пришедъ въ покой, сѣлъ тамъ за богатоубранный столъ. Конференцъ-секретарь Салтыковъ читалъ вслухъ письма отъ вице-канцлера князя Голицына, отъ графа Ив. Григ. Чернышева и отъ Адама Вас. Олсуфьева, которые объявляли желаніе свое быть принятыми въ число почетныхъ любителей. Еще читано письмо отъ Гр. Ник. Теплова, который желалъ быть принятъ въ почетные члены. По прочтеніи каждаго письма, Ив. Ив. началъ головою

по два раза, сперва на правую, потомъ на лѣвую сторону. Послѣ сего всѣ члены академіи привстаніемъ своимъ, какъ видно, знакъ согласія своего показывали. Тогда приказалъ Ив. Ив. конференцъ-секретарю объявить о томъ, кто принятъ. Всѣ приняты, которыхъ письма читали. Началось баллотированье. Подъ Ив. Ив. Бецкимъ въ академіи нынѣ директоръ Кокориновъ. По штату положено, чтобъ всякіе четыре мѣсяца изъ професоровъ выбирались въ директоры по баллотированію. Баллотировали Кокоринова, професоровъ: Жилета (скульптуры), Ламота (архитектуры) и Торелли (живописи). Досталось по балламъ остаться по прежнему Кокоринову. Симъ засѣданіе кончилось. Пошли смотрѣть картинъ, писанныхъ съ натуры, которыя всѣ весьма порядочно были расположены. На шесть изъ нихъ, которыя какъ сказываютъ, прежде еще признались за лучшія, конференцъ-секретарь приложилъ печать, для раздачи послѣ премій. Потомъ смотрѣли чертежи нововыѣзжаго изъ чужихъ краевъ нашего архитектора г. Баженова, которые подлинно хорошо расположены и вымышлены и отъ всѣхъ присутствовавшихъ во многомъ числѣ дамъ и кавалеровъ общую похвалу получили» [178]. Цесаревичъ самъ былъ членомъ академіи, которая объявила въ вѣдомостяхъ, что великій князь прислалъ съ Порошинымъ письмо и вмѣстѣ рисунокъ трудовъ своихъ, «который академія сохранитъ вѣчнымъ себѣ монументомъ ради показанія потомству, въ какомъ почтеніи свободныя художества нынѣ въ Россіи, во дни царствованія Вторыя Екатерины». Въ письмѣ цесаревича говорилось: «Почтенная академія художествъ! привилегія всемилостивѣйше данная вамъ отъ матери моей государыни присвоять вашему корпусу любителей художествъ, возбудила во мнѣ желаніе распространить мою любовь, охоту и почитаніе къ художествамъ, представя себя быть сочленомъ вашимъ. Примите здѣсь въ знакъ особливаго моего уваженія къ полезнымъ трудамъ вашимъ опытъ начальныхъ моихъ въ томъ упражненій и увѣрьтесь симъ залогомъ, что я при продолженіи оныхъ всегда буду вамъ доброжелательнымъ Павелъ» [179].

Это было учрежденіе будущаго. Теперь взглянемъ, что было сдѣлано уже относительно искусства въ Россіи въ описываемое десятилѣтіе. Зимній дворецъ былъ оконченъ къ самому концу царствованія Елисаветы. Но дочь Петра Великаго заботилась о

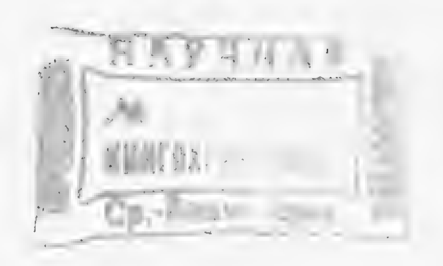
возстановлении священнаго зданія, построеннаго въ память рожденія отца ея. Въ 1757 году она приказала: «Исакіевскую соборную церковь на другое мѣсто не переносить, только всѣми архитекторами, механиками и *каменными* мастерами осмотрѣть, возможноль ее безъ разбиранія укрѣпить; еслижъ не возможно, то разобрать и новую построить, а прежде всего берегъ укрѣпить.» Сенатъ велѣлъ созвать—оберъ-архитектора (Растрелли) и всѣхъ архитекторовъ, преимущественно архитектора при коммерцъ-коллегіи, Фростенберга, который обладалъ особеннымъ искусствомъ въ механикѣ. Нашли что церковь укрѣпить нельзя, надобно ее разобрать и построить новую. Въ 1761 году сенатъ опредѣлилъ къ построенію Исакіевской церкви архитектора Чевакинскаго подъ смотрѣніемъ оберъ-архитектора Растрелли «понеже правительствующій сенатъ о искусствѣ и знаніи архитектора Чевакинскаго довольно извѣстенъ». Въ то же время исправлялась колокольня Петропавловскаго собора: сенатъ поручилъ Растрелли опредѣлить къ этому дѣлу архитектора изъ русскихъ. Подрядчикъ взялся разобрать Исакіевскую церковь за 2445 рублей. Чевакинскій представилъ, что необходимо укрѣпить берегъ каменною стѣною, употребляя какъ въ водѣ, такъ и сверхъ воды дикій тесанный камень съ свинцомъ, а бутъ изъ тосненской плиты съ известью отъ самаго дна Невы, что будетъ стоить 9934 рубля. Сенатъ согласился. Знаменитый Растрелли сошелъ съ поприща въ началѣ царствованія Екатерины: въ 1763 году онъ уволенъ отъ всѣхъ занятій за старостію и слабостію и за 48-лѣтнюю *добропорядочную* службу получилъ 1000 рублей ежегодной пенсіи. Но подлѣ его имени мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ именъ русскихъ архитекторовъ: кромѣ приведеннаго выше Чевакинскаго, князя Дмитрія Ухтомскаго (строителя колокольни въ Троицкой лаврѣ), брата его князя Сергѣя, Мичюрина, Бланка, троихъ Яковлевыхъ, Василья, Ивана и Семена, Никитина, Рославлева, Суровцова. Въ разсказѣ Порошина мы встрѣтили имя только что пріѣхавшаго изъ-за границы русскаго архитектора Баженова, котораго работы такъ всѣмъ понравились; въ 1756 году архитектуріи ученикъ Семенъ Баженовъ пожалованъ былъ помощникомъ архитектурнымъ въ рангѣ подпоручика и съ жалованьемъ по 150 рублей [180].

Относительно живописи нуждались особенно въ портретистахъ; представителемъ этого искусства въ высшихъ сферахъ былъ графъ Ротари; изъ русскихъ извѣстенъ былъ Алексѣй Антроповъ, написавшій для сенатской канцеляріи портретъ императора Петра III-го за 400 рублей [181]. О знаменитомъ портретѣ Екатерины II-й, написанномъ датскимъ живописцемъ Ерихсеномъ, находимъ извѣстіе у Порошина: «Портретъ писалъ датскій живописецъ и оченъ схоже. Ея величество въ пѣхотномъ гвардейскомъ мундирѣ и на той сѣрой лошади написана, на которой она во время восшествія своего на престолъ изъ Петергофа обратно сюда шествовать изволила. Волосы написаны распущенные и платье все въ пыли, какъ мы своими глазами видѣли» [182].

Еще 22 іюля 1743 года императрица Елисавета приказала сдѣлать два мѣдныхъ *портрета* (статуи) Петра Великаго. 19 августа 1764 года канцелярія отъ строеній донесла сенату, что одинъ изъ этихъ портретовъ сидящій на конѣ сдѣланъ италіанцомъ, штукатурныхъ дѣлъ мастеромъ Александромъ Мартелліемъ, и требовала 40937 рублей на окончательную отдѣлку памятника, на сооруженіе пьедестала и на выдачу жалованья мастеру и рабочимъ. Сенатъ рѣшилъ: такъ какъ ему неизвѣстно, будетъ ли угодно ея императорскому величеству приказать окончить эту статую, то пусть генералъ-поручикъ Бецкій доложитъ объ этомъ императрицѣ. 16 октября Бецкій донесъ: вылитый изъ мѣди портретъ Петра Великаго ея императорское величество апробовать не соизволила, въ разсужденіи, что не сдѣланъ искусствомъ такимъ, каково бъ должно представить великаго монарха и служить къ украшенію столичнаго города [183].

Мы окончимъ главу указаніемъ на явленіе, еще небывалое въ новой Россіи. Мы видѣли, что новгородскій губернаторъ Сиверсъ писалъ о пользѣ хозяйственнаго общества въ Россіи, представляя въ примѣръ успѣхъ англійскаго общества. Общество составилось и въ октябрѣ 1765 года первые 15 членовъ поднесли императрицѣ уставъ при письмѣ: «Мы всеподданнѣйше соединились добровольнымъ согласіемъ установить между нами собраніе, въ которомъ вознамѣрились общимъ трудомъ стараться о исправленіи земледѣлія и домостройства. Ревность наша и усердіе сколь ни велики, но когда подкрѣплены не будутъ

покровительствомъ монаршимъ, то и трудъ нашъ будетъ безъ оживотворенія. Сего ради дерзновеніе пріемлемъ просить вашего императорскаго величества, дабы имѣли счастіе быть подъ единственнымъ только вашего императорскаго величества покровительствомъ, и чтобъ общество наше управлялось въ трудахъ своихъ собственными своимъ между собою обязательствами и установленіями, почему и называлось бы во всѣхъ случаяхъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ». Императрица отвѣчала: «Планъ и уставъ вашъ, которыми вы другъ другу обязались, мы похваляемъ; изволите быть благонадежны, что мы оное пріемлемъ въ особливое наше покровительство». Императрица дала обществу собственный свой девизъ: пчелы, въ улей медъ приносящія, съ надписью: *полезное*, и 6000 рублей на покупку дома. Первымъ предсѣдателемъ былъ графъ Григор. Григор. Орловъ [184].

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Журналы Сената 1764 года 19 марта.

2. Дѣла Тайной Канцеляріи 1732 года.

3. Дѣло о Мировичѣ и переписка императрицы Екатерины по этому дѣлу въ Государственномъ Архивѣ. О послѣднихъ минутахъ Мировича разсказъ А. С. Строганова въ Запискахъ Порошина.

4. Журналы Сената 3 февраля 1764 года.

5. Сборникъ Рус. Истор. Общ. VII, 345.

6. Журналы Сената 2 іюня.

7. Тамъ же 30 іюля.

8. Тамъ же 12 января.

9. Тамъ же, 10 и 26 марта.

10. Тамъ же, 27 апрѣля, 30 іюня, 5, 18 и 19 августа, 19 октября, 2 ноября.

11. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 404.

12. Пол. Собр. Зак. № 12105.

13. Журналы Сената 1 и 2 апрѣля.

14. Пол. Собр. Зак. № 12037.

15. Журналы Сената 12 мая, 21 іюля, 2 и 20 августа, 15 сентября и 20 октября.

16. Пол. Собр. Зак. № 12009. Петербург. Вѣдомост. 1765 г. отъ 7 января.

17. Журналы Сената 11 февраля.

18. Пол. Собр. Зак. № 12150.

19. Журналы Сената 20 августа.

20. Тамъ же, 7 и 9 февраля, 4 октября и 9 декабря.—Записка Екатерины Чернышеву отъ 11 мая въ Государ. Архивѣ, въ копіи.

21. Тамъ же, 5 марта, 26 апрѣля, 14 іюня.

22. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 351.

23. Полн. Собр. Зак. № 12137.

24. Тамъ же, № 12181.

25. Журналы Сената 2 ноября и 2 декабря.

26. Тамъ же, 27 апрѣля.
27. Пол. Собр. Зак. № 12060.
28. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 394.
29. Журналы Сената 24 сентября и 11 ноября.
30. Собр. постановленій по части раскола I, 600.
31. См. Исторію Россіи XXV, 298.
32. Тепловъ не обратилъ вниманія на самое важное возраженіе противъ этого показанія о бѣгствѣ крестьянъ въ Польшу: извѣстно, что туда бѣжали крестьяне крѣпостные, спасаясь отъ помѣщичьихъ притѣсненій, а свободнымъ зачѣмъ было бѣжать?
33. Записка эта напечатана во II томѣ Записокъ о южной Руси; но безъ основанія отнесена здѣсь ко временамъ императрицы Елисаветы.
34. Сборникъ Русск. Истор. Общ., VII, 375.
35. Въ Государ. Архивѣ.
36. Тамъ же.
37. Пол. Собр. Зак. № 12277.
38. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 376.
39. Въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.
40. Пол. Собр. Зак. № 12099.
41. Тамъ же, № 12211.
42. Тамъ же, № 12293.
43. Донесеніе въ Государ. Архивѣ.
44. Журналы Сената 1 марта.
45. Тамъ же, 16 февраля, 21 іюня.
46. Дѣло въ Сенатскомъ Архивѣ въ С.-Петербургѣ.
47. Исторія Россіи XXV, 321.
48. Дѣла польскія 1764 года.—Correspondance enédite du roi Stanislas-Auguste Poniatowski et de madame Goeffrin.—Раумеръ III, 354.
49. Дѣла прусскія того же года. Письма Фридриха II въ Государ. Архивѣ.—Forschungen zur deutschen Geschichte.
50. Дѣла австрійскія того же года. Correspondance secrète de Louis XV, I, 312, 313.
51. Дѣла французскія того же года. Раумеръ, III, 331, 352.
52. Дѣла турецкія и крымскія того же года.
53. Дѣла шведскія того же года.—Раумеръ, III, 215, 319.
54. Дѣла датскія того же года.
55. Дѣла англійскія того же года.—Конференція о китайскихъ дѣлахъ въ бумагахъ Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ.
56. Журналы Сената, 26 января.
57. Пол. Собр. Зак. № 12444.
58. Журналы Сената, 1 и 2 августа.

59. Тамъ же, 6 іюня.
60. Пол. Собр. Зак. № 12472.
61. Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 23.
62. Тамъ же, стр. 50.
63. Журналы Сената, 4 мая.
64. Собр. Русск. Истор. Общ. X, 36.
65. Пол. Собр. Зак. № 12452.
66. Журналы Сената, 2 декабря.
67. Тамъ же, 23 сентября.
68. Тамъ же, 10 марта и 3 мая.
69. Тамъ же, 17 марта.
70. Тамъ же, 29 апрѣля.
71. Исторія Россіи, XXV, 273.
72. Пол. Собр. Зак. № 12345.
73. Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 56.
74. Журналы Сената, 17 августа.
75. Тамъ же, 20 мая.
76. Тамъ же, 17 октября. Это дѣло Чагина съ Козинымъ.
77. Тамъ же, 14 іюня.
78. Тамъ же, 31 октября.
79. Пол. Собр. Зак. № 12426.
80. Журналы Сената, 6 іюня.
81. Тамъ же 25 января. Донесеніе Обрѣзкова въ Моск. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ.
82. Тамъ же, 11 и 18 апрѣля, 20 мая.
83. Пол. Собр. Зак. № 12406.
84. Blum—Ein russischer Staatsmann, I.
85. Журналы Сената, 10 мая.
86. Пол. Собр. Зак. № 12347.
87. Тамъ же, № 12372.
88. Переписка Сиверса съ Екатериною въ Государ. Архивѣ и въ Москов. Архивѣ Мин. Иностран. Дѣлъ.
89. Журналы Сената, 13 іюня.
90. Тамъ же, 3 марта.
91. Тамъ же, 16 мая.
92. Тамъ же, 8 іюня.
93. Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 32.
94. Журналы Сената, 12 декабря.
95. Тамъ же, 18 іюля.—Въ челобитьи Демидова въ Сибирскій Приказъ 10 февраля 1702 года говорилось: бьетъ челомъ Туляниnъ, оружейнаго и желѣзнаго дѣла мастеръ Никита Демидовъ: на Тулѣ де у

него желѣзные заводы и на тѣхъ заводахъ льютъ всякіе воинскіе припасы; а нынѣ по именному указу около Тулы дубовыхъ лѣсовъ на уголье и ни на какія дѣла рубить не велѣно и за угольемъ на тѣхъ заводахъ чинится остановка: а великому государю пожаловать бы его Демидова, велѣть съ Москвы отпустить въ Сибирь на Верхотурскіе желѣзные заводы и на тѣхъ заводахъ воинскіе припасы лить и проч. Любопытна причина ухода Демидова къ Уральскимъ горамъ: запрещеніе Петра истреблять дубовые лѣса около Тулы!

96. Тамъ же 2 іюня.
97. Пол. Собр. Зак. № 12498, 12311.
98. Обѣ бумаги въ Государ. Архивѣ.
99. Пол. Собр. Зак. № 12329.
100. Тамъ же, № 12334.
101. Журналы Сената, 14 іюля.
102. Пол. Собр. Зак. № 12379.
103. Тамъ же, № 12378.
104. Журналы Сената 9 и 17 іюня.
105. Тамъ же 17 августа.
106. Пол. Собр. Зак. № 12454.
107. Журналы Сената, 10 октября.
108. Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 9.
109. Письмо отъ 9 іюля 1765, въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ.
110. Журналы Сената, 8 марта.
111. Тамъ же, 1 іюня.
112. Тамъ же, 11 іюля.
113. Бумаги Государств. Архива.
114. Дѣла польскія 1765 года.—Forschungen zur deutschen Geschichte.
115. Дѣла австрійскія того же года.
116. Дѣла французскія того же года.
117. Дѣла турецкія того же года.
118. Дѣла шведскія того же года.
119. Дѣла датскія того же года.
120. Дѣла англійскія того же года.—Сборн. Русск. Истор. Общ. т. XII.
121. Исторія Россіи, XXIV, 420 и слѣд.
122. Записки Порошина, 74.
123. Вѣстникъ Европы 1807 года, № 7.—Современникъ 1854 года № 10 (моя статья: Герардъ Фридрихъ Мюллеръ).—Пекарскаго—исторія Академіи Наукъ (біографія Мюллера и Ломоносова).
124. Здѣсь Ломоносовъ должно быть разумѣлъ отношенія Вольтера къ Фридриху II.
125. 31 октября 1760. Beuchot-Oeuvres compl. de Voltaire, LIX, 110.

126. Тамъ же, p. 137.
127. Тамъ же, p. 155.
128. Исторія Россіи XXV, 132.
129. La cour de la Russie, p. 231.
130. Des noires terres—Voltaire et la société française, 6 série, p. 372.
131. Oeuvres compl. LX, 558. Письмо отъ 13 августа 1762. Il ne manquera plus qu'un Ninias á votre Semiramis pour rendre la ressemblance parfaite... Il peut resulter un très-grand bien de ce petit mal.
132. Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 35, 38.
133. Я такъ выражаюсь, основываясь на собственныхъ словахъ Екатерины: „pour contribuer á l'education de mon fils". Тамъ же VII, 179.
134. Oeuvres complètes, LXII, 311, 312, письмо къ Дамилавилю 1765 г.
135. Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 45.
136. Voltaire-Oeuvres completes, t. LXII, 7, 11, 38.
137. Сборн. русск. Истор. Общ. I, 257.
138. Correspondance inèdite du roi St. Aug. Poniatowski et de M-me Geoffrin, 122.
139. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 82 и слѣд.
140. Тамъ же, X, 31.
141. Тамъ же, I, 269.
142. Тамъ же, 272.
143. Тамъ же, 276.
144. Записка въ Государ. Архивѣ.
145. Подлинникъ въ Государ. Архивѣ.
146. Предисловіе къ запискамъ Порошина, XVII.—Кромѣ этихъ записокъ, изданныхъ въ 1844 году, см. Русскій Архивъ 1869 года № 1; также Архивъ историч. и практич. свѣдѣній, 1860—1861, кн. IV.—Въ запискахъ Порошина, въ концѣ находятся любопытныя строки: „Размышленію моему извѣстное дѣло, коимъ оно болѣе всего занято, раздѣлено у меня на три части: на выѣздъ, изъясненіе и рѣшительную негоціацію. Первая часть совершается сегодня; приступъ сдѣланъ; какъ всѣ три къ концу приведу, то въ рай преселенъ буду, идеже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе. 7 января. Первую часть своего дѣла совершилъ я; былъ тамъ сегодня въ первый разъ, гдѣ обитаетъ мое благополучіе; коль быстро проходятъ тѣ минуты, въ которыя сердце непріятнѣйшими чувствіями восхищается". Ясно, что дѣло идетъ о любви и сватовствѣ. Если предположить, что предметомъ страсти Порошина была Шереметева, то объясненіе его могло почесться дерзостію по неравенству положенія, ибо странно думать, чтобъ такой человѣкъ, какъ Порошинъ позволилъ себѣ другого рода дерзость передъ

дамою. Любопытно, что Шереметева была послѣ невѣстою самого Панина Никиты Ив., но умерла.

147. Сочиненія Ломоносова, изд. Смирдина.—Билярскаго—матеріалы для біографіи Ломоносова.—Исторія И. Академіи Наукъ—Пекарскаго, т. II.—Моя статья: Писатели русской Исторіи XVIII в. въ изданіи Калачова: Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній.—Журналы и протоколы Сената 1757 года, ноября 14; 1761 года, іюня 5; 1762 года, января 29, февраля 25, іюля 8; 1765 года, января 14 и 28.

148. Матеріалы для біографіи Тредіаковскаго въ Запискахъ Акад. Наукъ IX.—Пекарскаго—Исторія Академіи Наукъ, т. II.—Моя статья: Писатели Русской Исторіи XVIII вѣка.

149. Моя статья: „Августъ Людвигъ Шлёцеръ" въ Русскомъ Вѣстникѣ 1856 года.

150. Журналы и протоколы Сената; Москов. Вѣдомости 1757 года, № 28.

151. Москов. Вѣдом. 1758 года.

152. Тамъ же, означ. годы.

153. Сочиненія Фонъ-Визина, по изд. Ефремова, стр. 533 и слѣд.

154. Журналы Сената 1759 года, 29 ноября.—Объ этихъ студентахъ говоритъ также Болотовъ въ своихъ запискахъ.

155. Тамъ же, 9 іюля.

156. Тамъ же, 1 февраля.

157. Тамъ же, 15 декабря.

158. Тамъ же, 27 ноября.

159. Москов. Вѣдом. 1757 г. № 96; 1760 г. № 4 и 23.

160. Сочинен. Державина VI, 415, 419.

161. Полн. Собр. Зак. № 12481.

162. Журналы Сената 13 марта 1760 года.

163. Инструкція въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ.

164. Журналы Сената 21 октября и 9 декабря.

165. Записки Порошина, стр. 490.

166. Тамъ же, стр. 435.

167. Журналы Сената 1761 года, января 30 и іюня 11; 1764 года, мая 13.

168. Русскій Архивъ, 1871, № XII.

169. Сборникъ Русск. Истор. Общ. VII, 392.—Журналы Сената 1765, 2 февраля.

170. Русскій Архивъ 1873 года, № 10.

171. Журналы Сената 1761 г., августа 20.

172. Сочиненія Фонъ-Визина, изд. Ефремова, стр. 367.

173. Записки Порошина, стр. 383.

174. Журналы Сената, 28 апрѣля 1758 года.
175. Истор. москов. универ., стр. 84.
176. Пол. Собр. Зак. № 10776.
177. Журналы Сената, 1763 года 3 марта.
178. Порошинъ, стр. 422 и слѣд.
179. С.-Петербург. Вѣдомости 1765 года, № 48.
180. Журналы Сената 1756 годъ, октября 3; 1757 г. декабря 31; 1761 г. мая 30, іюля 24, ноября 5; 1763 г. мая 15, октября 24; 1764 г. іюня 1.
181. Тамъ же, 1761 годъ, мая 7, 1762 годъ, мая 30.
182. Порошинъ, стр. 312.
183. Журналы Сената, 1764 годъ означенныя числа.
184. Пол. Собр. Зак. № 12502.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) Письмо Н. И. Панина по поводу Восточной украйны:

Всемилостивѣйшая государыня! Въ присланныхъ ко мнѣ отъ вашего императорскаго величества чрезъ князя Вяземскаго репортахъ въ сенатъ отъ генералъ-поручика Шпрингера я хотя не нахожу большой опасности въ настоящемъ положеніи, однакоже тѣмъ не меньше кажется нужно, чтобъ собравъ всѣ разновременныя и отъ разныхъ людей разнымъ же людямъ порученныя дѣла и предпріятія, единожды постановить той сторонѣ систему: причемъ оставаться на настоящее время, какіе виды имѣть къ будущему и чѣмъ послѣ чего до того достизать; инакоже тамошнія дѣла, будучи по своему отдаленію, паче всѣхъ другихъ не сручны, всегда будутъ и сами подвергаться и насъ здѣсь подвергать безпокойствамъ и замѣшательствамъ, особливо когда ихъ проэктеры въ сторонѣ, а исполнители по большей части во всемъ ожидаютъ и полагаются на здѣшнія резолюціи, которыя однакоже и не инако какъ по большей части нерѣшительными, всегда же поздними къ нимъ доходятъ. Въ разсужденіи сихъ консидерацій я принимаю смѣлость всеподданнѣйше представить не соизволитель ваше величество указать въ сегодняшное собраніе по тѣмъ дѣламъ призвать генерала поручика Веймарна какъ такова человѣка, которой былъ въ томъ краю при командѣ и многія тогдашнія несбыточныя затѣи по клочкамъ имѣлъ въ своихъ рукахъ и объ нихъ трактовалъ; почему онъ конечно въ состояніи подать собранію многія основательныя объясненія.

Собственноручное рѣшеніе императрицы: «Позовите Ваймарну и приведите все сіе дѣло въ такомъ положеніе какъ вамъ Богъ *луче на умъ положетъ*».

2) Собственноручная записка Н. Ив. Панина: *Экстрактъ моего письма къ генералу порудчику Веймарну.*

Вчерашняго числа ввечеру я получилъ обыкновенный штафетъ изъ Риги отъ 10 числа, ея императорское величество во всемилостивѣйшемъ ко мнѣ письмѣ приказывать съ цѣломудреннымъ разсужденіемъ изволитъ «дабы въ деспарадномъ и безразсудномъ предпріятіи узнать до фундамента сколь далеко дурачество распространялось, и тѣмъ, если, возможно, однимъ разомъ пресѣчь и избавить отъ несчастія впередъ невинныхъ простяковъ». Причемъ ея величество напоминаетъ и примѣчать изволитъ, что съ великаго поста болѣе двѣнадцати разъ по той же матеріи разное вранье открывалось; да и въ послѣднемъ мѣстѣ предъ ея отсутствіемъ одинъ гвардіи прапорщикъ выписанной нынѣ въ армейскіе полки (о которомъ я съ вашимъ превосходительствомъ уже говорилъ) также вралъ слышаное на кабакахъ отъ самой подлости, будтобъ пр. Иванъ жилъ тогда въ деревнѣ подъ Шлюсельбургомъ, а многіе армейскіе штабъофицеры и солдаты ему присягали и много людей изъ города къ нему туда на поклонъ ѣздятъ: И такъ изволеніе ея величества «чтобъ разсмотрѣть, не настоящіе ли злодѣи были причиною и тѣмъ разглашеніямъ» какъ о томъ почти и сумнѣваться не возможно. Почему ваше превосходительство соблаговолите, при своихъ распросахъ и нужныхъ иногда истязаніяхъ, доскиваться, когда, какъ, гдѣ и между кѣмъ какіе плевелы разсѣваемы были для пріуготовленія духовъ къ предпринимаемому отъ нихъ злодѣйству.

3) *Собственноручное письмо императрицы Екатерины II къ графу П. А. Румянцеву, отъ 9 іюля 1765 года.*

Графъ Петръ Александровичъ я остановила отсылку указа въ духовной коммиссіи о которомъ упомянуто въ 16 пунктѣ моего сегоднишняго письма къ вамъ, и желаю, чтобъ вы тамошныхъ нѣсколько называемыхъ пановъ склонили къ подачѣ челобитни въ которой бы они просили объ лучей у нихъ учрежденіи школъ и семинарій, и есть ли можно, о положеніи духовенства въ штатнаго состоянія, отъ духовныхъ или свѣтскихъ такой же челобитни имѣть, тобъ мы уже знали, какъ начинать. Мнѣ Николай Чичеринъ сказалъ, что митрополитъ кіевской самъ не прочь отъ сего учрежденія будетъ понеже онъ менѣе дохода съ де-

ревень имѣетъ нежели послѣдній великороссійской архіерей, а мы бъ ему преосвященному естьли бъ склонился о штатномъ положеніи просить, сдѣлали бъ весьма выгодныя для него кондиціи. Я все сіе поручаю вашей испытанной ревности и искуству, прошу ексқузовать меня, что я по сію пору не отвѣтствовала впредь прилежнѣе буду и остаюсь навсегда съ неотмѣнной повѣренности и доброжелательства.

(Москов. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.)

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ тому XXIII:

Показаніе графа Чернышева Захара: 1753 года, января 11, будучи въ компаніи съ г. полковникомъ Левонтьевымъ, скоро послѣ обѣда соглашались мы съ прочими, бывшими въ оной компаніи ѣхать въ гости, а Левонтьевъ не соглашаясь съ онымъ, привелъ меня ему сказать, что онъ мудреный человѣкъ и своенравный, что съ нимъ никогда ни въ чемъ согласиться нельзя, на что онъ въ отвѣтъ сказалъ, что я де Шотланецъ и слова своего не перемѣню, ужъ я вамъ сказалъ, чтобъ вы ко мнѣ ѣхали, такъ противъ и остаюсь; то я ему сказалъ, что ты не великая диковинка, а буде желаешь, чтобъ мы къ тебѣ ѣхали, то надлежитъ тебѣ просить, ибо тебѣ честь дѣлаютъ, кто пріѣзжаетъ, а не ты имъ, что ихъ у себя принимаешь, на что онъ мнѣ сказалъ—ты врешь и ну къ черту; то я ему сказалъ: увидимъ кто у насъ къ черту пойдетъ; и я вышелъ вонъ и помѣшкавъ немного въ другой горницѣ, увидѣлъ, что онъ съ великою прытостью изъ той горницы, гдѣ мы сидѣли, бѣжитъ, то я хотѣлъ въ другую горницу отойтить, но онъ сзади меня въ щеку ударилъ, то я для опасенія своего обнаживъ шпагу, оборотился на него и увидѣлъ и у него въ рукахъ обнаженную шпагу, и въ самое то время онъ меня ею по головѣ ударилъ, отъ чего и теперь на оной рана есть, я же въ дѣйствительную оборону свою покололь его въ бокъ, но онъ, бросия свою шпагу изъ рукъ, кинулся на меня и съ ногъ сшибъ, и какъ услышали оное въ другой горницѣ, то г. полковникъ Панинъ прибѣжавъ, его съ меня снялъ.—Леонтьевъ показалъ: какъ онъ Чернышову

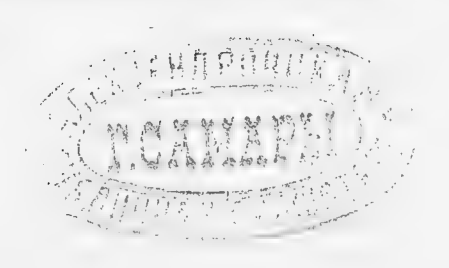
сказалъ врешь, то Чернышовъ сказалъ ступай, и самъ вышелъ, Левонтьевъ за нимъ сунулся, но держалъ его князь Василій Долгорукій и не пускалъ минутъ съ семь, однакожъ онъ вырвался, Чернышовъ уже стоитъ съ обнаженною шпагою и пошелъ на него и покололъ; онъ выхватя, своею Чернышова въ голову порубилъ, который упалъ, онъ сѣлъ ему на груди и тутъ его сволокли. (Изъ Государ. Архива.)

Къ тому XXIV:

Въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1761 года, въ № 97 (4 декабря) напечатано слѣдующее заявленіе: Коллежскій совѣтникъ Андрей Володиміровъ сынъ Удаловъ изъ покупнаго его Нижегородскаго уѣзда села Фроловскаго изъ деревень бѣжавшимъ дворовымъ людямъ и крестьянамъ отъ какихъ-либо несносныхъ непорядковъ, а гдѣ нынѣ они живутъ неизвѣстно, чрезъ сіе даетъ знать свое намѣреніе въ пользу ихъ и свою, чтобъ они возвращались на прежнее свое жилище, или бъ здѣсь являлись у него въ С.-Петербургѣ; онъ будетъ принимать ихъ со всякимъ къ нимъ вспомоществованіемъ такъ какъ ихъ помѣщикъ, и содержаны будутъ впредь въ добромъ порядкѣ безъ отягощенія, и тѣмъ были бъ неизмѣнно увѣрены.

Къ тому XXV:

Примѣч. 201. Въ шведскихъ дѣлахъ 1768 года есть переводъ записки шведскаго посланника въ Петербургѣ Дюбена, гдѣ сказано: «Генералы—графъ Захаръ Чернышовъ, Румянцевъ и Панинъ за великую обиду себѣ ставили, что главная команда надъ назначеннымъ въ Польшу корпусомъ поручена была младшему генералу князю Волконскому, почему Чернышовъ просился въ отставку, и какъ тотчасъ онъ въ томъ удовольствованъ и о такой его отставкѣ обнародовано было весьма унизительнымъ для него указомъ, то онъ въ немалой заботѣ находился и всевозможнымъ образомъ старался опять въ службу принятымъ быть, что наконецъ, хотя и не безъ великихъ затрудненій, графы Орловы ему исходатайствовали.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Стр.	Напечатано:	Должно читать:
29	12	землю	землею
—	21	бѣжитъ	бѣжало
44	1	столь,	столь
49	36	приказныхъ	приносныхъ
58	16	ее чтобъ	а чтобъ
78	27	отдѣльныхъ	отдаленныхъ
80	2	фундаментально	фундаментальные
84	3	раздражащее	раздражающее
97	35	дастъ	даетъ
99	24	замѣтки	затѣи
134	17	это коллегія	эта коллегія
138	34	о лицахъ	о лѣсахъ
—	37	адмиралтей коллегіи	адмиралтейсъ-коллегіи
155	21	Купенкѣ	Купенки
159	36	освобождалъ	освобождало
212	22	построеннаго	построенному
215	29	тѣмъ не яснѣе	тѣмъ не менѣе
240	29	таково	такова
261	1	разсужденіе	Разсужденію
276	26	и не чужихъ	и на чужихъ
304	19	науки стали	наука стала
308	34	о цензурѣ	о цезурѣ
326	33	построена	построенъ
329	14	недоучеными	недоученыя
335	37	приложеніе	прилежаніе
338	37	вниманія	вниманіе

